#1 *NEW YORK TIMES* BESTSELLER

РОБЕРТ ДЖОРДАН

НОВАЯ ВЕСНА

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Новая весна
Роберт Джордан

Аннотация
Роберт Джордан. Колесо Времени: Новая весна
Глава 1. Крюк
Глава 2. Исполнившееся желание
Глава 3. Практика
Глава 4. Отъезд из Башни
Глава 5. Человеческое сердце
Глава 6. Неожиданности
Глава 7. Зуд
Глава 8. Клочья спокойствия
Глава 9. Начинается
Глава 10. Испытание заканчивается
Глава 11. Перед рассветом
Глава 12. Дома
Глава 13. Дела в городе
Глава 14. Перемены
Глава 15. В Канлуум
Глава 16. Пропасти
Глава 17. Приезд
Глава 18. Узкий переулок
Глава 19. Вода из пруда
Глава 20. Завтрак в Манале

Глава 21. Трюки с Силой
Глава 22. Блюсти обычай
Глава 23. «Вечерняя звезда»
Глава 24. Как стать невидимой
Глава 25. Ответ
Глава 26. Когда нельзя сдаваться
Эпилог
Вклейка

Аннотация

Разгар Айильской войны. Айильцы впервые за многие годы пересекли Хребет Мира, отделяющий их родину от остальных стран континента. Цель вторжения – покарать короля Кайриэна за святотатство. У стен Тар Валона, оплота могущественных Айз Седай, разыгрывается кровавая битва.

Одна из Айз Седай, обладающая способностью Предсказания, сообщает о рождении на склонах Драконовой горы младенца, которому суждено стать Драконом Возрожденным, будущим сокрушителем власти Темного. Эта новость пока известна только Престолу Амерлин и двум девушкам, Морейн и Суан, свидетельницам откровения предсказательницы. Теперь их задача – во что бы то ни стало найти младенца, пока силы Темного не сделали это раньше…

Роман предваряет знаменитую эпопею «Колесо Времени», описывая события, произошедшие за двадцать лет до начала тех, о которых повествуют основные романы цикла.

Роберт Джордан
Колесо Времени: Новая весна

Харриет – отныне и навеки

Колесо Времени
Мертвое море
Океан Арит
Море Заката
Шелом Ка
Ущелье Ветров
Путь Ветра
Мглистые горы
Мглистый Хребет
Мглистый Перевал
Мглистый Проход
Мглистый Путь
Мглистый Край
Мглистый Край
Мглистый Край

Глава 1
Крюк

Порыв холодного ветра промчался через ночь по покрытым снегом просторам, где последние три дня люди убивали друг друга. Ветер был свежим, хотя и не настолько ледяным, как ожидал Лан в это время года. Но все-таки холод от стальной кирасы проникал под куртку, а пар от дыхания собирался перед лицом облачками тумана, которые хлесткие порывы тотчас уносили прочь. Черное небо только начинало светлеть, и тысячи звезд, разбросанных по небу подобно густой алмазной пыли, понемногу тускнели. Толстый ломоть луны висел низко, в его сиянии едва можно было различить силуэты людей, охраняющих погруженный во мрак лагерь, что прятался в небольшой рощице среди дубов и болотных миртов. Костры тотчас же выдали бы лагерь айильцам. Лан уже сражался с Айил прежде, задолго до начала этой войны, еще в пограничье Шайнара, отдавая долг друзьям. Айил и при свете дня внушали страх. Встретиться с ними ночью — все равно что поставить на кон свою жизнь,

играя в «орлянку». Разумеется, иногда они могут обнаружить тебя и без всяких костров.

Положив ладонь в латной перчатке на рукоять меча и плотнее закутавшись в плащ, Лан продолжил обход постов, по щиколотку увязая в снегу. Этот меч был древним, его создали с помощью Единой Силы еще до Разлома Мира, во времена Войны Тени, когда Темный на какое-то время прикоснулся к мирозданию. Лишь легенды остались от той эпохи, не считая, возможно, того, что было известно только Айз Седай. Однако этот клинок был реальностью. Его невозможно было сломать и никогда не требовалось затачивать. Рукоять на протяжении долгих веков заменяли бесчисленное количество раз, но металл клинка даже не потускнел. Когда-то этот меч принадлежал королям малкири.

Следующий часовой — коренастый парень в длинном темном плаще — стоял прислонившись спиной к стволу развесистого дуба, опустив голову на грудь. Лан тронул его за плечо. Часовой резко выпрямился, чуть не выронив кавалерийский лук, который сжимал рукой в перчатке. Капюшон его плаща скользнул было назад, на мгновение открыв взору конический стальной шлем, но воин торопливо водворил непослуш-

ную ткань на место. В бледном свете луны Лан не сумел разглядеть его лицо, скрытое вертикальной решеткой забрала. Но оно было ему знакомо. Шлем самого Лана был открытым, как и все те, что когда-то делали в погибшей стране Малкир. Единственным украшением был стальной полумесяц надо лбом.

— Я вовсе не спал, милорд, — поспешил оправдаться часовой. — Просто решил минутку передохнуть.

Меднокожий доманиец, судя по всему, пребывал в смятении. И не зря. Это не первая его битва и даже не первая война.

— Айилец разбудил бы тебя, Басрам, перерезав глотку или пронзив сердце копьем, — тихо произнес Лан. Люди скорее прислушаются к спокойному тону, нежели к громким крикам. Особенно если в этом спокойствии слышится уверенность и твердость. — Возможно, тебе лучше отойти подальше от этого соблазнительного дерева.

Он не стал добавлять, что даже если Айил не нападут, то часовой рискует отморозить себе что-нибудь, простояв на одном месте слишком долго. Басрам и сам был осведомлен не хуже. В Арад Домане зимы случаются не менее холодные,

чем в Пограничных землях.

Бормоча извинения, доманиец почтительно притронулся к шлему и отошел на три шага от дерева. Теперь он держался прямо и старательно вглядывался в темноту. Вдобавок, чтобы не отморозить конечности, он принялся переступать с ноги на ногу. По слухам, ближе к реке расположились Айз Седай, которые владели даром Исцеления: раны и усталость исчезали, словно их никогда не бывало; ведь в ином случае, если начнется гангрена, лишь своевременная частичная ампутация может предотвратить потерю ступни, а то и всей ноги. В любом случае с Айз Седай лучше вообще не связываться, только если это действительно необходимо. Лишь годы спустя можно обнаружить, что одна из них посадила тебя на крючок — просто на случай, если ей когда-нибудь понадобится потянуть за определенную ниточку. Айз Седай загадывают далеко вперед и, по-видимому, редко заботятся о том, кого они используют в своих планах и как. Это одна из причин, по которым Лан избегал их.

Надолго ли хватит бдительности Басрама? Лану очень хотелось знать ответ, но устраивать выговор доманийцу сейчас нет смысла. Все они смертельно устали. Едва ли не каждый солдат

в армии, возвышенно именовавшей себя Большой коалицией — иногда ее называли Великой коалицией или Величайшим альянсом и еще полудюжиной разных имен, порой не особенно лестных, — едва ли не каждый солдат находился на грани истощения. Сражения — тяжелый труд, и не важно, в снегу приходится биться или на голой земле, они предельно утомительны. Мускулы скручивались в узлы от напряжения, даже когда выпадал шанс немного передохнуть; а за последние дни у них практически не было возможности остановиться хотя бы ненадолго и перевести дух.

В лагере находилось более трех сотен человек; и все время почти четверть из них несла караул — против Айил Лан хотел выставить столько дозорных, сколько это возможно. И не успел он пройти двухсот шагов, как ему пришлось разбудить еще троих часовых. Причем один из них вообще спал стоя, ни на что не опираясь. Голова Джайма была поднята, глаза открыты. Некоторым солдатам удавалось выучиться этому фокусу, особенно таким старым солдатам, как Джайм. Оборвав протесты седобородого вояки, доказывавшего, что не мог он спать стоя, Лан пообещал, что даст знать его друзьям, если еще

раз застанет его уснувшим на посту.

Джайм постоял немного с раскрытым ртом, потом тяжело сглотнул:

— Больше не повторится, милорд. Испепели Свет мою душу, если повторится!

Сказанное прозвучало действительно искренне. Любой другой мог бы опасаться, что друзья исколошматят его до бесчувствия за то, что он подверг всех опасности, но, учитывая, с кем приятельствовал Джайм, матерый воин, скорее, страшился того, что его поднимут на смех за то, что попался.

Шагая дальше, Лан поймал себя на том, что ухмыляется. Смеялся он редко, да и глупо смеяться над такими вещами. Но все же лучше, чем дергаться из-за того, что все равно не в силах изменить. Например, из-за того, что уставшие солдаты дремлют на посту. С тем же успехом можно переживать из-за близости смерти. Если что-то невозможно изменить, с этим необходимо смириться.

Внезапно Лан резко остановился и громко спросил:

— Букама, зачем ты крадешься за мной? Ты ходишь следом с тех пор, как я проснулся.

За спиной Лана послышалось удивленное

хмыканье. Несомненно, Букама полагал, что двигается бесшумно, и, говоря по правде, лишь очень немногие услышали бы тихое похрустывание снега под его сапогами, однако уж он-то должен был знать, что Лан услышит. В конце концов, Букама сам был одним из наставников Лана, и одним из первых его уроков было — везде и всегда отдавать себе отчет в том, что происходит вокруг. Даже во сне. Для мальчика — урок не из легких, но лишь мертвому дозволена беспечность. В Запустении, по ту сторону Пограничных земель, беспечные очень быстро становились мертвыми.

— Я прикрывал тебя со спины, — ворчливо объяснил Букама, догоняя Лана. — Какой-нибудь айильский приспешник Темного, спрятав лицо за черной вуалью, мог бы подкрасться к тебе сзади и перерезать глотку, вопреки всем твоим предосторожностям. Ты что, забыл все, чему я тебя учил?

Широколицый и крепко сбитый Букама ростом почти не уступал Лану, а тот был выше большинства людей. Букама носил малкирский шлем без гребня, хотя имел на него право. Он больше уделял внимания своим обязанностям, чем правам, что было очень похвально, но иногда Лану

хотелось, чтобы он относился к своим правам несколько менее категорично.

Когда страна Малкир исчезла с лица земли, двадцать человек получили задание вывезти маленького Лана Мандрагорана в безопасное место. Лишь пятеро остались в живых после этого путешествия. И именно эти пятеро воспитывали и обучали мальчика с колыбели. Букама был последним из тех пятерых. Его волосы, доходившие до плеч, как предписывала традиция, теперь совсем поседели, но спина оставалась прямой, рука — твердой, а голубые глаза — ясными и зоркими. Букама был воплощением традиций. Тонкий плетеный кожаный ремешок перехватывал поседевшие пряди. За многие годы он оставил глубокий след на лбу воина. Лишь немногие из малкири до сих пор носили *хадори*. Лан — носил. Когда он умрет, хадори все так же будет удерживать его волосы, и даже в могиле на нем будет хадори — и больше ничего. Если, конечно, там, где он погибнет, найдется тот, кто сможет похоронить его. Лан с тоской посмотрел на север, в сторону своего далекого дома. Большинство людей сочли бы странным, что он называет домом такое место, но с тех самых пор, как Лан оказался в южной части континента, он чувствовал, что

его неодолимо тянет обратно.

— Я усвоил достаточно, чтобы узнать твои шаги, — ответил Лан.

В слабом свете он не мог разглядеть обветренное лицо Букамы, но Лан не сомневался, что на нем застыло жесткое выражение. Лан не мог представить его другим, даже когда его друг и учитель хвалил его. Букама — сталь, облеченная в плоть. Сталь — его воля, долг — его душа.

— Ты до сих пор считаешь, что Айил присягнули Темному?

Букама сотворил знак, призванный отвратить злые силы, словно Лан произнес настоящее имя Темного. Шайи'тан. Они оба не раз видели, как беда настигала тех, кто произносил это имя вслух, но Букама, подобно многим другим, верил, что даже мысль о нем может привлечь внимание Темного. «Темный и все Отрекшиеся заключены в Шайол Гул, — мысленно повторил Лан строки древнего писания, — они заключены туда Создателем в момент творения. Да обретем мы надежное прибежище под Светом, в руке Создателя!» Он не верил в то, что одной мысли достаточно. Но когда имеешь дело с Тенью, лучше лишний раз поостеречься, чем расхлебывать потом.

— Если это не так, тогда почему мы здесь? — кисло поинтересовался Букама.

Лан удивился. Букама любил поворчать, но его брюзжание всегда касалось лишь всяких мелочей или прогнозов на будущее. Его недовольство никогда не относилось к текущему положению дел.

— Я дал слово остаться до конца, — тихо ответил Лан.

Букама потер кончик носа. На сей раз он хмыкнул несколько смущенно. Трудно было сказать наверняка. Еще один из его уроков: слово мужчины должно быть столь же твердо, сколь клятва, данная под Светом, иначе оно ничего не стоит.

Айил действительно можно было счесть ордой приспешников Темного, когда они неожиданно хлынули в долины с громадного горного кряжа, именуемого Хребтом Мира. Они сожгли великий город Кайриэн, опустошили страну Кайриэн и за два последующих года проложили себе путь через Тир. А потом и через Андор. В конце концов они оказались на этих залитых кровью полях под стенами Тар Валона, огромного города, расположенного на острове посреди реки Эринин. За все годы, прошедшие с тех пор, как на обломках империи Артура Ястребиное Крыло возникли нынешние государства, Айил ни разу не поки-

дали своей Пустыни. Возможно, раньше они и предпринимали подобные вторжения, но никто не мог сказать наверняка, кроме разве что Айз Седай из Тар Валона, но те, по обыкновению женщин Белой Башни, предпочитали молчать. Айз Седай держат при себе то, что знают, и выдают по каплям лишь тогда, когда захотят и если захотят. Однако в мире за стенами Тар Валона многие поговаривали, что происходящие события вполне закономерны. Между Разломом Мира и Троллоковыми войнами минула тысяча лет, — по крайней мере, так считали большинство историков. Во времена Троллоковых войн погибли существовавшие тогда государства, и никто не сомневался, что эти войны направляла рука Темного, хотя он и пребывал в заточении. В этом не было сомнений, так же как и в том, что именно он стоял за Войной Тени, Разломом Мира и концом Эпохи легенд. Спустя тысячу лет после Троллоковых войн Артур Ястребиное Крыло создал империю — и она тоже погибла, вслед за смертью его самого. Ее уничтожила Столетняя война. Некоторые историки утверждали, что видят руку Темного и в этой войне. И вот теперь, почти через тысячу лет после гибели империи Артура Ястребиное Крыло, явились Айил — сжигая и убивая все на своем

пути. Тут *должен* крыться свой особый узор. Несомненно, их направлял сам Темный. Лан никогда не пришел бы на юг, если бы не поверил в это. Сейчас он уже больше не верил. Но он дал слово.

Ноги Лана в сапогах с отворотами совсем заледенели. Как бы ни был он привычен к холоду, если слишком долго стоять в снегу на одном месте, мороз вгрызался в ступни.

— Пойдем, — произнес Лан. — Не сомневаюсь, что мне придется разбудить еще дюжину часовых, если не две.

И после этого еще раз пройти по кругу, чтобы разбудить тех, кто заснул снова.

Но едва они успели сделать хотя бы шаг, какой-то звук заставил их настороженно остановиться: хруст снега под копытами коня. Рука Лана скользнула к рукояти меча. Он почти бессознательно ослабил клинок в ножнах. Судя по едва слышному скрипу стали о кожу, Букама поступил точно так же. Они не боялись нападения: Айил ездили верхом только при крайней необходимости и даже в таком случае садились в седло неохотно. Одинокий всадник, появившийся в такое время, — несомненно, вестник. А гонцы в эти дни редко являлись с добрыми вестями. Особенно по ночам.

Конь и всадник выступили из темноты, следуя за высоким мужчиной, который шел пешком. Судя по кавалерийскому луку, что он нес на плече, — одним из часовых. Изящный изгиб шеи скакуна свидетельствовал о благородных тайренских кровях животного, и сам всадник, несомненно, тоже был родом из Тира. Для начала, ночной ветер разносил по округе благоухание роз, которое распространяла блестящая от ароматических масел остроконечная бородка наездника. Лишь тайренец мог быть настолько глуп, чтобы умащать себя благовониями, будто бы уповая на то, что айильцев природа обделила обонянием. Кроме того, никто другой не носит шлемов с высоким гребнем и щитком, который сейчас скрывал в тени узкое лицо всадника. Если судить по короткому белому перу на шлеме, это — офицер. Весьма странный выбор на роль посланника, даже если он — самый младший по званию. Ссутулившись в седле с высокими луками, тайренец изо всех сил старался поплотнее закутаться в темный плащ. По-видимому, он дрожал от холода. Тир лежал далеко к югу отсюда. На тирском побережье едва ли хоть раз появлялась снежинка. Лан, несмотря на множество прочитанных книг, никак не мог поверить в это до тех

пор, пока не убедился лично.

— Вот он, милорд, — хриплым голосом сказал часовой. Раким, седобородый салдэйец.

Голос этот вместе с рваным шрамом, которым он, кстати, выпив лишку, любил похвастаться, достался ему с год назад от айильской стрелы, пущенной в глотку. Раким считал, что ему крупно повезло, раз он остался в живых, да так оно и было. К несчастью, он полагал, что, обманув смерть один раз, сможет обманывать ее и дальше. Он шел на ненужный риск и даже на трезвую голову любил похваляться своей удачей, что, конечно, весьма глупо. Не стоит искушать судьбу.

— Лорд Мандрагоран?

Всадник натянул поводья, останавливая коня перед Ланом и Букамой.

Не спешиваясь, он недоверчиво рассматривал их, вероятно удивляясь, что их доспехи лишены украшений, а куртки и плащи сшиты из простого сукна и уже заметно поношены. Немного вышивки, конечно, неплохая вещь, но некоторые южане зачастую так увлекаются ею, что в результате одежда скорее напоминает гобелен. Не приходится сомневаться, что под плащом у тайренца скрывается позолоченная кираса и атласная куртка цветов, подобающих его Дому.

На его высоких сапогах наверняка красуется шитый орнамент, который в лунном свете блестит серебром. Как бы то ни было, едва позволив себе перевести дыхание, всадник продолжил:

— Испепели Свет мою душу! Я был уверен, что вы находитесь ближе всех, но уже начал думать, что никогда не найду вас! Лорд Эмарес с шестью сотнями своих дружинников преследует пятьсот-шестьсот айильцев. — Он покачал головой. — Странное дело, но они движутся к востоку. Прочь от реки. Снег замедляет их продвижение. Как, впрочем, и наше. Лорд Эмарес полагает, что если вы, подобно наковальне, встанете на хребте, который здесь называют Крюк, то его люди получат возможность нанести удар, словно молот, по врагу сзади. Лорд Эмарес считает, что они вряд ли успеют добраться туда до рассвета.

Лан поджал губы. У некоторых южан весьма странные представления о вежливости. Не спешился, прежде чем заговорить, не назвал имени. Будучи гостем, он должен был представиться первым. Теперь если сам Лан будет следовать этикету, то репутация гордеца ему обеспечена. Этот парень даже не передал приветствий и пожеланий здоровья от своего лорда! К тому же этот гонец, судя по всему, полагал, что они не знают,

что к востоку, — это значит прочь от реки Эринин. Вполне возможно, это просто небрежность речи, но все остальное было просто грубостью. Букама не шевельнулся, но Лан все же предупредительно коснулся ладонью его правой руки. Старый друг иногда бывал обидчив.

Крюк находился в доброй лиге от лагеря, а ночь уже была на исходе. Однако Лан кивнул:

— Передайте лорду Эмаресу, что я буду там вместе с зарей. — Имя лорда Эмареса ему ничего не говорило, но армия была настолько велика — около двухсот тысяч человек более чем из дюжины стран плюс гвардия Башни из Тар Валона и даже отряд Детей Света, — что едва ли было возможно запомнить больше горстки имен. — Букама, поднимай людей.

Букама сердито что-то прорычал и, сделав Ракиму знак следовать за ним, зашагал к лагерю, выкрикивая на ходу:

— Подъем! Седлайте коней! Мы выступаем! Подъем!

— Медлить не стоит, — посоветовал безымянный тайренец. В его голосе проскользнули повелительные нотки. — Лорд Эмарес будет очень сожалеть, если, схватившись с айильцами, обнаружит, что наковальни нет на месте.

Очевидно, подразумевалось, что если этот Эмарес будет сожалеть, то сожалеть настанет черед Лана.

Лан мысленно представил себе язычок пламени и методично скормил ему все эмоции, не только гнев, но и все остальные, все до последней крупицы, пока не ощутил вокруг себя пустоту. После многолетней практики для достижения *ко'ди*, единения, потребовалось совсем немного времени — лишь один удар сердца. Мысли и даже собственное тело теперь казались чем-то далеким. Лан стал един с землей у себя под ногами, един с окружающей ночной темнотой, един с мечом, который он не поднимет на этого глупого невежду.

— Я сказал, что буду там, — ровным голосом произнес Лан. — Я привык исполнять то, что обещаю.

Желание узнать имя тайренца окончательно улетучилось.

Тот, так и не удосужившись покинуть седло, коротко кивнул, развернул коня и, пришпорив, пустил быстрой рысью.

Лан удерживал ко'ди еще несколько мгновений, чтобы удостовериться, что эмоции находятся под строгим контролем. Вступать в битву в гневе

более чем неразумно. Гнев затуманивает зрение и толкает на глупые поступки. Как этот тайренец ухитрился до сих пор остаться в живых? В Пограничных землях он нарывался бы на дюжину дуэлей в день. Лан — еще раз убедившись, что абсолютно спокоен, почти столь же холоден, как если бы пребывал в единении, — повернулся к лагерю. Вызвав образ скрытого тенью лица тайренца, он не почувствовал гнева. Хорошо.

Когда Лан добрался до центра раскинувшегося среди деревьев лагеря, все вокруг уже было охвачено деловитой суетой и напоминало разворошенный муравейник. Для опытного взгляда суматоха была вполне упорядоченной и практически бесшумной; ни одно движение, ни один едва слышный звук не были лишними. Палаток, которые пришлось бы сворачивать, не было — ведь когда дело доходит до сражения, вьючные лошади становятся помехой. Некоторые воины уже были верхом, нагрудники застегнуты, шлемы надеты, в руках — кавалерийские копья с добрым футом стали на конце. Остальные поспешно подтягивали подпруги или прилаживали к седлам короткие луки в кожаных чехлах и колчаны, полные стрел. Медлительные погибли в первый же год войны с Айил. Большинство

из оставшихся в живых были салдэйцами или кандорцами, прочие — доманийцами. Кое-кто из малкири тоже отправился на юг, но Лан не стал их вождем. Даже здесь Букама сопровождает его, но не следует за ним.

Навстречу вышел Букама, сжимавший в руке копье. Он держал под уздцы своего светло-чалого скакуна по кличке Солнечный Луч. Следом появился безусый юноша по имени Каниэдрин, который с опаской вел Дикого Кота, принадлежавшего Лану. Гнедой жеребец был выдрессирован лишь наполовину, однако Каниэдрину настоятельно посоветовали вести себя с ним осторожно. Даже наполовину обученный боевой конь — страшное оружие. Разумеется, кандорец был не настолько наивен, как можно было бы предположить, глядя на его юное лицо. Это умелый и бывалый солдат, искусный лучник. Убивал он весело, часто смеялся посреди сражения. Он улыбался и сейчас, предвкушая грядущую схватку. Дикий Кот тоже нетерпеливо тряс гривой.

Не полагаясь на опытность Каниэдрина, Лан еще раз лично проверил подпруги и только потом принял поводья. Плохо затянутая подпруга может убить не хуже копья.

— Я рассказал ребятам, что нам предстоит сего-

дня утром, — сообщил Букама, когда Каниэдрин отправился за собственным конем, — но с этими айильцами наковальня запросто превратится в подушечку для булавок, если молот не подоспеет вовремя.

Он никогда не ворчал в присутствии других — только наедине с Ланом.

— И молот может стать подушечкой для булавок, если он ударит, а наковальни не будет на месте, — возразил Лан, взлетая в седло. Небо уже начало заметно светлеть. Оно было еще темно-серым, но на нем оставалась лишь горстка самых ярких звезд, разбросанных тут и там. — Придется поспешить, чтобы успеть к Крюку с рассветом. По коням! — громко скомандовал он.

Нужно было торопиться. Полмили они проскакали легким галопом, затем рысью, потом повели животных под уздцы быстрым шагом, чтобы после вновь сесть в седла и пустить галопом. Это в сказаниях люди гонят галопом по десять-двадцать миль, но, даже если бы не было снега, проскакать галопом четыре или пять миль — значит обезножить половину лошадей и запалить остальных задолго до того, как отряд добрался бы до Крюка. Тишину угасающей ночи нарушали лишь хруст копыт и сапог по насту,

скрип кожаных седел да иногда сдавленные ругательства тех, кто споткнулся о скрытый под снегом камень. Никто не расходовал дыхание на жалобы или разговоры. Для всех, и людей и коней, это было привычным делом, и они быстро втянулись в ритм, покрывая милю за милей.

Местность вокруг Тар Валона большей частью представляла собой холмистую равнину, усеянную далеко отстоящими друг от друга рощами и перелесками; лишь немногие из них были велики, но все таили в себе темноту. Проводя своих людей мимо, Лан одинаково настороженно рассматривал и большие, и маленькие скопления деревьев, стараясь держаться от них подальше. Айил славились умением использовать любое прикрытие, какое только могли найти, — даже в таких местах, где, как поклялся бы почти любой, не спрятаться и собаке, они устраивали хитроумные засады. Но насколько мог судить Лан, вокруг не наблюдалось никаких подозрительных шевелений, как будто, кроме его отряда, в мире не осталось ни одной живой души. Не считая приглушенного шума, что производили люди и кони, слух Лана улавливал лишь один звук — уханье совы.

Серое небо на востоке уже значительно по-

светлело, когда они увидели перед собой низкий хребет, называемый Крюком. Не больше мили в длину, голый гребень поднимался над окрестными землями лишь на каких-то сорок футов, но при обороне любая возвышенность давала некоторое преимущество. Хребет был так назван из-за того, что его северная оконечность сильно загибалась в сторону юга. Это стало особенно заметно, когда Лан принялся выстраивать своих воинов длинной цепочкой вдоль гребня. Стало ощутимо светлее. На западе, как показалось Лану, он различил бледную громаду Белой Башни, возвышавшуюся посреди Тар Валона лигах в трех от них.

Башня была самым высоким сооружением в известном мире, однако и она казалась карликом на фоне одинокой горы, что высилась над равниной позади города, на другом берегу реки. Даже в самом скудном свете разница была впечатляющей. Глубокой ночью силуэт огромной горы заслонял звезды. Драконова гора была бы гигантом даже посредине Хребта Мира, но здесь, на равнине, она была чудовищем, пронзающим вершиной облака в своем стремлении вверх. Над обломанной вершиной Драконовой горы, вздымавшейся над облаками намного выше, чем

большинство гор над землей, постоянно курился дымок. Символ надежды и отчаяния. Гора пророчества. Глядя на нее, Букама вновь сотворил знак, оберегающий от злых сил. Никто не хотел, чтобы это пророчество сбылось. Но рано или поздно ему все же суждено сбыться.

От гребня шел пологий откос, уводящий к западу более чем на милю и упиравшийся в одну из наиболее обширных рощ шириной с пол-лиги. Три утоптанные тропы пересекали снежное пространство между гребнем и рощей: здесь прошло множество конных и пеших. С такого расстояния нельзя было судить, кто проложил их, айильцы или солдаты так называемой Коалиции. Можно было сказать только, что тропы появились после снегопада — не раньше двух дней назад.

На Айил не было даже намека, но, если они не свернули в сторону — а такую возможность исключать нельзя, — они могли появиться из-за деревьев в любой момент. Не ожидая приказа Лана, солдаты воткнули копья в заснеженную землю так, чтобы при необходимости их можно было легко выдернуть. Расчехлив луки и вытащив стрелы из колчанов, они наложили их на тетиву, но пока не стали ее натягивать. Лишь новички думают, что можно долго держать лук

в натянутом состоянии. У Лана лука не было. Его обязанность — руководить сражением, а не выбирать мишени. Лук считался наиболее предпочтительным оружием против Айил, хотя многие южане относились к нему с презрением. Эмарес и его тайренцы, конечно, врубились бы прямо в гущу Айил, потрясая копьями и мечами. Разумеется, порой другого выхода не было, но глупо без нужды терять людей, а то, что в ближнем бою с Айил терять людей приходится, так же не поддается сомнению, как и то, что персики — яд.

Лан не боялся, что Айил, завидев их, свернут в сторону. Что бы о них ни говорили, они вовсе не безрассудны. Они вполне могут отказаться от сражения, если риск слишком велик. Но в данном случае речи о численном перевесе противника не было: против шестисот Айил выставлено менее четырех сотен воинов, пусть даже занявших более высокую позицию. Они бросятся в атаку и будут встречены ливнем стрел. Хороший кавалерийский лук, сработанный с использованием рога и сухожилий, убивает человека с трехсот шагов и ранит с четырехсот, если стреляющий достаточно искусен. Айильцы вынуждены будут как можно скорее преодолеть этот колючий коридор. К несчастью, Айил тоже вооружены луками,

почти столь же опасными, как и кавалерийские луки. Хуже всего будет, если Айил решат остановиться и ответят врагу тем же. В таком случае обе стороны потеряют немало людей, как бы быстро ни подошел Эмарес. Наилучший вариант — если Айил решат сблизиться: бегущий человек не может стрелять прицельно. В любом случае лучше бы Эмаресу не задерживаться. После Айил могут предпринять обход флангов. Особенно если будут знать, что их преследуют. Это все равно что распотрошить осиное гнездо. Но в любом случае, когда сзади по айильцам ударит Эмарес, Лан соберет отряд в кулак и атакует.

В сущности, такова тактика молота и наковальни. Один отряд удерживает Айил на месте, в то время как другой бьет по ним, а затем оба смыкаются. Тактика простая, но эффективная; большинство эффективных тактик просты. Даже кайриэнцы, у которых мозгов не больше, чем у поросенка, и те научились ее использовать. А немало алтарцев и мурандийцев погибли из-за того, что отказались учиться.

Серое небо продолжало светлеть. Вскоре из-за горизонта за спиной солдат выглянет солнце, обрисовывая их силуэты на гребне. Порыв ветра распахнул плащ Лана, но он вновь погрузился в

ко’ди, игнорируя холод. Он мог слышать дыхание Букамы и других людей рядом с собой. Дальше стоящие в цепи лошади нетерпеливо рыли копытами снег. Над равниной пронесся ястреб, собираясь начать охоту на опушке лесной чащи.

Внезапно ястреб круто свернул в сторону: из-за деревьев показалась колонна Айил. Они двигались быстрой трусцой, по двадцать человек в ряду, и снег, казалось, не очень-то им мешал. Высоко поднимая колени, айильцы бежали с той же быстротой, что и большинство людей по твердой земле. Лан вытащил зрительную трубу из притороченного к седлу кожаного чехла. Окованная медью зрительная труба была хорошим прибором кайриэнской работы, и, когда он поднес ее к глазам, айильцы, находившиеся еще на расстоянии мили, словно бы прыгнули вплотную к нему. Рослые люди, некоторые не ниже самого Лана, а некоторые даже и выше. На них были куртки и штаны буровато-серых тонов, четко выделявшиеся на снегу. Головы обмотаны тканью, темные вуали закрывают лицо до самых глаз. Среди айильцев вполне могут оказаться и женщины — айильские женщины порой сражались бок о бок с мужчинами, но большинство, по-видимому, все же принадлежали к мужскому полу. Каждый из

них в одной руке держал короткое копье, в другой — небольшой круглый щит, обтянутый бычьей шкурой, и несколько запасных копий. Луки в чехлах были закинуты за спину. Копья в руках Айил — оружие смертоносное. И луки тоже.

Нужно быть слепыми, чтобы не заметить поджидающих на горе всадников, но тем не менее айильцы продолжали бежать, даже не сбавляя шага. Их колонна толстой змеей скользила к хребту из лесной чащи. Далеко на западе раздался звук трубы, казавшийся на таком расстоянии тонким. За ним еще один, — судя по всему, трубили где-то около реки или даже на том берегу. Айил все прибывали и прибывали. Третья труба прозвучала где-то далеко-далеко; за ней — четвертая, пятая, еще и еще. Некоторые из Айил оглянулись. Их внимание привлекли трубы? Или они знают, что Эмарес преследует их?

Поток айильцев продолжал изливаться из-за деревьев. Либо кто-то сильно обсчитался, либо к той первой группе успели присоединиться новые отряды. Уже более тысячи айильцев показалось из чащи, а поток все не иссякал. Пятнадцать сотен, и это еще не предел. Лан спрятал зрительную трубу обратно в чехол.

— Обнимем смерть, — пробормотал Букама.

В его голосе звенела холодная сталь. Лан слышал, как другие порубежники эхом повторили эти слова. Сам он произнес их лишь мысленно; этого было достаточно. Смерть рано или поздно приходит к каждому, и это редко случается тогда и там, где ожидаешь. Разумеется, некоторые умирают у себя в постели, но Лан, еще будучи мальчишкой, знал, что такая смерть ему не суждена.

Он спокойно перевел взгляд налево, а затем направо, оценивая цепь своих воинов. Салдэйцы и кандорцы, конечно же, стояли уверенно, но, что не могло не радовать, и в рядах доманийцев тоже не было заметно нервозности. Никто не оглядывался через плечо, выискивая пути к бегству. Не то чтобы Лан ожидал от них чего-то другого, тем более после того, как они два года бились бок о бок, но он всегда больше полагался на солдат родом из Пограничных земель. Порубежники знали, что иногда приходится делать жестокий выбор. Это въелось им в плоть и кровь.

Из-за деревьев показались последние айильцы. В целом их оказалось около двух тысяч — число, которое меняло все и в то же время не меняло ничего. Двух тысяч Айил достаточно, чтобы справиться с его людьми, а потом сразиться с Эма-

ресом. Разве что если на стороне Лана окажется удача самого Темного. Мысль об отступлении Лану в голову даже не пришла. Если Эмарес ударит, а наковальни не окажется на месте, тайренцев попросту перережут, но если он продержится до прихода Эмареса, то у молота с наковальней будет шанс убраться подобру-поздорову. Кроме того, он дал слово. Однако Лан не собирался бездарно погибать и не намерен был допускать напрасную гибель своих людей. Если к тому времени, как Айил приблизятся на двести шагов, Эмареса не будет, он развернет свой отряд и, уйдя с хребта, попробует обойти колонну Айил, чтобы присоединиться к тайренцам. Лан вытащил меч из ножен и сжал его в опущенной руке. Теперь это просто меч, в нем не было ничего, что привлекало бы глаз, ничего выдающегося. Никогда он не будет чем-то большим, чем просто меч. Но в нем заключалось прошлое Лана. И его будущее. Трубы на западе звучали почти беспрерывно.

Внезапно один из айильцев, шедший впереди колонны, поднял копье над головой и, не опуская его, сделал еще три шага. По этому сигналу вся колонна резко остановилась. От гребня их отделяло еще добрых пятьсот шагов — расстояние, значительно превышающее дальность выстрела

из лука. Почему, Света ради? Как только айильцы остановились, задняя половина колонны развернулась лицом в ту сторону, откуда они пришли. Может быть, Айил просто осторожничают? Самая безопасная догадка: об Эмаресе они уже знают.

Вновь вытащив левой рукой зрительную трубу, Лан внимательно рассматривал Айил. Люди в переднем ряду поднимали к глазам руки, в которых были копья, вглядываясь во всадников на вершине хребта. В этом не было смысла. В любом случае они могли рассмотреть разве что темные силуэты на фоне восходящего солнца, возможно, гребень на шлеме. Не более. Айильцы, казалось, совещались. Один из возглавлявших колонну мужчин внезапно поднял над головой руку с копьем, и остальные повторили его жест. Лан опустил зрительную трубу. Теперь все айильцы смотрели вперед, и каждый держал высоко над головой по копью. Ни разу в жизни Лан не видел ничего подобного.

Копья, как одно, опустились вниз, и Айил прокричали слово, которое разрезало тишину разделяющего противников пространства, заглушая отдаленные звуки труб:

– *Аан'аллейн!*

Лан обменялся с Букамой озадаченным взгля-

дом. Это было древнее наречие — язык, на котором говорили в Эпоху легенд и на протяжении столетий, предшествовавших Троллоковым войнам. Самым удачным переводом из тех, что пришли в голову Лану, был «Единственный одинокий». Но что это могло означать? С чего Айил вздумалось такое выкрикнуть?

— Они снова двигаются, — пробормотал Букама.

Так оно и было.

Но двигались айильцы не к хребту. Повернув на север, колонна айильцев, чьи лица были закрыты черными вуалями, вскоре опять перешла на быструю рысцу и, когда передние ряды уже миновали край гряды, начала снова заворачивать к востоку. Безумие за безумием. Это не обходной маневр — не могут же они обходить их только с одной стороны!

— Может быть, они возвращаются к себе в Пустыню, — предположил Каниэдрин.

В его голосе слышалось разочарование. Со всех сторон посыпались насмешливые возгласы. Все придерживались мнения, что Айил ни за что не уйдут, пока их не перебьют всех до единого.

— Мы идем за ними? — тихо спросил Букама.

С мгновение помолчав, Лан покачал головой.

— Мы отыщем лорда Эмареса и обсудим с ним — крайне вежливо — молоты и наковальни, — ответил он.

Кроме того, ему хотелось выяснить, что означали все эти трубы. День начался странно, и у Лана было ощущение, что его ждет еще немало странностей, прежде чем снова наступит ночь.

Глава 2
Исполнившееся желание

Несмотря на пламя, пылавшее в камине из зеленого мрамора, в гостиной Амерлин было холодно. Морейн ежилась, и лишь плотно сжатая челюсть не давала зубам стучать. Разумеется, это уберегало и от зевков, которые в данном случае были бы крайне неуместны, хотя она и спала всего лишь полночи. Весьма удивительно, что укрывавшие стены красочные драпировки, на которых были запечатлены милые весенние сценки, разворачивающиеся на фоне цветущих садов и лужаек, еще не покрылись толстым слоем инея, а с резных карнизов не свисают сосульки. Камин располагался в дальнем конце комнаты, и тепло от него до Морейн не добиралось. К тому же рамы высоких окон, которые выходили на балкон, откуда открывался вид на личный садик Амерлин, недостаточно плотно прилегали к стрельчатым оконным проемам, и в щели просачивался морозный воздух. Стоило ветру снаружи подуть чуть сильнее, как ледяная струя впивалась Морейн в спину, безжалостно проникая под

шерстяное платье. Те же пронизывающие сквозняки досаждали и ее ближайшей подруге, но, несмотря на то что Суан была тайренкой, она ни за что не показала бы, что ей холодно, даже если бы замерзала до смерти. В Кайриэне, где в Солнечном дворце Морейн провела большую часть юности, зимой зачастую стоял не меньший мороз, но там ее никогда не заставляли торчать на ветру. От мраморных плит пола тоже веяло холодом, который просачивался сквозь узорчатый иллианский ковер и подметки туфель. Золотое кольцо Великого Змея на левой руке Морейн — змей, схвативший пастью собственный хвост, что символизировало бесконечность и непрерывность, а также связь посвященной с Башней, — казалось выточенным изо льда. Однако если Амерлин велела принятой стоять в сторонке и не мешать, то принятая обязана стоять там, где указала ей Амерлин, и постараться дрожать так, чтобы та этого не заметила. Но на самом деле холод был лишь меньшей из неприятностей: повсюду чувствовался тяжелый запах едкого дыма, который не могли рассеять даже мощные сквозняки. Этот дым шел не из печных труб — это горели деревни вокруг Тар Валона.

Холод полностью занимал внимание Морейн,

не давая ей думать об этом дыме. И о битве. Небо за окнами уже начало приобретать сероватый оттенок раннего утра. Вскоре бой возобновится, если это уже не случилось. Ей хотелось знать, как идет битва. Она имела право знать. В конце концов, эту войну начал ее дядя. Она, конечно, ни в коем случае не прощала Айил те разрушения, которые они учинили в Кайриэне — как в городе, так и в стране, — но она знала, кто главный виновник бедствий. Однако, с тех пор как появились Айил, принятым покидать территорию Башни было запрещено так же строго, как и послушницам. Мир за стенами перестал существовать для них.

Азил Марид, верховный капитан гвардии Башни, регулярно присылал рапорты, но в их содержание посвящали только полноправных сестер, а может быть, не посвящали даже и их. В ответ на вопрос о ходе битвы от Айз Седай получишь лишь совет сосредоточиться на занятиях. Словно величайшая из битв, что велись со времен Артура Ястребиное Крыло, да еще рядом, практически под носом, была не более чем помехой! Морейн понимала, что не сможет принять в ней хоть сколько-нибудь весомого участия — да, по правде говоря, и вообще никакого

участия, — однако ей хотелось хоть как-то быть к ней причастной, пусть даже только знать, что происходит. Наверное, это и нелогично, но ведь она никогда и не собиралась присоединяться к Белой Айя после получения шали.

Две женщины в шелковых платьях голубых тонов, сидевшие в другом конце комнаты по разные стороны от маленького письменного столика, ничем не показывали, что замечают дым или холод, хотя от камина их отделяло расстояние не меньшее, чем саму Морейн. Разумеется, это были Айз Седай. По их лицам судить о возрасте было невозможно. Что же до дыма, то они, несомненно, видели большее число битв, чем иной полководец. Они остались бы воплощением спокойствия, если бы и тысяча деревень горела прямо у них перед глазами. Никто не станет Айз Седай, не научившись управлять своими эмоциями, как внешними их проявлениями, так и внутренними. Тамра и Гайтара не выглядели усталыми, хотя с тех самых пор, как началась битва, они спали лишь урывками. Они приказали принятым остаться с ними на ночь на тот случай, если понадобится выполнить какое-нибудь поручение. Что же до холода, то ни холод, ни жара не оказывали на сестер такого действия, как на остальных

людей. Сестры, казалось, просто не замечали ни того ни другого. Морейн пыталась понять, как это им удается, — каждая принятая раньше или позже старалась разгадать этот секрет. В чем бы он ни заключался, Единая Сила тут ни при чем, иначе ее присутствие было бы заметно или чувствовалось бы.

Тамра — это больше чем просто Айз Седай. Она — Престол Амерлин, правительница всех Айз Седай. Прежде она принадлежала к Голубой Айя, но полосы на длинном палантине, укрывавшем ее плечи, были цветов всех семи Айя, дабы продемонстрировать, что Амерлин принадлежит ко всем Айя и в то же время ни к одной из них. Некоторые Амерлин в истории Башни относились к этому правилу более трепетно, чем остальные. Например, юбка Тамры состояла из клиньев всех семи цветов, что было вовсе не обязательно. Но так ни одна Айя не была забыта и ни одной не отдавалось предпочтения. И даже за пределами Башни, когда Тамра Оспения говорила, короли и королевы внимательно слушали ее, независимо от того, присутствовали ли среди их советников Айз Седай, или Белая Башня являлась объектом ненависти. Такова была власть Престола Амерлин. Можно отвергать ее советы и не по-

виноваться ее предписаниям, но необходимо слушать, и слушать вежливо. Даже благородные лорды Тира и лорд капитан-командор Детей Света не отказывали ей в этом. Длинные волосы Тамры, с проблесками седины, схваченные украшенной драгоценными камнями серебряной сеткой, обрамляли широкое, исполненное решимости лицо. Она умела вести беседу с правителями, но не принимала свою власть как нечто само собой разумеющееся и не злоупотребляла ею, как в самой Башне, так и за ее стенами. Тамра была честна и справедлива (что не всегда одно и то же) и часто проявляла доброту. Морейн всем сердцем восхищалась ею.

Вторая из сидевших за столиком женщин, хранительница летописей при Тамре, была совершенно другого склада. Наверное, вторая по могуществу из женщин в Башне и, несомненно, по меньшей мере равная восседающим, Гайтара Моросо была всегда честна и обычно справедлива, но доброта, по-видимому, не имела с ней ничего общего. Кроме того, хранительница летописей питала слабость к роскоши, достойной Зеленой или Желтой сестры. Высокая и, можно сказать, чувственная, она носила широкое ожерелье из огневиков, серьги с рубинами размером

с голубиное яйцо и три перстня с драгоценными камнями, не считая кольца Великого Змея. Ее парчовое платье было темнее, чем у Тамры, а голубой палантин хранительницы — ведь она тоже вышла из Голубой Айя — был настолько широк, что его вполне можно назвать шалью. Морейн слышала, что Гайтара до сих пор считала себя Голубой. Окажись слухи правдой, это стало бы потрясением для всех. Ширина ее палантина, несомненно, говорила в пользу этих сплетен, но у каждого свой вкус.

По лицу Гайтары — впрочем, это касалось всех Айз Седай, достаточно долго имевших дело с Единой Силой, — определить возраст было невозможно. На первый взгляд ей можно было дать не больше двадцати пяти лет, а то и меньше. Если приглядеться, начинало казаться, что ей лет сорок пять или пятьдесят, но годы пощадили ее редкую красоту. А присмотришься подольше — все снова меняется. Для знающих людей это гладкое, лишенное возраста лицо служило несомненным признаком Айз Седай. Остальных же, а таких было великое множество, привел бы в недоумение цвет ее волос. Убранные резными костяными гребнями локоны были белы как снег. В Башне шептались, что ей более трехсот лет, а это

почтенный возраст даже для Айз Седай. Впрочем, говорить о возрасте сестер считалось крайней грубостью. Даже полноправная сестра не избежала бы наказания за подобный проступок, а простую послушницу или принятую немедленно отослали бы к наставнице послушниц за порцией розог. Но за мысли никто не наказывал.

И еще кое-что делало Гайтару женщиной необычной. Временами у нее случались Предсказания — она обладала талантом видеть то, что еще скрывалось за пеленой грядущего.

Это очень редкий дар, и он проявлялся лишь от случая к случаю. Но по слухам — а комнатки принятых всегда полнились сплетнями и пересудами, — за последние несколько месяцев у Гайтары было не одно и даже не два Предсказания. Некоторые заявляли, что именно благодаря одному из этих пророчеств армии заняли позиции под стенами города до прихода Айил. Но, понятное дело, никто из принятых не знал ничего наверняка. Возможно, знал кто-нибудь из сестер. Может быть. Даже когда факт, что у Гайтары было Предсказание, становился общеизвестным, порою никто, кроме Тамры, понятия не имел, в чем же оно заключалось. Глупо было надеяться, что у Гайтары случится Предсказание как раз в

присутствии Морейн и Суан, однако Морейн все же надеялась. Впрочем, за те четыре часа, что прошли с тех пор, как она вместе с Суан сменила Тимэйл и Брендас в гостиной Амерлин, Гайтара только и делала, что сидела за столиком и писала письмо.

Внезапно Морейн пришло в голову, что четыре часа — слишком долгий срок, чтобы писать одно-единственное письмо, а ведь Гайтара до сих пор не исписала и половины страницы. Она просто сидела, держа в руке перо, зависшее над листом бумаги кремового цвета. Словно мысли Морейн каким-то образом коснулись ее, Гайтара взглянула на перо, издала негромкий раздраженный возглас и открутила стальную пробку с маленькой, покрытой красной глазурью бутылочки, в которой был спирт для удаления засохших чернил, — очевидно, уже далеко не в первый раз. Жидкость в бутылочке оказалась не менее черной, чем в резной стеклянной чернильнице с серебряной крышкой, стоявшей на столе. Кожаная папка с золотыми уголками, полная бумаг, лежала раскрытой перед Тамрой, и правительница, по всей видимости, внимательно их изучала. Однако Морейн не могла припомнить, чтобы видела, как Амерлин перевернула хотя бы

листок. Лица двух Айз Седай оставались воплощением холодности и бесстрастия, но было ясно, что обе чем-то обеспокоены. Их беспокойство передалось и девушке. Лихорадочно думая, Морейн закусила нижнюю губу, но тут же вынуждена была прекратить это занятие, поскольку едва не зевнула. Прекратить закусывать губу, конечно, а не думать.

Видимо, было нечто такое, что не давало сегодня Амерлин и хранительнице летописей покоя. Морейн видела Тамру вчера в коридорах, и если девушке суждено было увидеть женщину, являвшуюся живым олицетворением уверенности, то это произошло именно вчера. Итак… Возьмем битву, кипевшую в течение последних трех дней. Если Гайтара действительно Предсказала эту битву и если у нее действительно были и другие Предсказания, то что же еще их тревожит? Гадать не было смысла, но порассуждать, возможно, стоило. Айил, захватившие мосты и ворвавшиеся в город? Маловероятно. В течение последних трех тысячелетий, когда на карте внезапно возникали целые государства, а потом так же внезапно исчезали в небытие, когда даже империю Артура Ястребиное Крыло навеки поглотил огонь и хаос, ни одной армии не удалось ни пробить

брешь в стенах Тар Валона, ни опрокинуть его ворота. Впрочем, немногие пытались это сделать. Возможно, битва каким-то образом обернется катастрофой для других? И необходимо что-то предпринять, чтобы предотвратить эту катастрофу? В настоящее время из Айз Седай в Башне находились только Тамра и Гайтара, если только кто-нибудь не вернулся среди ночи. Говорили, что раненых солдат так много, что потребовались все сестры, обладавшие хотя бы малейшей способностью к Исцелению. Однако никто и не мог сказать прямо, что их направили на помощь раненым. Айз Седай не могут лгать, однако зачастую они изъясняются намеками и вполне способны намекнуть на то, чего нет в действительности. Сестры вправе использовать Силу и в качестве оружия, если им или их Стражам грозит опасность. Ни одна Айз Седай не принимала участия в битве со времен Троллоковых войн, когда они сражались против порождений Тени и армий приспешников Темного. Но возможно, Гайтара Предсказала, что эта самая катастрофа разразится, если Айз Седай не вступят в битву? Но тогда зачем ждать третьего дня? Могло ли Предсказание быть настолько подробным? Возможно, если бы сестры вступили в битву раньше,

то тогда…

Уголком глаза Морейн заметила, что Суан улыбается ей. От этой улыбки и без того симпатичное личико Суан стало по-настоящему красивым, а ее ясные голубые глаза засияли. Она была на ладонь выше Морейн, — Морейн давно научилась справляться с раздражением, которое когда-то чувствовала из-за того, что практически все окружающие женщины выше ее, но так и не смогла ничего поделать с привычкой замечать рост других, — и у нее была почти такая же светлая кожа. Суан носила платье принятой со спокойной уверенностью, которая так и осталась для Морейн неподвластной. Платья с высоким воротом были чистейшего белого цвета, не считая каймы на подоле и манжетах, перекликающейся по цвету с полосатым палантином Амерлин. Морейн никак не могла понять, как все эти сестры из Белой Айя терпят такое — все время ходить в белом, будто бы постоянно носишь траур. Когда она была послушницей, самым трудным для нее было день за днем одеваться в белое. Ну, если не считать необходимости обуздывать свой нрав, чему пришлось упорно учиться. Благодаря характеру Морейн и по сию пору время от времени попадала во всякие переплеты, но уже не так часто, как в первый год

своего пребывания в Башне.

— Когда узнаем, тогда и узнаем, — шепнула ей Суан, быстро взглянув на Тамру с Гайтарой.

Ни та ни другая не шелохнулись. Перо Гайтары снова зависло над страницей, и на нем опять высыхали чернила.

Морейн не удержалась и улыбнулась в ответ. Суан обладала удивительной способностью заставлять ее улыбаться, когда самой Морейн хотелось хмуриться, и смеяться, когда хотелось плакать. Улыбка превратилась в зевок, и Морейн поспешно посмотрела, не заметили ли этого Амерлин и хранительница летописей. Но те по-прежнему были поглощены собственными мыслями. Переведя взгляд обратно, Морейн увидела, что Суан тоже прикрывает рукой рот, сердито глядя поверх ладони. Морейн с трудом удержалась, чтобы не захихикать.

Вначале ее удивляло, что они с Суан подружились, но среди послушниц и принятых близкими подругами становились девушки либо очень похожие, либо очень разные. В некотором отношении они с Суан были похожи. Обе — сироты: их матери умерли, когда девочки были еще маленькими, а их отцы оставили этот мир после того, как дочери покинули родной дом. Они обе

родились с искрой дара, что было необычно. Рано или поздно девушки все равно начали бы направлять Силу, независимо от того, стали бы они этому учиться или нет. Кроме того, далеко не каждая женщина способна этому научиться.

Дальше начинались различия. Они относились к тем временам, когда девочки еще не оказались в Тар Валоне. Причем дело было не только в том, что Суан родилась в бедной семье, а Морейн — в весьма состоятельной. В Кайриэне Айз Седай были в почете, и в честь Морейн в Солнечном дворце устроили пышный бал, чтобы отпраздновать ее отбытие в Белую Башню. В Тире же способность направлять Силу была объявлена вне закона, и Айз Седай не пользовались популярностью. Суан посадили на корабль, отправляющийся вверх по реке к Тар Валону в тот же день, когда одна из сестер обнаружила, что девочку можно научить направлять Силу. Различий было очень много, но, впрочем, ни одно из них для подруг не значило ничего. Помимо всего прочего, Суан пришла в Башню, уже умея полностью контролировать свои эмоции. К тому же она моментально решала всевозможные загадки, чем Морейн похвастаться не могла. Суан терпеть не могла лошадей, которых Морейн любила всей душой. И то, как быстро

подруга схватывала все новое, очень изумляло Морейн.

О нет, это не касалось умения направлять Единую Силу. Их имена внесли в книгу послушниц в один и тот же день, и в обучении работе с Силой девочки двигались почти локоть к локтю, вплоть до того, что прошли испытания на принятую также в один день. Морейн, однако, получила образование, приличествующее благородной девице: взять хотя бы историю или древнее наречие, на котором она говорила и читала настолько хорошо, что ей позволили пропускать занятия по этому предмету. Суан же, дочь тайренского рыбака, прибыла в Башню, едва умея читать и считать, но она впитывала знания, как песок впитывает воду. Сейчас уже она обучала послушниц древнему наречию — во всяком случае, начальные классы.

Суан Санчей ставили в пример всем послушницам: мол, вот, к чему они должны стремиться. Ну, говоря по правде, их обеих ставили в пример. Кроме них, лишь одна послушница сумела закончить обучение всего за три года. Элайда а'Ройхан, которую Морейн и Суан ненавидели, и принятой пробыла также всего лишь три года — еще один рекорд. Но вполне возможно, они смогут срав-

няться с ней и в этом. Морейн слишком хорошо сознавала собственные недостатки, но считала, что из Суан получится превосходная Айз Седай.

Морейн открыла рот, чтобы шепнуть, что терпение предназначено для камней, но тут ветер сотряс оконные переплеты, и еще один порыв ледяного воздуха обжег ей спину. Платье защищало от холода ничуть не лучше, чем если бы она стояла тут в одной сорочке. Вместо того чтобы прошептать то, что собиралась, девушка лишь громко охнула.

Тамра повернула голову к окнам, однако не из-за Морейн. Ветер неожиданно донес звук далеких труб — десятков труб. Нет — сотен! Чтобы звук труб услышали здесь, внутри Башни, их должно быть сотни. А они звучали и звучали, один клич накатывался на другой. Что бы ни послужило этому причиной, случилось что-то важное. Амерлин резко захлопнула лежавшую перед ней папку.

— Морейн, сходи узнай, нет ли вестей с поля боя. — Тамра произнесла это ровным голосом, но в нем слышалось едва различимое напряжение, какая-то резкость. — Суан, сделай нам чай. И побыстрее, дитя мое.

Морейн моргнула. Амерлин действительно была обеспокоена. Но остается только одно.

— Как прикажете, мать, — не колеблясь, откликнулись Морейн и Суан в один голос, приседая в глубоком реверансе, и направились к двери рядом с камином, которая вела в переднюю.

На столике у двери на плетеном подносе стояли серебряный чайник с золотой гравировкой, чайница, блюдце с медом, молочник и большой графин с водой. Вся утварь была серебряной. На втором подносе находились чашки из тонкого зеленого фарфора работы Ата'ан Миэйр, Морского народа. Морейн ощутила легкое покалывание по всему телу, когда Суан открыла себя для Источника и обняла *саидар*, женскую половину Силы. Девушку теперь окружало сияние, но видеть его могла лишь женщина, обладающая способностью направлять. Обычно пользоваться Силой для повседневных дел запрещалось, однако Амерлин велела приготовить чай быстро. Суан проворно сплела тонкую прядь Огня, чтобы вскипятить воду в чайнике. Ни Тамра, ни Гайтара не сказали ни слова, чтобы остановить ее.

Передняя комната перед покоями Амерлин была невелика, поскольку предназначалась для того, чтобы вместить небольшое количество посетителей, которые ожидали, пока о них доложат. С делегациями Амерлин встречалась не в личных

покоях, а в одном из залов для аудиенций или в кабинете, который скрывался за следующей дверью. Из-за того что в переднюю выходила одна из стен камина из гостиной, тут было почти тепло. Здесь стоял одинокий стул, украшенный незатейливой резьбой, но широкий и массивный. Несмотря на свою тяжесть, стул был придвинут поближе к одному из стоячих позолоченных светильников, чтобы Элин Варрел, худощавой послушнице-дежурной, было светлее читать. Сидевшая спиной к двери гостиной и увлеченная чтением книги в деревянном переплете, девушка не слышала, как, мягко ступая по украшенному бахромой ковру, к ней подошла Морейн.

Элин должна была почувствовать присутствие Морейн еще до того, как та приблизилась и заглянула ей через плечо. Элин была уже далеко не ребенком — семь лет она проходила в послушницах, а в Башню пришла в восемнадцать, — но всех послушниц, независимо от возраста, называли «дитя». Кстати, Айз Седай называли принятых точно так же. Морейн ощутила ее способность направлять Силу сразу же, как только вошла в комнату. И Элин на таком расстоянии, разумеется, тоже должна была ощутить присутствие девушки. Женщина, способная направлять Силу,

никогда не сможет подойти к другой незамеченной. Если последняя, конечно, достаточно внимательна.

Взглянув поверх плеча Элин, Морейн моментально узнала книгу: «Пылкие сердца», сборник любовных историй. Библиотека Башни была самой обширной в известном мире; в ней содержались экземпляры чуть ли не всех когда-либо напечатанных книг, но эта книга была совсем неподходящей для послушницы. Принятым делали некоторые послабления — потому что, поднявшись на эту ступень, они уже понимали, что если выйдут замуж, то им предстоит увидеть, как их муж старится и умирает, как старятся и умирают их дети, и дети их детей, и дети их внуков, в то время как сами они нисколько не меняются, — но послушниц попросту втихомолку отвлекали от мыслей о мужчинах и любви и держали в полной изоляции от мужского общества. Послушнице нельзя предпринимать попытки к бегству, чтобы выйти замуж или, еще хуже, зачать ребенка. Обучение послушниц было намеренно жестким: если женщине суждено сломаться, то пусть это произойдет, когда она будет еще послушницей, а не сестрой. Быть Айз Седай и без того нелегкий труд, а если прибавить

к этому еще и ребенка, то этот труд станет и вовсе непосильным.

— Тебе следует найти для себя более подходящее чтение, Элин, — ровным голосом произнесла Морейн. — И уделять больше внимания своим обязанностям.

Еще до того, как Морейн закончила говорить, Элин с испуганным возгласом выронила книгу и вскочила на ноги. Для андорки она была не очень высокой, но Морейн все же приходилось задирать голову, чтобы взглянуть ей в глаза. При виде Морейн Элин облегченно вздохнула — испугалась она порядочно. Впрочем, облегчение было недолгим. Для послушниц принятые стояли лишь на одну маленькую ступень ниже Айз Седай. Элин раскинула свою простую белую юбку в поспешном реверансе:

— Никто не прошел бы здесь без моего ведома, Морейн. Мериан Седай разрешила мне читать. — Она склонила голову набок, теребя широкую белую ленту, придерживавшую волосы. Вся одежда послушниц была белой, даже тоненькие кожаные туфли. — Почему эта книга неподходящая, Морейн?

Элин была на три года старше, но кольцо Великого Змея и юбка с каймой в глазах послушницы

означали бездну знаний. К несчастью, для Морейн существовал ряд тем, обсуждать которые с кем бы то ни было она считала неуместным. Ведь существует такая вещь, как приличия.

Подняв книгу с пола, она подала ее послушнице:

— Библиотекари будут очень недовольны, если ты вернешь книгу испорченной.

Произнося эти слова, Морейн почувствовала некоторое удовлетворение. Такой ответ могла бы дать настоящая сестра, если бы ей не хотелось отвечать на вопрос. В ожидании того заветного дня, когда им будет вручена шаль, принятые постоянно старались говорить, как Айз Седай, но беспрепятственно тренироваться они могли только на послушницах. Некоторые поначалу пробовали проделывать подобное со слугами, но это приводило лишь к насмешкам. Слуги очень хорошо знали, что в глазах Айз Седай принятые стоят не на маленькую ступеньку ниже сестер, а лишь на маленькую ступеньку выше послушниц.

Как и предполагалось, Элин принялась озабоченно осматривать книгу, и Морейн продолжила прежде, чем девушка успела вспомнить о вопросе, который вызвал такое смущение:

— Не было ли известий с поля боя, дитя мое?

Глаза Элин негодующе расширились.

— Ты же знаешь, Морейн, если бы пришло какое-нибудь известие, я доложила бы немедленно! Неужели ты сомневаешься?

Она и не сомневалась. И Тамра тоже не сомневалась. Однако если хранительница летописей или восседающая еще имели право указать Амерлин на то, что она отдает нелепое распоряжение, — по крайней мере, Морейн думала, что имеют право, — то принятой оставалось только повиноваться. Если уж на то пошло, послушнице тоже не подобает указывать принятой на то, что та задает глупый вопрос.

— Так ли тебе следует отвечать, Элин?

— Нет, Морейн, — сокрушенно промолвила Элин, приседая в очередном реверансе. — За все время, что я была здесь, не было никаких известий. — Она вновь склонила голову набок. — У Гайтары Седай было Предсказание?

— Можешь вернуться к своей книге, дитя мое.

Когда эти слова уже сорвались с ее губ, Морейн поняла, что так говорить не следовало: это противоречило всему сказанному ею ранее. Но было уже слишком поздно что-то менять. Надеясь, что Элин не заметила румянца, внезапно вспыхнув-

шего на ее щеках, Морейн быстро повернулась и выплыла из передней настолько величественно, насколько была способна. Что ж, в конце концов, ведь наставница послушниц сказала, что дитя может читать эту книгу и библиотекари позволили Элин взять ее. Если только, конечно, она не одолжила книгу у одной из принятых. Тем не менее Морейн терпеть не могла оказываться в глупом положении.

Когда Морейн вернулась в гостиную и закрыла за собой дверь, тоненькая струйка пара уже поднималась из носика чайника, а струйка побольше — из кувшина с водой. Сияние саидар больше не окружало Суан. Если использовать Единую Силу, вода закипает очень быстро; главное — не дать ей моментально выкипеть. Суан уже наполнила две зеленые чашки и размешивала в одной из них мед. В другую был налит чай с молоком.

Суан сунула чашку — ту, что с медом, — в руки Морейн.

— Для Гайтары, — тихо промолвила она. И затем, скорчив милую гримаску, шепотом прибавила: — Она кладет в чай столько меда, что все превращается в сироп! Она наказала мне не скупиться.

Когда Морейн взяла чашку кончиками пальцев,

фарфор был еще чуть горячеват, но он остынет как раз до нужной температуры, пока она будет нести чашку через комнату к письменному столу, где, нетерпеливо барабаня пальцами по столешнице, по-прежнему сидела Гайтара. Часы в корпусе из полированного черного дерева, стоявшие на каминной полке, пробили Первый час утра. Звук труб не прекращался. Морейн казалось, что в нем слышится отчаяние, хотя она и понимала, что это лишь игра ее воображения.

Тамра стояла у окна, глядя на небо, светлеющее с каждой минутой. Она не отвела взора от окна, когда Суан с реверансом протянула ей чашку. Потом Амерлин наконец обернулась и увидела Морейн. Вместо того чтобы взять чашку, Тамра спросила:

— Какие новости, Морейн? Тебе лучше не медлить с ответом.

Да, она взволнована не на шутку, раз говорит таким тоном. И разумеется, прекрасно понимает, что Морейн заговорила бы сразу, будь у нее что сообщить.

В этот момент Морейн как раз протягивала Гайтаре чашку с чаем. Но не успела девушка ответить, как хранительница летописей рывком вскочила на ноги, толкнув стол так сильно, что

чернильница перевернулась, выплеснув черную жидкость на столешницу. Гайтара стояла, ее била дрожь. Крепко прижав руки к бокам, она глядела куда-то поверх головы Морейн широко раскрытыми от ужаса глазами. Это был самый настоящий ужас, дикий, необузданный.

— Он вновь рожден! — воскликнула Гайтара. — Я чувствую его! Дракон сделал первый вдох на склоне Драконовой горы! Он грядет! Он грядет! Да поможет нам Свет! Да поможет Свет миру! Он лежит на снегу, и его крик подобен грому! Он пылает, будто солнце!

Выкрикнув последнее слово, Гайтара тихо ахнула и упала вперед, на руки Морейн. Та уронила чашку, стараясь подхватить хранительницу летописей, но Гайтара оказалась тяжелее, и они обе упали на ковер. Морейн удалось устоять на коленях, поддерживая Гайтару.

В одно мгновение Тамра опустилась рядом, не обращая внимания на чернила, струйкой стекавшие со стола. Свечение саидар уже окружало ее; она моментально сплела несколько прядей Духа, Воздуха и Воды. Сжав голову Гайтары ладонями, Амерлин позволила плетению проникнуть в неподвижное тело. Но плетение Искательства, использовавшееся для проверки состояния здо-

ровья, не перешло в Исцеление. Беспомощно глядя в неподвижные глаза Гайтары, Морейн уже понимала, в чем дело. Она надеялась только, что в теле хранительницы летописей осталась хотя бы крохотная искорка жизни, хоть что-нибудь, с чем могла бы работать Тамра. Исцелить можно любую болезнь, заживить любую рану. Но смерть Исцелить нельзя. По столу расплывалось чернильное пятно, заливая исписанный лист бумаги. Странно — что только не замечаешь в такие моменты!

— Нет, Гайтара, — тихо выдохнула Тамра. В ее голосе звучала смертельная усталость. — Только не сейчас, когда ты так нужна мне!

Она медленно подняла глаза и встретилась взглядом с Морейн. Девушка отпрянула. Говорили, что взгляд Тамры способен заставить камни двигаться, и в эту минуту Морейн поверила в это. Амерлин перевела свой взор на Суан, по-прежнему стоявшую у окна. Та обеими руками зажимала рот; чашка лежала на ковре у ее ног. Суан тоже дернулась, встретив этот взгляд.

Морейн глазами отыскала чашку, которую выронила. «Хорошо, что не разбилась, — подумала она. — Фарфор работы Морского народа очень дорог». О да, разум выкидывает странные шутки,

когда пытаешься о чем-то не думать.

— Вы обе — сообразительные девочки, — вымолвила наконец Тамра. — И к несчастью, не глухие. Вы понимаете, *что* сейчас предсказала Гайтара.

В интонации Амерлин явственно слышался вопрос, поэтому подруги закивали, соглашаясь со сказанным. Тамра вздохнула, словно надеялась на другой ответ.

Приняв Гайтару из рук Морейн, Амерлин уложила ее на ковер и расправила ей волосы. Помедлив, она стянула с плеч хранительницы летописей широкий голубой палантин, бережно сложила и накрыла им ее лицо.

— С вашего позволения, мать, — севшим голосом проговорила Суан, — я скажу Элин позвать служанку хранительницы, чтобы она сделала то, что нужно.

— Стой! — рявкнула Тамра. Жесткий стальной взгляд еще раз впился в лица девушек. — Вы не расскажете об этом никому, ни при каких обстоятельствах. Если будет необходимо, лгите. Даже сестрам. Гайтара умерла, не произнеся ни слова. Вы поняли меня?

Морейн поспешно кивнула, увидев, что Суан поступила так же. Они еще не были Айз Седай;

они еще могли лгать — и некоторые так и делали время от времени, несмотря на все старания вести себя как полноправные сестры, — но Морейн никогда не предполагала, что ей прикажут лгать, тем более лгать Айз Седай, и, уж разумеется, она не ожидала услышать такой приказ от Престола Амерлин.

— Прекрасно, — устало сказала Тамра. — Дежурную послушницу ведь зовут Элин, да? Пришлите Элин ко мне. Я объясню ей, где найти служанку Гайтары. — И помимо этого, она хотела убедиться в том, что Элин ничего не расслышала через закрытую дверь. Иначе за служанкой она отправила бы Суан или Морейн. — Когда она войдет, вы двое можете быть свободны. И помните — никому ни слова! Ни единого!

Тон, каким это было сказано, лишь еще больше подчеркнул необычность распоряжения Тамры. Приказания, отданные Престолом Амерлин, должны исполняться так, словно выполняешь клятву. Их нет нужды как-либо подчеркивать.

«Я хотела услышать Предсказание, — думала Морейн, делая последний реверанс, перед тем как удалиться, — и я услышала его. Роковое Предсказание».

Теперь девушка от всей души желала одного

— быть осторожнее в своих желаниях.

Глава 3
Практика

В широком коридоре, перед покоями Амерлин, было ничуть не теплее, чем в гостиной, и к тому же сквозило изо всех щелей. Сквозняк был такой, что колыхались тяжелые гобелены, закрывавшие белые мраморные стены. Над позолоченными светильниками, расставленными в промежутках между длинными яркими полотнищами, под порывами холодного воздуха колыхались, едва не погасая, язычки пламени. Послушницы к этому времени должны быть уже на завтраке, как и, скорее всего, большая часть принятых. В настоящий момент в коридорах не было ни души, не считая Суан и Морейн. Они шли по расстеленной под ногами голубой, в половину ширины коридора, ковровой дорожке, ворс которой хоть немного защищал от холода, исходившего от пола — повторяющийся узор на нем был выложен каменными плитками, соответствующими по цвету каждой из семи Айя. Морейн была слишком подавлена, чтобы говорить. Все еще доносившийся слабый звук труб едва ли проникал в ее

сознание.

Девушки свернули за угол в другой переход, где плитки пола были белыми, а дорожка — зеленой. Направо от них был еще один широкий, увешанный гобеленами коридор, освещенный стоячими светильниками. Плавной спиралью он уходил наверх, к помещениям всех Айя; видимая отсюда часть пола была выдержана в голубых и желтых тонах, а дорожка покрыта серо-коричнево-красным узором. В частях Башни, отведенных той или иной Айя, преобладали цвета этой Айя, а цвета других могли вообще отсутствовать, но там, где бывали все сестры, ритуальные цвета использовались в равных долях. В голове Морейн мелькали ничего не значащие мысли. Почему в равных, если некоторые Айя больше остальных? Или когда-то в них входило одинаковое число сестер? Но каким образом это достигалось? Только что получившая звание Айз Седай женщина была свободна в выборе своей Айя. Однако каждой Айя отведены одинаковые по размеру помещения. Думать о несущественном лучше, чем…

— Ты будешь завтракать? — спросила Суан.

Морейн слегка вздрогнула от неожиданности. Завтракать?

— Я и кусочка не проглочу, Суан.

— У меня тоже нет аппетита, — пожала та плечами. — Я просто подумала, что могу составить тебе компанию, если ты захочешь что-нибудь съесть.

— Я вернусь к себе в комнату и попытаюсь немного поспать. Если получится. Через два часа у меня занятия с послушницами.

И если сестры вскоре не вернутся, видимо, ей предстоит провести сегодня еще несколько занятий. Послушницы не могут пропускать свои уроки из-за таких мелочей, как битвы или… Морейн не хотелось думать об этом «или». Ей тоже придется пропустить свои занятия, если Айз Седай не вернутся. Принятые по большей части обучались самостоятельно, но для нее было составлено персональное расписание уроков с Мейлин Седай и Ларелле Седай.

— Спать — значит терять время, а времени у нас нет, — твердо сказала Суан. — Пойдем практиковаться перед испытанием. Возможно, у нас есть еще месяц, но с таким же успехом нас могут вызвать и завтра.

— Откуда ты знаешь, что нас в скором времени вообще допустят до испытания? Мериан ведь просто сказала, что, возможно, ждать нам осталось недолго.

Суан фыркнула. И громко. Еще когда она была послушницей, сестрам пришлось хорошенько потрудиться, чтобы от ее «соленых» словечек и грубых выражений не веяло портовыми грузчиками и доками, но окончательно обуздать склонный к ругательствам язык Суан им до сих пор не удалось. Что, пожалуй, и к лучшему. Бранные словечки были ее частью и придавали ей некоторую пикантность.

— Когда Мериан говорит, что ждать недолго, — это значит, Морейн, что испытание будет не позднее чем через месяц, и ты прекрасно это знаешь. Пойдем потренируемся.

Морейн вздохнула. Она, вообще-то, не очень верила, что сможет сейчас заснуть, но сомневалась и в том, что ей удастся как следует сосредоточиться. А занятия требовали концентрации.

— Ох, ну ладно, Суан.

Не считая завязавшейся между Суан и Морейн дружбы, еще одной неожиданностью стало то обстоятельство, что главной в их паре оказалась дочь рыбака, а дочь лорда ей подчинялась. Разумеется, положение, которое Морейн занимала во внешнем мире, не давало ей никаких прав внутри Башни. Среди тех, кто возвысился до Престола Амерлин, были две дочери нищих бродяг,

множество дочерей купцов, фермеров, ремесленников, включая трех дочерей сапожников, но лишь одна из них являлась дочерью правителя. И потом, судить о людях и их способностях Морейн научилась задолго еще до того, как покинула дом. Где-где, а в Солнечном дворце этому начинали учиться сразу после того, как обучались ходить. Суан на роду написано руководить другими. Когда Суан бралась за дело, следовать ее указаниям казалось на удивление естественным.

— Бьюсь об заклад, ты не проносишь шали и ста лет, как окажешься в Совете Башни, а еще через пятьдесят — станешь Амерлин, — уже не в первый раз сказала Морейн.

Эти слова вызвали ту же реакцию, что и всегда.

— Не желай мне зла, — отвечала Суан, скорчив гримаску. — Я хочу повидать мир. Может быть, побывать в таких местах, какие не видела еще ни одна сестра! Я часто смотрела, как корабли приплывают в Тир из Шары с грузом шелка и драгоценной кости, и думала о том, хватило ли кому-нибудь из команды смелости тайком выбраться из торгового порта. Мне бы хватило. — Судя по выражению ее лица, решительностью она сейчас не уступит Тамре. — Однажды мы

с отцом провели лодку вниз по реке до самого Моря штормов, тогда я едва могла тащить сети: все смотрела на юг и гадала, что лежит там, за горизонтом. Когда-нибудь я узнаю это! И океан Арит. Кто знает, что лежит к западу от океана Арит? Странные земли со странными обычаями. Может быть, там есть города, такие же великие, как Тар Валон, и горы выше Хребта Мира. Только подумай, Морейн! Только подумай!

Морейн сдержала улыбку. Суан всегда с таким энтузиазмом говорила об ожидающих ее приключениях, хотя сама она никогда их так не называла. Приключения случаются только в сказаниях и книгах, но не в жизни, на что сама Суан не преминула бы указать любому, кто употребил бы это слово. Однако, вне всякого сомнения, едва лишь получив шаль, она сорвется с места, как стрела — с тетивы лука. И тогда видеться они станут, может, раза два в десятилетие. Если не реже. При мысли об этом внезапная печаль охватила Морейн. Но нет сомнений, что и ее собственные предчувствия также сбудутся. Для этого не нужно обладать даром Предсказания. Нет. Лучше об этом не думать.

Когда, миновав очередной поворот, подруги проходили мимо ведущей вниз узкой мраморной

лестницы, Суан перестала хмуриться и бросила на Морейн изучающий взгляд. Плитки пола здесь были ярко-зеленого цвета, ковровая дорожка темно-желтая, а на простых белых стенах не было драпировок. В этой части Башни светильники не были позолочены — слуги здесь бывали чаще, чем сестры.

— Пытаешься перевести разговор на другую тему, да? — внезапно спросила Суан.

— Какой разговор? — спросила Морейн, уже почти смеясь. — О занятиях или о завтраке?

— Ты знаешь о чем, Морейн. Что ты думаешь об этом?

Смех как рукой сняло. Очевидно, *что* Суан имеет в виду. Именно то, о чем думать вовсе не хочется. «Он рожден вновь». В ушах звенел голос Гайтары. «Дракон сделал первый вдох…» На этот раз дрожь, охватившая Морейн, не имела никакого отношения к холоду.

Более трех тысяч лет мир ждал, когда пророчества о Драконе исполнятся, боялся этого момента, но вместе с тем знал, что в них заключена единственная надежда. И сейчас вот-вот родится младенец — а согласно словам Гайтары, случится это очень скоро, — который исполнит все то, о чем говорится в пророчествах. Он будет рожден

на склонах Драконовой горы — появится на свет там, где, как говорили, умер человек, которым он когда-то был. Больше трех тысяч лет назад Темный чуть не вырвался в человеческий мир, и это привело к Войне Тени, закончившейся только с Разломом Мира. Все было разрушено до основания, сам облик земли изменился, а от человечества осталась лишь горстка оборванцев. Прошли столетия, прежде чем примитивная борьба за выживание вновь уступила место строительству городов и обустройству государств. И рождение этого младенца предвещает, что Темный вновь собирается вырваться на свободу, поскольку этому ребенку суждено появиться для того, чтобы противостоять Темному в Тармон Гай'дон, Последней битве. На нем лежит судьба всего мира. Пророчества провозглашают его единственной надеждой человечества. Но в них не говорится, что он одержит победу.

Однако едва ли не хуже его возможного поражения было то, что он будет способен направлять *саидин*, мужскую половину Единой Силы. При мысли об этом Морейн не просто содрогалась — ее трясло. Саидин несла на себе пятно порчи Темного. До сих пор мужчины изредка пытались направлять Силу. Некоторым как-то удавалось

научиться этому самостоятельно и остаться в живых, что само по себе было непросто и опасно — даже среди женщин, попытавшихся обучиться работе с Силой без наставницы, погибали три из четырех. Некоторые из таких мужчин начинали войны. Их, тех, кто провозглашал себя Драконом Возрожденным, обычно называли Лжедраконами. Другие же пытались скрыть свои способности, ведя обычную жизнь. Но и в случае, если их ловили и приводили в Тар Валон, чтобы укротить — то есть навсегда отрезать от Истинного Источника, — и если они оставались на воле, все они в конце концов сходили с ума. Это занимало годы или всего несколько месяцев, но безумие все равно было неизбежно. Безумцы, имеющие доступ к Единой Силе, что вращает Колесо Времени и движет вселенной! История полнилась ужасами, причиной которых стали такие мужчины. А в пророчествах говорилось, что появление Дракона Возрожденного приведет к новому Разлому Мира. Будет ли его победа хоть чем-то лучше победы Темного? Да. Да, должна быть лучше. Даже после Разлома Мира уцелели люди, со временем отстроившие свой мир заново. Темный же превратит мир в склеп. В любом случае пророчества не изменятся по желанию

какой-то принятой. Их не изменят даже молитвы целых народов.

— По-моему, Амерлин запретила нам говорить на эту тему, — возразила Морейн.

Суан покачала головой:

— Она велела нам не говорить об этом никому другому. Но раз сами мы все равно уже знаем, что плохого, если мы обсудим случившееся друг с другом.

Тут девушка осеклась, поскольку из-за угла прямо перед ними появилась коренастая служанка с белой эмблемой Пламени Тар Валона на груди ливрейного платья.

Проходя мимо, круглолицая длинноносая служанка с подозрением оглядела принятых. Судя по всему, вид у них был виноватый. Слуги-мужчины обычно закрывали глаза на то, что затевали принятые и даже послушницы, — наверное, не хотели вмешиваться в дела Айз Седай больше, чем того требовала их работа. Но служанки присматривали за обучающимися не менее строго, чем сами сестры.

— Надо только соблюдать осторожность, — прошептала Суан, когда женщина уже не могла их услышать.

Как бы Суан ни была уверена, что от разговоров

между собой не будет никакого вреда, больше она не промолвила ни слова, пока девушки не добрались до комнат принятых, находившихся в западном крыле Башни.

Обнесенные каменным парапетом галереи образовывали нечто вроде колодца, на дне которого, тремя этажами ниже, располагался маленький садик. Он представлял собой горсточку вечнозеленых кустов, в это время года торчащих из снега. Принятые, которые позволяли себе зайти слишком далеко в своих проделках, часто оказывались в этом садике с лопатой для уборки снега в руках — сестры свято верили, что физический труд закаляет характер, — но в последнее время никто из учениц не доходил до таких крайностей. Опершись ладонями о парапет, Морейн посмотрела вверх, на светлое зимнее утреннее небо, видневшееся над шестью рядами погруженных в молчание галерей. Пар от дыхания собирался перед лицом белыми облачками. Голоса труб были слышны здесь более отчетливо, чем в коридорах, а запах гари в чистом морозном воздухе ощущался явственнее.

В этот дворик выходили комнаты более сотни принятых, и столько же — в соседний. Возможно, эти цифры не пришли бы сейчас Морейн на

ум, если бы не Предсказание Гайтары, но она думала о них и прежде. Цифры, словно кислотой, были вытравлены в ее мозгу. В комнатах второго двора-колодца хватало места более чем для двухсот принятых, однако на памяти любой из ныне живущих Айз Седай он всегда оставался закрытым. Да и здесь, в обжитой части, было занято едва ли больше шестидесяти комнат. Отделение послушниц тоже делилось на два похожих дворика, а в комнатках можно было разместить более четырехсот девушек; но одна часть также была уже давно закрыта, а в другой жило меньше сотни учениц. Морейн читала, что некогда и послушниц, и принятых селили по две в одну комнату. Когда-то половина девушек, чьи имена вносили в книгу послушниц, проходила испытания на кольцо; из теперешних учениц такую возможность получат меньше двадцати. В Башне могло разместиться три тысячи сестер, но лишь четыреста двадцать три жили здесь в настоящее время. И еще, наверное, дважды по столько же было разбросано по разным странам. Цифры жгли мозг, словно кислота. Ни одна Айз Седай не произнесла бы подобное вслух, и сама Морейн никогда не отважилась бы произнести это там, где ее могли бы услышать. Белая Башня

понемногу теряла силу. Башня теряла силу, а Последняя битва приближалась.

— Ты слишком много беспокоишься, — мягко произнесла Суан. — Мой отец говаривал: «Меняй то, что можешь изменить, если это нужно, но научись жить с тем, что изменить не в силах». Иначе несварение желудка только заработаешь. Это уже мои слова, а не отца. — Еще раз фыркнув, она демонстративно поежилась и обхватила себя руками. — Может, мы уже пойдем? Я сейчас околею. Моя комната ближе. Пойдем.

Морейн кивнула. В Башне тоже учили жить с тем, что ты не можешь изменить. Но некоторые вещи важны и стоят того, чтобы все же попытаться, даже если попытка заранее обречена на провал. Это был один из уроков, усвоенных ею в детстве.

Комнаты принятых мало чем отличались одна от другой: пошире — в дальней части, поуже — у двери, простые, обшитые панелями из темного дерева стены. Мебель удобной назвать сложно; ни одна из сестер не потерпела бы у себя в комнате ничего подобного. На полу в комнате Суан лежал маленький квадратный тарабонский коврик, сотканный из выцветших синих и зеленых ленточек, в углу стоял умывальник с зеркалом

и обколотый белый кувшин. Принятым предписывалось уметь обходиться тем, что есть, до тех пор, пока вещь полностью не приходила в негодность. Но когда все же наступал такой момент, лучше было иметь наготове убедительное объяснение случившемуся. Маленький столик, на котором стопкой лежали три книги в кожаных переплетах, и два стула с простыми спинками могли бы принадлежать какому-нибудь фермеру без гроша в кармане; впрочем, неприбранная кровать с раскиданными по ней смятыми одеялами была широкой, подходящей, скорее, для фермы среднего достатка. Меблировка дополнялась небольшим платяным шкафом. Никакой резьбы или украшений и в помине не было. Когда Морейн перебралась в новое помещение из маленькой стылой комнатушки послушницы, ей показалось, что она попала во дворец, хотя любая комната ее апартаментов в Солнечном дворце была по крайней мере вдвое больше этой. Что самое сейчас приятное — в комнатке был очаг из серого тесаного камня. Сегодня любая комната, где есть очаг, сошла бы за дворец, если, конечно, дозволено расположиться поближе к огню.

Суан поспешно сунула на решетку три колотых полена — короб для дров был почти пуст; для Айз

Седай поленья приносили слуги, но принятые должны сами обеспечивать себя дровами, — затем раздраженно фыркнула, обнаружив, что ее попытка сохранить с прошлого вечера тлеющие угольки не удалась. Видимо, второпях, спеша в покои Амерлин, она недостаточно тщательно присыпала их золой, и они все прогорели. На мгновение лоб Суан пересекла морщинка, а потом Морейн ощутила легкое покалывание, и свечение саидар снова на мгновение окружило Суан. Любая женщина, умеющая направлять, если находится достаточно близко, способна почувствовать, как другая прикасается к Силе. Но это покалывание было необычным. Женщины, проводящие много времени в совместных занятиях, иногда испытывают такое ощущение, но считалось, что оно со временем угасает. Между ней и Суан оно не угасало никогда. Порой Морейн видела в этом подтверждение того, насколько крепка их дружба. Когда сияние исчезло, короткие поленья уже весело потрескивали.

Морейн ничего не сказала, но Суан посмотрела на нее так, словно подруга произнесла вслух то, что думала.

— Слишком холодно, чтобы ждать, Морейн, — виновато пояснила она. — Кроме того, вспомни,

что нам говорила Акаррин на занятиях две недели назад: «Вы должны знать правила назубок и выполнять их, пока не узнаете, какие и когда можно нарушить», — процитировала Суан. — Это ведь и означает, что иногда мы все же можем нарушать правила!

Акаррин, худощавая Коричневая сестра, чьи внимательные глаза моментально замечали, кто не следит за разъяснениями, говорила об Айз Седай, а не о принятых, но Морейн промолчала. Суан вовсе не нужны были преподавательские высказывания такого рода, чтобы нарушать правила. О, она никогда не шла против основных запретов — никогда не пыталась убежать, не выказывала непочтительности к сестрам, и ей никогда не пришло бы на ум украсть что-нибудь, — но с самого начала она питала склонность к дерзким выходкам. Впрочем, проказничать любила и сама Морейн. Время от времени этим занимались большинство принятых и даже некоторые послушницы. Разные проделки и розыгрыши помогали снимать напряжение от непрерывной учебы, ведь лишь немногие дни оказывались свободными. Принятым не поручали поденной работы, не считая того, что от них требовалось прибираться в своих комнатах и заботиться о

чистоте собственного тела, — если, конечно, ученицы не ввязывались в неприятности, — но ожидалось, что девушки будут работать изо всех сил на занятиях, работать так, как послушницам даже не снилось. Но хоть какие-то маленькие радости все же необходимы, иначе попросту лопнешь, как яйцо, упавшее на камень.

Их с Суан проделки, разумеется, злобными не были. Да, как-то они натерли чесоточным дубом сорочку ненавистной им принятой, но это в счет не шло. Элайда превратила в мучение первый год их послушничества, ставя перед ними такие требования, которые не смог бы выполнить никто, и настаивая на неукоснительном их выполнении. Второй год — после того, как Элайда получила шаль, — оказался еще хуже, и это продолжалось до тех самых пор, пока она не покинула Башню. Остальные же их выходки были гораздо более добродушными, хотя даже самая невинная шалость могла навлечь на них скорое наказание, особенно если мишенью оказывалась Айз Седай. Триумфальной стала ночь прошлого лета, когда они запустили в самый большой фонтан Водного садика толстую зеленую форель. Предметом гордости подруг была трудновыполнимость деяния, а также тот факт, что их так и не раскрыли. Кое-

кто из сестер бросал на подруг подозрительные взгляды, но, к счастью, ни одна не могла доказать, что это их рук дело. Поскольку девочки были еще только принятыми, не имело смысла спрашивать их об этом напрямую. Разумеется, то, что Суан и Морейн запустили в фонтан форель, вряд ли повлекло бы за собой визит в кабинет наставницы послушниц, а вот то, что они без разрешения покинули территорию Башни, чтобы купить рыбину, — и хуже того, проделали это ночью! — несомненно, закончилось бы именно этим. Морейн надеялась, что на этот раз разговоры Суан о нарушении правил не ведут к очередной затее. Сама она чувствовала себя слишком усталой; сейчас их неминуемо бы поймали.

— Кто будет первой, ты или я? — спросила Морейн.

Может быть, занятия отвлекут Суан от дерзких мыслей.

— Больше нужно практиковаться тебе. Этим утром мы сосредоточимся на тебе. А также днем. И вечером.

Морейн поморщилась, но против правды не пойдешь. Чтобы пройти испытание на шаль, требуется создать одно за другим сто различных плетений, они должны быть совершенными и

следовать друг за другом в строгом порядке, причем плести их придется под сильным внешним давлением. На протяжении всего испытания необходимо сохранять абсолютное спокойствие. В чем именно будет выражаться давление, девушки не знали, знали только, что их внимание обязательно будут пытаться отвлечь, а сосредоточенность — нарушить. Практикуясь, они сами создавали друг для друга отвлекающие ситуации, и у Суан виртуозно получалось сбивать Морейн с толку в самый напряженный момент и постоянно испытывать ее терпение. Дашь волю своему характеру, и можно вообще не удержать саидар; даже после шести лет работы над собой Морейн все равно требовалось хотя бы немного спокойствия, чтобы иметь дело с Силой. Суан же редко выходила из себя, держа свои эмоции железной хваткой.

Обнимая Истинный Источник, Морейн позволила саидар проникнуть в себя. Не всему тому потоку, какой она могла удержать, но столько, сколько было необходимо для занятий. Направлять Силу — утомительная работа, и чем больше Силы ты направляешь, тем труднее ее удерживать. Даже тот незначительный объем, который Морейн сейчас зачерпнула, разлился по всему

ее существу, наполняя ее радостью и жизнью, блаженством. Это чудесное ощущение было почти мучительным. Когда Морейн обняла саидар впервые, она не знала, плакать ей или смеяться. Она сразу же почувствовала настойчивое желание зачерпнуть больше, но усилием воли поборола его. Все ее чувства очистились, обострились, когда Сила разлилась в ней. Ей казалось, что она почти слышит биение сердца Суан. Она ощущала, как потоки воздуха скользят по ее лицу и рукам; кайма на платье подруги стала более яркой, белизна шерстяной ткани теперь слепила глаза. Морейн различала мельчайшие трещинки на стенных панелях, которые смогла бы увидеть, если бы Сила не наполняла ее, только уткнувшись носом в самую стену. Сила вдохновляла ее. Морейн чувствовала себя… более *живой*. Какая-то ее часть очень хотела никогда больше не отпускать саидар, что было строжайше запрещено. Поддайся подобному желанию — и начинаешь зачерпывать все больше и больше, пока в конце концов не зачерпнешь столько, что уже не сможешь справиться. А это либо убьет, либо навсегда выжжет способность направлять. Потерять это… это блаженство… гораздо хуже, чем умереть.

Суан села на стул, и ее тоже окружило сияние

— хотя Морейн, разумеется, не могла видеть свечение возле себя самой. Сплетя вокруг комнаты, вдоль стен, пола и потолка малого стража, охраняющего от подслушивания, Суан замкнула его так, чтобы ей не приходилось постоянно заниматься его поддержанием. Работать одновременно с двумя плетениями — более чем вдвое сложнее, нежели с одним; удерживать три — более чем вдвое утомительнее, нежели два. Далее слово «трудно» уже не передавало степень требуемого напряжения, хотя удержать большее количество плетений было все же возможно. Суан сделала знак Морейн, чтобы та повернулась к ней спиной.

Хмуро взглянув на малого стража, Морейн повиновалась. Ей было бы легче сохранять концентрацию, если бы она видела плетения, которые готовила для нее Суан. Но зачем той понадобился малый страж от подслушивания? Теперь, если кто-нибудь приложит ухо к двери, он не услышит ровным счетом ничего, даже если Морейн будет вопить во всю глотку. Но конечно, Суан не собирается доводить ее до такого состояния! Нет, это, должно быть, просто первый шаг, чтобы сбить ее с толку — заставить размышлять об этом. Она почувствовала, как Суан перебирает

потоки Земли и Воздуха, затем Огня, Воды и Духа, потом Земли и Духа, постоянно перемежая их. Не глядя на Суан, невозможно сказать, создает ли она плетение или просто снова пытается ее отвлечь. Глубоко вздохнув, Морейн сосредоточилась на состоянии абсолютного спокойствия.

Почти все входящие в испытание плетения были чрезвычайно сложны и не предназначались ни для чего другого. Как ни странно, ни одно из них не требовало жестов, хотя без них не обходилось большинство обычных плетений. Движение рук не являлось частью плетения, но вот только, если не сопроводить плетение определенным жестом, оно не работало. Считалось, что жесты должны задавать мыслям определенное направление. Отсутствие жестов наводило на мысль, что испытуемые на протяжении по крайней мере части испытания будут лишены возможности использовать руки, — это звучало зловеще. Еще одна странность: ни одно из этих невероятно замысловатых плетений не давало никакого существенного результата, и даже при неверном исполнении они не становились опасными — во всяком случае, чересчур опасными. Такого не скажешь в отношении многих обычных плетений — для них такая возможность более чем реальна.

Даже простейшие из них могут оказаться разрушительными, если допущена малейшая ошибка. Женщины иногда погибали во время испытания, но, очевидно, не потому, что спутали плетение. Тем не менее неточность при создании первого плетения вызвала бы оглушительный громовой раскат.

Морейн направляла тончайшие потоки Воздуха, сплетая их в точности так, как требовалось. Плетение было довольно легким, однако саидар невозможно принудить к чему-либо, какими бы мелкими ни были пряди. Сила подобна полноводной реке, неумолимо текущей лишь вперед: попробуй бороться с ней — и тебя смоет, как веточку, упавшую в реку Эринин. И чтобы направлять Силу туда, куда тебе надо, необходимо научиться использовать ее всесокрушающую мощь. В любом случае размер прядей изначально не задавался, а с мелкими было проще работать. Да и шума будет меньше, если Суан удастся…

— Морейн, как ты думаешь, Красные способны на то, чтобы отступиться от него?

Морейн вздрогнула даже раньше, чем создаваемое ею плетение разразилось грохотом, напоминавшим звон литавр. Считалось, что любая сестра при необходимости сумеет спра-

виться с мужчиной, способным направлять Силу, но Красные в буквальном смысле охотились за ними. Суан говорила о младенце. Тогда понятно, зачем ей малый страж! И теперь ясно, к чему был разговор о нарушении правил. Видимо, Суан все же не так уверена, что Тамра не станет возражать, если они будут говорить о ребенке между собой. Морейн сердито оглянулась через плечо.

— Не останавливайся, — спокойно произнесла Суан. Она по-прежнему направляла Силу, но не делала ничего, а просто играла с прядями. — Тебе в самом деле нужно практиковаться, коли ты даже с этим не справилась. Ну, что скажешь? Насчет Красных?

На этот раз плетение обернулось серебристо-голубоватым диском размером с небольшую монету, который упал Морейн в протянутую руку. Форма также не оговаривалась — еще одна странность, — но диски и шары были проще всего. Сотканный из Воздуха, однако твердый как сталь, диск был прохладным на ощупь. Морейн отпустила плетение, и «монетка» исчезла, оставив после себя лишь слабое свечение Силы, которое вскоре тоже угасло.

Следующее плетение было одновременно одним из самых запутанных и абсолютно беспо-

лезным и требовало использования всех Пяти Сил. Но Морейн ответила Суан, не оставляя плетения. В конце концов, она умела одновременно разговаривать и направлять: Воздух и Огонь, вот так, и еще Земля. Теперь Дух и снова Воздух. Она плела не останавливаясь. По какой-то причине пряди нельзя слишком долго держать незаконченными, иначе они разваливаются, превращаясь в нечто совершенно иное. Еще раз Дух, затем вместе Огонь и Земля.

— Им потребуется двадцать лет, чтобы узнать об этом. Или около двадцати. Если повезет, времени окажется гораздо больше. — Иногда, хотя и редко, девочки, родившиеся с искрой дара, начинали направлять Силу уже в двенадцать-тринадцать лет; но мальчики, обладающие ею, никогда не принимались испытывать свои способности раньше восемнадцати или девятнадцати лет. А в некоторых мужчинах искра дара дремала, не проявляя себя, лет до тридцати. Снова Воздух, потом Дух и Вода, все в точности на своих местах. — Кроме того, это же будет Дракон Возрожденный! Даже Красным придется признать, что его нельзя укротить, пока он не примет участие в Последней битве.

Страшная судьба — спасти мир ценой неверо-

ятных усилий, чтобы в награду навсегда потерять это чудо! Пророчества никогда не отличались милосердием, и даже молитвы редко действовали на них. Еще раз Земля, теперь Огонь и снова Воздух. Результат ее стараний все больше напоминал Морейн самый безнадежно запутанный клубок в мире.

— Но разве этого хватит? Я слышала, что некоторые из Красных не особенно пекутся о том, чтобы эти несчастные мужчины оставались в живых.

Морейн тоже слышала об этом, но это всего лишь слухи. А также нарушение закона Башни. За такое сестру могли высечь и, скорее всего, изгнали бы на какую-нибудь отдаленную ферму, чтобы она некоторое время провела в уединении и в размышлениях о своем поведении. По закону такой поступок должен считаться убийством. Но если задуматься о том, что могут натворить такие мужчины, разгуливающие на свободе, то становилось вполне ясно, почему на их умерщвление смотрели сквозь пальцы. Еще немного Духа внизу, а прядь Земли пропустить насквозь. Невидимые пальцы пробежали по бокам Морейн по направлению к подмышкам. Щекотки она боялась, и Суан об этом хорошо известно, но все

же Морейн ждала от подруги чего-то большего. Морейн лишь чуть-чуть вздрогнула.

— Кое-кто не так давно говорил мне: мол, нужно учиться жить с тем, что ты изменить не можешь, — сухо сказала она. — Колесо Времени плетет так, как желает Колесо, и Айя делают то, что делают.

Еще раз Воздух, потом Огонь… Вот так. А за ним Вода, Земля, и не забыть про Дух. А теперь все пять вместе. О Свет, что за кошмарный узел! И ведь еще не все закончено.

— Я думаю… — начала Суан, но тут дверь с грохотом распахнулась, впустив поток холодного воздуха, который моментально выдул все тепло от очага.

Наполненная саидар, обострившей все ее чувства, Морейн ощутила, как ее с головы до ног окутывает ледяное покрывало.

Дверь впустила также Мирелле Беренгари, принятую из Алтары, которая получила кольцо в один год с ними. Красавица с кожей оливкового цвета, почти такая же высокая, как Суан, Мирелле была общительной и веселой. Ее чувство юмора было бурным, а нрав, если она давала ему волю, — еще хуже, чем у Морейн. Их знакомство началось с яростной перепалки, которую они

устроили еще в бытность послушницами, за что обеих высекли. Но потом Морейн и Мирелле вдруг обнаружили, что каким-то образом подружились. О, дружба их была не настолько тесной, как та, что объединяла Морейн с Суан, но все же они были подругами, и лишь дружеские чувства удержали Морейн от того, чтобы не наброситься на вновь прибывшую за то, что та вошла, не постучавшись. Впрочем, услышать стук Мирелле, даже если бы та колотила в дверь кулаками, не позволил бы малый страж. Не то чтобы это имело значение, но ведь все дело в принципе!

— Далеко еще до Последней битвы, как вы думаете? — спросила Мирелле, закрывая за собой дверь. Она увидела полузаконченное плетение перед лицом Морейн и малого стража, обвитого вокруг комнаты, и на губах у нее появилась усмешка. — Вижу, вы практикуетесь перед испытанием. Тебе удалось хоть раз заставить ее взвизгнуть, Суан? Если хочешь, могу помочь. Я знаю один способ — она будет визжать как поросенок, запутавшийся в сетях.

Морейн поспешила уничтожить плетение прежде, чем оно рассыпалось само по себе, и обменялась с Суан озадаченными взглядами. Откуда Мирелле узнала?

— Я никогда не визжала как… как ты говоришь, — натянуто произнесла она, выигрывая время.

Большинство придумываемых принятыми каверз предназначались для других принятых, и счет достижений Мирелле почти равнялся их с Суан счету. В упомянутой Мирелле шутке главную роль сыграла ледышка — и это в самый разгар летней жары, когда даже в тени чувствуешь себя как в печке. Но она никогда не визжала как поросенок!

— Что ты имеешь в виду, Мирелле? — осторожно спросила Суан.

— Как что — Айил, разумеется! А что же еще?

Морейн вновь переглянулась с Суан, на этот раз раздосадованно. Некоторые сестры утверждали, что в отдельных отрывках из «Пророчеств о Драконе» говорится об Айил. И разумеется, еще столько же сестер утверждали противоположное. В начале войны этот вопрос вызвал оживленное обсуждение. Точнее, происходившее можно было бы назвать ожесточенным спором, если бы участвовавшие в дискуссии женщины не были Айз Седай. Но сейчас, когда подруги знали такую тайну, все это вылетело у Морейн из головы и, очевидно, у Суан тоже. По-видимому, чтобы

сохранить тайну, им придется постоянно быть начеку.

— Вы что-то скрываете, так? Какой-то секрет? — сказала Мирелле. — Я не знаю никого, у кого было бы столько же секретов, сколько у вас двоих. Что ж, не ждите, что я буду вас расспрашивать. Не буду.

Судя по выражению ее лица, она просто умирала от желания спросить.

— Это не наша тайна. Нам нельзя об этом говорить, — ответила Суан, и брови Морейн приподнялись прежде, чем она успела совладать с чувствами.

Что это Суан задумала? Она что, пытается играть в *Даэсс Дей'мар*? Морейн уже как-то пыталась объяснить подруге, в чем заключается Игра Домов. В Кайриэне даже слуги и фермеры знали, как следует вести себя, чтобы получить преимущество или держать других подальше от своих планов и секретов. В Кайриэне Даэсс Дей'мар жила в крови как благородных, так и простолюдинов. Более чем где бы то ни было. Игра царила повсеместно, даже в тех землях, где ее отвергали. Однако, несмотря на все старания Морейн, Суан никогда не проявляла в ней большого искусства. Она была слишком прямолинейна для

этого занятия.

— Но ты можешь помочь нам с Морейн, — продолжала она, еще более удивив свою подругу. Подготовку они всегда проводили только вдвоем. — Мои трюки она уже слишком хорошо изучила.

Засмеявшись, Мирелле радостно потерла руки и села на второй стул; сияние Силы тут же окружило ее.

Морейн с мрачным видом повернулась к ним спиной и снова принялась за второе плетение, но Суан сказала:

— С начала, Морейн. Ты же знаешь. Порядок должен засесть у тебя в голове так прочно, что ничто не заставит тебя сбиться.

С легким вздохом Морейн еще раз сплела из Воздуха серебристо-голубую монетку и продолжала плетение дальше.

Суан была в чем-то права, сказав, что Морейн уже известны все ее трюки. Любимыми приемами Суан было щекотать ее в самый неподходящий момент, внезапно ткнуть в какое-нибудь уязвимое место, смутить неожиданными ласками или испугать громким звуком прямо над ухом. А еще говорить такое, от чего Морейн впадала в полнейший ступор, — а воображение у подруги

оставалось весьма живым даже после того, как сестры поработали над ее лексиконом. Однако, оттого что Морейн знала приемчики своей напарницы, сохранять абсолютную невозмутимость было ничуть не легче. Из-за Суан ей уже дважды приходилось начинать заново. Но Мирелле оказалась хуже. Она любила лед. Создавать лед было очень просто: несколько прядей Воды и Огня — и он возникал как будто из ниоткуда. Но Морейн хотелось бы знать, каким образом хулиганке удавалось заставлять его неожиданно появляться *внутри ее*, Морейн, платья, причем в самых чувствительных местах. Вдобавок Мирелле, направляя потоки, умела имитировать болезненные щипки и резкие хлесткие шлепки, напоминавшие удары розог. А время от времени на ягодицы Морейн словно бы обрушивался ремень. Щипки и удары ощущались по-настоящему, и остававшиеся после них синяки были не менее реальны. В какой-то момент Мирелле подняла ее на фут над землей, подвесив на веревках из Воздуха, — Морейн была уверена, что это Мирелле: Суан никогда ничего подобного не делала, — и медленно перевернула, так что ее ноги устремились к потолку, а юбки упали, накрыв голову. С бешено колотящимся сердцем, на грани

отчаяния, она вынуждена была руками отодвигать юбки с лица. Дело не в скромности — просто иначе нельзя продолжать плести. Вслепую можно удержать плетение, но создавать его, не видя, невозможно, а если бы именно этот замысловатый клубок Пяти Сил развалился, Морейн ждал бы весьма болезненный шок — как если бы она споткнулась о ковер и рухнула на железный брус. Только было бы в три раза больнее и повторилось бы несколько раз. Ей удалось успешно завершить плетение, но тем не менее Мирелле сумела поколебать ее концентрацию четыре раза!

Морейн чувствовала, как в ней нарастает раздражение, — но злилась она не на Мирелле, а на саму себя. Все принятые сходились в одном: во время испытания сестры будут проделывать с претендующей на шаль женщиной вещи гораздо худшие, чем все то, что способны выдумать подруги. И поэтому настоящие подруги обязаны проделывать с тобой все, что только смогут придумать, чтобы помочь подготовиться к испытанию. Но не нанося увечий, конечно. О Свет, если даже Мирелле с Суан смогли заставить ее сбиться за столь короткое время целых шесть раз, на что ей остается надеяться при настоящем испытании? Но Морейн продолжала плести с

несгибаемой решимостью. Она пройдет испытание, и пройдет с первой попытки. Непременно!

Морейн приступила к упражнению во второй раз и уже создавала второе плетение, когда дверь снова распахнулась. Неохотно отпустив саидар, девушка позволила прядям рассеяться. Каждый раз это приходилось делать, преодолевая себя. Казалось, что вместе с Силой утекает жизнь и весь мир тускнеет. Но до занятий с послушницами осталось совсем немного времени, и закончить Морейн все равно не успела бы. Принятым иметь часы не разрешалось, ведь в любом случае для большинства из них это было слишком дорогим удовольствием, но гонга, отбивавшего каждый час, в некоторых уголках Башни можно и не услышать, поэтому лучше всего — выработать в себе точное чувство времени. Опаздывать принятым дозволялось не больше, чем послушницам.

Женщину, что стояла на пороге распахнутой двери, Морейн едва ли назвала бы своей подругой. Тарна Фейр была ростом выше, чем Суан, родилась она на севере Алтары, невдалеке от Андора, но от Мирелле ее отличали не только соломенно-желтые волосы. Принятым не разрешали вести себя высокомерно, но достаточно было взглянуть в эти холодные голубые глаза,

чтобы убедиться, что их обладательница является настоящим воплощением высокомерия. У Тарны напрочь отсутствовало чувство юмора, и, насколько всем было известно, она ни разу ни над кем не подшутила. Тарна заслужила кольцо за год до Суан и Морейн, проведя девять лет в платье послушницы. Подруг и тогда у нее было не много, и сейчас их количество не увеличилось. Впрочем, ее, кажется, это не очень заботило, ведь она не чувствовала, что ей чего-то недостает. Она была совсем не похожа на Мирелле.

— Так я и думала, что найду вас обеих вместе, — холодно произнесла Тарна. Душевной теплотой она никогда не отличалась. — Не понимаю, почему бы вам не поселиться в одной комнате. А ты, Мирелле, решила тоже присоединиться к кружку Суан?

Все это было сказано спокойным тоном, как нечто само собой разумеющееся, однако глаза Мирелле вспыхнули. Сияние вокруг Суан исчезло, но Мирелле по-прежнему не отпускала Силу. Морейн оставалось лишь надеяться, что та не будет столь опрометчива, чтобы воспользоваться ею.

— Ступай, Тарна, — сказала Суан, взмахнув рукой, словно бы отпускала непрошеную гостью. — Мы заняты. И дверь за собой закрой.

Тарна не двинулась с места.

— Мне надо бежать, чтобы не опоздать на занятия с послушницами, — сказала Морейн, обращаясь к Суан. Тарну она игнорировала. — Они сейчас учатся создавать огненные шары, и, если меня не будет на месте, кто-нибудь наверняка решит попробовать без меня.

Послушницам запрещалось направлять Силу или даже обнимать Источник, если рядом не было сестер или принятых, но девочки нарушали этот запрет при любом удобном случае. Только что оказавшиеся в Башне девушки никогда по-настоящему не верили в грозящие им опасности, а те, кто уже поднабрался опыта, как правило, были уверены, что знают, как все эти опасности обойти.

— Послушницам объявили свободный день, — сказала Тарна, — так что сегодня занятий не будет. — Тот факт, что ее выпроваживали и демонстративно не обращали на нее внимания, ни капли Тарну не смущал. Ее вообще ничего не смущало. Несомненно, испытание на шаль Тарна пройдет с легкостью, с первой же попытки. — Принятых собирают в Овальном лектории. Амерлин намерена что-то нам сообщить. И еще одну вещь вы должны знать. Гайтара Моросо

умерла несколько часов назад.

Свечение, окружавшее Мирелле, потухло.

— Так вот что за тайну вы скрывали! — воскликнула она. Ее глаза запылали еще ярче, чем минутой раньше от слов Тарны.

— Я же говорила тебе, это не наша тайна, — ответила Суан.

Ответ был полностью в духе Айз Седай — и его хватило, чтобы Мирелле согласно кивнула, пусть и неодобрительно. Весьма неодобрительно. Пламя в ее глазах угасать, судя по всему, не намеревалось. Морейн подозревала, что в ближайшее время им с Суан предстоит масса неожиданных встреч со льдом.

По-прежнему держа дверь открытой — она что, вообще не чувствует холода, как настоящая сестра? — Тарна внимательно изучала Морейн, а затем медленно перевела взгляд на Суан:

— Да, верно. Ведь вы двое должны были дежурить в приемной. Что там произошло? Остальным известно только то, что она умерла.

— Я как раз подавала ей чашку чая, когда она вдруг охнула и упала мертвой мне на руки, — ответила Морейн.

Ответ получился еще более подобающий Айз Седай, чем тот, что дала Суан: ни слова лжи, но

вся правда оставалась скрытой.

Удивительно, но по лицу Тарны скользнула тень печали. Практически незаметно, однако это не укрылось от глаз Морейн. Тарна никогда не выказывала эмоций. Она словно из камня высечена.

— Гайтара Седай была великой женщиной, — пробормотала Тарна. — Это очень большая потеря.

— Зачем мы понадобились Амерлин? — спросила Морейн.

Очевидно, о смерти Гайтары уже объявлено, и ее похороны, по обычаю, состоятся завтра, так что сообщать об этом тоже нет необходимости. Не хочет же Тамра поведать о Предсказании принятым?

— Не знаю, — ответила Тарна, вновь источая холодность. — Не следовало мне тут задерживаться и вести с вами разговоры. За завтраком всем было сказано немедленно покинуть трапезную. Бегом мы еще успеем в Овальный лекторий до появления Амерлин.

Принятым предписывалось держаться с определенной долей величественности. Это было частью подготовки к тому дню, когда они получат шаль. И уж разумеется, не предполагалось,

что они станут бегать, не получив соответствующего указания. Однако они бежали — Тарна тоже не отставала, — подобрав юбки к коленям и не обращая внимания на удивленные взгляды ливрейных слуг в коридорах. Айз Седай не смеют заставлять Амерлин ждать. Принятые же не смеют даже подумать о подобном.

На куполообразном потолке Овального лектория было изображено небо с бегущими по нему белыми облаками. Окаймляла его широкая полоса сложного, замысловатого орнамента. Это помещение использовалось редко. Морейн со спутницами оказались последними из пришедших принятых, однако ряды скамей полированного дерева были заполнены меньше чем на четверть. Гул голосов принятых, строивших предположения о том, зачем с ними пожелала говорить Амерлин, лишь подчеркивал, сколь невелико было их число по сравнению с тем, на какое рассчитан зал. Морейн решительно выкинула из головы мысли о том, что количество сестер неумолимо уменьшается. Может быть, если сестры… Нет. Она не станет предаваться мрачным размышлениям.

К счастью, возвышение в передней части зала еще пустовало. Они с Суан отыскали себе места

позади толпы. Тарна уселась подле них, но своим видом всячески демонстрировала, что она не с ними. Отчужденность окутывала ее, как плащ. Мирелле, которая все еще дулась из-за того, что ей не сказали про Гайтару, прошла вдоль ряда в самый конец. Чуть ли не половина женщин в зале говорила одновременно, перебивая друг друга. Было почти невозможно уяснить, что говорит каждая в отдельности, но то немногое, что удалось расслышать Морейн, было абсолютной чепухой. Они *все* будут проходить испытание на шаль? Прямо сейчас? У Аледрин, должно быть, мозговая горячка — это надо же пороть такую чушь! Она всегда была чересчур впечатлительной. Брендас выдала версию и того абсурднее. Обычно мыслит она вполне здраво, но сейчас утверждала, будто их всех собираются отослать домой, поскольку Гайтара перед смертью Предсказала гибель Белой Башни, а может, и всего мира. Похоже, к вечеру количество версий о Предсказании Гайтары достигнет дюжины, если уже не достигло, — сплетни в крыле принятых расцветали пышным цветом мгновенно, словно розы в теплице. Морейн не хотелось это слушать. Чтобы сохранить тайну, ей придется всячески изворачиваться, по крайней мере несколько

последующих дней. Она искренне надеялась, что справится с задачей.

— Хоть кто-нибудь знает, что здесь действительно происходит? — спросила Суан сидевшую рядом принятую, худощавую, очень смуглую женщину с прямыми черными волосами, спускавшимися до пояса. Руки соседки были испещрены черными татуировками. — Или все это просто слухи?

Прежде чем ответить, Земайлле окинула ее внимательным взглядом:

— Думаю, слухи.

Земайлле все делала не торопясь. Благодаря этому она всегда казалась сосредоточенной и вдумчивой. Получив шаль, она, скорее всего, примкнет к Коричневой Айя. Или, возможно, к Белой.

Для Белой Башни Земайлле была редкостью. Она вышла из Ата'ан Миэйр, Морского народа. Среди Айз Седай было только четыре Ата'ан Миэйр, и все четыре принадлежали к Коричневой Айя, причем две из них были почти столь же стары, как Гайтара. Девушки из Ата'ан Миэйр никогда не приходили в Башню, за исключением тех случаев, когда искра проявлялась в них сама или они каким-то образом начинали учиться самостоятельно. И в тех и в других случаях деле-

гация от Морского народа доставляла девушку в Башню и поспешно удалялась. Ата'ан Миэйр не любили надолго разлучаться с соленой водой, а ближайшее к Тар Валону море лежало в четырех сотнях лиг к югу.

Земайлле, впрочем, как казалось, старалась забыть о своем происхождении. Она никогда не заговаривала о Морском народе, разве что только по требованию Айз Седай. Насколько Морейн было известно, девушка была усердна, с первого дня упорно стремилась добиться шали, хотя обучалась не очень быстро. Не медленнее прочих — просто не очень быстро. Сейчас уже восемь лет она была принятой, а до этого десять лет ходила в послушницах. Морейн не раз доводилось видеть, как она сначала путает плетение, а потом вдруг выполнит его так совершенно, что остается удивляться, что же ей мешало раньше. Однако каждая из девушек совершенствовала свои навыки в собственном темпе, и Башня никогда не торопила их больше, чем следовало.

Рослая принятая, сидевшая на ряд впереди, Айслинг Нун обернулась к ним. Она чуть ли не подпрыгивала на своей скамье от возбуждения:

— Это из-за Предсказания, точно говорю! У Гайтары перед смертью было Предсказание, и

Амерлин сообщит нам, в чем оно заключалось. Вы обе ведь дежурили в то утро, правда? Вы были рядом, когда она умерла. Что она сказала?

Суан напряглась, а Морейн уже открыла рот, чтобы солгать, но их спасла Тарна:

— Морейн сказала мне, что у Гайтары не было Предсказания, Айслинг. Когда Амерлин выйдет к нам, мы сразу же узнаем, что она хочет нам сообщить.

Ее тон был, как всегда, холоден, но не резок. Айслинг тем не менее вспыхнула от гнева.

Айслинг была из Туата'ан, Лудильщиков, — еще одна редкость в Белой Башне. Туата'ан жили в пестро раскрашенных фургонах, кочуя от селения к селению, и так же, как и Морской народ, не терпели у себя самоучек-дичков. Если какая-либо группа Странствующего народа обнаруживала, что в одной из их девушек проявляется искра, они тут же поворачивали свой караван и устремлялись к Тар Валону с такой быстротой, на какую только были способны их лошади. Верин, коренастая Коричневая сестра, уступавшая ростом даже Морейн, рассказывала, что девушки Лудильщиков никогда не пытаются научиться направлять Силу самостоятельно, они вообще не хотят направлять или становиться Айз Седай. Должно

быть, так оно и есть, раз это говорит Верин, однако Айслинг выказывала в обучении почти такую же старательность и целеустремленность, как и Земайлле, и даже преуспела побольше. Она получила кольцо через пять лет обучения, в один год с Морейн и Суан, и Морейн считала, что, скорее всего, испытание на шаль она пройдет уже через год, а может, и раньше.

Одна из дверей позади возвышения открылась, и из нее выскользнула Тамра. На ней было все то же синее платье, что и минувшей ночью, плечи укрывал палантин Амерлин. Морейн увидела ее одной из первых и одной из первых поднялась с места, но спустя мгновение уже все были на ногах и хранили молчание. Казалось странным видеть Амерлин одну. В коридорах Тамру всегда сопровождало по крайней мере несколько Айз Седай: либо просто сестры, представлявшие ей прошения, либо восседающие в Совете Башни, желавшие обсудить какие-нибудь вопросы перед Советом. Амерлин показалась Морейн усталой. О, спина ее была прямой, а судя по решительному выражению ее лица, она, если понадобится, смогла бы пройти сквозь стену. Но что-то в глазах Тамры говорило об усталости, не имевшей отношения к недостатку сна.

— В знак благодарности за сохранность Тар Валона, — произнесла Амерлин, и ее голос без труда услышала каждая принятая, находившаяся в зале, — я решила, что Башня должна выдать вознаграждение в сотню золотых крон каждой женщине в городе, родившей ребенка начиная с того дня, как под стены прибыли первые солдаты, и кончая днем, когда угроза миновала. Сейчас, когда я сообщаю это вам, о награде объявляют на городских улицах.

Никто не был настолько глуп, чтобы открывать рот, когда говорила Амерлин, но ее заявление все же вызвало несколько тихих возгласов, и один из них издала Суан. Собственно, ее возглас, скорее, походил на фырканье. Она в жизни не видела десяти золотых крон разом, не говоря уж о сотне. На сотню крон можно купить очень большую ферму или Свет знает сколько рыбачьих лодок.

Не обращая внимания на нарушение правил поведения, Тамра продолжала говорить:

— Как некоторые из вас, возможно, уже знают, любую армию всегда сопровождают множество людей. Иногда их даже больше, чем солдат. В основном это ремесленники, обслуживающие потребности армии: оружейники и мастера-стрельники, кузнецы, коновалы и тележники,

но среди них есть и солдатские жены, и другие женщины. Поскольку армия служила защитой Тар Валону, я решила наградить и этих женщин.

Морейн поймала себя на том, что кусает нижнюю губу, и заставила себя прекратить так делать. От этой привычки она старалась избавиться. Несомненно, нет никакого резона показывать всякому, кто тебя видит, что ты лихорадочно размышляешь. По крайней мере, теперь известно, что задумала Тамра. Видимо, она верит, что дитя действительно вскоре родится. Но зачем, ради Света, говорить об этом принятым?

— Угроза может сохраниться еще какое-то время, — сказала Тамра, — хотя сегодня утром я получила донесения, что Айил, возможно, начали отступление. Тем не менее положение кажется достаточно спокойным, чтобы уже сейчас начать составлять список имен, по крайней мере в лагерях поблизости от города. Чтобы быть честными со всеми этими женщинами, мы должны начать как можно скорее, пока никто из них не покинул эти края, что наверняка случится, если Айил действительно отступают. Многие солдаты пойдут вслед за Айил, и к ним вскоре присоединятся ремесленники и прочий лагерный люд. Оставшиеся солдаты разойдутся по домам. Сестры еще не вер-

нулись в Башню, поэтому составлением списков я поручаю заняться вам. Вы станете записывать имена. Поскольку некоторые женщины неизбежно успеют уйти прежде, чем вы их найдете, вам следует также расспрашивать о тех, кто рожал поблизости от Башни, но кого сейчас здесь уже нет. Записывайте все сведения, которые помогут отыскать их. Кто отец, из какого города или деревни, из какой страны — все, что узнаете. Каждую из вас будут сопровождать четверо гвардейцев Башни, чтобы никто вам не помешал.

Морейн чуть не задохнулась, пытаясь сохранить молчание. Изумленные вздохи слышались отовсюду — не все справлялись с этой задачей так же успешно, как она. Принятым и без того довольно редко дозволялось покидать город, но чтобы без сопровождения сестры? Это неслыханно!

С легкой снисходительной улыбкой Тамра ждала, пока восстановится порядок. Очевидно, она прекрасно понимала, что девушки от удивления чуть не потеряли способность здраво мыслить. И также, по-видимому, она услышала нечто, ускользнувшее от Морейн. Когда вновь воцарилась тишина, Амерлин сказала:

— Если я узнаю, что кто-то использовал Силу, чтобы защитить себя, Аланна, этому кому-то по

возвращении от наставницы послушниц садиться придется с большой осторожностью.

Некоторые из принятых были настолько растеряны, что позволили себе хихикнуть, а одна или две даже засмеялись вслух. Аланна в душе была робкой, но изо всех сил старалась казаться свирепой. Она говорила всем, кому еще не надоело слушать ее заявления, что хочет вступить в Зеленую Айя, Боевую Айя, и обзавестись дюжиной Стражей. Лишь Зеленые сестры связывали себя узами более чем с одним Стражем. Дюжины Стражей, разумеется, не имелось даже у Зеленых, но такова уж Аланна. Вечно она все преувеличивает.

Тамра хлопнула в ладоши, мгновенно утихомирив и хихикавших, и смеявшихся. Всякая снисходительность имеет пределы.

— Все вы должны соблюдать большую осторожность и прислушиваться к словам сопровождающих вас солдат. — На этот раз улыбок не последовало. Голос Тамры был тверд. Престол Амерлин не терпела вздора от правителей; уж разумеется, она не станет терпеть его от принятых. — Айил — не единственная опасность за стенами Тар Валона. Некоторые примут вас за Айз Седай и пусть так и считают, но только

если вы не будете настолько глупы, чтобы вслух объявить себя таковой. — Тишина в зале стала напряженной: претендовать на звание Айз Седай, не будучи ею, являлось преступлением против закона Башни, и каралось оно очень жестоко, даже если речь шла о женщинах, не принятых в Башню. — Найдутся проходимцы, которые увидят всего лишь юное женское личико. Если у вас не будет сопровождающих, они могут счесть вас легкой добычей. Лучше избавить их от искушения и таким образом избежать связанных с этим неприятностей. И не забывайте, что в армии есть и Чада Света. Белоплащник с первого взгляда узнает одеяние принятой, и если ему удастся всадить ей в спину стрелу, это порадует его не меньше, чем если бы на ее месте была Айз Седай.

До этого в зале стояла звенящая тишина, однако теперь она стала мертвой. Морейн подумала, что могла бы расслышать даже шум дыхания, но, судя по всему, все старались не дышать. Если Айз Седай выезжала из Башни в мир и бесследно исчезала — а такое иногда случалось, — первое подозрение всегда падало на белоплащников. Чада Света называли Айз Седай приспешницами Темного, они считали прикосновение к Единой Силе богохульством, наказуемым смертью, — и

обычно были совсем не прочь привести приговор в исполнение. Никто не мог понять, почему они пришли на помощь защитникам Тар Валона. По крайней мере, принятым никак не удавалось разгадать эту загадку.

Амерлин медленно оглядела ряды. Наконец она кивнула, явно довольная произведенным впечатлением:

— В Западной конюшне для вас уже седлают лошадей. В седельных сумках вы найдете еду на первое время и все прочее, что вам потребуется. Возвращайтесь в свои комнаты, надевайте обувь попрочнее и плащи потеплее. День вам предстоит долгий и холодный. Ступайте в Свете!

Она отпустила девушек, и они чуть ли не одновременно присели в реверансе. Но когда принятые уже двинулись было к двери в коридор, Тамра произнесла, словно это только что пришло ей в голову:

— Ах да! Вот еще. — (Услышав слова Амерлин, все моментально застыли на месте.) — Записывая имена женщин, также заносите в списки имя и пол ребенка, день, когда он родился, и точное место рождения. В этом отношении записи Башни должны быть доскональны. Можете идти. — Будто бы это не было самым важным из

всего сказанного Тамрой! Именно так Айз Седай скрывали на открытом месте то, что было необходимо утаить. Некоторые утверждали, будто именно Айз Седай изобрели Игру Домов.

Морейн не могла не обменяться взволнованным взглядом с Суан. Та испытывала явное отвращение к любой канцелярской работе, но сейчас на ее лице играла широкая ухмылка. Им поручена помощь в поисках Дракона Возрожденного! Разумеется, речь идет только о его имени и имени его матери, но это было настолько близко к приключению, насколько принятая смеет только надеяться.

Глава 4
Отъезд из Башни

Комната Морейн немногим отличалась от комнаты Суан. Маленький квадратный столик, на котором лежали четыре книги, и два стула с прямыми спинками и жесткими сиденьями словно принесли из того же фермерского дома, что и мебель ее подруги. Кровать у Морейн была поуже, а иллианский коврик — круглым и цветастым, залатанным в нескольких местах. Кувшин на умывальнике когда-то в прошлом выдержал серьезный удар. У зеркала был отбит уголок. Но, не считая этих маленьких отличий, комната запросто могла оказаться той же самой. Морейн не стала утруждать себя и разводить огонь. Свои угли она сгребла в кучу тщательнее, чем Суан, но времени вряд ли хватит, чтобы хотя бы частично выгнать холод из комнаты.

Открыв платяной шкаф, который был побольше, чем у Суан, но столь же заурядным внешне, Морейн вытащила из него пару прочных ботинок и слегка поморщилась. Ботинки были уродливы, их кожа была намного толще, чем у туфель, а

шнурки сгодились бы для починки седел. Но тем не менее ботинки, в отличие от туфель, сохранят ее ноги в снегу сухими. Добавив к обуви пару шерстяных чулок, она присела на край своей неприбранной кровати, чтобы натянуть их поверх тех, что уже были на ней. Какое-то время Морейн размышляла, не надеть ли ей еще и вторую сорочку. Как бы холодно ни было внутри Башни, там, куда она отправлялась, будет еще холоднее. Но времени было в обрез. И, кроме того, в этом ледяном воздухе снимать с себя платье совсем не хотелось. Без сомнения, имена будут записывать не в чистом поле, а под крышей, рядом с камином или жаровней, где будет тепло. Разумеется, так и будет. Большая часть людей в лагерях, скорее всего, примут их за сестер, как и предположила Тамра.

Следующим из шкафа появился тонкий пояс из выделанной кожи, с серебряной пряжкой и простыми ножнами, в которых скрывался узкий, оправленный в серебро кинжал, с клинком лишь немногим длиннее ее ладони. Морейн не носила его с тех пор, как прибыла в Башню, и теперь, застегнув пояс на талии, испытывала некоторое неудобство. Пусть ей и запретили использовать Силу, чтобы защищать себя, но кинжал при

необходимости отлично подойдет для этой цели. Прежде чем перецепить на новый ремень с белого кожаного пояска, который она кинула на кровать, свой поясной кошель, Морейн на минуту задумалась. Тамра сколько угодно могла говорить, что их обеспечат всем, что понадобится, но полагаться на то, что кто-то другой — даже Престол Амерлин — предусмотрит все необходимое, неразумно. Морейн запихнула в кожаную суму свой костяной гребень и щетку для волос с ручкой из драгоценной резной кости. Каким бы неотложным делом ни был сбор имен, она не сомневалась, что принятой, позволившей себе разгуливать неприбранной, не избежать резких слов — и это в лучшем случае. За гребнем и щеткой последовали хорошие перчатки для верховой езды — из темно-синей кожи, лишь чуть-чуть тронутые вышивкой на тыльной стороне, — а также небольшой набор швейных принадлежностей в резной шкатулке черного дерева, клубок прочной бечевки, две пары запасных чулок — если те, что на ней, промокнут, — несколько платков разных размеров и еще кое-какие другие полезные предметы, включая небольшой складной нож для очинки перьев, на случай если самим придется ими пользоваться. Сестер никогда не заставили

бы мириться с подобным неудобством, но они-то не сестры.

Повесив суму на плечо, Морейн прихватила свой плащ, подол которого, а также края капюшона были обшиты каймой, и выскочила наружу как раз вовремя, чтобы увидеть, как Мейдани и Брендас торопливым шагом покидают галерею. Суан с нетерпением ждала подругу, на ее плече под плащом тоже висела сума, голубые глаза блестели от возбуждения. Морейн была не единственной, кому пришлось наверстывать упущенное время. По другую сторону галереи Кэтрин Алруддин высунула голову из комнаты, во все горло потребовала, чтобы Карлиния отдала ее швейный набор, и тут же, не дожидаясь ответа, нырнула обратно.

— Аланна, Приталле, кто-нибудь из вас не одолжит мне пару чистых чулок? — донесся крик откуда-то снизу.

— Я же вчера дала тебе пару, Эдесина, — ответили сверху.

Повсюду хлопали двери, женщины выбегали из них, окликая Тимэйл или Десандре, Коладару или Атуан и с десяток других, требуя вернуть ту или иную взятую на время вещь или, наоборот, прося одолжить что-либо. Если бы сейчас появилась

сестра, за тот шум-гам, какой они здесь подняли, неприятностей у девушек было бы по горло.

— Что ты там копалась, Морейн? — выдохнула Суан. — Идем скорее, не то опоздаем!

Она пустилась прочь быстрым шагом, словно впрямь думала, что гвардейцы отправятся без них, если они не поспешат. Такого, разумеется, не могло произойти, однако Морейн не стала терять время зря. Она нипочем не будет медлить, коли выпал случай покинуть город — тем более такой случай!

Солнце все еще не прошло и полпути к зениту. По небу катились сгущавшиеся темно-серые тучи. Возможно, сегодня снова пойдет снег. Из-за снегопада стоявшая перед ними задача проще не станет. Впрочем, идти было легко, поскольку широкая, усыпанная гравием дорожка, которая вела между деревьями к Западной конюшне, мимо крыла Башни, отведенного для принятых, была расчищена. Разумеется, снег убрали не для удобства принятых: просто в Западной конюшне держало лошадей большинство сестер и работники расчищали эту дорожку лопатами по два-три раза в день, если в том была необходимость.

Сама конюшня представляла собой вытянутое трехэтажное строение из серого камня, более

вместительное, нежели главная конюшня Солнечного дворца. На просторном мощеном дворе перед ней было не протолкнуться из-за толпы конюхов в груботканых куртках, оседланных лошадей и гвардейцев Башни в шлемах и серых стальных кирасах поверх темных, почти черных, мундиров и в таких же темных плащах с изображением белой слезинки Пламени Тар Валона. Плащи-табары с семью цветными полосами поверх кирас отличали знаменщиков и единственного здесь офицера. Брендас и Мейдани взбирались в седла, а полдюжины других принятых, в плащах и капюшонах, вытянувшись цепочкой, уже ехали по направлению к Закатным воротам в сопровождении своих гвардейцев. Морейн на секунду разозлило, что столь многие опередили их с Суан. Они что, совсем не собирались в дорогу, раз управились так быстро? Но зато они не знали, что на самом деле должны искать. Эта мысль вновь вернула ей хорошее настроение.

Протолкавшись сквозь толпу, Морейн отыскала свою гнедую кобылу. Ее держала под уздцы долговязая женщина-конюх, на узком лице которой читалось осуждение. Скорее всего, она хмурилась при виде принятой, которая могла

похвастаться собственной лошадью. Таких было очень немного — большинство не могли позволить себе содержать лошадь, да и возможность выехать за пределы Башни все равно выпадала чрезвычайно редко, — но Морейн купила себе Стрелу, отпраздновав таким образом получение кольца. Такое проявление тщеславия, как она подозревала, едва не стоило ей вызова в кабинет Мериан. Но даже если и так, девушка не жалела о покупке. Кобыла была невысокой — Морейн терпеть не могла выглядеть маленькой девочкой, что было бы неизбежно на фоне крупного животного, — однако Стрела еще долго могла скакать после того, как выдыхались другие более статные лошади. Быстрый скакун — это хорошо, но выносливый — еще лучше. Стрела же обладала обоими качествами. Кроме того, она преодолевала такие препятствия, перед которыми пасовали большинство лошадей, наотрез отказываясь даже пытаться. Выяснение этого обстоятельства действительно стоило ей визита к наставнице послушниц. Сестры с неодобрением смотрели на принятых, которые рисковали сломать себе шею. С очень сильным неодобрением.

Женщина-конюх хотела сразу же отдать поводья, но Морейн, повесив суму на высокую луку

седла, принялась расстегивать пряжки на седельных сумках. В одной лежал сверток: в салфетку были завернуты полбуханки черного хлеба, курага в вощеной бумаге и большой кусок светло-желтого сыра. Это было больше, чем она могла бы съесть в одиночку, но кое у кого из принятых аппетит был не чета ее. Из второй сумки торчала деревянная полированная доска для письма, к которой прилагалась толстая пачка плотной бумаги и две хорошие ручки со стальными перьями.

«Зря взяла перочинный ножик», — с огорчением подумала Морейн, стараясь, чтобы лицо оставалось бесстрастным. Она вовсе не желала показывать конюху свое смущение. По крайней мере, она подготовилась ко всему.

В доску также была вделана плотно закупоренная чернильница из толстого стекла. К вящему изумлению женщины-конюха, которое та даже скрывать не стала, Морейн не поленилась проверить, действительно ли она закупорена достаточно плотно. Что ж, эта женщина может усмехаться, сколько ей угодно, даже не прикрываясь ладонью, но Морейн не хотелось возиться с кучей перепачканной бумаги, если чернила все же протекут. Иногда она жалела о том, что слуги не смотрят на принятых так, как послушницы.

Женщина-конюх отвесила ей ироничный поклон, вручив наконец поводья, а потом нагнулась, сложив руки перед собой так, чтобы подсадить в седло, — еще один жест, в котором сквозила насмешка, — но Морейн презрела ее помощь. Натянув тугие перчатки для верховой езды, она одним махом взлетела в седло. Пусть-ка эта женщина посмеется над этим! Морейн посадили на ее первого пони — разумеется, его держали под уздцы, — как только она научилась ходить, не держась ни за чью руку, а первую настоящую лошадь ей подарили в десять лет. К несчастью, на юбке принятой не было разрезов для верховой езды, и необходимость поправлять одежду в тщетной попытке прикрыть ноги несколько подпортила предполагаемый эффект. Причем дело было в холоде, а не в застенчивости. Ну… по крайней мере, не только в застенчивости. Заметив, что некоторые гвардейцы бесцеремонно поглядывают на ее ноги, обтянутые чулками и открытые чуть ли не до колен, Морейн вспыхнула от ярости. Стараясь не обращать на мужчин внимания, она огляделась в поисках Суан.

В ознаменование получения кольца она хотела купить лошадь и для Суан и теперь жалела, что позволила подруге отговорить себя: иначе

Суан могла бы практиковаться, сколько душе угодно. Теперь же та взбиралась на свою лошадь, крепкого серого мерина, с такими неловкими предосторожностями, что совершенно безмятежное с виду животное даже вывернуло шею назад и с испугом глядело на будущую наездницу. Суан чуть не выпала из седла, пытаясь засунуть в стремя вторую ногу. Когда это ей наконец удалось, она стиснула поводья с такой силой, что ее темно-серые перчатки натянулись на костяшках пальцев; на лице девушки застыло угрюмо-решительное выражение, словно она готовилась к тяжелому испытанию, которое могла провалить. Впрочем, для нее так оно и было. Суан, вообще-то, умела ездить верхом, просто удавалось ей это очень плохо. Ее полуобнаженные ноги тоже привлекли взгляды некоторых мужчин, но Суан, по-видимому, ничего не замечала. Впрочем, даже если бы она и заметила это, то, разумеется, ничуть не смутилась бы. Если верить Суан, работа на рыбачьей лодке требовала подтыкать юбку, оголяя ноги куда выше колен!

Когда обе девушки оказались в седлах, стройный молодой подлейтенант, шлем которого украшало короткое белое перо, выделил им в сопровождение восьмерых гвардейцев. Его лицо

за решеткой забрала было, право же, довольно привлекательным, однако любой из гвардейцев Башни знал, что ему грозит, если вдруг ему вздумается улыбаться принятым. Поэтому офицер, прежде чем отвернуться, взглянул на Морейн и Суан лишь мельком. Не то чтобы Морейн хотела, чтобы он улыбнулся, или жаждала улыбнуться ему в ответ — она ведь не какая-то безмозглая послушница! — но она бы с удовольствием посмотрела на него немного подольше.

Командира их эскорта назвать привлекательным было трудно. Высокий, седоватый знаменщик с вечно хмурым выражением лица и низким хриплым голосом, коротко назвавшийся Стилером, окружил девушек кольцом своих солдат и, не говоря больше ни слова, развернул длинноногого чалого мерина по направлению к Закатным воротам. Гвардейцы пришпорили коней, спеша за ним, и тут девушки сообразили, что их гонят вперед словно овец. Гонят! Морейн с трудом сохраняла невозмутимость. Хорошая практика, кстати. Суан, однако, практиковаться, по-видимому, не желала.

— Мы должны ехать на западный берег, — окликнула она Стилера, сердито вперившись взглядом в спину знаменщика. Тот не отвечал.

Колотя пятками по упитанным бокам своего серого, девушка нагнала командира, чуть не слетев при этом с седла. — Слышишь меня? Нам следует ехать на западный берег.

Знаменщик громко вздохнул и в конце концов соизволил повернуть голову и взглянуть на Суан.

— Мне и приказано доставить вас на западный берег… — Стилер замолчал, словно раздумывая, какой титул следует употребить, обращаясь к ней. Обычно у гвардейцев не было причин разговаривать с принятыми. Очевидно, ему так ничего и не пришло в голову, поскольку продолжил он без почтительных обращений и более твердым тоном: — И вот что: если кого-нибудь из вас поцарапают, то аукнется мне, а мне вовсе этого не хочется. Поэтому лучше не выезжайте из оцепления, ясно? Ну ладно, поехали. Иначе мы остановимся и не сдвинемся с места, пока вы не послушаетесь.

Сжав зубы, Суан присоединилась к Морейн.

Быстро оглянувшись и удостоверившись, что никто из солдат не услышит ее, Морейн прошептала:

— Суан, ты на самом деле думаешь, что именно мы найдем его? — Конечно, она надеялась на

это, но вокруг — реальная жизнь, а не баллада менестреля. — Может, он еще даже и не родился.

— С тем же успехом это можем быть и мы, и кто-то другой, — пробормотала Суан. — У нас шансов даже больше, ведь мы знаем, что искать. — Она не сводила сердитого взгляда со знаменщика. — Когда я решу связать себя узами со Стражем, первое, о чем я позабочусь, — чтобы он делал то, что ему сказано.

— Ты думаешь, не связать ли узами Стилера? — невинным тоном спросила Морейн.

Во взгляде Суан промелькнула такая смесь изумления и ужаса, что Морейн чуть было не рассмеялась, но тут Суан снова едва не свалилась со своей лошади, а над этим смеяться было нельзя.

Когда всадники миновали окованные железом Закатные ворота с золочеными изображениями заходящего солнца на толстых балках высоко вверху — именно благодаря им ворота и получили свое название, — вскоре стало очевидно, что маленький отряд заворачивает к юго-западу, направляясь мощеными улицами к Алиндейрским воротам. В городе было множество речных ворот, через которые из реки могли заходить небольшие лодки, — и, разумеется, Северная и Южная гавани для больших судов, — но на мосты

вели только шесть ворот. Алиндейрские ворота были самыми южными из трех, расположенных в западной части города, и если девушки хотели оказаться поближе к Драконовой горе, то это направление уводило их в сторону. Но Морейн не тешила себя иллюзиями, что Стилер позволит сбить себя с намеченного пути. «Смирись с тем, что изменить не можешь», — кисло подумала она. Суан, должно быть, готова ногти грызть от разочарования.

Суан, однако, молчала, разглядывая спину Стилера. Ее взгляд больше не был сердитым, скорее просто изучающим, словно она смотрела на одну из головоломок, которые так любила, — сводящие с ума своей запутанностью, где отдельные части прилегали друг к другу так плотно, что казалось, будто их вообще нельзя разъединить. Вот только, в конце концов, они всегда разделялись — в руках Суан. То же относилось к загадкам, ребусам и математическим задачам. Суан видела закономерности там, где никто другой не способен был их разглядеть. Она была настолько поглощена рассматриванием знаменщика, что ей даже удавалось ехать верхом довольно ловко, чуть ли не с изяществом. По крайней мере, с виду не скажешь, что она готова свалиться с лошади

при каждом шаге.

Возможно, ей и удастся выдумать, как вынудить Стилера повернуть, но что до Морейн, то она с наслаждением всецело отдалась прогулке по городу. Ведь даже принятым не каждый день разрешали выезжать за территорию Башни, а Тар Валон был огромным городом, величайшим городом во всем известном мире. Да и наверняка вообще во всем мире. Остров протянулся почти на десять миль, и, не считая общественных парков, частных садиков — и Огирской рощи, разумеется, — каждый квадратный фут земли занимал город.

Улицы, по которым ехал отряд, были широкими, их давно не чистили от снега, и повсюду — толпы людей, большей частью передвигающиеся пешком, хотя изредка в толпе попадались и портшезы, или закрытые носилки. По запруженным людьми улицам идти пешком куда быстрее, и лишь самые заносчивые или упрямые: тайренская дама с гордо поднятой головой, в высоком кружевном воротничке, окруженная свитой слуг и охранников, группа кандорских купцов с серебряными цепочками поперек груди, спокойно смотрящих по сторонам, несколько кучек разряженных в пух и прах усатых щеголей из Му-

ранди, которым следовало находиться не здесь, а там, где шел бой, — ехали верхом. И еще те, кому предстоит долгий путь, поправила себя Морейн, тщетно попытавшись в который раз прикрыть ноги и кинув сердитый взгляд на раскосого салдэйца — судя по простой суконной куртке, купца или ремесленника, — который разглядывал их слишком уж откровенно. О Свет! Мужчины, кажется, не способны понять или попросту не обращают внимания, когда женщина хочет, чтобы на нее смотрели, а когда — нет! Как бы то ни было, но Стилер и его солдаты своим присутствием расчищали перед собой путь. Никто не хотел мешать отряду из восьми вооруженных и закованных в доспехи гвардейцев Башни. Должно быть, именно это заставляло толпу расступиться. Она сомневалась, что кому-нибудь в этой толпе известно, что белое платье с семицветной каймой означает принадлежность к Белой Башне. Те, кто приезжал в Тар Валон, обычно старались держаться подальше от Башни, если только у них не было никаких дел к Айз Седай.

В этой толпе были представлены, казалось, все страны. «Весь мир приходит в Тар Валон», — гласит пословица. Тарабонцы с дальнего запада, в полупрозрачных вуалях, которые закрывали

лицо до самых глаз и сквозь которые явственно виднелись густые усы, соседствовали здесь с обветренными и, несмотря на холод, босыми матросами бороздивших воды Эринин речных кораблей. Вот навстречу проехал верхом порубежник в пластинчато-кольчужных доспехах — каменнолицый шайнарец с бритой головой и единственным пучком волос на макушке; его шлем с гребнем был приторочен к седлу. Наверняка это гонец, направлявшийся в Башню, и у Морейн промелькнула мысль, не остановить ли его. Но вряд ли он открыл бы ей содержание своего послания, и к тому же тогда ей пришлось бы пробиваться через стену из гвардейцев Стилера. О Свет, как невыносимо это неведение!

Здесь были кайриэнцы в темных одеждах, они выделялись среди прочих низким ростом и бледной кожей; алтарцы в богато расшитых платьях; алтарки запахивали свои плащи, ярко-красные, зеленые или желтые, оберегая от холода те части тела, которые низкие вырезы их платьев открывали на поживу ледяному ветру; тайренцы в куртках в широкую полоску и тайренки в обшитых кружевами нарядах; незамысловато одетые андорцы шагали так, словно не только знали в точности, куда они идут, но и намерева-

лись достичь цели как можно скорее. Андорцы терпеть не могли делать несколько дел одновременно. Для этого они были слишком упрямыми и гордыми, и, кроме того, им зачастую просто не хватало воображения. Пять или шесть меднокожих доманиек в причудливо расшитых плащах — несомненно, купчихи; почти все доманийские женщины, выезжавшие за пределы своей страны, были купчихами — покупали пирожки с мясом с ручной тележки. Поодаль одетый в куртку с красными рукавами арафелец с черными волосами, собранными в две косицы, свисавшие на спину и украшенные серебряными колокольчиками, размахивал руками, увлеченно споря с флегматичным иллианцем, а того, казалось, больше интересовал яркий полосатый плащ, в который он тщательно кутался. Морейн заметила даже одного очень темнокожего парня, который вполне мог принадлежать к Морскому народу, — хотя и некоторые тайренцы были не менее смуглыми. Его рук не было видно под обтрепанным плащом, и он пробирался сквозь толпу так поспешно, что Морейн не сумела разглядеть, имелась ли у него на руках татуировка.

От одних разговоров такой уймы народа шум стоял изрядный, но к нему добавлялся еще скрип

плохо смазанных осей тележек и фургонов, стук копыт и скрежет окованных железом колес по камням мостовой. Возчики орали на прохожих, требуя освободить дорогу, что последние делали весьма неохотно; лоточники расхваливали свой товар, разложенный на тележках и подносах: ленты, иголки, жареные орешки и другую дребедень. Невзирая на холод, на перекрестках то и дело попадались жонглеры и акробаты — женщины и мужчины, положив на землю шапки для монет, играли на флейтах, рожках, арфах. Лавочники, стоя в дверях своих лавок, громогласно убеждали в превосходстве своего товара над любым другим. Метельщики улиц с метлами, лопатами, тележками убирали то, что оставляли за собой лошади, и всяческий другой мусор, выкрикивая: «Дорогу чистым сапогам! Дорогу, если хотите, чтобы сапоги были чистыми!» Это было так… в порядке вещей. Никто, казалось, не замечал тяжелого кислого запаха дыма, висевшего в воздухе. Битва за стенами Тар Валона не могла изменить того, что происходило внутри этих стен. Возможно, изменить это оказалась бы не в состоянии даже сама война. Но те же самые сцены можно увидеть и в Кайриэне, хотя, наверное, людей там не так много и разнообразия поменьше. Такой город,

как Тар Валон, — единственный, он не похож ни на какой другой.

Белая Башня высилась в самом центре города — массивная, белая, как кость, колонна, почти на сотню спанов вздымающаяся в небеса и видимая на десятки миль. Путники, направлявшиеся к городу, видели ее еще задолго до того, как могли разглядеть сам город. Она являла средоточие силы Айз Седай; ее одной хватило бы, чтобы придать Тар Валону незабываемый облик, но, кроме нее, по всему городу возвышались и другие, меньшие башни. Не только шпили — здесь были и спиральные, и желобчатые башни; между теми, что располагались близко друг к другу, в сотне футов над землей, а иногда и в двух сотнях или больше, были переброшены мосты. Даже поднебесные башни Кайриэна не могли сравниться с ними. В центре каждой площади располагался фонтан, памятник или огромная статуя, установленная зачастую на постаменте высотой шагов в пятьдесят. Но и сами здания были несравнимо величественнее, нежели в других городах. Вокруг принадлежащих купцам и банкирам роскошных особняков, украшенных куполами, шпилями, колоннадами, теснились лавки и гостиницы, таверны и конюшни, доход-

ные дома и жилища простого народа. Однако даже они были отделаны резьбой и фризами, которые сделали бы честь любому дворцу. Да многие из них и сошли бы за дворцы. Почти все они были огирской постройки, а огиры строили ради красоты. Еще более чудесными были те разбросанные по всему городу строения — они виднелись тут и там, по полдюжины на каждой улице, — где каменщикам-огирам предоставили свободу самовыражения. Трехэтажное здание банка вызывало в памяти стаю птиц в полете, изваянных в золотистом мраморе; при виде здания гильдии купцов Кандора перед глазами вставал образ табуна лошадей, купающихся в прибое, — а может быть, это волны прибоя превращались в лошадей. Огромная гостиница «Синий кот» больше всего напоминала то, что значилось в ее названии, — а именно синего кота, спящего, свернувшись в клубок. Большой Рыбный рынок, крупнейший из городских рынков, казалось, и впрямь был косяком здоровенных рыб, зеленых и красных, голубых и полосатых. Другие города тоже могли похвастаться зданиями, построенными огирами, но среди них не было ничего подобного тому, что было представлено в Тар Валоне.

Одно из огирских творений окружали строи-

тельные леса, поэтому Морейн разглядела лишь то, что возведено оно из зеленого и белого камня и, казалось, сплошь состояло из изгибов. По деревянным платформам ходили каменщики-огиры, некоторые из них с помощью торчавшего над улицей длинного деревянного крана поднимали огромные куски белого камня. Даже произведения огиров время от времени требовали ремонта, и ни один каменщик из людей не мог воспроизвести их искусства. Впрочем, видеть огирских каменщиков доводилось не так-то часто. Сейчас один из мастеров стоял на мостовой, у основания широкой лестницы, ведущей к нижнему ярусу лесов; на строителе был длинный темный кафтан, колоколом висевший над сапогами, под мышкой огир держал толстый рулон бумаги. Если не присматриваться, мастера можно было принять за человека. И если не обращать внимания на то, что его огромные глаза оказались на одном уровне с глазами Морейн, когда та проезжала мимо. А также на торчавшие из волос длинные уши с кисточками на концах, на нос чуть ли не во все лицо и на рот, только что не разрезавший это лицо пополам. Брови свисали ему на щеки, словно усы. Морейн приветствовала огира, церемонно поклонившись со своего седла, и он

ответил ей не менее торжественным поклоном, поглаживая узкую бородку, спускавшуюся ему на грудь. Однако, когда огир повернулся и начал взбираться по лестнице, его уши дернулись, и Морейн почудилась в этом усмешка. Любой встречный в Тар Валоне огир распознает платье принятой с первого взгляда.

Вспыхнув, Морейн покосилась на Суан — не заметила ли чего подруга, — но та по-прежнему не сводила взора со Стилера. Возможно, она даже вообще не увидела огира. У Суан в голове, может, одни головоломки и загадки, но ухитриться не заметить *огира*?

Примерно через час после выезда из Башни отряд достиг Алиндейрских ворот, которые были настолько широки, что через них свободно могли проехать бок о бок пять или шесть повозок; справа и слева от ворот располагались стройные башни с зубчатыми верхушками. Над высокими белыми стенами города тоже возвышались башни, вдававшиеся в реку, но ни одна из них не была столь высокой или мощной, как те, что охраняли мост. Огромные, обитые листами бронзы створки были распахнуты настежь, однако на верхушках башен несли вахту гвардейцы — по их команде ворота в любой момент могли захлопнуться.

Еще две дюжины стражников, вооруженных алебардами, стояли вдоль обочины, наблюдая за теми немногими, кто проходил мимо. Морейн с Суан и их эскорт притягивали взгляды караула, как магнит — железные опилки. Точнее, внимание привлекали платья с семицветной каймой. Никто, однако, не сказал ни слова о принятых, покидающих город, — вероятно, потому, что какая-то группа уже миновала эти ворота. В отличие от переполненных улиц, на мосту движения не было. Все, кто искал защиты в Тар Валоне, уж давно укрылись за его стенами, и, несмотря на внешнюю обыденность жизни в городе, никто, по-видимому, не считал, что покидать город уже безопасно. Один из гвардейцев, широкоплечий знаменщик, кивнул Стилеру, и тот, не останавливаясь, кивнул в ответ.

Когда копыта лошадей застучали по мосту, у Морейн перехватило дыхание. Мосты сами по себе были чудом — каменное кружево, созданное с помощью Единой Силы. Они выгибались дугой почти на целую милю и упирались в твердую землю, начинавшуюся за болотистым речным берегом. Лишенные опор конструкции были настолько высокими, что под ними без помех мог проплыть даже самый большой речной корабль.

Однако вовсе не это поразило Морейн. Она оказалась за пределами города! Сестры вбили в голову каждой послушнице, что если она хотя бы ногу поставит на мост, это уже будет рассматриваться как попытка к бегству, а бегство считалось самым тяжким преступлением, какое только могла совершить послушница. Если не считать убийства, конечно. То же самое относилось и к принятым, просто им не надо было об этом напоминать. И вот она — за пределами города, на свободе, словно уже носит шаль! Морейн оглянулась на окружавших ее солдат. Ну… почти на свободе.

В самой высокой точке моста, более чем в пятидесяти шагах над рекой, Стилер внезапно натянул поводья. Он что, спятил и решил полюбоваться на Драконову гору, что виднелась в отдалении, над обломанной вершиной которой поднималась ленточка дыма? Охваченная радостными чувствами, Морейн совсем забыла о холоде, но резкий ветер с Алиндрелле Эринин пробрался под плащ и быстро напомнил о себе. Вонь горелого дерева ощущалась здесь особенно сильно. Морейн неожиданно осознала, что трубы смолкли. Наступившая тишина почему-то казалась не менее зловещей, чем прежде — непрекращающийся зов труб.

Потом Морейн заметила у подножия моста группу конников — человек девять или десять, которые смотрели в сторону городских стен. Вопрос, почему стихли трубы, тут же перестал беспокоить ее. Полированные кирасы и шлемы всадников сияли серебром, и их длинные белые плащи лежали на крупах лошадей. Обнимая Истинный Источник, она ощутила, как ее наполняют жизнь и радость, но сейчас важнее оказалось то, что Сила обострила ее зрение. Как Морейн и подозревала, на плащах, на груди слева, красовалась вышивка — пылающее золотое солнце. Чада Света! И они посмели перегородить один из мостов Тар Валона? Что ж, здесь есть только они с Суан и гвардейцы Башни. Однако это ничего не меняет. По правде говоря, тот факт, что здесь не было никого, кроме них, только усугублял ситуацию.

— Знаменщик Стилер, — громко произнесла Морейн, — нельзя позволить белоплащникам думать, что они способны устрашить посвященных Башни. И тем более гвардию Башни. Вперед!

Этот глупец даже не обернулся, пристально рассматривая белоплащников. Возможно, если она слегка стукнет его по макушке небольшой прядью Воздуха…

— Морейн! — Шепот Суан был едва слышен, но она ухитрилась вложить в него предостережение.

Морейн с удивлением посмотрела на свою подругу. Суан хмурилась. Откуда она узнала? Морейн ведь еще даже не начала плести! Однако Суан права. Некоторые вещи делать просто не разрешалось. С виноватым видом она отпустила саидар и глубоко вздохнула, почувствовав, как восторг медленно покидает ее. Вздрогнув, Морейн поплотнее закуталась в плащ — словно это чем-то поможет!

Наконец белоплащники развернулись и поехали обратно в деревню. Алиндейр — очень большое селение, почти городок: кирпичные дома в два, а то и в три этажа, крытые голубой черепицей, которая сейчас едва проглядывала из-под снега, собственные гостиницы, лавки и рынки. Укутывавшее деревню белое одеяло придавало ей чистый и мирный вид. Белоплащники очень быстро скрылись с глаз. Лишь когда они показались в промежутке между двумя зданиями на улице, ведущей на север, Стилер, пришпорив коня, продолжил путь. Его рука в латной перчатке лежала на рукояти меча, а сам он все время, пока они ехали вниз по оставшейся части моста, не

переставал вертеть головой, обшаривая взглядом лежащие впереди улицы. Там, где встретилась одна группа белоплащников, могли оказаться и другие. Морейн внезапно испытала глубокую признательность Стилеру и его людям. Кинжал мало чем помог бы ей против стрел белоплащников. Ничто из ее приготовлений, пожалуй, не принесло бы сейчас большой пользы.

Когда отряд добрался до окраины городка, Суан снова ударила пятками в бока своего серого и нагнала знаменщика; она по-прежнему была так поглощена собственными мыслями, что правила лошадью даже с некоторой… не грацией, разумеется, но, по крайней мере, устойчивостью.

— Знаменщик Стилер! — В ее голосе вежливые и настойчивые нотки сочетались с изрядной долей уверенности. Тон был почти приказной. Стилер повернул к ней голову, удивленно моргнув. — Вы, разумеется, знаете, почему мы здесь, — заявила Суан и продолжила, не дожидаясь его кивка: — Женщины, которые, вероятней всего, в скором времени покинут пределы земель Тар Валона, не успев услышать о вознаграждении, живут в лагерях, наиболее отдаленных от города. Если бы мы отправились туда вчера, нам могла грозить опасность, но сегодня Амерлин

получила донесения, что Айил отходят. — О Свет, да она говорила так, словно Амерлин только и делает, что регулярно делится с ней полученными сообщениями! — Амерлин особо подчеркнула, что не желает, дабы кто-то из этих женщин покинул Тар Валон, не получив награду. Поэтому я настоятельно предлагаю, чтобы мы, выполняя волю Амерлин, начали с наиболее отдаленных лагерей. — Сопровождавший эти слова жест кому-нибудь мог показаться неопределенным. Но только не ее лучшей подруге. Суан словно бы случайно указывала в сторону Драконовой горы. — Престол Амерлин желала бы, чтобы мы поступили именно так.

Морейн затаила дыхание. Неужели Суан нашла, как к нему подступиться?

— На этом берегу Эринин, как я слышал, нет ни одного айильца, — ответил одобрительно Стилер. Однако следующие его слова разрушили все их надежды. — Но мне было велено объехать ближайшие к реке лагеря. Пусть уж так и будет. А еще мне было сказано, что, если кто-нибудь начнет затевать споры, я буду вынужден вернуться вместе со спорщицей в Башню. Вы ведь не затеваете спор, правда? Сдается мне, что нет.

Придержав лошадь, чтобы поравняться с Мо-

рейн, Суан поехала рядом со Стрелой. Она не хмурилась, но взгляд ее, направленный в спину знаменщика, полыхал голубым льдом. Внезапно ее окружило сияние саидар.

— Нет, Суан, — тихо сказала Морейн.

Суан мрачно взглянула на подругу:

— Может, я просто хотела посмотреть вперед. Вдруг там где-нибудь затаились белоплащники?

Морейн приподняла бровь. Суан вспыхнула; окружавшее ее сияние померкло. Ей не стоило разыгрывать оскорбленную невинность: после шести лет, проведенных чуть ли не в поясных кошелях друг у друга, Морейн с одного взгляда могла определить, когда ее подруга затевала какую-нибудь проделку. Для человека столь сообразительного Суан иногда бывала просто слепой.

— Не понимаю, как ты это выносишь, — пробормотала она, приподнимаясь на стременах. Морейн пришлось протянуть руку, чтобы не дать Суан упасть на землю. — Если до лагеря еще далеко, мне понадобится сестра для Исцеления.

— У меня есть мазь, — сказала Морейн, с некоторым удовлетворением похлопав по сумке, свисавшей с седла.

Перочинный нож и кинжал, может, и оказались бесполезными, но, по крайней мере, она не

забыла мазь.

— Лучше бы у тебя там была хорошая повозка, — пробурчала Суан, но Морейн только улыбнулась.

Селение Алиндейр лежало перед ними, пустое и тихое. Его сжигали по меньшей мере трижды во время Троллоковых войн, еще один раз — ближе к концу Войны Второго Дракона и дважды на протяжении двадцатилетней осады Тар Валона армиями Артура Ястребиное Крыло, и теперь, судя по всему, жители ожидали повторения подобного. На заметенных снегом улицах тут и там попадались то стул, то стол, то детская кукла, то кастрюля — обыватели спешили попасть в город, прихватив с собой все, что успели. Но все двери и ставни были закрыты — и, без сомнения, крепко заперты в надежде, что все то, что не успели взять с собой, останется в целости и сохранности до возвращения хозяев. Однако запах гари здесь чувствовался еще сильнее, чем на мосту, слышался лишь скрип раскачивающихся гостиничных вывесок и глухой стук лошадиных копыт по камням мостовой, погребенной под снегом. Сейчас место не выглядело столь уж мирным, скорее оно казалось… мертвым.

Морейн почувствовала глубокое облегчение, когда городок остался за спиной, несмотря даже

на то, что направлялись они на юг, прочь от Драконовой горы. Предполагалось, что в округе все должно быть спокойно; по мере того как отряд удалялся, гарью пахло все слабее. Но Суан, очевидно, не чувствовала облегчения. Время от времени она посматривала через плечо на огромный черный пик Драконовой горы — через раз ей требовалась твердая рука Морейн, чтобы удержаться при этом в седле, — и не единожды с ее стороны слышался отчетливый скрежет зубов. Они часто обсуждали, к какой Айя каждая из них присоединится, и Морейн уже давно выбрала для себя Голубую, но сейчас она подумала, что Суан, наверное, все же остановится на Зеленой.

Первый лагерь, который они посетили, лежал в двух милях за Алиндейром и представлял собой расползшееся во все стороны скопище фургонов, повозок, палаток всех мастей и различной степени изношенности, перемежавшихся грубыми шалашами, сложенными и сплетенными из веток. Повсюду горели костры, кое-где на них что-то варилось. Молоты стучали по наковальням в трех кузнях, дети, вопя и играя, носились по утоптанному грязному снегу, словно знать не знали, что только что отгремела битва, в которой, возможно, погибли их отцы. А если погибли, то

и хорошо, что дети об этом не ведают. Коновязи были почти пусты, и, кроме кузнецов, мужчин почти не было видно, однако длинная цепочка женщин — пожалуй, больше пятидесяти! — вытянулась перед полотняным шатром, где за столом сидела принятая, позади которой стояли четверо гвардейцев Башни, так что Стилер даже не стал придерживать лошадь. Морейн быстро обняла Истинный Источник и почувствовала, как Суан сделала то же самое. Просто чтобы получше рассмотреть, кем была эта принятая, разумеется. Ее лицо обрамляло множество тарабонских косичек. Сарен была самой красивой девушкой в крыле принятых, исключая, может быть, одну Эллид. Разница заключалась только в том, что Сарен этого не осознавала, чего нельзя сказать об Эллид. Тем не менее для дочери лавочника Сарен была удивительно бестактна. Ее мать, должно быть, обрадовалась, когда острый язычок Сарен оказался в Тар Валоне.

— Надеюсь, на этот раз из-за своего языка она не угодит в кипяток, — тихо сказала Суан, словно прочитав мысли Морейн.

Впрочем, они обе слишком хорошо знали Сарен. Они дружили, но временами подруга становилась совершенно невыносимой. Ее недостатки

искупало одно: сказав не то, что следует, она как будто и не понимала неуместности своих слов, точно так же как не осознавала красоты своего лица.

Когда девушки отъехали на несколько сотен шагов, сияние вокруг Суан исчезло, и Морейн тоже отпустила Силу. В конце концов, их могла увидеть кто-то из сестер.

Следующий лагерь, расположенный в какой-нибудь миле к югу, оказался больше первого, беспорядка в нем тоже было больше, и здесь никто не записывал имен. К тому же шум тут царил неимоверный, кузниц было шесть, а бегающих и орущих ребятишек — вдвое больше, чем в первом. Здесь тоже почти не было заметно мужчин и коновязи пустовали, но, как ни странно, в лагере обнаружились закрытые экипажи. Морейн вздрогнула, услышав мурандийский акцент. Мурандийцы слыли людьми вздорными, вспыльчивыми и щепетильными в вопросах чести, в которых никто, кроме них, не разбирался, из-за чего постоянно возникали дуэли. Однако, когда Стилер объявил о цели их визита — проревев об этом на весь лагерь голосом, какой испугал бы и быка, — никто не стал устраивать свары. Очень скоро двое худосочных юношей в заношенных

плащах вынесли для Морейн и Суан стол и пару стульев. Стол поставили на открытом месте. Двое других юнцов принесли жаровни на треножниках, поставив их по бокам стола. Возможно, порученное дело не окажется все же столь уж неприятным.

Глава 5
Человеческое сердце

Когда Морейн уселась на стул и пристроила перед собой на столе письменную доску, она уже по-другому смотрела на свое положение. На открытом воздухе тепло от жаровен быстро улетучивалось, почти не доходя до нее и не смягчая холода, а дым тонкими серыми струйками плыл прямо в лицо, щипал глаза и временами заставлял кашлять. Несмотря на толстые ботинки и вторую пару чулок, ноги у нее замерзли еще во время поездки сюда, а сейчас, на утоптанном снегу, они совсем заледенели. Кроме того, вокруг стола толпилось около сотни женщин, большая часть — с младенцами на руках, и все в один голос шумно требовали, чтобы именно их имена были занесены в списки первыми. Носили они грубую шерстяную одежду, однако около полудюжины были в шелках или, по меньшей мере, в искусно расшитых платьях хорошего покроя, указывавших на достаток владелицы, или на ее благородное происхождение, или на то и другое сразу. Впрочем, эти женщины кричали

не меньше остальных. Благородные дамы, вопящие вместе с простолюдинками! Мурандийцы напрочь лишены представления о пристойном поведении.

Стилер, зажав шлем под мышкой, орал на столпившихся женщин, требуя успокоиться и выстроиться в очередь, до тех пор пока его лицо не потемнело от натуги, но никто не обращал на него ни малейшего внимания. Двое гвардейцев двинулись было вперед, собираясь оттеснить женщин, но знаменщик резким жестом остановил их. И правильно сделал — подобные действия могли вызвать взрыв. Морейн поднялась с места, намереваясь призвать дам к порядку, хотя понятия не имела, как это сделать. Ей никогда не приходилось сталкиваться с чем-либо подобным ни в одном из своих имений; если уж на то пошло, она сомневалась, что кто-то из ее управляющих оказывался в таком положении, а ведь люди обычно свободнее держатся в присутствии управляющего, чем перед лицом владелицы имения. Однако Суан опередила ее, с мрачным видом взобравшись на табурет. Она комкала в руках края своего плаща, как будто еле сдерживалась, чтобы не начать размахивать кулаками.

Сияние саидар облекло Суан — она сплетала

пряди Воздуха и Огня. Это было одно из простейших плетений, требовавшее лишь крохотной доли Силы, но когда Суан заговорила, ее голос прогрохотал подобно грому:

— А ну, тихо!

Вполне обычное приказание, хотя и высказанное весьма впечатляющим способом, но гнева в нем не слышалось. Однако женщины испуганно отпрянули, мгновенно потеряв дар речи и застыв, словно изваяния. Даже стук молотов о наковальни смолк. Весь лагерь притих, так что Морейн слышала, как лошади у коновязи переступают копытами. Стилер окинул Суан одобрительным взглядом — насколько могла судить Морейн, знаменщика привлекали люди с мощными легкими, — а затем перевел сердитый взор на женщин, столпившихся у стола. Несколько младенцев, впрочем, тут же принялись пронзительно плакать. Когда Суан продолжила, плетение уже потеряло силу, однако голос ее оставался тверд, громок и отчетлив:

— Если хотите увидеть хотя бы пенни, сейчас же выстраивайтесь в очередь и ведите себя подобающим образом. Белая Башня не желает иметь дела с толпами непослушных детей. Держите себя как взрослые женщины, а не то потом придется

жалеть об упущенной возможности.

Она кивнула, словно бы подтверждая сказанное, и, сдвинув брови, обвела взглядом толпу, чтобы убедиться, поняли они или нет. Они поняли.

Когда Суан слезала с табурета, женщины уже спешили выстроиться перед столом в две очереди, причем, насколько заметила Морейн, почти не пихая друг друга локтями и не толкаясь. Одетые получше, разумеется, оказались впереди, их детей несли за ними служанки; но даже они пытались пробиться вперед остальных и обменивались друг с другом уничтожающими взглядами. Возможно, это купчихи — хотя что здесь можно продавать, оставалось для Морейн загадкой. Однажды она видела, как два хорошо одетых, почтенного вида мурандийских купца затеяли посреди улицы драку, с кулаками, разбитыми носами и барахтаньем в канаве. Впрочем, несмотря на незаметные тычки в бок соседки, никто не произнес ни слова, а те, чьи дети начали плакать, старались их успокоить. Кучка девочек лет десяти-двенадцати, кутавшихся в плащи, собралась поодаль, возбужденно перешептываясь и показывая на них с Суан. Морейн показалось, что она услышала упоминание об Айз Седай.

Еще одна девушка, года на три-четыре старше девчушек — примерно в таком возрасте сама Морейн пришла в Тар Валон, — стояла рядом, всячески стараясь скрыть, с какой завистью она на нее смотрит. Многие девушки мечтали стать Айз Седай, и лишь у немногих хватало силы духа, чтобы сделать хотя бы один шаг от мечты к реальности. Откинув плащ на спину, чтобы освободить правую руку, Морейн откупорила бутылочку с чернилами и обмакнула в нее перо. Она не стала снимать перчатки: тонкая кожа не очень-то защищала от холода, но все же это лучше, чем ничего.

— Ваше имя, миледи? — спросила Морейн.

Пухлая улыбчивая женщина, стоявшая перед ней, была одета в зеленое дорожное платье с высоким воротом, сшитое, правда, не из лучшего шелка, однако все же из шелка; шелковым был и ее подбитый мехом синий плащ, вышитый красным и золотом. На каждом пальце у женщины красовалось по кольцу с камнем. Возможно, она и не принадлежала к благородному роду, но немного польстить никогда не помешает.

— И имя вашего ребенка?

— Я — леди Мери до Алан а'Конлин, прямой потомок Катрины до Каталан а'Коралле, первой

королевы Муранди.

Улыбка не исчезла с лица пухлой женщины, однако ее голос зазвенел от гордости. В нем действительно слышался мягкий певучий мурандийский акцент, благодаря которому мурандийцы казались мирными людьми, до тех пор пока вы не узнавали их получше. Одной рукой купчиха подталкивала вперед плотную женщину в темном шерстяном платье, голова которой была обмотана теплой шалью. На руках та держала лепечущее дитя, спеленутое настолько тщательно, что виднелось лишь личико.

— А это мой сын Седрин. Он родился всего неделю назад. Я, разумеется, отказалась остаться дома, когда мой муж поехал на войну. Я прикажу повесить монеты в рамке на стену, чтобы Седрин не забывал, какую честь ему оказала Белая Башня.

Морейн воздержалась от замечания, что Седрин разделит эту честь с сотнями, а возможно, и тысячами других младенцев, если в остальных лагерях дела обстоят так же, как и в этом. О Свет, она никак не ожидала, что за эти дни столько женщин родили детей! Сохраняя на лице спокойствие, она некоторое время рассматривала младенца. Морейн не была такой уж неискушенной: она видела, как покрывают лошадей, и

помогала при рождении жеребят — если ты сама не знаешь, как что-либо делается, как можно быть уверенной, что слуги делают это как надо? Однако в отношении детей у нее совершенно не было опыта. Насколько она могла судить, этому младенцу могло быть от роду десять дней, или месяц, или два. Стилер и его солдаты стояли невдалеке от стола, чтобы предупредить возможную сумятицу, но здесь они не могли ей помочь. В любом случае она не могла заставить себя спросить об этом. Если леди а'Конлин солгала, настоящая сестра сумела бы с этим разобраться. Морейн покосилась в сторону. Младенец на руках у женщины, стоящей перед Суан, был крупнее, и тем не менее Суан записывала.

Окуная перо в чернильницу, Морейн вдруг заметила проходящую мимо женщину с ребенком, тот сосал ее грудь. Полускрытый плащом женщины, младенец выглядел не крупнее Седрина, однако мать подчеркнуто избегала очереди.

— Почему эта женщина не в очереди? Разве ее ребенок слишком большой?

Улыбка леди а'Конлин потухла, брови приподнялись. В ее голосе послышался лед:

— Мне не пристало следить за каждым ублюдком, родившимся в лагере. — Властным жестом

она указала на лежавший на столе лист бумаги. Кольцо на ее указательном пальце украшал огневик, крупный, но с отчетливо видимой трещиной. — Запишите мое имя. Я хочу поскорее вернуться в свой шатер в тепло.

— Я запишу ваше имя, равно как и все прочие сведения, которые нам требуются, как только вы расскажете мне об этой женщине, — произнесла Морейн, пытаясь воспроизвести тот командный тон, которым говорила Суан.

Попытка удалась ей не очень хорошо. Брови Мери а'Конлин сошлись к переносице, она воинственно поджала губы. Выглядела мурандийка так, словно готова была взорваться — или даже наброситься на Морейн с кулаками. Но не успела она сделать ни то ни другое, как торопливо заговорила круглолицая служанка, неуклюже приседая в реверансе через каждые пять-шесть слов:

— Девчонка у Карим того же возраста, что и лорд Седрин, день в день, — прошу прощения, что заговорила, миледи, прошу прощения, Айз Седай. Но парень, за которого Карим собиралась замуж… Так он сбежал, потому что решил стать Стражем. А тот, за кого она вышла, не нравится ей и вполовину так, как тот, первый. — Она трях-

нула головой. — О, она не примет от Белой Башни ничего, наша Карим!

— Несмотря на это, она все же получит награду, — твердо сказала Морейн. В конце концов, Тамра приказала им записать все имена. Интересно, достиг ли возлюбленный Карим своей цели? Немногие мужчины обладали необходимым для этого мастерством. Страж должен не просто уметь владеть оружием, он должен сам быть оружием, и это лишь самое первое требование. — Как ее зовут полностью? И ее ребенка?

— Карим Моули, Айз Седай, а ее девчонку — Эллия.

Чудо из чудес: леди а'Конлин казалась довольной тем, что на вопросы отвечает ее служанка. Даже хмурая мина исчезла с ее лица; она лишь настороженно поглядывала на Морейн. Возможно, требовалось одно — твердый тон. И еще чтобы подумали, будто Морейн — одна из Айз Седай.

— Откуда она родом? Из какой деревни? — спросила Морейн, записывая.

— …И где в точности родилась ваша девочка? — донесся до нее голос Суан. Суан стянула с рук перчатки, подаренные ей Морейн на именины, чтобы не запачкать их чернилами. Нетерпеливая женщина в шелковом платье, стоявшая перед

ней, могла бы слыть красавицей, если бы не нос. Она была довольно высокой, почти на ладонь выше Суан. — В сенном сарае в миле к западу отсюда? Да-а, не в таком месте можно было бы ожидать рождения наследника. Наверное, вам не стоило выезжать на верховую прогулку, когда срок был так близок, тем паче что рядом шло сражение. И вот еще что: не знаете ли вы каких-нибудь женщин, рожавших в течение последних шестнадцати дней, но которых сейчас здесь нет? И как их зовут? Не надо лишних разговоров, миледи, просто отвечайте на вопрос.

Та отвечала без возражений. Несомненно, манера Суан вести разговор исключала всякие возражения или промедления. Она не повышала голоса, не говорила грубостей; она просто вела себя авторитетно. Как ей это удается?

Как бы ни надеялась Морейн, что в ходе поисков Дракона Возрожденного их ждут приключения, надежды эти в скором времени поблекли наравне с трепетом от пребывания за пределами городских стен. Задавать раз за разом одни и те же вопросы, записывать ответы, аккуратно откладывать в сторону исписанные листы, чтобы высохли чернила, и начинать новый лист — спустя несколько часов все это уже казалось

Морейн утомительной рутиной. Лишь изредка она прерывалась, чтобы погреть руки над жаровней, стоявшей на ее конце стола. Это было, конечно, непередаваемым наслаждением, поскольку пальцы сводило от холода, но это сложно было назвать приключением. Единственной неожиданностью стало то, что многие женщины оказались вовсе не мурандийками. Солдаты, идущие на войну, как видно, частенько обзаводились женами-чужестранками. Кузнецы вскоре вновь принялись за работу, и несколько человек, трудившихся над сломанным фургоном, тоже застучали молотками, прилаживая на ось новое колесо. Еще немного — и от грохота разболится голова. Ничего хорошего Морейн в этом не видела.

Она вынуждена была прилагать усилия, чтобы не вымещать недовольство на женщинах, с которыми говорила, хотя кое-кто из них и пытался дать ей повод. Некоторых из благородных дам приходилось долго убеждать, что им не стоит подробно описывать свою родословную вплоть до эпохи Артура Ястребиное Крыло и еще дальше, а многие женщины, одетые попроще, отказывались называть имя отца ребенка и говорить, откуда он родом. Они сердито глядели на нее, словно подозревали, что здесь кроется какая-то

ловушка, расставленная, чтобы лишить их законного вознаграждения. В таких случаях обычно хватало твердого взгляда. Даже мурандийцам не хотелось заходить слишком далеко, имея дело с женщинами, которых они считали Айз Седай, — а это заблуждение распространилось достаточно быстро. Благодаря этому порядка и спокойствия в очереди стало побольше, хотя быстрее она никоим образом не продвигалась.

Взгляд Морейн то и дело скользил по лицам проходивших мимо беременных женщин. Некоторые останавливались, поглядывая на их стол, словно подумывали, не встать ли и им в очередь. Любая из них может оказаться матерью Дракона Возрожденного — если почему-либо решит рожать на склонах Драконовой горы. Единственные двое младенцев, что родились в тот день, уже после Предсказания Гайтары, были девочками и, подобно всем остальным новорожденным, на свет появились не далее мили от лагеря. Какая-нибудь другая принятая отыщет мальчика, даже не подозревая, что нашла. А сама Морейн, скорее всего, даже не узнает об этом многие годы. О Свет, это нечестно! Она *знала* — и это не значило ровным счетом ничего.

Когда время уже близилось к полудню, Морейн,

подняв глаза, увидела перед собой худощавую молодую женщину в темном шерстяном платье. На руках она держала завернутого в одеяло младенца.

— Суса Винн, Айз Седай, — робко сказала женщина. — Так меня зовут. А это мой Сирил, — добавила она, поглаживая мальчика по голове.

Морейн, может быть, и не хватало опыта в отношении младенцев, но она могла отличить шести-семимесячного ребенка от новорожденного. Она уже открыла рот, чтобы приказать этой женщине прекратить ее дурачить, когда рука Суан легонько коснулась ее запястья. Только мимолетное прикосновение; Суан даже не перестала задавать вопросы женщине, чье имя в тот момент записывала, — но это заставило Морейн посмотреть на стоявшую перед ней мать повнимательней. Суса Винн не была худощавой — она была близка к истощению; под глазами темнели круги, и весь ее вид говорил о потерянной надежде и отчаянии. Ее платье и плащ были сильно изношены и во многих местах заштопаны. Штопка была аккуратной, но зачастую ее оказывалось даже больше, чем первоначальной ткани.

— Как зовут отца ребенка? — спросила Морейн, стремясь выиграть время и принять решение.

Ребенок, как ни крути, был слишком большим. Но только вот…

— Джак, Айз Седай. Джак Винн. Он… — Запавшие глаза женщины блеснули от слез. — Джак умер еще до того, как начались стычки. Поскользнулся в снегу и разбил себе голову о камень. Подумать только, проделал такой путь и умер из-за того, что поскользнулся в снегу!

Ребенок начал кашлять надрывным грудным кашлем, и Суса заботливо склонилась над ним.

Морейн не знала, был ли тому причиной кашель ребенка, слезы женщины или нелепая гибель ее мужа, однако она тщательно внесла все сведения о ней в свои записи. Башня может позволить себе потратить лишнюю сотню золотых крон на женщину и ребенка. Ведь в ином случае они оба обречены на смерть, если только кто-то другой не решит им помочь. Ребенок, правда, выглядел достаточно упитанным, но Суса, несомненно, голодала. А эта Мери а'Конлин собиралась повесить полученные монеты на стену в рамочке! Морейн едва удержалась, чтобы не спросить, кому служил Джак Винн. Кем бы ни был его господин, он не должен был допустить, чтобы жена умершего дошла до такого состояния. Благородная кровь накладывает не меньше

ответственности, чем предоставляет прав! Даже больше, — по крайней мере, так ее учили. И, кроме того, где были друзья этой женщины? Ох уж эти мурандийцы!

— Да благословит вас Свет, Айз Седай. — Суса сглотнула, пытаясь сдержать слезы, но у нее не получилось. Она не всхлипывала; слезы просто хлынули ручьем по ее щекам. — Пусть Свет сияет вам вечно!

— Да-да, — мягко отвечала Морейн. — В этом лагере есть Предсказательница? — Нет, мурандийцы как-то по-другому называют женщин, сведущих в травах и целительстве. Как же? Верин Седай посвятила этому вопросу целое занятие в первый год, когда они с Суан стали принятыми. — У вас есть Мудрая? Мудрая женщина? — Суса кивнула. Морейн вытащила кошелек из поясной сумы и вложила в свободную руку женщины серебряное пенни. — Сходи к ней со своим ребенком.

Это вызвало новый поток слез и благодарностей, женщина даже попыталась поцеловать Морейн руку, от чего та едва уклонилась. О Свет, Суса ведь не была ее вассалом! Вряд ли приличествовало принимать от нее такие знаки покорности.

— Учитывая, что вскоре она должна получить вознаграждение, — прошептала Суан, когда Суса наконец отошла, — Мудрая могла бы оказать ей помощь и в долг.

Подруга не отрывала взгляда от строк, которые уверенной рукой выводила на своем листе, но та часть ее лица, которую видела Морейн, выражала неодобрение. Суан очень бережно относилась к деньгам, поскольку их у нее самой бывало очень немного.

Морейн вздохнула — что сделано, то сделано — и вздохнула еще раз, поняв, какой шквал перешептываний ее поступок вызвал среди женщин, выстроившихся в две очереди перед столом. Весть о том, что одна из «Айз Седай» вписала в бумаги ребенка Сусы Винн, распространилась среди них подобно пожару в сухой траве. И не прошло и нескольких минут, как Морейн увидела, как другие женщины стали торопливо пристраиваться в конец очередей, причем по крайней мере одна вела своего ребенка за руку!

— Мой Данил, что-то он очень уж бледненький в последнее время, Айз Седай, — говорила круглолицая женщина, стоя перед ней с заискивающей улыбкой. И с алчным блеском в светло-голубых глазах. Дитя, играя у нее на руках, издавало

довольные булькающие звуки. — Как бы мне хотелось свести его к Мудрой женщине! Но я не могу себе этого позволить.

Серое шерстяное платье женщины выглядело совсем новым.

Морейн внутренне вспыхнула и на этот раз не стала даже пытаться подавить гнев.

— Я могла бы Исцелить его, — холодно отчеканила она. — Разумеется, он еще слишком мал. Он может не выжить. Подобное случается.

В таком возрасте ребенок наверняка не пережил бы шока, вызываемого Исцелением; кроме того, это одно из немногих плетений, которые принятым запрещалось воспроизводить без надзора сестры. Ошибка в Исцелении могла повредить исцеляемому больше, чем той, кто создает плетение. Женщина, однако, об этом не знала, и, когда Морейн протянула к ней затянутую в перчатку руку, она отпрянула, закрывая руками своего ребенка; ее глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит от испуга.

— Нет-нет, Айз Седай. Спасибо вам, но лучше не надо. Я… я как-нибудь наскребу монет, ничего, я справлюсь.

Гнев Морейн прошел — он никогда не длился долго, — и на миг ей стало стыдно за себя. Но

только на миг. Башня может позволить себе великодушие, но никому не позволено считать Айз Седай дурочками. Немалая часть могущества Башни зиждилась на вере в то, что сестры являют собой абсолютную противоположность дурочкам во всех отношениях. По очередям опять пробежали шепотки, и женщина, державшая ребенка за руку, поспешила прочь еще быстрее, нежели пришла. По крайней мере, с этим не придется разбираться. Ничего не попишешь: те, кто считает, будто Башню можно так легко одурачить, заслуживают суровой отповеди.

— Неплохо, — пробормотала Суан, поскрипывая пером. — Очень неплохо.

— Данил, — повторила Морейн, записывая. — А как ваше имя?

Ее улыбка относилась к похвале Суан, но мать Данила, по-видимому, приняла ее за знак того, что она прощена, и в ее ответе прозвучало облегчение. Морейн была рада слышать это. Многие боялись Белой Башни, и зачастую не без причины — Башня могла быть жестокой, если требовалось, — однако страх — плохое орудие, рано или поздно такой инструмент ранит того, кто его использует. Морейн усвоила это правило задолго до того, как пришла в Башню.

Когда солнце миновало зенит, Морейн с Суан сходили к лошадям и принесли из седельных сумок еду. Просить об этом кого-нибудь из людей Стилера не имело смысла: гвардейцы уже перекусывали сушеным мясом и сухарями, сидя на корточках невдалеке от той коновязи, где были привязаны их лошади. Судя по их виду, никто и шагу с места не сделает, разве что если на них нападут. Однако Стилер склонил голову, когда Морейн и Суан возвращались от своих лошадей; кивок был почти незаметен, однако, как показалось Морейн, он выражал одобрение. Да, определенно, странный народ эти мужчины…

Девушки не успели записать еще и половины имен, поэтому Морейн ожидала, что женщины в очереди по меньшей мере начнут недовольно ворчать, сетуя на неожиданную задержку, однако те без единой жалобы тоже разбрелись кто куда, чтобы поесть. Смуглая женщина, говорившая с тайренским акцентом, поставила на стол перед посланцами Башни помятый жестяной чайник, до краев наполненный горячим черным чаем, и пару зеленых кружек с потрескавшейся глазурью, а худая седовласая женщина принесла две высокие деревянные кружки, от которых шел пар и аромат подогретого с пряностями вина. Ее

обветренное лицо, похоже, никогда не освещала улыбка.

— Суса Винн слишком горда, чтобы принимать от кого-либо помощь. Разве что немного еды для ребенка, — сказала седовласая, ставя кружки на стол. Ее голос был слишком низок для женщины. — Вы сделали доброе дело, и это хорошо.

Кивнув, она повернулась и зашагала прочь, увязая в снегу, но держа спину прямо, как гвардеец на параде. Очень необычная манера вести себя с Айз Седай.

— Она знает, кто мы на самом деле, — тихо проговорила Суан, грея ладони о горячую кружку.

Морейн, несмотря на перчатки, последовала ее примеру. Пальцы у бедной Суан, должно быть, совсем закоченели.

— Она никому не скажет, — ответила Морейн, помолчав, и Суан кивнула. Не то чтобы правда обернется для них неприятностями, учитывая присутствие Стилера и его людей, но все же будет лучше, если им удастся избежать сложностей. Подумать только, какая-то простолюдинка увидела то, что не сумели разглядеть благородные! Не лицо Айз Седай, а платье принятой. Или и то и другое вместе. — Наверное, в молодости она приходила в Башню.

Женщину, которая не смогла научиться направлять Силу, отсылали обратно, но она уже видела Айз Седай и принятых.

Суан искоса посмотрела на Морейн так, словно та заявила, что вода мокрая. Иногда это раздражало — когда Суан вот так разгадывала что-то раньше ее.

Подруги ели хлеб с сыром и фрукты почти в полном молчании. Послушницам не разрешалось разговаривать во время трапез, а принятые должны соответствовать своему званию, поэтому девушки привыкли есть молча. Вино они едва пригубили — принятым давали за трапезой вино, но разбавленное, и было бы нехорошо, если бы одна из них захмелела. Морейн с изумлением поняла, что с жадностью проглотила всю еду до последней крошки, хотя прежде была уверена, что этого ей будет слишком много. Возможно, аппетит разыгрался из-за пребывания на свежем холодном воздухе.

Морейн складывала салфетку, в которую была завернута еда, — и жалела, что кураги не оказалось немного побольше, — когда Суан вдруг вполголоса произнесла:

— О нет, только не это!

Морейн подняла голову, и сердце у нее ушло

в пятки.

В лагерь въезжали две сестры, не спеша прокладывая себе путь между палатками и фургонами. В нынешних обстоятельствах женщины, одетые в шелка и разъезжающие при этом по сельской местности без сопровождения, могли быть только сестрами. Следом за этими двумя ехал лишь один мужчина, смуглый человек в плаще — и этот плащ менял цвета, сливаясь с тем, что находилось позади его обладателя, так что всадник и его черный мерин будто бы растворялись в воздухе. Взгляд мужчины не задерживался подолгу на одном предмете; по сравнению с ним гвардейцы Башни выглядели полусонными комнатными собачками рядом с охотящимся леопардом. Плащ Стража — зрелище, которое не может остаться незамеченным, и вскоре по лагерю пробежал шепот, люди глазели и показывали на него пальцами. Кузнецы опустили молоты, и вновь воцарилась тишина.

Однако Морейн почувствовала пустоту в животе не просто из-за появления каких-то там сестер. Она узнала их лица под капюшонами плащей. Мейлин Арганья — ее отличали серебристо-седые волосы и выдающийся подбородок — была одной из наиболее уважаемых женщин в Башне.

Говорили, что о Мейлин никто не может сказать ничего худого. Появись она здесь одна, Морейн не стала бы волноваться и минуты. Однако второй сестрой оказалась Элайда а'Ройхан. О Свет, а она-то откуда взялась? Около трех лет назад Элайда стала советницей при королеве Андора. Время от времени, правда, она наезжала в Башню, чтобы посовещаться с Амерлин насчет событий в Андоре, но Суан и Морейн, к своему сожалению, узнавали о ее прибытии одними из первых.

Дождавшись, когда сестры приблизятся к ним, подруги присели в реверансе, и Суан тут же выпалила:

— Нам разрешено здесь находиться! — Даже Мейлин почувствовала бы раздражение, если бы начала распекать их, а потом обнаружила, что для выговора нет причины. Элайда же просто пришла бы в ярость, она терпеть не могла выглядеть глупо. — Престол Амерлин приказала нам…

— Мы уже знаем, — мягко прервала ее Мейлин. — Судя по тому, как распространяются новости, подозреваю, что сейчас об этом уже знают даже кошки в Селейзине.

По ее тону нельзя было понять, согласна ли она с решением Тамры. На бесстрастном лице Мейлин никогда не отражалось ни малейшего

намека на эмоции. Безмятежность плескалась в ее поразительно голубых глазах, словно вода в чашке. Затянутой в темную перчатку рукой она аккуратно поправила юбку для верховой езды, столь обильно украшенную белыми вставками, что казалась, скорее, белой с голубой каймой. Мейлин была одной из относительно немногочисленных Белых сестер, у кого имелся Страж: чаще всего, целиком поглощенные вопросами рациональности, логики и философии, они не видели в Стражах нужды. Морейн хотелось, чтобы Мейлин спешилась. Серый в яблоках мерин Мейлин был высок, и сама Белая сестра отличалась высоким ростом, не уступая в этом большинству мужчин, по крайней мере большинству кайриэнских мужчин. Глядя на Мейлин, сидевшую в седле, Морейн боялась, что вывихнет шею.

— Удивлены, что видите меня? — поинтересовалась Элайда, обратив взор на принятых сверху вниз с высоты своей тонконогой гнедой кобылы. Парчовое платье Элайды не было нежно-брусничным или бледно-красным — оно было ярко-алым, словно его хозяйка на весь мир кричала, к какой Айя принадлежит. Плащ, подбитый черным мехом, был в точности того же оттенка. Как подумала Морейн, такой цвет отлично подошел

бы для фургона Лудильщика. Элайда улыбалась, однако улыбка не могла смягчить суровых черт ее лица. Если бы не вечная суровость, ее можно было бы назвать красивой, но она была сурова во всем. — Я прибыла в Тар Валон еще до Айил. До сих пор я была занята, однако не беспокойтесь, я еще побеседую с вами обеими.

Морейн была уверена, что ниже пяток сердце уйти не может. Оказывается, она ошибалась. С громадным трудом она сдержала стон отчаяния.

Мейлин вздохнула:

— Ты уделяешь девочкам слишком много внимания, Элайда. Они начнут задаваться, если будут считать себя твоими любимицами. А может быть, уже начали?

Морейн обменялась с Суан пораженными взглядами. Любимицы? Козы, выставленные львам на съедение, — это да, но уж никак не любимицы.

Морейн казалось, что, получив шаль, Элайда перестала считаться с чьим-либо мнением, за исключением Амерлин или восседающих, однако сейчас она пробормотала, склонив голову:

— Как скажешь, Мейлин. Однако, вполне вероятно, что еще до конца года им предстоит испытание. Я полагаю, что они его пройдут, и полагаю, пройдут с легкостью. Ничего иного ни

от одной из них я не жду.

Но даже этой фразе не хватало обычного напора Красной сестры. Как правило, Элайда была упрямой, словно бык. И как правило, она нагоняла страх на любого, кто заступал ей дорогу.

Белая сестра слегка пожала плечами, словно бы давала понять, что этот вопрос не настолько важен, чтобы его стоило обсуждать дальше.

— У вас, дети мои, есть все, что нужно? Ну и хорошо. Должна сказать, что кое-кто из вас очень плохо подготовился. Сколько имен вам еще осталось здесь записать?

— Около пятидесяти, Мейлин Седай, — ответила ей Суан. — Может, немного больше.

Мейлин подняла голову, поглядела на солнце, которое уже начинало клониться к западу. Темные тучи, угрожавшие снегопадом, двигались к югу, оставляя за собой чистое небо.

— Что ж, в таком случае пишите побыстрее. Вы должны быть в Башне до темноты, вы ведь знаете.

— Скажите, во всех лагерях дело обстоит так? — спросила Морейн. — Мне казалось, что мужчины на войне должны бы думать в первую очередь о войне, а не… — Она осеклась и покраснела.

— …Плодиться, как щука-серебрянка, — шепо-

том закончила Суан.

Морейн едва расслышала ее, однако после слов подруги от смущения покраснела еще больше. И зачем вообще ей вздумалось задавать подобный вопрос?

— Кайриэнцы, — вздохнула Мейлин. Ее голос звучал так, словно происходящее… забавляло ее! Однако продолжила она более серьезным тоном: — Когда мужчина знает, что завтра может погибнуть, он хочет оставить что-то после себя. Когда женщина знает, что ее мужчина завтра может погибнуть, она отчаянно хочет, чтобы он оставил ей частичку себя. Поэтому множество детей рождается во время войн. Это нелогично, ведь если мужчина — или женщина — действительно погибнет, тяготы и лишения неизбежны, однако человеческое сердце редко подчиняется законам логики.

Ответ Мейлин объяснил многое, но Морейн чувствовала себя так, словно ее лицом сунули в пекло. Есть вещи, которые делаются прилюдно и о которых можно говорить, и есть то, что совершается наедине и о чем определенно не говорят вслух. Девушка изо всех сил пыталась восстановить самообладание, мысленно проделывая упражнения, применявшиеся для обретения

спокойствия. Она — река, заключенная в берега; она — берега, заключающие в себе реку. Она — цветочный бутон, раскрывающийся навстречу солнцу. Тот факт, что Элайда рассматривала их с Суан взглядом скульптора, стоящего перед статуей с молотком и резцом в руках и решающего, какую часть камня следует отбить, чтобы придать творению желаемую форму, — совсем не помогал восстановить душевное равновесие.

— Да-да, Андро, — внезапно произнесла Мейлин, — еще минуту, и мы едем.

Она даже не обернулась к своему Стражу, однако тот кивнул, словно она ответила ему на вопрос. Худощавый, не выше своей Айз Седай, он выглядел юношей — до тех пор, пока не заглянешь ему в глаза.

Морейн поняла, что изумленно смотрит на них, забыв о своем замешательстве, и причиной тому был вовсе не немигающий взгляд Андро. Сестра и Страж, связанный узами с ней, могли ощущать эмоции и физическое самочувствие друг друга; каждый в точности знал, где находится другой, если они были поблизости друг от друга, а если их разделяло большое расстояние, каждый мог указать хотя бы направление, где искать второго. Но увиденное напоминало, скорее, чтение мыс-

лей. Поговаривали, будто полноправные сестры способны и на такое. В конце концов, целому ряду вещей не учили до тех пор, пока ты не получишь шаль, — таким, например, как плетение для связывания узами Стража.

Мейлин посмотрела Морейн прямо в глаза.

— Нет, — тихо сказала Айз Седай. — Я не умею читать его мысли. — (Морейн ощутила, как покалывает кожу головы, словно волосы норовили встать дыбом. Раз Мейлин так говорит, это должно быть правдой, однако…) — Когда ты долго связана со своим Стражем, ты знаешь, о чем он думает, а он — о чем думаешь ты. Вопрос только в интерпретации.

Элайда фыркнула, хотя и довольно тихо. Единственные из всех Айя, Красные сестры отказывались иметь Стражей. Большинство Красных, по-видимому, вообще не любили мужчин как таковых.

— Если рассудить логически, — проговорила Мейлин, переводя безмятежный взгляд на вторую сестру, — Красные сестры нуждаются в Стражах больше, чем кто бы то ни было, за исключением разве что Зеленых, а возможно, даже больше, чем Зеленые. Но не важно. Айя сами выбирают, что им делать. — Она взяла поводья, обшитые бахро-

мой. — Ты едешь, Элайда? Мы должны объехать как можно больше детей. Наверняка найдутся такие, кто потерял голову и без напоминания задержится дольше дозволенного срока. Не забудьте, дети мои: до темноты!

Морейн ожидала от Элайды какой-нибудь гневной вспышки или по меньшей мере сердитого блеска в глазах. Замечание относительно Стражей лежало на грани законов вежливости и запрета на вторжение в личную жизнь — правил, определявших, что Айз Седай может сказать другой сестре, а что нет. Это были не столько законы, сколько обычаи, которые были крепче закона, и каждая из принятых обязана была запечатлеть их в своей памяти. Удивительно, но Элайда лишь развернула свою гнедую и последовала за Белой сестрой.

Наблюдая, как сестры в сопровождении Андро покидают лагерь, Суан испустила вздох облегчения:

— Я боялась, что она останется надзирать за нами.

— Да, — согласилась Морейн. Нет необходимости пояснять, кого из женщин имела в виду Суан. Это было в самом характере Элайды — все, что они делали, должно соответствовать ее требова-

ниям абсолютного совершенства. — Но почему она не осталась?

На это Суан не знала ответа, и в любом случае у них не было времени на обсуждения. Увидев, что они с Морейн закончили трапезу, женщины вновь заняли свои места в очереди, и после визита Мейлин и Элайды они уже не были так уверены, что перед ними действительно Айз Седай. Твердого взгляда и сурового голоса было теперь недостаточно, чтобы пресечь пререкания. Суан приходилось при случае — а теперь такие случаи подворачивались достаточно часто — прибегать к крику. Она то и дело раздосадованно проводила рукой по волосам. Три раза Морейн пришлось пригрозить, что она вообще прекратит записывать имена, если женщина, ребенок которой со всей очевидностью был слишком большим, не выйдет из очереди. Она, быть может, вновь поддалась бы порыву сердца, если бы хоть одна из них напоминала Сусу, но все эти женщины на изголодавшихся не походили и выглядели, без всяких сомнений, не беднее прочих. Они просто оказались слишком жадными.

В довершение всего, когда перед столом оставалось еще более дюжины женщин, появился Стилер — со шлемом на голове, держа под уздцы

своего коня. Другие солдаты шли немного позади, двое вели Стрелу и лошадь Суан.

— Пора ехать, — проговорил Стилер хриплым голосом. — Я ждал, сколько мог, но еще немного, и нам придется спешить изо всех сил, чтобы успеть в Башню к закату.

— Но послушайте, — запротестовала одна из женщин, — они же еще не записали наши имена!

Со стороны других послышалось гневное ворчание.

— Да вы только посмотрите на солнце, — ответила Стилеру Суан, ее голос звучал утомленно. Она и выглядела соответственно; волосы ее были растрепаны от постоянного взъерошивания. — У нас еще полно времени!

Морейн, последовав ее совету, посмотрела на солнце, висевшее над самым горизонтом, и поняла, что не разделяет уверенности подруги. До Башни шесть миль, причем последняя из них пролегает по улицам города, народу на которых на закате будет не меньше, чем сегодня с утра. Никаких оправданий от них не примут.

Хмурясь, Стилер открыл было рот, но внезапно прямо перед ним встала та самая женщина с обветренным лицом, которая подала девушкам

вино. Рядом с ней оказалось шесть или семь других, тоже седоволосых или седеющих. Они окружили знаменщика, вынудив отступить.

— Оставь девочек в покое, — прокричала ему худощавая женщина. — Слышишь, что говорю?

Со всех сторон набежали еще женщины, и вскоре Стилера окружал уже добрый десяток, равно как и его гвардейцев. Половина женщин вопила и потрясала кулаками, в то время как остальные молчали, угрюмо хмурились и сжимали рукояти кинжалов у себя за поясом. Молоты вновь перестали грохотать по наковальням; кузнецы пристально наблюдали за происходящим, взвешивая в руках свой инструмент. В лагере начали собираться кучками юноши, скорее мальчики, с горящими гневом глазами. Некоторые уже вытащили поясные ножи. О Свет, да они тут сейчас такое устроят!

— Пиши! — скомандовала Суан. — Надолго они его не задержат. Ваше имя? — спросила она у стоящей перед ней женщины.

И Морейн принялась писать. Женщины, ждавшие, пока она запишет их имена, по-видимому, были согласны с Суан. Споров больше не было. К этому времени все уже знали, какими будут вопросы, и выпаливали ответы, едва оказавшись

перед столом. Некоторые из них так торопились, что Морейн приходилось просить их начать заново. Когда Стилер и его солдаты наконец пробились сквозь окружавших их женщин, приложив все усилия, чтобы обойтись без резких движений, из опасений, что сюда прибегут мужчины и юноши, пока еще остававшиеся в лагере, Морейн уже дула на последнюю строчку, чтобы высушить чернила, а Суан торопливо расчесывала волосы резным гребнем из чернодрева.

Лицо знаменщика за стальной решеткой забрала было мрачно, но он только сказал:

— Теперь нам потребуется немного везения.

Он повел отряд из лагеря быстрой рысью, копыта лошадей разбрасывали комья снега. Суан так неуклюже подпрыгивала в седле, что он отрядил двух человек ехать по бокам от нее, чтобы предотвратить падение. Отчаянно цепляясь за высокую луку седла, Суан кисло посмотрела на них, но не стала отсылать прочь. Морейн сообразила, что Суан так и не попросила у нее мазь, а подруге мазь требовалась больше, чем когда-либо. Через полмили Стилер перевел коня на шаг, но такой темп держал только следующие полмили, а затем вновь пустил его рысью. Суан держалась в седле только благодаря присутствию двух солдат.

Морейн хотела было запротестовать, но хватило одного взгляда на исполненное решимости лицо Суан — и еще одного взгляда на солнце, — чтобы она прикусила язык. Суан несколько дней станет дуться на нее, если Морейн привлечет всеобщее внимание к тому, насколько плохо подруга ездит верхом. И Суан никогда себе не простит, если из-за нее их вызовут в кабинет Мериан.

Стилер придерживался такого темпа весь обратный путь до города — рысью, затем шагом, опять рысью и опять шагом, и Морейн подозревала, что он продолжал бы так ехать и на улицах, не будь там столь людно. В такой толпе рассчитывать можно, самое большее, на неторопливый шаг. Солнце уже сидело узкой красно-золотой горбушкой на городских стенах, когда они въехали во двор Западной конюшни. Конюхи вышли, чтобы принять Стрелу и лошадь Суан; с ними появился молодой подлейтенант с сердитой миной на лице, он хмуро взглянул на Стилера, ответив на его приветствие и приложив руку к груди.

— Вы последние, — буркнул он, словно подыскивая повод наброситься на любого, кто подвернется под руку. — С ними были какие-то проблемы?

Морейн, помогавшая стонущей Суан спешить-

ся, затаила дыхание.

— Они вели себя тихо как ягнята, — ответил Стилер, и она облегченно выдохнула. Спешившись, знаменщик повернулся к своим солдатам. — Лошади должны быть обтерты и упряжь смазана прежде, чем кто-то даже подумает об ужине. Ясно, почему я на тебя смотрю, Малвин?

Морейн спросила у молодого офицера, что им делать с досками для письма. Он сердито глянул на нее, потом ответил:

— Оставьте как есть. Их заберут.

И он зашагал прочь так быстро, что плащ взметнулся позади.

— Почему он такой сердитый? — вслух спросила она.

Стилер поглядел на гвардейцев, ведущих своих животных к стойлам, и ответил вполголоса, так чтобы солдаты не услышали:

— Он хотел сражаться с Айил.

— А мы-то при чем, если этот глупец хотел быть героем? — резко заметила Суан. Она опиралась на Морейн, и та подозревала, что лишь ее рука, обхватывавшая талию подруги, помогала Суан держаться прямо. — Мне нужна горячая ванна и постель, и наплевать на ужин.

— Звучит заманчиво, — пробормотала Мо-

рейн.

Не считая разве что той части, которая касалась ужина. Пожалуй, сейчас она съела бы целого барана!

Суан смогла идти самостоятельно, однако хромала и покачивалась, крепко стиснув зубы и, по-видимому, подавляя стоны. Тем не менее она не позволила Морейн понести ее сумку. Суан никогда не уступала боли. Она никогда ничему не уступала. Но когда девушки добрались до своей галереи в крыле принятых, мысли о горячей воде исчезли. В коридоре их ждала Кэтрин.

— Как раз вовремя, — сказала она, кутаясь в свой плащ с семицветной каймой. — Я уж думала, что замерзну до смерти, пока вас дождусь. — У нее были резкие черты лица, густые волнистые черные волосы ниспадали до пояса, и язычок ее временами был весьма ядовит. По крайней мере, когда она говорила с послушницами и другими принятыми. С Айз Седай она была мягче масла — одни подобострастные улыбки. — Мериан хочет видеть тебя в своем кабинете, Морейн.

— Но почему она нас вызывает? — недоуменно спросила Суан. — Темнота-то еще не наступила!

— О, Мериан не всегда сообщает мне что и почему, Суан. И на этот раз ей нужна только Мо-

рейн, не ты. Ну что ж, я вам все передала и теперь вернусь к своему ужину и постели. Завтра с утра нам вновь этой ерундой заниматься, с самого рассвета. Кто бы мог подумать — я предпочла бы занятия в Башне верховой прогулке по окрестностям!

С этими словами Кэтрин поспешила удалиться. Суан, хмурясь, посмотрела ей вслед:

— Когда-нибудь она порежется собственным языком. Хочешь, Морейн, я пойду с тобой?

Морейн хотела этого больше всего на свете. Она не сделала ничего такого, во всяком случае в последнее время, однако вызов в кабинет Мериан не сулил ничего хорошего. Послушницы и принятые часто сами приходили в ее кабинет, чтобы поплакать на плече у Мериан, когда тоска по дому или напряжение от учебы становились совсем невыносимыми. Но вызов — совершенно другое дело. Тем не менее она покачала головой и протянула Суан свои плащ и сумку:

— Баночка с мазью в сумке. Эта мазь очень хорошо помогает от потертостей.

Лицо ее подруги просветлело.

— Я все же могла бы пойти с тобой. С лечением можно и подождать.

— Да ты же едва ходишь! Не нужно. Чего бы

ни хотела от меня Мериан, уверена, надолго я не задержусь.

О Свет, она надеялась, что Мериан не обнаружила вдруг какую-то из их проказ, которую Морейн считала надежно скрытой! Но даже если и так, хотя бы Суан избежит наказания. В ее теперешнем состоянии такую неприятность она может не вынести.

Кабинет наставницы послушниц находился в другой части Башни, возле крыла послушниц, одним этажом ниже кабинета Амерлин; к нему вел широкий, выложенный красной и зеленой плиткой коридор с голубой ковровой дорожкой посредине. Перед гладкой, лишенной украшений дверью, обрамленной двумя яркими гобеленами, Морейн набрала в грудь воздуха, пригладила волосы, пожалев, что у нее не было времени воспользоваться щеткой, и недрогнувшей рукой дважды постучалась. Мериан всегда говорила подопечным, чтобы они не скреблись, как мыши за стенной панелью.

— Войдите, — раздался голос из кабинета.

Еще раз глубоко вдохнув, Морейн открыла дверь.

В отличие от кабинета Амерлин приемная Мериан была довольно маленькой и безыскус-

ной: стены обшиты панелями темного дерева, мебель крепкая и по большей части безо всяких украшений. Морейн подозревала, что женщины, которые были принятыми лет сто, а может, даже двести назад, узнали бы в этой комнате каждую деталь. Стоящий у двери узкий чайный столик с резными ножками, покрытыми незнакомым узором, вполне мог оказаться и еще древнее. На одной из стен висело зеркало, рама которого еще сохранила поблекшие фрагменты позолоты. У стены напротив стоял небольшой шкафчик, на который Морейн избегала смотреть: в нем хранились ремень и розги, а также туфля, которая в некотором роде была еще хуже.

Вопреки обыкновению, Мериан встретила Морейн стоя, а не сидя за письменным столом. Наставница послушниц была высока — макушка Морейн едва доставала до ее пухлого подбородка; волосы Айз Седай, в которых виднелось больше седины, чем черных прядей, были собраны в узел на затылке, а лишенные возраста черты почти совсем скрывало по-матерински ласковое выражение лица. Именно чуткое отношение было одной из причин, почему большинство молодых женщин, обучающихся в Башне, находили утешение, выплакиваясь на плече у Мериан, несмотря

на то что она сама частенько заставляла их плакать. Наставница послушниц действительно была доброй, мягкой и понимающей — до тех пор, пока не нарушались правила. Мериан обладала настоящим даром выискивать то, что ты больше всего на свете хотела скрыть.

— Сядь, дитя мое, — серьезно сказала она.

Морейн настороженно уселась на стул перед письменным столом Мериан. Несомненно, у нее какие-то плохие новости. Но какие именно?

— Как ни прискорбно, дитя мое, но тебе нужно об этом сказать. Король Ламан был убит вчера вместе с двумя своими братьями. Помни, что мы все — нити в Узоре и Колесо плетет так, как желает Колесо.

— Да осияет Свет их души, — формальной фразой ответила Морейн, — и да обретут они прибежище в руке Создателя до тех пор, пока не будут рождены вновь.

Брови Мериан взлетели вверх; несомненно, ее удивило то, что принятая не разразилась слезами при известии, что в один день потеряла трех дядьев. Но Мериан не знала Ламана Дамодреда, человека холодного, сжигаемого честолюбием — единственным горячим чувством, доступным его ледяному сердцу. По мнению Морейн, он

оставался неженатым лишь по той причине, что даже приманки в виде титула королевы Кайриэна было мало, чтобы хоть одна женщина согласилась выйти за него замуж. Морессин и Альдекайн были еще хуже; пыла у каждого из них хватило бы на десяток мужчин, но они расходовали его на гнев и жестокость. И на презрение к ее отцу за то, что тот был ученым и поэтому взял второй женой такую же, как и он сам, вместо того чтобы посредством женитьбы добыть новые земли и связи Дому Дамодред. Морейн, конечно, помолится за их души, однако гораздо больше ее печалила участь Джака Винна, чем всех троих дядьев, вместе взятых.

— Это потрясение, — пробормотала Мериан. — Ты потрясена, но это пройдет. А потом приходи ко мне, дитя мое. До тех пор тебе не нужно никуда ездить. Я доложу Амерлин.

Наставнице послушниц принадлежало решающее слово во всем, что касалось послушниц и принятых. Мериан, должно быть, вывело из себя то, что Тамра отправила их за пределы города, с ней не посоветовавшись.

— Спасибо, вы так добры ко мне, — быстро проговорила Морейн, — но прошу вас, не надо. Мне станет легче, если у меня будет какое-то дело,

если я буду вместе с подругами. Если я завтра останусь здесь, то буду совсем одна.

Мериан посмотрела на нее с сомнением, но тем не менее, промолвив еще несколько слов утешения, в попытке облегчить боль, которую, по ее очевидному убеждению, Морейн скрывала, наставница послушниц отпустила девушку. Вернувшись к себе в комнату, Морейн обнаружила, что оба масляных светильника зажжены, а в камине потрескивает пламя. Работа Суан, не иначе. Она подумала, не заглянуть ли ей к Суан, но к этому времени та, несомненно, уже крепко спала.

Морейн могла пойти поужинать — ужин должны подавать еще в течение по меньшей мере часа, — но, отбросив все мысли о еде, она провела это время на коленях, молясь за души своих дядьев. Это была епитимья. Она не собиралась становиться одной из тех сестер, что накладывали на себя епитимью при каждом удобном случае — чтобы достигнуть равновесия в жизни, как они заявляли. Она считала подобное глупостью, выставляемой напоказ, — однако Морейн должна была почувствовать хоть что-то после гибели своих кровных родственников, какими бы ужасными людьми те ни были. Иначе было бы неправильно. Лишь когда, как она знала, в

обеденных залах уже суетились служанки со швабрами, Морейн позволила себе подняться с пола, снять одежду и помыться, подогрев воду тоненькой струйкой Огня. Холодная вода была бы еще одной епитимьей, но всему есть свои пределы.

Погасив светильники, она сплела малого стража, чтобы ее сны не влияли на сны других. Такое вполне могло случиться с теми, кто умел направлять Силу: их соседи иногда обнаруживали, что смотрят чужие сны. Забравшись под одеяло, Морейн поняла, что действительно очень устала, и сразу уснула. К несчастью, вместе со сном пришли кошмары. Ей снился не кто-то из умерших дядьев и даже не Джак Винн. Нет, она видела младенца, лежащего в снегу на склоне Драконовой горы. В угольно-черном небе сверкнула молния, а громом был его детский крик. Она видела юношу без лица, и в этом сне тоже сверкнула молния, которую он призвал с небес. Пылали города. Пылали целые страны. Дракон был Возрожден. Морейн проснулась в слезах.

Огонь в камине прогорел до кучки тлеющих углей. Вместо того чтобы подбросить еще дров и вернуться в постель, Морейн нагребла совком золы на угли, завернулась в одеяло и вышла из

комнаты, в ночь. Она не была уверена, что сумеет снова заснуть, но одно знала точно: в одиночестве спать она не хочет.

Морейн не сомневалась, что Суан давно спит, но, когда она проскользнула в комнату подруги, быстро закрыв за собой дверь, та негромко спросила:

— Морейн?

Несколько язычков пламени еще плясали в маленьком очаге, и в скудном свете Морейн разглядела, что подруга отвернула край одеяла.

Морейн не стала тратить время и тут же нырнула к ней:

— У тебя что, тоже кошмары?

— Да, — тихо ответила Суан. — Что они смогут сделать, Морейн? Даже если они найдут его, что они смогут сделать?

— Могут привести его в Башню, — ответила Морейн, стараясь, чтобы в ее голосе прозвучало больше убежденности, чем она чувствовала. — Здесь он будет под защитой. — Она надеялась, что это так. Кроме Красных, очень многие хотели бы видеть его мертвым или укрощенным, что бы там ни говорилось в пророчествах. — И его здесь обучат. — Дракон Возрожденный должен получить образование. Он должен знать о политике

больше, чем любая королева, о войне больше, чем любой полководец, об истории больше, чем любой ученый. Верин Седай утверждала, что большинство ошибок правители допускают от незнания истории, из-за того, что они действуют, не ведая об ошибках, сделанных их предшественниками. — Его можно будет наставлять. Ему можно будет подсказывать. И что самое главное — проследить за тем, чтобы он принимал верные решения.

— Но Башня не может научить его направлять Силу, Морейн.

Вернее не скажешь. То, что делали мужчины, было… чем-то иным. Точно так же женщины отличаются от мужчин — так говорила Верин. Птица никогда не научит рыбу летать. Ему придется самому как-то научиться — и остаться в живых. Пророчества не говорили, что он выживет или избежит сумасшествия еще до Последней битвы; в них утверждалось: чтобы была хоть какая-то надежда на победу, он должен быть при Тармон Гай'дон. Однако нужно верить. Нужно!

— Как ты думаешь, Суан, Тамре сегодня ночью тоже кошмары снятся?

Суан фыркнула:

— У Айз Седай не бывает кошмаров.

Однако они еще не были Айз Седай. Всю оставшуюся ночь ни одна из девушек не сомкнула глаз. Морейн не знала, что видела Суан, лежа в кровати и глядя в потолок, — она не могла заставить себя спросить, — но сама она видела ребенка, плачущего в снегу на склоне Драконовой горы, и мужчину без лица, призывающего с неба молнии. Даже наяву ей никак не избавиться от этих кошмаров.

Глава 6
Неожиданности

На следующее утро, совсем рано, в дверь к Суан кто-то поскребся. Сетсуко, застенчивая послушница, которая ростом была даже ниже Морейн, сообщила, что Амерлин приказала всем принятым явиться в Западную конюшню до Третьего утреннего часа и быть готовыми продолжать начатое накануне. Лампа, которую девушка держала в руке, озаряла голубые глаза арафелки, в которых светилась зависть. Она уже знала, что ее собственное пребывание в Белой Башне продлится не больше нескольких месяцев.

Сетсуко открыто говорила о том, что собирается сбежать, пока визит в кабинет Мериан не научил ее если не уму-разуму, то хотя бы благоразумию. Как ни горько было ей это сознавать, она не обладала способностями, достаточными для получения шали, однако ей необходимо было оставаться в Башне, пока сестры не будут уверены, что она в состоянии направлять Силу, не причиняя вреда себе и другим. Тем не менее девушка, скорее всего, от мысли о побеге не от-

казалась. Время от времени то одна, то другая послушница действительно сбегала. Это случалось даже с отдельными принятыми, которых пугали горизонты, открывшиеся перед ними. Но их всех в конце концов всегда ловили, и сказать, что возвращение в Башню было для них мучительным и неприятным, значило не сказать ничего. Для всех гораздо лучше, если подобного возможно избежать.

В другое время, несмотря на усталость, Морейн попыталась бы сказать Сетсуко несколько утешительных слов. Или предостерегающих. Этим утром, однако, гонг к Первому утреннему часу уже прозвучал и до Второго оставалось не больше получаса. Они успевали лишь быстренько перехватить чего-нибудь из еды и едва-едва поспеть в конюшню до Третьего. Зевая, Морейн в последний раз сжала Суан в объятиях и, кутаясь в свое одеяло, поспешила из комнаты в темный коридор. Сетсуко же подошла к следующей двери и принялась скрестись в нее, пытаясь разбудить Шириам. Дитя должно было действовать посмелее — Шириам обычно спала как убитая.

Полдюжины послушниц, напоминавших ночных призраков, со светильниками в руках стучались в другие двери. У двери своей комнаты

Морейн обнаружила очень высокую девушку с золотистыми волосами, струившимися по спине; девушка с хмурым видом присела перед ней в реверансе, и Морейн отпустила ее. Лизандре давно уже должны были допустить к испытаниям на принятую, но прежде следовало излечить ее угрюмость. Скорее всего, так и случится. Когда Башня отмечала в ком-то из своих учениц некий недостаток, от него обычно так или иначе избавлялись.

Морейн торопливо умылась и оделась, почти не тратя время на то, чтобы почистить зубы солью с содой и с помощью щетки придать волосам хоть какое-то подобие порядка. Однако, когда она вышла на галерею с сумой, болтающейся под полой плаща, ночная темнота определенно сменилась предрассветными сумерками. Суан уже была готова и поджидала ее, завернувшись в плащ. Она разговаривала с огненно-рыжей Шириам, которая явно нервничала; другие принятые уже торопились на завтрак.

— Морейн, Шириам говорит, что Айил в самом деле отступают, — возбужденно сообщила Суан, закидывая свою суму на плечо. — Она говорит, они уже в нескольких лигах к востоку от реки.

Шириам кивнула и двинулась было за осталь-

ными принятыми, но Морейн поймала ее за полу плаща:

— Ты уверена?

Морейн едва не поморщилась от досады. Если бы она меньше устала, то выбирала бы слова с большей осторожностью; ничего не узнаешь, если начинать с того, что силой удерживаешь собеседника.

К счастью, стройная принятая не обладала тем темпераментом, на который, как могло показаться, указывали ее огненно-рыжие волосы и раскосые зеленые глаза. Она лишь вздохнула и с нетерпением поглядела на дверь, ведущую в галерею:

— Сначала я услышала это от гвардейца, тот узнал от курьера, шайнарского солдата, но потом то же самое мне сказали Серафелле, потом Рима и еще Дженнет. Одна сестра может ошибаться, но, когда три сестры говорят тебе одно и то же, можешь быть уверена: они знают, о чем говорят. — Шириам была неплохой подругой, с которой при случае можно хорошо провести вечер, однако эта манера превращать в лекцию любое обыденное высказывание была просто невыносима. — Что это вы обе улыбаетесь как дурочки? — внезапно спросила она.

— Я и не заметила, что улыбаюсь, — ответила Суан, сгоняя ухмылку с лица.

Тем не менее она все равно выглядела взволнованной и то и дело приподнималась на цыпочки, словно собираясь куда-то бежать.

— Разве поездка за пределы Башни не стоит улыбки? — спросила Морейн.

Возможно, теперь они сумеют убедить свой эскорт отправиться к лагерям, расположенным поближе к Драконовой горе. Она не могла сказать точно, когда именно переняла точку зрения Суан, однако теперь полностью ее разделяла. Они найдут его первыми. Так или иначе, обязательно найдут. Она улыбается? Да ей танцевать хотелось и смеяться до упаду!

— Иногда вы обе какие-то странные бываете, — сказала Шириам. — Я, например, еле хожу — все себе седлом натерла. Что ж, оставайтесь здесь и болтайте сколько влезет. А я иду завтракать.

Но не успела она повернуться, как внезапно застыла на месте и изумленно охнула.

В редеющих сумерках в галерею вошла Мериан, ее расшитая узорами в виде виноградных лоз шаль была накинута на руки, так что голубая бахрома едва не подметала пол. Она привлекла немало взглядов со стороны принятых. Сестры

редко носили шали внутри Башни, за исключением важных событий или официальных церемоний. Появление наставницы послушниц, да еще и с шалью, означало, что у кого-то серьезные неприятности. Или что кого-то вызывали для прохождения испытания. Несколько принятых с надеждой на лице замедлили шаг, в то время как несколько других бросились прочь, да так поспешно, что едва не перешли на бег, — несомненно, подстегиваемые нечистой совестью. Напрасно они поступили так необдуманно. Добились они одного: Мериан сразу же заметила беглянок и теперь будет копать, пока не обнаружит, какие за ними водятся грешки. В Кайриэне даже девчонки, пасшие гусей, понимали это отлично. Сейчас, однако, Мериан не стала уделять им внимания, неторопливо скользя по галерее мимо принятых, которые, выпрямившись после реверансов, с сожалением смотрели ей вслед.

Шириам была одной из тех, кто задержался в галерее, и именно перед нею, Суан и Морейн Мериан наконец остановилась. Сердце Морейн затрепетало, но, приседая в реверансе перед наставницей послушниц, она изо всех сил старалась дышать ровно. Прежде всего нужно просто спокойно дышать. Может быть, Суан все же

оказалась права. Точнее, по правде говоря, она была права. Когда Мериан говорила, что принятой вскоре предстоит испытание, это всегда происходило не позже чем через месяц. Но она-то еще не готова! Лицо Суан, разумеется, пылало от волнения, ее глаза нетерпеливо сверкали. Губы Шириам были приоткрыты в ожидании. О Свет, оказывается все принятые считали себя готовыми к испытанию! Все, за исключением Морейн Дамодред.

— Ты опоздаешь, если не поторопишься, дитя мое, — резко сказала Голубая сестра, обращаясь к Шириам.

Это было полной неожиданностью. Мериан никогда не была резкой, даже если наказывала провинившихся. Когда она выговаривала им за проступки, орудуя ремнем, розгой или ненавистной туфлей, ее голос всегда был просто твердым.

Дождавшись, пока рыжеволосая принятая умчится прочь, наставница послушниц сосредоточила свое внимание на Суан и Морейн. Морейн подумала, что сердце у нее вот-вот вырвется из груди, так оно колотилось. Не сейчас. О Свет, пожалуйста, только не сейчас!

— Я поговорила с Амерлин, Морейн, и она согласилась со мной, что ты сейчас потрясена

случившимся. Другим принятым придется сегодня обойтись без тебя. — Мериан на мгновение поджала губы, затем безмятежность вновь вернулась на ее лицо. Голос, впрочем, оставался острым, как игла. — Я бы оставила в Башне вас всех, но люди охотнее разговаривают с посвященными Башни, нежели с простыми писцами, даже если это писцы Белой Башни. А сестры были бы крайне недовольны, если бы их попросили заняться переписыванием имен. Мать была права, поручив это вам.

О Свет! Да она, как видно, поспорила с Тамрой, если теперь настолько расстроена, что говорит все это двум принятым! Неудивительно, что Мериан позволила себе быть резкой. В груди Морейн поднялась волна облегчения: ее не собираются прямо сейчас уводить для испытания на шаль. Однако ничто не могло сравниться с разочарованием. Они могли бы сегодня же добраться до лагерей возле Драконовой горы! Ну хотя бы до одного из лагерей. Могли бы!

— Прошу вас, Мериан, я…

Сестра подняла палец. Этим жестом она обычно предостерегала, чтобы с нею не спорили, и, какой бы доброй и мягкой она ни бывала, дважды она никогда не предупреждала. Морейн немедленно

захлопнула рот.

— Тебе не дадут предаваться мрачным размышлениям, — продолжала Мериан. Лицо ее было бесстрастным, но то, как она поправила шаль на плечах, выдало ее раздражение. — Некоторые девочки пишут как курица лапой. — Да, она явно расстроена. Обычно, когда наставница послушниц имела к кому-то претензии, сколь бы незначительными те ни были, она высказывала их непосредственно виновнице, и никому другому. — Мать согласилась, чтобы ты переписала те листы, которые почти невозможно прочесть. У тебя хороший почерк. Пожалуй, излишне витиеватый, но разборчивый.

Морейн отчаянно пыталась придумать хоть что-нибудь, что сестра не сочтет возражением, но на ум ничего не шло. Как ей отделаться от этого задания?

— Это очень хорошая мысль, Морейн, — внезапно произнесла Суан, и Морейн посмотрела на подругу, раскрыв рот от изумления. Это говорит ее подруга! Но Суан беззаботно продолжала предавать ее: — Знаете, Мериан, этой ночью она ни на минуту не сомкнула глаз. Если и поспала, то всего какой-нибудь час. Думаю, ей нельзя сейчас ездить верхом. Она с лошади свалится и мили не

проехав. — И это говорила Суан!

— Рада, что ты согласна с моим решением, Суан, — сухо ответила Мериан. Морейн залилась бы румянцем, если бы таким тоном обращались к ней, но характер Суан был тверже. Она встретила удивленный взор сестры честным взглядом и невинной улыбкой. — Однако я считаю, ее нельзя оставлять одну, так что ты поможешь ей. У тебя почерк тоже неплохой. — Улыбка застыла на лице Суан, но сестра подчеркнуто не заметила этого. — Ступайте же, ступайте! У меня сегодня еще много дел, чтобы еще тут с вами время терять и дорогу показывать.

Мериан заскользила впереди, как пухлый лебедь по глади воды — весьма быстро плавающий лебедь, между прочим, — и привела девушек в маленькую комнатку без окон, расположенную в том же коридоре, что и покои Амерлин, только подальше и на другой стороне. На украшенном богатой резьбой письменном столе, за которым стояли два кресла с прямыми спинками, были разложены перья и стопки хорошей белой писчей бумаги, расставлены большие стеклянные чернильницы и песочницы для промокания чернил; тут же большой беспорядочной грудой были навалены отдельные листы, испещренные

неровными строчками. Повесив плащ на крючок и поставив суму на пол возле стола, Морейн воззрилась на эту неровную стопку не менее хмуро, чем Суан. По крайней мере, здесь был камин и в узком очаге пылал огонь. В комнате по сравнению с коридорами было довольно тепло. Гораздо теплее, чем на лошади среди снега. И то ладно.

— Когда закончите с завтраком, — сказала Мериан, — возвращайтесь сюда и приступайте к работе. Переписанное оставьте в приемной, перед кабинетом Амерлин.

— О Свет, Суан, — с чувством произнесла Морейн, как только наставница послушниц удалилась, — с чего ты решила, что это хорошая мысль?

— Ты… — Суан скорчила жалостливую гримасу. — Мы сможем таким образом просмотреть гораздо больше имен. А то даже все имена, если Тамра оставит нас на этой работе. Возможно, мы первыми узнаем, кто он такой. Сомневаюсь, что могут обнаружиться два мальчика, рожденные на Драконовой горе. Вот только я думала, что это будешь «ты», а не «мы». — Она уныло вздохнула, затем внезапно нахмурилась. — А кстати, почему это ты должна предаваться мрачным размышлениям? Из-за какого такого потрясения?

Прошлой ночью открывать Суан свои горести казалось неуместным, они были пустяком по сравнению с тем, что, как они знали, угрожало миру. Теперь же Морейн без колебаний рассказала ей все. Не успела она закончить, как Суан заключила ее в тесные, дружеские объятия. Они плакали друг у друга на плече гораздо чаще, чем каждая из них на плече у Мериан. Морейн никогда не была настолько близка с кем-либо, как теперь с Суан. И никого не любила так горячо.

— Как ты знаешь, у меня шестеро дядьев, и все они хорошие люди, — тихо произнесла Суан. — Еще один погиб, доказывая, какой он хороший человек. Но ты не знаешь, что у меня есть еще двое, которых мой отец даже на порог не пустит, хотя один из них его родной брат. Отец даже никогда не произносит их имен. Это уличные грабители, драчуны и выпивохи, и когда они накачаются элем или бренди — если им удастся наворовать достаточно, чтобы позволить себе бренди, — то затевают драки с любым, кто косо на них посмотрит. Обычно они наседают вдвоем на одного бедолагу и избивают его кулаками, сапогами и всем, что попадется под руку. Когда-нибудь они кого-нибудь убьют, и их повесят, если уже не повесили. И когда это случится, я не пролью и

слезинки. Некоторые люди просто не стоят того, чтобы из-за них плакать.

Морейн обняла подругу в ответ:

— Ты всегда найдешь нужное слово. Однако я все же помолюсь за своих дядьев.

— Я тоже буду молиться за тех двух негодяев, когда они умрут. Я только не стану беспокоиться о том, живы они или мертвы. Ладно. Пойдем позавтракаем. Предстоит тяжелый день, и нам даже верхом прокатиться не удастся.

Видимо, Суан шутила, хотя в ее голубых глазах не было даже искры веселья. С другой стороны, она действительно ненавидела канцелярскую работу. Вряд ли кто-нибудь испытывает любовь к писанине.

Трапезный зал, наиболее часто посещавшийся принятыми, находился на самом нижнем уровне Башни — большая комната с крахмально-белыми стенами и выложенным белой плиткой полом, заставленная длинными полированными столами и простыми скамьями на двух, в крайнем случае на трех человек. Принятые ели быстро, порой глотая пищу с неподобающей торопливостью. Шириам забрызгала платье овсянкой и выскочила из зала, уверяя всех, что у нее еще есть время переодеться. Она едва не бежала. То-

ропились все. Даже Кэтрин покидала трапезную резвой трусцой, на ходу доедая хрустящий хлебец и смахивая крошки с платья. По-видимому, перспектива выбраться из города все же казалась ей не столь уж дурацкой. Суан медлила над своей овсянкой, сдобренной дольками сушеных яблок, и Морейн сидела с ней за компанию, допивая вторую чашку крепкого черного чая с капелькой меда. В конце концов, вероятность того, что имя мальчика окажется среди тех, что ожидали их в кабинете, была пугающе мала.

Скоро девушки остались в гордом одиночестве, и одна из поварих подошла к ним, хмурясь и уперев руки в бедра. Ларас, плотная женщина средних лет в длинном безупречно-белом переднике, была более чем привлекательна, однако, когда хмурилась, могла просверлить взглядом дырку в камне. Ни одна принятая не была настолько глупа, чтобы вести себя высокомерно с Ларас, — по крайней мере, этот фокус проходил не больше одного раза. Даже Суан съежилась под этим непреклонным взглядом, поспешно доскребая ложкой последние кусочки яблока из своей миски. Ларас начала созывать поварят со швабрами еще до того, как Суан и Морейн вышли за дверь.

Морейн была уверена, что работа будет скучной, так оно и оказалось, хотя и не настолько, как она опасалась. Не до такой степени. Девушки начали с того, что откопали в куче свои собственные списки и добавили к ним те, которые были написаны вполне разборчиво, что наполовину уменьшило кипу. Но только наполовину. Если приходишь в Белую Башню, не умея писать вообще, тебя еще послушницей научат писать прилично, но те, у кого изначально был плохой почерк, часто тратили годы на то, чтобы добиться разборчивости письма. А некоторым и это не помогало. Часть сестер прибегала к услугам писцов всякий раз, когда требовался аккуратный и понятный почерк.

Большинство списков оказались короче, чем у Морейн с Суан, однако, даже учитывая объяснение Мейлин, количество недавно родивших женщин казалось удивительным. И это только списки из лагерей, ближайших к реке! Заметив, что Суан просматривает каждую страницу, прежде чем отложить в сторону, Морейн принялась делать то же самое. Без особой надежды, правда, но даже самый маленький шанс все же лучше, чем его отсутствие. Вот только чем дальше она читала, тем больше падала духом.

Многие из описаний были потрясающе расплывчатыми. Рожден в виду стен Тар Валона? Да городские стены были видны на многие лиги, видны даже со склонов Драконовой горы! Этот ребенок был девочкой, ее отцом был тайренец, а матерью — кайриэнка, однако такое свидетельство не сулило легкой задачи тем, кто вздумал бы отыскать младенца. Подобных записей было слишком много. Вот, например: рожден в виду Белой Башни. О Свет, Башню можно увидеть чуть не от самой Драконовой горы! Ну, за добрый десяток миль по меньшей мере. Другие записи были печальными. Салия Помфри родила мальчика и ушла из лагеря, отправившись обратно в свою деревню в Андоре, после того как ее муж погиб на второй день сражения. Под ее именем решительным почерком Мирелле было приписано: «Женщины в лагере пытались отговорить ее, но, как мне сказали, она почти обезумела от горя. Да поможет ей Свет!» Печально, хоть плачь. И если рассуждать холодно и здраво, такая запись ничуть не лучше, чем неточные описания места рождения. Название деревни Салии не записано, а Андор — самая большая страна между Хребтом Мира и океаном Арит. Как искать эту женщину? Ребенок Салии родился на другом берегу Эринин

и на шесть дней раньше Предсказания, но, если мать Дракона Возрожденного поступила так же, как она, каким образом найти младенца? На листах целое море записей, похожих на эту, хотя обычно случаи уходов фиксировались со слухов, так что, возможно, еще какие-то сведения о женщинах, покинувших один лагерь, могут появиться в списках другого поселения. А могут и не появиться. Задача казалась такой простой, когда Тамра ставила ее перед ними!

«Свет да поможет нам!» — думала Морейн. Свет да поможет миру.

Они упорно писали, порой вместе расшифровывая строчки, когда почерк впрямь напоминал загадочную вязь или отпечатки птичьих лапок. В середине дня подруги на час спустились в трапезную и пообедали чечевичным супом с кусочком хлеба, а затем снова вернулись к работе. Появилась Элайда, в платье со стоячим воротом, еще более красном, нежели то, в каком была днем раньше, прошлась вдоль стола, молча заглянула сначала поверх плеча Суан, потом Морейн, словно желая проконтролировать, что они там пишут. Ее шаль с красной бахромой украшала богатая вышивка, изображавшая виноградные лозы, увитые цветами. Помимо всего прочего

эти лозы были усыпаны длинными шипами, что вполне отвечало характеру владелицы шали. Не найдя ничего, к чему бы придраться, она ушла так же внезапно, как и появилась. Морейн, последовав примеру Суан, вздохнула с облегчением. Не считая этого, они были полностью предоставлены самим себе. Как раз когда Морейн обработала последний лист мелким песком, а затем ссыпала его в деревянный ящик, стоявший на полу между стульями, наступило время ужина. Вчера родилось еще некоторое количество мальчиков — младенец должен был родиться после Предсказания Гайтары, — но ни один случай даже отдаленно не напоминал того, что они искали.

Морейн спала беспокойно, часто просыпаясь, и на следующее утро Суан не понадобилось даже уговаривать ее вернуться в эту маленькую комнатушку вместо того, чтобы присоединиться к прочим принятым, торопившимся в конюшню. Правда, сегодня некоторые из них уже не так торопились. Похоже, даже прогулки за стенами города могли надоесть, если от тебя требовалось целый день сидеть на скамье и записывать имена. А вот Морейн с нетерпением предвкушала переписывание имен. Никто, в конце концов, не говорил им, что порученную работу можно

оставить. Поэтому утром девушек разбудил шум собирающихся в дорогу принятых, а не послушница, которую послали передать, что они должны ехать вместе с другими. Как частенько говаривала Суан, просить прощения всегда проще, чем разрешение. Хотя Башня частенько скупилась на прощение, когда речь шла о принятых.

Собранные накануне обрывки сведений ждали на столе — неровная кипа разрозненных листов, высотой едва ли уступавшая предыдущей. Когда девушки уже начали отбирать удобочитаемые списки, в комнату вошли двое писцов и удивленно остановились у порога. Коренастая женщина в темном платье, на рукаве которого было вышито Пламя Тар Валона, ее седые волосы были собраны в аккуратный узел на затылке, и рослый молодой парень, который более уместно смотрелся бы в доспехах, чем в простой серой суконной куртке. У него были замечательные карие глаза. И прелестная улыбка.

— Не люблю, когда мне поручают работу только для того, чтобы я обнаружила, что ее уже выполняет кто-то другой, — едким тоном произнесла женщина. Заметив, что молодой писец улыбается, она метнула на него холодный взгляд. Голос у нее стал ледяным: — А ты, Мартан, лучше хоро-

шенько подумай, прежде чем так себя вести, если хочешь сохранить место. Пошли со мной.

И Мартан, красный от смущения, сменив улыбку на озабоченную мину, вышел вслед за ней из комнаты.

Морейн в тревоге взглянула на Суан, но та даже не оторвалась от работы.

— Продолжай переписывать, — сказала она. — Если будем выглядеть достаточно занятыми…

Суан не закончила. Раз на эту работу назначили писцов, надежды оставалось мало. Но надеяться-то больше было не на что.

Через несколько минут, когда подруги уже старательно переписывали имена, в комнату вошла Тамра собственной персоной. Сегодня Амерлин была в простом платье голубого шелка и воплощала собой образцовое спокойствие Айз Седай. Никто бы не подумал, что ее подруга умерла каких-то два дня назад прямо у нее на глазах или что она ждет, когда найдут имя, которое должно спасти мир. Тамру по пятам сопровождала уже знакомая девушкам седоволосая женщина — удовлетворение лежало на ее лице, как слишком толстый слой румян. Позади нее стоял молодой Мартан и улыбался принятым из-за плеча напарницы. Если он будет так часто улыбаться, то в

самом деле очень скоро потеряет место.

Морейн вскочила на ноги и присела в реверансе настолько поспешно, что забыла про перо, которое держала в руке. Впрочем, она тут же почувствовала, как оно согнулось, и вздрогнула, увидев оставленное им чернильное пятно — большую черную кляксу, которая тут же расползлась по белой шерсти до размеров монеты. Суан действовала не менее быстро, но куда как аккуратней. Она не забыла положить перо на стол, прежде чем взяться за юбку.

«Спокойно, — подумала Морейн. — Я должна сохранять спокойствие». Она быстро выполнила мысленные упражнения, но они ничуть не помогли.

Амерлин смотрела на девушек пристальным изучающим взглядом, а когда Тамра кого-нибудь так рассматривала, даже самые толстокожие и невосприимчивые чувствовали себя измеренными до дюйма и взвешенными до унции. От беспокойства Морейн чуть ли с ноги на ногу не переминалась. Несомненно, этот взгляд видел насквозь все их планы — если их замысел можно назвать таким словом, как планы.

— Я намеревалась дать вам сегодня выходной, чтобы вы могли почитать или заняться чем-то

полезным, — медленно проговорила Тамра, по-прежнему разглядывая принятых. — Или, возможно, попрактиковаться перед предстоящим испытанием, — добавила она с улыбкой, которая никоим образом не смягчила ее испытующего взгляда. После долгой паузы Амерлин чуть кивнула своим мыслям. — Ты все еще страдаешь из-за смерти твоих дядьев, дитя мое?

— Этой ночью, мать, у меня опять были кошмары. — Это было правдой, но в ее кошмарах вновь в снегу плакал ребенок и юноша без лица вновь разламывал мир, даже когда спасал его. Твердость собственного голоса поразила саму Морейн. Она никогда бы не подумала, что посмеет дать ответ в манере Айз Седай самому Престолу Амерлин.

Тамра вновь кивнула:

— Хорошо. Раз ты думаешь, что тебе нужно чем-то заняться, можешь продолжать. Если почувствуешь, что переписывание имен начинает тебя утомлять, оставь записку рядом с законченной работой, и я позабочусь, чтобы тебя заменили. — Уже почти повернувшись, она вновь задержалась. — Чернила очень трудно выводятся, особенно с белой одежды. Не стану напоминать тебе, чтобы при чистке платья ты не пользовалась Силой, — ты и сама это знаешь. —

Еще одна улыбка, и Тамра уже вела седоволосую служительницу под руку к двери. — Не стоит так возмущаться, госпожа Веллин, — говорила она ей примиряющим тоном. Лишь глупцы позволяют себе оскорблять писцов: их ошибки, случайные или намеренные, способны нанести слишком большой вред. — Уверена, у вас найдется множество гораздо более важных дел, чем…

Ее голос, удаляясь, превратился в невнятное бормотание в глубине коридора.

Морейн приподняла юбку, посмотрела на пятно. Оно расползлось уже до размеров большой монеты. Если удалять пятно обычным способом, то придется часами тщательно вымачивать юбку в белильной извести, которая щиплет пальцы и не дает никаких гарантий успеха.

— Она только что сказала мне, чтобы я использовала Силу для выведения пятна! — изумленно произнесла Морейн.

Брови Суан буквально поползли на лоб.

— Не мели чепухи. Я слышала ее не хуже тебя, и ничего подобного она не говорила.

— Нужно слышать не только то, что люди говорят, Суан, но и то, что они хотят сказать. — Интерпретация того, что в действительности подразумевают другие, являлась неотъемлемой

частью Игры Домов, и если взять все вместе — улыбку Тамры, брошенный искоса взгляд и слова, которые она выбрала, — то это было ничем не хуже, чем письменное разрешение.

Открыв себя Силе, Морейн сплела Воздух, Воду и Землю в необходимой пропорции и наложила плетение поверх пятна. То, что принятым не разрешалось использовать Силу для повседневных работ, еще не значило, что их этому не учили; для сестер подобного запрета не существовало, поскольку они часто путешествовали без служанки. Внезапно черное пятно влажно заблестело и начало съеживаться, одновременно поднимаясь к поверхности ткани. Оно становилось все меньше и меньше, пока не превратилось в маленькую эбеновую бусинку высохших чернил, которая упала в подставленную девушкой ладонь.

— Я сохраню ее на память, — сказала Морейн, кладя черную бусинку на край стола.

В память о том, что Суан была права: бывают времена, когда правила можно нарушить.

— А если бы вошла сестра? — мрачно спросила Суан. — Ты и ее попыталась бы убедить, что это всего лишь часть Игры Домов?

Лицо Морейн вспыхнуло, и она отпустила Источник.

— Я бы сказала ей… Я бы… Нам обязательно об этом говорить сейчас? Здесь не меньше имен, чем было вчера, а мне бы хотелось закончить до ужина.

Суан громко расхохоталась. Можно подумать, что румянец смущения на лице Морейн был гримом уличного шута.

Они писали уже около часа, когда Морейн попалась запись, заставившая задуматься. «Рожден в виду Драконовой горы», — говорилось в ней, что было не менее смехотворным, чем «в виду Белой Башни». Однако Вилла Мандайр родила мальчика к западу от реки и в тот самый день, когда прозвучало Предсказание Гайтары. Она медленно переписала имя. Оторвав перо от бумаги, Морейн не стала обмакивать его в чернильницу или смотреть на следующее имя, записанное колючим почерком Эллид. Ее взгляд переместился на черную бусину. Она была одной из принятых, а не сестрой. Но вскоре она пройдет испытание. Били Мандайр мог родиться на берегу реки, а его мать все равно видела бы Драконову гору. Но ничто из написанного Эллид не указывало на то, насколько далеко от горы находится лагерь, в котором она собирала сведения, — или насколько близко. В предыдущих записях говорилось

просто: «Рожден в лагере лорда Эллизара под Тар Валоном».

Белый лист, лежавший перед ней, был заполнен лишь наполовину, но она вытащила другой, чистый из стопки на столе и переписала на него обстоятельства рождения Били Мандайра. Имя довольно скромное, если он тот самый. Но пожалуй, более вероятно, что Дракон Возрожденный окажется сыном простого солдата, нежели лорда.

Внезапно она заметила, что Суан, поглядывая на дверь, пишет в небольшой книжечке в кожаном переплете, достаточно маленькой, чтобы уместиться в ее поясном кошеле.

— Ты должна была подготовиться, — сказала ей Суан.

Кивнув, Морейн передвинула страницу с единственным именем через стол к Суан, которая тщательно переписала сведения в свою кожаную книжечку. Завтра Морейн принесет свою собственную.

Этот день дал лишь несколько имен мальчиков, «рожденных в виду Драконовой горы» или даже «неподалеку от Драконовой горы», некоторые из них родились на восточном берегу Эринин. Морейн понимала, что иного ожидать не стоило. Гора, в конце концов, была самой заметной

особенностью ландшафта в пределах десятков лиг. Но шел только второй день, а они занесли в книжечку Суан уже девять имен. О Свет, сколько же имен наберется прежде, чем они закончат?

Их ждали и другие неожиданности. Вскоре после полудня в комнату скользнула Джарна Малари, как всегда элегантная в своем темно-сером шелковом платье. Белые проблески седины на висках придавали ее величественному облику еще больше властности, а в длинных черных волосах и вокруг шеи сверкали сапфиры. Шелковая бахрома ее шали была настолько длинной, что едва не касалась пола, даже когда шаль лежала на ее плечах. Джарна была восседающей от Серой Айя. Восседающие обычно редко замечали принятых, однако на сей раз она направилась к Морейн:

— Пойдем, дитя мое, прогуляемся со мной немного.

В коридоре Джарна некоторое время медленно шагала в молчании, которое Морейн не смела прерывать. О Свет, чего может хотеть от нее восседающая? Сделать какую-то работу, отнести какое-нибудь послание — но она сказала бы об этом сразу. Как бы то ни было, принятым не стоит торопить сестер. Так же как восседающие нико-

гда не торопили Амерлин. Сквозняки, от которых мигало пламя в высоких стоячих светильниках, разумеется, не беспокоили Джарну, но Морейн начала жалеть, что не захватила с собой плаща.

— Слышала, ты переживаешь из-за смерти своих дядьев, — промолвила наконец восседающая. — Это вполне понятно.

Морейн издала звук, который, как она надеялась, Джарна приняла за согласие. Ответы на манер Айз Седай, конечно, дело хорошее, но ей все же хотелось избежать открытой лжи. Если это возможно. Морейн старалась не вытягиваться до последнего дюйма — макушкой она едва доставала до плеча сестры. Чего же все-таки эта женщина хочет от нее?

— Боюсь, что государственные дела не оставляют времени на скорбь, Морейн. Скажи мне, дитя мое, кто из Дома Дамодред, по твоему мнению, взойдет на Солнечный трон теперь, когда Ламан и его братья мертвы?

Споткнувшись на ровном месте, Морейн потеряла равновесие и упала бы, если бы Джарна не поддержала ее за локоть. Восседающая спрашивает ее мнения в вопросах политики? Конечно, это ее родина, но восседающие знали о политике большинства стран больше, чем их собственные

правители. Влажные карие глаза Джарны с безмятежным терпением смотрели на нее, ожидая ответа.

— Я еще не думала об этом, Айз Седай. — Это было правдой. — Думаю, скорее всего, Солнечный трон перейдет к другому Дому, но не возьмусь сказать, к какому именно.

— Это возможно, — пробормотала Джарна, прикрывая глаза. — Дом Дамодред приобрел дурную репутацию, а Ламан только усугубил положение.

Морейн нахмурилась прежде, чем успела остановить себя, и поспешно согнала неодобрительное выражение с лица, надеясь, что Джарна ничего не заметила. Сказанное восседающей было чистой правдой. Отец Морейн был единственным в своем поколении, чей характер не был порочным. Это касалось как мужчин, так и женщин. Предыдущее поколение было не лучше, если не хуже. Деяния династии Дамодред очернили имя Дома. Но Морейн не желала слышать подобные высказывания от посторонних.

— Твой единокровный брат Тарингейл исключается из-за брака с королевой Андора, — продолжала Джарна. — Нелепый закон, но он не в силах отменить его, пока он не является королем, а он не может стать королем, пока не будет изменен

закон. Как насчет твоих старших сестер? У них ведь неплохая репутация? Этот… порок… кажется, почти не сказался на твоем поколении.

— Репутация неплохая, но они не годятся для трона, — ответила Морейн. — У Анвайре мысли лишь о лошадях и соколиной охоте. — И никто настолько не доверился бы ее нраву — который гораздо хуже, чем у Морейн, — чтобы возвести ее на Солнечный трон. Но такое она могла сказать только Суан. — И все знают, что если на трон взойдет Инлойна, то государственные дела в лучшем случае будут для нее на втором месте, уступив первенство заботе о детях. — А скорее всего, играя со своими детьми, она вообще позабудет о делах государства. Инлойна была нежной и любящей матерью, но, по правде говоря, не обладала таким уж острым умом, хотя и отличалась крайним упрямством. Для правительницы сочетание очень опасное. — Никто не поддержит ни одну из них, если речь зайдет о троне, Айз Седай, даже в самом Доме Дамодред.

Джарна долго и пристально глядела Морейн в глаза, чем неприятно напомнила Мейлин, когда та говорила, что не умеет читать мысли. Ничего не оставалось, кроме как отвечать на этот взгляд терпеливо и открыто. А также горячо надеяться,

что Мейлин не отыскала какого-то способа обойти Три Клятвы.

— Понимаю, — произнесла наконец Джарна. — Можешь вернуться к своей работе, дитя мое.

— Чего она хотела? — спросила Суан, когда Морейн вернулась в комнату.

— Я не совсем поняла, — медленно ответила та, беря в руки перо.

В первый раз за все это время она не сказала Суан правды. Она очень боялась, что в точности поняла, чего хотела от нее Джарна.

До того как девушки отнесли законченные списки в просторную приемную перед кабинетом Амерлин и положили их на резной письменный столик розового дерева, когда-то принадлежавший Гайтаре, еще шесть восседающих явились, чтобы приватно поговорить с Морейн. По одной от каждой Айя, и все — с очень схожими вопросами. Тсутама Рат, красавица с таким жестким взглядом, что Морейн даже вздрогнула, высказалась вполне откровенно.

— Ты никогда не думала, — небрежно промолвила Тсутама, поигрывая красной бахромой своей шали, — о том, чтобы самой стать королевой Кайриэна?

Мало Морейн было кошмаров о младенце в

снегу и мужчине без лица, теперь добавился еще один. Она восседала на Солнечном троне, на ее плечах лежала шаль Айз Седай, а на улицах за стенами дворца разъяренные толпы громили город. Ни одна Айз Седай не становилась королевой вот уже больше тысячи лет, и даже прежде те немногие, кто открыто признавал свою принадлежность к Белой Башне, не могли похвастаться счастливой судьбой. Но если такова цель Совета Башни, как противостоять этому? Разве что убежать из Белой Башни сразу же, как получит шаль, и держаться подальше до тех пор, пока дела в Кайриэне не уладятся сами собой. Большую часть этой бессонной ночи Морейн провела, молясь о том, чтобы поскорее пройти испытание. Даже завтра казалось ей недостаточно скоро. О Свет, она еще не готова, но ей необходимо бежать! Так или иначе, но бежать.

Глава 7
Зуд

Следующий день принес новые имена, отвечавшие необходимым условиям. Причем в большом количестве. Однако все обстоятельства рождения мальчиков указывали на Драконову гору лишь косвенно. Морейн поняла, что они с Суан никогда не увидят записи, где будет сказано: «Рожден на склонах Драконовой горы». Пророчества о Драконе были известны многим, хотя обычно, в особенности до простого люда, они доходили в сильно искаженном виде, но гора упоминалась даже в самых невероятных версиях. Ни одна женщина не захочет признаться, что родила мальчика, который однажды станет направлять Силу, а значит, примет на свои плечи все, что этому сопутствует, — признаться, что дитя ее плоти и крови обречено на безумие и ужас. Каков же шанс, что она признается, что выносила ребенка, которому суждено стать Драконом Возрожденным? Она не сможет полностью отрицать близость Драконовой горы, иначе ее уличат во лжи, однако совсем несложно сказать «невда-

леке от горы» или «в виду горы» и чувствовать себя вполне в безопасности. Ребенок, которого они ищут, наверняка будет скрыт за подобной полуправдой.

Кто-то должен будет встретиться с каждой из этих женщин и подробнее их расспросить, осторожно и тщательно выбирая слова. Морейн прикидывала в уме, как бы подобрать вопросы так, чтобы выпытать необходимые сведения и при этом не выдать истинной цели. Стоит заронить в душу матери подозрения, и она солжет снова. И скорее всего, поспешит сбежать, как только тот, кто спрашивает, повернется к ней спиной. Это будет Игрой Домов, а ставкой в ней станет целый мир. Не то чтобы ей нравилась эта задача, но разве можно удержаться и не дать волю воображению?

Помимо всего прочего, утро ознаменовалось появлением Тамры, которая вошла быстрой походкой как раз в тот момент, когда Морейн прятала свою книжечку с новым именем обратно в поясной кошель. Девушка попыталась замаскировать это движение, выдав его за часть излишне неуклюжего реверанса, якобы вызванного удивлением. Морейн решила, что у нее получилось неплохо, однако все же затаила дыхание под

изучающим взглядом Амерлин. Заметила ли та книжечку? Внезапно все рассуждения Суан о том, что получить прощение проще, чем разрешение, показались ей чересчур хрупкими. Если их раскроют, им не будет ни того ни другого. Вероятнее всего, если их тайну раскроют, им грозит ссылка: работа от рассвета до заката на какой-нибудь отдаленной ферме, отлучение от подруг и учебы, запрет на пользование Силой. Для послушниц и принятых это было предпоследней мерой наказания и последним шансом научиться достойному поведению; после этого отсылали из Башни уже насовсем. И что гораздо хуже волдырей на ладонях, в этом случае Морейн и Суан, несомненно, будут отстранены от поисков ребенка навсегда.

— Мне казалось, вчерашний день должен был удовлетворить вашу потребность в скучной работе, — произнесла наконец Тамра, и Морейн вздохнула свободней. — Особенно это относится к тебе, Суан.

Суан редко краснела, однако при этих словах Амерлин ее лицо вспыхнуло. Все знали, как она не любит канцелярскую работу. Переписывание чего-либо было наказанием, которого она больше всего боялась.

— Работа со списками помогает мне собраться

с мыслями, мать, — вставила Морейн.

Стоило только начать говорить двусмысленности, как каждый ответ выходил все легче и легче, даже в разговоре с Престолом Амерлин.

На самом деле, невзирая на списки, прежние мысли возникали у нее в голове, причем в самый неподходящий момент. Мысли о ребенке на снегу и о мужчине без лица. И ничуть не менее зловещие — о Солнечном троне. Ей очень хотелось попросить Тамру повременить с этим планом, однако она понимала, что просьбы бесполезны. Башня столь же неумолима в своих плетениях, сколь само Колесо Времени. В обоих случаях нитями служили человеческие жизни, и в обоих случаях сплетенный Узор имел большее значение, нежели каждая нить в отдельности.

— Хорошо-хорошо, дитя мое. Смотри только, чтобы твоя учеба не пострадала. — Тамра вручила ей сложенную бумагу, запечатанную зеленым воском, которую Морейн вначале не заметила. — Отнеси это Керене Нагаши. Она должна быть в своих апартаментах. Не отдавай никому, кроме нее.

Словно Морейн способна на такое!

Некоторые из принятых жаловались — очень тихо и с глазу на глаз, — когда им приходилось

взбираться по широким коридорам, спиралями пронизывавшим Башню. Но Морейн радовалась любому поручению, благодаря которому могла попасть туда, где размещались Айя. Даже если для этого требовалось лезть почти на самый верх. Глядя, как живут люди, можно немало о них узнать. Даже Айз Седай в обыденной жизни позволяли себе несколько расслабиться. Немного, но достаточно для того, кто умеет слушать и наблюдать.

Части Башни, отведенные апартаментам разных Айя, количеством и расположением комнат не отличались, но в остальном были совершенно не похожи друг на друга. Изображения мечей в натуральную величину были запечатлены на каждой из огромных белых плит, которыми были выложены полы Зеленой Айя. Здесь встречались мечи двух дюжин различных типов — обоюдоострых и с односторонней заточкой, изогнутых и прямых. На каждой двери, выходящей в широкие коридоры, был вырезан поднятый меч: позолоченный — у восседающих, посеребренный или окрашенный ярким лаком — у остальных. Гобелены, висевшие на стенах между позолоченными светильниками, основания которых были выполнены в виде составленных вместе алебард,

представляли на суд зрителя батальные сцены: несущиеся во весь опор всадники, картины известных битв, знаменитых подвигов в обороне. Помимо этого, стены украшали древние боевые знамена стран, давно исчезнувших с лица земли, часто изорванные и покрытые пятнами; они сохранялись на протяжении многих веков лишь благодаря плетениям Единой Силы. Со времен Троллоковых войн ни одна Айз Седай не участвовала в сражениях, но, когда наступит Последняя битва, Боевая Айя пойдет в бой впереди всех. До тех пор пока это время не настало, Зеленые сестры боролись за справедливость там, где зачастую она могла восторжествовать лишь благодаря мечам их Стражей. Этим им приходилось заниматься в ожидании Тармон Гай'дон.

Еще одним отличием здесь было количество мужчин. Не обычных мужчин, разумеется. Стражей. Высокие или приземистые, плотные или худощавые — один был даже весьма дородным, — они двигались подобно львам или леопардам. Никто из них не носил характерного плаща внутри Башни, но внимательному взгляду плащи не требовались. Стражей можно было встретить в помещениях всех Айя, кроме Красной, но большинство жило в казармах гвардейцев или даже в

самом городе. А Стражи Зеленых зачастую жили в одних апартаментах с сестрами!

Зеленоглазый Страж, восполнявший толщиной недостаток роста, взглянул на Морейн, когда быстрым шагом, словно торопясь по поручению, проходил мимо. Трое других, стоявших вместе, при ее приближении умолкли, их тихий разговор возобновился, лишь когда она отошла от них подальше. Один из них носил серебряные колокольчики, вплетенные в темные косички на арафелский манер, у другого были густые тарабонские усы, а третий отличался смуглостью, — скорее всего, он был из Тира или с юга Алтары. Однако, не считая грациозности движений, еще одно объединяло их друг с другом — и с тем толстяком, и со всеми мужчинами, которых здесь можно увидеть. Однажды, охотясь вместе с кузинами, Морейн заглянула в глаза хохлатому орлу с кольцом черных перьев вокруг шеи. Встретить взгляд Стража было чем-то в этом роде. Не яростный, но исполненный уверенности в себе, совершенного осознания своих возможностей, своей способности к насилию.

И тем не менее эта способность к насилию была обуздана, взята под контроль их собственной волей и узами, связывавшими Стража с Айз Седай.

Здесь, в Башне, они жили обычной повседневной жизнью. Высокий худощавый шайнарец, с выбритой головой и пучком волос на макушке, прислонился к стене, опираясь на нее одной ногой, настраивал скрипку и не обращал внимания на добродушное подтрунивание другого Стража, говорившего, что его музыка, мол, напоминает вопли мокрой кошки, запутавшейся в силках. Двое других, скинув куртки, вели в широком боковом коридоре тренировочный бой на деревянных мечах, и каждый стремительный удар сопровождался глухим стуком.

Рина Хафден, чье квадратное лицо каким-то образом казалось симпатичным, а дородная фигура — изящной, подбадривала бойцов широкой улыбкой и восклицаниями: «Хороший удар, Уэйлин! Вот это удар, Илайас!» Судя по росту и фигуре, тренирующиеся могли бы быть близнецами, хотя один был темноволосым и чисто выбритым, а другой — белокурым и с короткой бородкой. Ухмыляясь, они двигались все быстрее и быстрее. Их пропитанные потом рубашки прилипли к широким плечам и спинам, однако оба выглядели свежими и совершенно не уставшими.

В открытую дверь Морейн увидела круглолицего Стража, который играл на флейте торжествен-

ную мелодию, в то время как седовласая Джала Бандевин, женщина величественная, если не считать того, что была она почти на ладонь ниже Морейн, пыталась научить своего нового Стража первым па придворного танца. Это, несомненно, был новенький: краснеющий, светловолосый мальчик не старше двадцати лет, — однако ни один мужчина не становился Стражем, если уже не обладал всеми необходимыми умениями. Не считая разве что умения танцевать.

Дверь в комнату Керене, меч на которой был покрыт красным, золотым и черным лаком, также была распахнута, и оттуда доносилась веселая музыка. Морейн представления не имела, что означает лакировка или выбор цветов, и подозревала, что никогда этого и не узнает, разве только выберет Зеленую Айя. Этого никогда не случится, но она не выносила, когда чего-то не знала. Стоило ей выяснить, что она чего-то не знает, как это незнание порождало непреодолимый зуд между лопатками, как раз там, куда ни за что не дотянуться. В который раз она отложила эти мечи на дальнюю полочку своей памяти, рядом со многим другим из того, что подмечала в апартаментах Айя. Зуд слегка утих, но Морейн знала, что он вернется, когда она вновь увидит эти двери.

Те немногие гобелены, что висели в гостиной Керене, являли собой батальные или охотничьи сцены; но большая часть стен была отдана книжным полкам, украшенным резьбой в стилях по меньшей мере дюжины различных стран. Кроме книг, там располагался большой череп льва и еще один, даже больший — медведя, глазурованные чаши, вазы причудливых форм, кинжалы, украшенные драгоценными камнями и золотом, и кинжалы с простыми деревянными рукоятями; один был просто обломком клинка. Разбитый надвое кузнечный молот лежал рядом с треснувшей деревянной чашей, украшенной единственным, но огромным огневиком, который сделал бы честь и короне. Позолоченные толстопузые часы со стрелками, замершими как раз на отметке полудня — или полуночи, — соседствовали со стальной латной перчаткой, покрытой темными пятнами, и Морейн не сомневалась, что это была кровь. Все эти и многие другие предметы были памятью о более чем сотне лет ношения шали.

Гораздо меньше вещей хранили память о тех годах, когда шаль еще не лежала на плечах Керене. Всего лишь ряд раскрашенных миниатюр на отделанной резным узором в виде волн каминной полке. Они изображали просто одетого

солидного мужчину, пухлую улыбающуюся женщину и пятерых детей, трое из которых были девочками. Это была семья Керене, и все они давно сошли в могилу, вместе с ее племянницами и племянниками, и их детьми, и детьми их детей. Такова плата за звание Айз Седай, и эту боль им суждено нести: их семьи умирали, и все, что когда-то было им дорого, исчезало с лица земли. Все, кроме Башни. Белая Башня оставалась всегда.

Двое из Стражей Керене находились в гостиной вместе с ней. Массивный Карайл, кому волосы и борода придавали вид золотогривого льва, сидел перед камином с книгой в руках, его сапоги покоились на узорной медной решетке, а над чашечкой его длинной трубки поднимался завиток голубоватого дыма. Степин, похожий скорее на писца, чем на Стража, узкоплечий, с печальными карими глазами, сидел на табурете, наигрывая на двенадцатиструнном биттерне веселую джигу, его пальцы летали по струнам с не меньшим искусством, чем у наемного музыканта. С появлением принятой ни один из мужчин не прервал своего занятия.

Сама Керене с иглой в руках стояла перед подставкой с пяльцами. Вид Зеленой сестры, занятой вышивкой, всегда вызывал ощущение какого-то

несоответствия. Особенно когда, как, например, сейчас, узор представлял собой лужайку с полевыми цветами. Как такое могло сочетаться с картинами насилия и смерти, украшавшими ее стены? Высокая и худощавая, Керене выглядела в точности такой, какой была: ее безвозрастное лицо было решительным и прекрасным, почти черные глаза были озерами безмятежности. Даже в своих покоях она носила платье для верховой езды с изумрудно-зелеными разрезами, а ее темные волосы, слегка тронутые сединой, были подстрижены даже короче, чем у Карайла или Степина — чуть выше плеч, — и подвязаны толстой плетеной тесьмой. Без сомнения, за такой прической проще ухаживать во время путешествий. Керене редко оставалась в Башне надолго: вернувшись из поездки, она вскоре снова отправлялась в дорогу. Воткнув иголку в канву, Керене взяла в руки письмо и большим пальцем вскрыла зеленую печать. Тамра свои послания сестрам всегда запечатывала воском цвета тех Айя, к каким принадлежал адресат. Сама она принадлежала ко всем Айя сразу и в то же время ни к одной из них.

Что бы ни написала Тамра, письмо Керене прочитала быстро; в ее лице ничего не изменилось,

но не успела она еще дочитать до конца, как Степин прислонил биттерн к небольшому столику у стены и принялся застегиваться. Карайл положил книгу на полку, выбил остатки табака из трубки в камин и засунул ее в объемистый карман куртки. Больше ничего не произошло, но было очевидно, что они ждут приказаний и готовы действовать. Несмотря на печальные глаза, Степин больше не походил на писца. Они оба напоминали леопардов, ожидающих команды начать охоту.

— Каков будет ответ, Айз Седай? — спросила Морейн.

— Я передам его сама, дитя мое, — ответила Керене, быстрым шагом направляясь к двери, отчего ее шелковые юбки тихонько зашуршали. — Тамра хочет видеть меня немедленно, — сказала она своим Стражам, которые следовали за ней по пятам, как охотничьи псы, — но не пишет почему.

Морейн позволила себе слегка улыбнуться. Как и в случае со слугами, сестры часто забывают о том, что у принятых есть уши. Иногда лучший способ узнать что-либо — просто помалкивать и слушать.

Когда Морейн возвращалась назад по пронизанному сквозняками спиральному коридору, размышляя о том, что узнала, и пытаясь не заме-

чать холода, ей навстречу внезапно вышла Суан. Сестер поблизости не было, и все же…

— Еще одно послание, — объяснила Суан. — Айше Равенеос. Тамра говорила, что это срочно, но словно бы не была в этом уверена. Готова побиться об заклад, письмо такое же, как то, что ты отнесла Керене. Как думаешь, зачем ей могли понадобиться Зеленая и Серая сестры одновременно?

Серые сестры занимались посредничеством и вопросами справедливости там, где этого требовал закон, а не сила, и Айша известна была тем, что наистрожайшим образом придерживалась буквы закона, независимо от собственных чувств, будь то жалость или презрение. В этом она походила на Керене. Кроме того, обе женщины носили шаль уже довольно давно, хотя это обстоятельство могло и не иметь особого значения. Морейн хотя и не была настолько искусна в разгадывании головоломок, как Суан, но происходящее и вправду сильно напоминало Игру Домов.

Морейн с опаской огляделась, не забыв посмотреть через плечо. Служанка, дальше по коридору, подрезала фитиль светильника, а двое мужчин в ливреях, причем один забравшись на высокую лестницу, что-то делали с одним из гобеленов.

Сестер по-прежнему не было видно, однако девушка все же понизила голос:

— Тамра хочет… отправить сестер… на поиски младенца. Ох, это все меняет. Я ошибалась, Суан. А ты была права.

— В чем ты ошибалась, а я была права? Почему ты решила, что она подбирает кого-то для поисков?

Как можно быть настолько искусной в разгадывании головоломок и не видеть закономерности здесь?

— Какое же еще дело сейчас для Тамры самое неотложное, как не младенец, Суан? — терпеливо спросила Морейн. — И столь секретное, что она даже не отважилась доверить тайну бумаге? Секретность означает, что, по ее мнению, Красным нельзя доверять. В этом ты и была права. Более того, сколько еще сестер будут поначалу отрицать, что этот ребенок — действительно тот, о ком говорит Предсказание? Особенно если его не найдут до тех пор, пока он не станет взрослым мужчиной, уже умеющим направлять Силу? Нет, она хочет послать на поиски тех сестер, кому доверяет. А ошибалась я в том, что считала, что его доставят в Башню. Тогда он окажется беззащитным перед Красными и другими сестрами,

возможно недостойными доверия. Когда Тамра его найдет, она спрячет его где-нибудь. Его обучение будет в руках тех, кому поручат его поиски, — тех женщин, кому Тамра больше всех доверяет.

Суан хлопнула себя по голове.

— У меня такое чувство, будто моя башка вот-вот взорвется, — пробормотала она. — Ты свой вывод основываешь всего лишь на двух письмах, а ведь даже не знаешь, что в них говорится!

— Я знаю то, о чем в них говорится наверняка, и еще то, о чем в письмах не сказано ни слова. Все дело в том, Суан, чтобы понять Узор и суметь собрать кусочки воедино. Право же, для тебя это должно быть легче легкого.

— Вот как? Эллид на прошлой неделе дала мне головоломку кузнеца. Сказала, что она ей надоела, но, по-моему, она просто не смогла разгадать ее. Хочешь попробовать?

— Спасибо, нет, — вежливо ответила Морейн. И, быстро оглянувшись, чтобы проверить, нет ли рядом сестер, показала ей язык.

На следующий день Тамра послала еще три письма. Первое предназначалось для Мейлин Арганьи, второе — для Валиры Горовни, пухлой невысокой Коричневой сестры, с лица которой

никогда не сходила улыбка и которая выглядела так, словно вечно куда-то торопится, даже когда стоит на месте. Третье — для Людис Даниин, костлявой Желтой, чье длинное суровое лицо обрамляли украшенные яркими бусами тарабонские косички, спускавшиеся до талии. Ни одна из них ни на ладонь не приоткрыла завесу тайны, окружавшую содержимое посланий, однако все три сестры носили шаль более сотни лет, и все три славились своей приверженностью к законам. Морейн сочла это подтверждением своих умозаключений, и даже Суан начинала ей верить.

Пяти сестер казалось слишком мало, чтобы предпринять поиски, — день ото дня маленькие записные книжечки Морейн и Суан пополнялись все новыми и новыми именами, — однако Тамра больше не отправляла посланий. По крайней мере, через них. Аэлдра Наджаф была провозглашена хранительницей летописей вместо Гайтары, и, возможно, послания относила она или, что более вероятно, отправляла их с послушницей. Некоторое время Морейн и Суан пытались держать кабинет и покои Амерлин под ненавязчивым наблюдением, по очереди заглядывая в дверь, но в приемной у Тамры не переводились

посетители. Их было не много, но все время там кто-то находился. Восседающих следовало исключить из рассмотрения, поскольку восседающие, занимая свой пост в Совете Башни, редко покидали пределы города. Однако любую другую сестру могли отправить на поиски. Или нет. Это чрезвычайно беспокоило Морейн. И опять этот зуд между лопатками, как раз там, куда она не могла дотянуться пальцами.

Очень скоро девушки оставили попытки что-либо выведать. Во-первых, в этом не было смысла. Во-вторых, если переписыванием списков занималась только одна из них, работа шла слишком медленно. Вдобавок Аэлдра, возвращаясь в кабинет Амерлин, поймала Морейн в дверях.

Единственным сходством между Аэлдрой и Гайтарой были седые волосы, только у Аэлдры они были прямые и так же коротко подстриженные, как у Керене. Новая хранительница летописей была сухощавой, ее бронзовая кожа обветрилась от долгого пребывания на солнце и ветру, и уж точно ее никто не назвал бы красавицей, с ее-то узкой, выступающей вперед челюстью и острым носом. Она не носила драгоценностей, не считая кольца Великого Змея; платье было из добротной синей шерсти, но простого покроя, а ширина

темно-голубого палантина, лежащего у нее на плечах, не превышала двух пальцев. Совсем другая женщина, нежели Гайтара.

— Что ты здесь ищешь, дитя мое? — мягко спросила она.

— Просто смотрю на сестер, входящих и выходящих из кабинета Амерлин, Айз Седай, — ответила Морейн.

Каждое слово было истинной правдой.

Аэлдра улыбнулась:

— Мечтаешь о шали? Возможно, ты с большей пользой употребила бы время, если бы посвятила его чтению или занятиям.

— У нас достаточно времени и для того, и для другого, Айз Седай, а это помогает мне немного отвлечься.

Это тоже правда. Поиски младенца занимали каждую клеточку ее мозга, не отданную размышлениям, без которых она с радостью бы обошлась.

Слегка нахмурившись, Аэлдра легонько коснулась щеки Морейн, словно проверяя, нет ли у нее лихорадки:

— Те сны по-прежнему беспокоят тебя? Кое-кто из Коричневых очень хорошо разбирается в травах. Уверена, если нужно, тебе дадут какое-ни-

будь снадобье, чтобы ты могла спать спокойно.

— Верин Седай уже помогла мне. — Ее отвар был отвратителен на вкус, но действительно помогал заснуть. Жаль, что он не способен помочь ей позабыть те кошмары, которые приходили потом. — Мои сны теперь не настолько ужасны.

Иногда уклончивых ответов бывало все же недостаточно.

— Ну и хорошо. — Улыбка вернулась на лицо Аэлдры, но она с ласковой укоризной погрозила пальцем перед носом Морейн. — Тем не менее, дитя мое, принятой не подобает предаваться мечтаниям, стоя в дверях. Если увижу подобное еще раз, мне придется взять тебя на заметку. Ты поняла меня?

— Да, Айз Седай.

Шпионить им больше не придется. Морейн начинало казаться, что она готова кричать от изводившего ее проклятого зуда.

Глава 8
Клочья спокойствия

От занятий с сестрами наедине девушки уклониться тоже никак не могли. Не то чтобы Морейн или Суан этого хотела, но, просидев долгие часы за переписыванием бумаг, к вечеру они чувствовали себя на удивление усталыми, к тому же свободное время у них оставалось теперь только после ужина. То же можно было сказать и о принятых, которые по-прежнему каждый день на рассвете выезжали из города. Многие из-за этого уже ворчали — конечно, когда рядом не было Айз Седай, которые могли бы их услышать. Во всяком случае, девушки посещали занятия, когда их соглашались учить. Некоторые сестры отказывались, говоря, что вновь станут заниматься с принятыми, когда им больше не нужно будет обучать послушниц, — что входило в обязанности принятых. Сложившаяся ситуация не нравилась очень многим Айз Седай. Ходили слухи, что Амерлин подавали ходатайства с просьбой вернуться к обычному распорядку, но, даже будь оно так, Тамра отклонила их. На лицах сестер застыли

маски безмятежности, однако глаза даже самых снисходительных Айз Седай зачастую вспыхивали таким огнем, что послушницы сдавленно ахали, а принятые старались ступать крайне осторожно. В трескучие зимние морозы Башню лихорадило.

Суан не рассказывала, как обстояло дело с ней, но Морейн быстро осознала, что едва ли не каждая Айз Седай, с которой она сталкивалась, бросала на нее особенно гневные взгляды, и она понимала почему. В отличие от прочих она с Суан вполне могли бы обучать послушниц, а свои занятия — перенести на более подходящие часы. Кое-кто из сестер, все же обучавших других принятых по вечерам, отговаривались занятостью, когда подруги пытались договориться об уроке. В некотором отношении Айз Седай бывали столь же мелочны, что и прочие люди, хотя ни одна из принятых не осмелилась бы произнести такое вслух. Морейн надеялась, что эта легкая неприязнь вскоре все же исчезнет. Гнев по пустякам, случается, накапливается, пока не лопается, как гнойник, превращаясь во вражду на всю жизнь. Но что она могла поделать? Смиренно просить прощения у тех из сестер, кто казался самой сердитой, и надеяться на лучшее. Не могла же она

бросить свои списки.

Не все сестры были столь неуступчивы. Керене обсуждала с Морейн сравнительно немногочисленные факты, известные историкам об империи Артура Ястребиное Крыло, Мейлин экзаменовала на знание трудов древнего писателя Виллима из Манечеса и о его влиянии на салдэйского философа Шивену Кайенци, а Айша тщательно выспрашивала у нее о различиях в структуре законов Шайнара и Амадиции. Вот такие теперь у нее были занятия. Все, чему сестры могли научить ее о Силе, все, чему она могла научиться — что не всегда одно и то же, — преподали ей месяцы назад. Если бы она, Морейн, осмелилась, то спросила бы сестер, почему они до сих пор еще в Башне. Почему не отправились на поиски, проверяя имена из списка? Почему?

И тем не менее Морейн знала ответ. То, что должно быть ответом. Другого объяснения этому не было. Видимо, они не считали это дело неотложным. Отбирать ребенка у матери прямо сейчас было бы жестоко. Возможно, сестры полагали, что у них впереди годы, чтобы найти его, но в таком случае они еще даже не видели списка, не знали, в скольких записях не указано даже название деревни. Может, они ждали, пока

список будет завершен. Морейн надеялась, что кого-то на поиски все же отправили, поскольку Суан сообщила, что Валира и Людис по-прежнему оставались в Башне.

Ничего срочного! Морейн горела, словно в огне. По слухам, сражения до сих пор продолжались, где-то во многих лигах к юго-востоку, но то были лишь отдельные стычки, хотя, как говорили, весьма ожесточенные. Очевидно, никто из командующих Коалицией не хотел слишком давить на опасного врага, который, в конце концов, и без того отступал. В последнем, по крайней мере, сомневаться не приходилось, об этом сообщали Айз Седай. По слухам, многие из мурандийцев и алтарцев уже собирали пожитки и отправлялись на юг, по домам; а амадицийцы и гэалданцы намеревались вскоре последовать за ними. Еще, тоже по слухам, приходили известия о каких-то неприятностях вдоль границы Запустения, и порубежники скоро потянутся на север. Айз Седай же, судя по всему, на слухи внимания не обращали. Морейн пыталась донести до них дошедшие до нее новости, но…

— Слухи — вещь нерациональная, дитя мое, и им не место здесь, — твердо сказала ей Мейлин, устремив на Морейн безмятежный взгляд поверх

чашки с чаем, которую она держала кончиками пальцев. — Итак, когда Шивена говорила, что реальность есть иллюзия, в чем ее вдохновляли идеи Виллима, а что привнесла она сама?

— Если хочешь поговорить о слухах, пусть это будут слухи, касающиеся Артура Ястребиное Крыло, — отрезала Керене. На занятиях она постоянно поигрывала одним из своих ножей, используя его в качестве указки. На этот раз это был поясной нож какого-то бедняка, настолько старый, что деревянная рукоять вся потрескалась и перекосилась. — Свету ведомо, ведь половина того, что мы о нем знаем, — не более чем слухи!

Айша лишь вздохнула, наставив на Морейн мясистый палец, а ее ласковые карие глаза вдруг разом посуровели. С таким простым лицом Айша вполне сошла бы за жену фермера, однако она носила уйму драгоценностей — серьги с крупными огневиками, длинные ожерелья с изумрудами и рубинами, — хотя на руке у нее сверкало лишь одно золотое кольцо Великого Змея.

— Если ты не способна сосредоточиться на изучаемой теме, возможно, тебе не помешает нанести визит Мериан. Да, думаю, это так.

Нет, совершенно невозможно убедить их, насколько дело срочное! Ей оставалось только одно

— ждать. И упражняться в терпении, чтобы не скрипеть зубами. О Свет, скорей бы испытание! Когда на плечах у нее окажется шаль, Морейн оставит Башню и кинется на поиски мальчика, как стрела, сорвавшаяся с тетивы. Но не раньше, чем соберет все имена. О, как все сложно!

Кельи принятых кишели слухами больше обычного, но теперь сплетни касались не того, кто в кого плюнул или кто из Зеленых будто бы самым возмутительным образом ведет себя со своим Стражем! Источником нынешних слухов были гвардейцы, солдаты, мужчины и женщины из лагерей, а толковали они о битвах, о тех, кто погиб как герой, о тех героях, кто остался жив. О последних говорили особенно часто: такой человек мог обладать качествами, необходимыми для Стража, а на эту тему принятые разговаривали часто, исключая тех, кто уже твердо решил стать Красной. Ходили слухи, что какие-то лагеря снимают, хотя никто не знал, двинутся ли их обитатели на восток, вслед за армией, или вернутся по домам; еще толковали, что небольшие группы остаются, чтобы имена женщин наверняка внесли в списки претенденток на вознаграждение Башни. По крайней мере, так меньше шансов, что нужная женщина ускользнет незамеченной,

но если ее уже вписали и она уже ушла, окажется ли она среди тех, кого будет легко найти? Морейн готова была кричать от досады!

Эллид Абарейм пересказала Морейн кое-что, услышанное от Айз Седай, причем утверждала, что это не слух.

— Я слышала, как Аделорна говорила об этом Шемайн, — с улыбкой сказала Эллид.

Эллид всегда улыбалась, когда видела себя в зеркале, поэтому всегда, когда она улыбалась, возникало чувство, будто она смотрится в зеркало. Струя вечернего сквозняка, залетевшая в их лестничный колодец, пробежал рябью по волнам золотистых волос, обрамлявших ее безупречное лицо. Глаза Эллид походили на два больших сапфира, а кожа цветом напоминала густые сливки. Единственным изъяном, который могла найти Морейн в ее внешности, была чрезмерно пышная грудь. И Эллид была очень высокой, она не уступала ростом большинству мужчин. А мужчины при виде Эллид улыбались или глядели на нее с вожделением. Послушницы ходили за ней табунами, и множество дурочек среди принятых завидовали ей.

— Аделорна сказала, у Гайтары было Предсказание о том, что Тармон Гай'дон наступит еще при

жизни ныне живущих сестер. Жду не дождусь. Ты же знаешь, я собираюсь стать Зеленой. — Это знала каждая принятая. — Когда я отправлюсь в Великую битву, хочу, чтобы за мной ехали шестеро Стражей.

Об этом тоже было известно всем принятым. Эллид всегда всем рассказывала о том, что собирается делать. И надо сказать, почти всегда делала то, о чем говорила. Это даже как-то несправедливо.

— Значит, — тихо промолвила Морейн, когда Эллид влилась в поток принятых, направлявшихся на ужин, — у Гайтары были и другие Предсказания. По крайней мере одно. А если было еще одно, тогда, возможно, были и другие.

Суан нахмурилась:

— Мы и так знаем, что Великая битва приближается. — Она замолкла, пережидая, пока мимо пройдут Кэтрин и Сарен, устало обсуждавшие, хватит ли у них сил поесть, и тут же продолжила, едва те отошли настолько, что не могли ничего услышать: — Какая разница, будь у Гайтары даже дюжина Предсказаний? Да хоть сотня!

— Суан, ты никогда не задумывалась, почему Тамра так уверена, что срок уже пришел, что ребенок будет рожден именно сейчас? Я бы ска-

зала, весьма вероятно, что об этом говорилось по меньшей мере в одном из тех Предсказаний. Нечто такое, что позволило Тамре, вкупе с тем, что слышали мы, решить, что время настало. — Морейн в свою очередь задумчиво сдвинула брови. — Ты знаешь, как происходили Предсказания у Гайтары? — (У разных женщин это случалось по-разному, изменялся даже голос при произнесении Предсказания.) — Судя по тому, как она говорила, возможно, он родился в ту самую минуту. Может, вызванное этим событием потрясение и убило ее.

— Колесо плетет так, как угодно Колесу, — хмуро отозвалась Суан, затем встряхнулась. — О Свет! Пойдем ужинать. Тебе еще надо позаниматься.

Девушки не переставали готовиться к грядущему испытанию, хотя теперь заниматься приходилось по вечерам. Мирелле продолжала помогать им, если не уставала настолько, что отправлялась спать сразу после ужина — а иногда и не дожидаясь его. Многие из принятых поступали либо так, либо эдак, так что галереи пустели и затихали задолго до того, как наступал час гасить светильники. Упражнения плохо давались Морейн, особенно поначалу. В первую же ночь, когда она терпела издевательства Суан и Мирелле,

стоя на цветастом ковре в своей комнате, к ним внезапно вошла Элайда. Огонь был разожжен пожарче, насколько позволял маленький камин, но пламя едва ли смягчало царивший в комнате холод. Хорошо хоть девушки не замерзали.

— Рада видеть, что вы не увиливаете от занятий под предлогом своей работы, — заявила Красная сестра. Судя по ее тону, она была удивлена этим, а слово «работа» произнесла с явным презрением. Ее платье опять было ярко-алым, и на плечах лежала шаль с бахромой, словно ее хозяйка явилась с официальной миссией. Пройдя в угол комнатки, Элайда встала лицом к Морейн и, не спуская с нее глаз, скрестила руки на груди. — Продолжайте. Я хочу понаблюдать.

Девушкам ничего не оставалось, кроме как повиноваться.

Возможно, из-за присутствия Элайды Суан и Мирелле старались изо всех сил. Самые худшие и неожиданные шлепки, щипки, хлопки над самым ухом и хлесткие, как розгой, удары по ногам обрушивались на Морейн как раз в тот момент, когда требовалась максимальная сосредоточенность. Девушка старалась не смотреть на Элайду, но сестра стояла там, где Морейн не могла не видеть ее. Оценивающий взгляд Элайды

нервировал девушку, но, наверное, одновременно и заставлял стараться, а то и подстегивал ее. Сконцентрировавшись, сосредоточившись изо всех сил, Морейн сумела закончить шестьдесят одно плетение, прежде чем шестьдесят второе рассыпалось путаницей прядей Земли, Воздуха, Воды и Духа, отчего на коже осталось ощущение чего-то липкого, пока Морейн не уничтожила остатки созданного. Превосходным исполнением упражнения это не назовешь, но и чем-то совершенно ужасным — тоже. Она уже много раз вплотную приближалась к тому, чтобы завершить всю сотню плетений, но действительно до конца ей удалось дойти всего лишь дважды, причем один раз — буквально каким-то чудом.

— Жалкое зрелище. — Голос Элайды был холоден как лед. — Так ты никогда не пройдешь испытание. А я хочу, чтобы ты его прошла, дитя мое. Ты пройдешь его, не то я спущу с тебя шкуру, и ты у меня еще попляшешь. Пока тебя не отошлют прочь, небо тебе с овчинку покажется. Вы двое — плохие подруги, коль так ей помогаете. Когда я была принятой, мы знали, как надо готовиться. — Жестом отослав Суан и Мирелле в угол, где прежде стояла сама, Элайда села возле стола. — Я покажу вам, как это надо делать. На-

чинай, дитя мое.

Облизнув губы, Морейн повернулась к ней спиной. Мирелле ободряюще улыбнулась подруге, а Суан уверенно кивнула, но Морейн видела, что они обеспокоены. Что задумала Элайда? Морейн начала все сначала. Стоило ей обнять Силу, как перед глазами замелькали вспышки света, оставляя после себя водопад черных и серебристых пятен. В ушах звенело от хлопков и пронзительных свистков. Удары, словно тяжелой плетью или розгами, сыпались один за другим. И так без малейшей передышки, пока она не закончила первое плетение. Потом была короткая пауза, но лишь до тех пор, пока Морейн не начала плести снова.

И все это время Элайда поучала холодным, не терпящим возражений тоном:

— Быстрее, дитя мое. Ты должна действовать быстрее. Плетение должно быть готово сразу же после того, как ты начинаешь плести. Быстрее. Еще быстрее.

Цепляясь за чувство спокойствия чуть ли не ногтями, Морейн добралась лишь до двенадцатого плетения, когда ее концентрация окончательно рухнула. Плетение не просто распалось — она вообще утратила связь с саидар. Моргая, девушка

пыталась отогнать плясавшие перед глазами пятна. И с несколько большим успехом сморгнуть набегающие слезы. Боль набросилась на нее от плеч до лодыжек, синяки ныли, вспухшие рубцы пульсировали, нестерпимо жег пот. В ушах, не ослабевая, продолжало звенеть.

— Спасибо, Айз Седай, — быстро проговорила Суан, — теперь мы понимаем, что нам нужно делать.

Пальцы Мирелле комкали юбку, лицо ее было пепельным, а глаза широко раскрыты от ужаса.

— Начни заново, — велела Элайда, и Морейн потребовалась вся сила воли, чтобы заставить себя вновь повернуться к Айз Седай спиной.

Теперь разница была в том, что на сей раз Морейн сумела закончить только девять плетений.

— Заново, — велела Элайда.

С третьей попытки Морейн закончила шесть плетений, с четвертой — только три. Пот градом катился по лицу. Через какое-то время сверкающие вспышки и оглушительные свистки уже казались ей разве что мелкими помехами. Лишь беспрестанные удары имели значение. Бесконечные удары и бесконечная боль. На пятой попытке она с плачем упала на колени под первым же обрушившимся на нее градом ударов. Избиение

немедленно прекратилось, но Морейн, обхватив себя руками, продолжала всхлипывать, не в силах унять рыдания. О-о-о, Свет, ей никогда не было так больно! Никогда!

Морейн даже не заметила, что рядом с ней на коленях стоит Суан, пока та мягко не произнесла:

— Ты можешь встать, Морейн?

Оторвав голову от ковра, она воззрилась на полное сочувствия лицо Суан. Сделав усилие, которого сама от себя не ожидала, Морейн сумела справиться с рыданиями, кивнула и с трудом начала подниматься. Избитые мышцы отказывались ей служить. При каждом движении ткань сорочки натирала горящие от пота рубцы, причиняя девушке мучительную боль.

— Она выживет, — сухо сказала Элайда. — Немного боли, пережитой сегодня, заставит ее хорошенько запомнить урок. Вы должны плести быстро! Утром я вернусь, чтобы Исцелить ее. Тебя тоже, Суан. Помоги ей добраться до кровати, а потом начинай.

Суан побледнела как полотно, но когда приказывает Айз Седай…

Морейн не хотела смотреть на происходящее, но Суан вынудили стать свидетельницей ее

страданий, так что она усилием воли заставила себя держать глаза открытыми. От увиденного она едва опять не разрыдалась. Когда они практиковались, Суан часто удавалось закончить все плетения полностью, несмотря на все ухищрения Морейн. Никогда она не делала меньше двух третей всех упражнений. Сейчас же, в результате сурового обучения Элайды, она на первый раз сумела закончить лишь двадцать плетений. В следующий раз их было семнадцать, затем — четырнадцать. Белое как мел лицо Суан лоснилось от пота. Дыхание было хриплым и неровным. Но она не пролила ни слезинки. И когда очередное плетение рассыпалось, она тут же начинала сначала, не мешкая ни секунды. С четвертой попытки Суан закончила двенадцать плетений. Двенадцать их было и в пятый раз, и в шестой. Она упрямо принялась плести заново в седьмой раз.

— Достаточно на сегодня, — произнесла Элайда. Ни капли жалости не прозвучало в ее голосе.

Медленно, с трудом, Суан повернулась, и свечение саидар, окружавшее ее, померкло. Ее лицо было лишено всякого выражения.

Элайда спокойно продолжала, расправляя на плечах шаль:

— Даже если вам удастся закончить все, вы все равно не пройдете испытание. В вас нет и клочка спокойствия. — Она окинула жестким взглядом сперва Суан, затем Морейн. — Помните, вы должны быть спокойны и безмятежны, что бы с вами ни происходило. И вы должны плести быстрее. Если будете плести медленно, то наверняка потерпите неудачу. Это все равно что поддаться страху или панике. Завтра вечером посмотрим, справитесь ли вы лучше.

Суан дождалась, пока дверь за Айз Седай не закрылась, и тогда запрокинула голову.

— О-о-о, Свет! — воскликнула Суан, с глухим стуком падая на колени, и слезы, которые она до этих пор сдерживала, потоками хлынули из глаз.

Морейн вскочила на ноги. Вернее, попыталась вскочить; скорее, это было страдальческим прихрамыванием, так что Мирелле оказалась возле Суан первой. Все три стояли на коленях, обнявшись, и рыдали — Мирелле не меньше, чем сама Морейн или Суан.

Наконец Мирелле отодвинулась, всхлипывая и пальцами вытирая слезы со щек.

— Подождите, — сказала она, словно подруги были в состоянии хотя бы с места двинуться, и выскочила из комнаты.

Вскоре Мирелле вернулась с баночкой из красной глазури, размером с два ее кулака. Пришедшие с ней Шириам и Эллид помогли Морейн с Суан раздеться и наложили на их раны мазь из баночки.

— Это неправильно! — сердито воскликнула Эллид, открывая баночку, когда обе пострадавшие были уже раздеты, а охи и ахи по поводу их синяков и рубцов несколько утихли. Шириам и Мирелле согласно закивали. — Закон запрещает использовать Силу для наказания посвященных!

— Вот как? — буркнула Суан. — Вспомни-ка, сколько раз тебя драли за ухо с помощью Силы или отвешивали по заднице? — С ее губ сорвался невольный вскрик. — Ой! Не обязательно же втирать до самой кости!

— Прости, — покаянным тоном извинилась Эллид. — Постараюсь понежнее. — Тщеславие, конечно, серьезный недостаток. Но других у Эллид не было. Таких, как она, любить трудно. — Вы должны пожаловаться на нее! Хотите, мы все вместе пойдем к Мериан?

— Нет, — хрипло выдохнула Морейн. Впитываясь, мазь жгла еще сильнее, чем сами рубцы. Потом, правда, становилось легче. Ненамного. — Мне кажется, Элайда действительно хочет

нам помочь. Она сказала, что *хочет*, чтобы мы прошли.

Суан воззрилась на подругу так, словно у той вдруг отросли перья:

— Не припомню, чтобы она сказала что-либо подобное. По-моему, она пытается сделать так, чтобы мы провалились.

— Кроме того, — добавила Морейн, — кто-нибудь слышал… Ой-ой-ой! — (Шириам забормотала извинения, но мазь от извинений жечь не переставала.) — Кто-нибудь слышал, чтобы принятая жаловалась, а потом не расплачивалась за это?

Ответом ей были три кивка. Хоть и с неохотой, но все согласились с Морейн. Если жаловалась послушница, ей мягко, но твердо объясняли, почему все обстоит так, как есть. От них требовалось учиться терпению ничуть не меньше, чем изучать историю или овладевать Единой Силой.

— Может, она решит оставить вас в покое, — предположила Шириам, но по голосу было ясно, что она и сама не очень-то верит в такой исход.

Когда они в конце концов ушли, Мирелле оставила баночку с мазью на каминной полке. Только благодаря отвратительному на вкус снадобью Верин подруги смогли заснуть, скорчившись под одеялом на узкой кровати Морейн. И лишь образ

этой красной баночки тревожил сны подруг не меньше, чем боль от рубцов и синяков.

Верная своему слову, Элайда появилась еще до рассвета, чтобы Исцелить девушек. Не предложить Исцеление, а именно *применить* его — она просто сжимала их головы между ладонями и начинала плести, ни о чем не спрашивая. Когда причудливое сплетение Духа, Воздуха и Воды коснулось ее, Морейн хватанула ртом воздух и конвульсивно выгнулась. В первое мгновение ей показалось, будто ее целиком погрузили в ледяную воду, но когда плетение исчезло, с ним пропали и ее уже успевшие пожелтеть синяки. К несчастью, в тот же вечер Элайда одарила их новой порцией синяков и еще одной — на следующий. Морейн продержалась семь попыток, затем — десять, но потом боль и слезы неизменно брали над ней верх. Суан выдержала десять попыток во второй вечер и двенадцать — в третий. И Суан ни разу не расплакалась прежде, чем Элайда вышла из комнаты. Не пролила ни единой слезинки.

Шириам, Мирелле и Эллид, должно быть, решили нести дежурство: они приходили каждый вечер после ухода Элайды, утешали Морейн с Суан, раздевали их и смазывали им раны. Эллид даже пыталась шутить, но никто не испытывал

желания посмеяться. Морейн стала волноваться, хватит ли в баночке мази. Или все-таки она ослышалась? Может, Суан права, и Элайда действительно хочет, чтобы они не прошли испытание? Холодный ужас поселился у нее в животе — ледяная глыба, тяжелая, как свинец. Она боялась, что в следующий раз попросит Элайду прекратить. Но Элайда не остановится, Морейн была уверена в этом, и поэтому плакать хотелось еще больше.

Однако наутро после третьего посещения Элайды девушек, спавших в кровати Суан, разбудила уже Мериан, которая и предложила им Исцеление.

— Больше она не будет мучить вас, — с материнской улыбкой сказала подругам Айз Седай, когда их синяки исчезли.

— Но как вы узнали? — спросила Морейн, торопливо натягивая через голову сорочку.

Из-за снадобья Верин они спали как убитые, и дрова в камине прогорели дотла, так что воздух в комнате был холодным — не настолько холодным, как всего несколько дней назад, но пол все никак не мог прогреться. Морейн схватила чулки, перекинутые через спинку стула.

— У меня есть свои способы, как вам уже следовало бы знать, — уклончиво ответила Мериан.

Морейн подозревала Мирелле, или Шириам, или Эллид, если не всех трех разом, но Мериан была *настоящей* Айз Седай. Никогда не давай прямого ответа там, где можно обойтись уклончивым; тем более что уклончивый зачастую лучше. — Как бы то ни было, еще немного — и она заслужила бы наказание. Я сообщила ей, что могла бы потребовать для нее у Амерлин Умерщвления плоти. И напомнила ей, что мне предписано обращаться с сестрами гораздо суровее, нежели с послушницами или принятыми. Она осознала свою ошибку.

— Но почему ее не накажут за то, что она с нами сделала? — спросила Суан, заводя руку за спину, чтобы застегнуть пуговицы на платье.

Наставница послушниц приподняла бровь, услышав, каким тоном ей задали вопрос: еще чуть-чуть, и его можно было бы назвать требовательным. Но возможно, она сочла, что девушки заслужили какую-никакую поблажку после занятий с Элайдой.

— Если бы она использовала саидар, чтобы наказать вас или принудить к чему-либо, я позаботилась бы, чтобы ее растянули на треугольнике и высекли. Однако то, что она сделала, не является нарушением закона. — Глаза Мериан внезапно заблестели, губы изогнулись в легкой усмешке. —

Возможно, я и не должна говорить это вам, но все же скажу. Ей могли назначить наказание за то, что она помогала вам сплутовать при испытании на шаль. Спасло ее только сомнение в том, был ли ее поступок действительно направлен на обман. Надеюсь, вы примете ее дар в том же духе, в каком он был дан. В конце концов, она заплатила за свой поступок унижением, когда ей пришлось объясняться со мной.

— Поверьте, Айз Седай, я так и поступлю, — уверенным голосом ответила Суан.

И так было понятно, что она имела в виду. Мериан вздохнула и покачала головой, но больше ничего не сказала.

Ледяная глыба в животе Морейн, растаявшая было, когда стало ясно, что уроков Элайды больше не будет, водворилась на место. Причем весила теперь в два раза больше. Что, значит — Элайда помогала им сплутовать? Неужели то, что она делала с ними, было подсказкой, предварительной проверкой перед настоящим испытанием? О Свет, если испытание заключается в подобном избиении… О-о-о, Свет, как же Морейн его пройдет? Но в чем бы ни состояло испытание, все женщины, носящие сейчас шаль, прошли его успешно. И она тоже пройдет. Как угодно, но

пройдет! Морейн настаивала, чтобы Мирелле и Суан обращались с ней жестче, но, хотя порой подруги тоже доводили ее до слез, они не соглашались делать то, что делала Элайда. Но и без того Морейн раз за разом так и не удавалось завершить всю сотню плетений. Глыба льда с каждым днем становилась все больше.

Девушки не видели Элайду два дня, но потом около полудня вдруг столкнулись с ней на пути в обеденный зал. Красная сестра, завидев их, остановилась около высокого стоячего светильника, но не сказала ни слова, глядя, как они приседают в реверансе. По-прежнему молча, она следила, как они проходят мимо. Ее лицо было суровой и бесстрастной маской, но глаза горели огнем. Ее взгляд мог бы поджечь шерстяную материю их платьев.

В душе Морейн все упало. Очевидно, Элайда считала, что это они пожаловались наставнице послушниц. И по словам Мериан, «заплатила за это унижением». Морейн могла себе представить, какими наказаниями нужно было пригрозить, чтобы вынудить Элайду отступить. Причем любое из них должно было подвергнуть сестру унижению. Единственный вопрос — насколько сильному унижению? Видимо, достаточно

сильному. Мериан в самом деле говорила о послушницах и принятых так, словно те находились в полном ее распоряжении. О, теперь это не легкая неприязнь, которая могла со временем перерасти во что-то большее. В глазах Элайды Морейн увидела откровенную враждебность. Они нажили себе врага на всю жизнь.

Когда Морейн сказала об этом Суан, изложив ей свои соображения, та лишь криво усмехнулась:

— Ну а я разве набивалась к ней в друзья? И вот что я тебе скажу: когда получу шаль, то, если она еще хоть раз вздумает как-то мне повредить, она дорого за это поплатится.

— Ох, Суан, — засмеялась Морейн, — Айз Седай никогда не причиняют вреда друг другу!

Но ее подруга убежденной не выглядела.

Ровно через неделю с того дня, как Гайтара сделала свое Предсказание, погода внезапно стала теплее. Солнце взошло на безоблачное небо, день совсем походил на весенний, хотя был и холодноват для весны, и еще до заката большая часть снега растаяла. Вокруг Драконовой горы снег стаял полностью, не считая лишь самой вершины, — из-за подземного тепла снег здесь всегда таял раньше, чем в других местах. Итак, черта подведена. Мальчик, которого они ищут, родился

в эти десять дней. Два дня спустя число тех, кто отвечал критериям, начало резко уменьшаться, а еще примерно через неделю подруги пять дней подряд не внесли в свои записные книжечки ни одного имени. Впрочем, они могли только надеяться, что больше никаких имен не будет.

Через девять дней после оттепели, в предрассветных сумерках, когда Суан и Морейн шли на завтрак, на галерее перед ними появилась Мериан. На ее плечах лежала отороченная бахромой шаль.

— Морейн Дамодред, — официальным тоном произнесла она, — тебя призывают для прохождения испытания на шаль Айз Седай. Да поможет тебе Свет остаться живой и невредимой.

Глава 9
Начинается

Морейн едва дали время наскоро обнять Суан, а потом Мериан повела ее за собой, и с каждым шагом глыба льда в животе девушки становилась все больше и больше. Она же не готова! За все время занятий ей удалось закончить все плетения лишь дважды, и то в условиях, ничуть не напоминавших те, что продемонстрировала Элайда. Ее наверняка постигнет неудача, и ее отошлют из Башни. Она обречена на провал. Эта мысль стучала в голове Морейн, как барабанная дробь, сопровождающая приговоренного на пути к плахе. Она обречена на провал.

Когда Морейн вслед за Мериан спускалась по узкой лестнице, спиралью уходящей в толщу скалы, на которой стояла Башня, девушке в голову пришла другая мысль. Если она не пройдет испытания, то при ней все же останется способность направлять. По крайней мере, до тех пор она будет осторожной. Башня неодобрительно смотрела на женщин, отосланных из Башни, но похвалявшихся своими способностями, а когда Белая Башня

относилась к чему-либо неодобрительно, то лишь глупцы не обращали на это внимания. Сестры утверждали: те, кого отсылают из Башни, чуть ли не навсегда отказывались касаться саидар — из опасения ненароком переступить запреты Башни. Но как можно отказаться от подобного блаженства, было выше понимания Морейн. Она знала, что сама никогда не сможет этим поступиться, что бы ни произошло. И возникла еще одна мысль, на первый взгляд не связанная с предыдущей. Если она потерпит неудачу, она все равно останется Морейн Дамодред — отпрыском могущественного, хотя и пользующегося дурной славой Дома. Наверное, потребуются годы, чтобы ее поместья оправились после набега Айил, но, несомненно, они все же обеспечат соответствующий ее положению доход.

И третья мысль посетила Морейн одновременно с первыми двумя, — очевидно, она все время думала об этом, на каком-то глубинном уровне. Маленькая книжечка, содержащая сотни имен, по-прежнему лежала у нее в поясном кошеле. Даже если она не пройдет испытание, то предпринять поиски мальчика все равно сможет. Что, разумеется, небезопасно. Башне, как минимум, не нравилось, когда посторонние вмешиваются в ее

дела, а ведь она тогда будет посторонней. Многие правители горько пожалели, что вмешались в планы Башни. Насколько же хуже придется юной изгнаннице, каким бы могущественным ни был ее Дом? Но это не важно. Что будет, то будет.

— Колесо плетет так, как желает Колесо, — пробормотала Морейн, удостоившись пронзительного взгляда Мериан.

Ритуал был совсем несложным, но его все же следовало придерживаться. Если она забыла, что, оказавшись на подземных уровнях, должна сохранять молчание, пока к ней не обратятся, то вряд ли ее шансы на успешное прохождение испытания повысились.

Это было очень странно. Она стремилась стать Айз Седай больше, чем стремилась жить, однако осознание того, что она сможет продолжать поиски, что бы ни случилось здесь, понимание, что так она и поступит, заглушали раздававшуюся в голове барабанную дробь. Даже застывшая ледяная глыба несколько уменьшилась в размерах. Совсем немного. Так или иначе, через несколько дней она начнет собственные поиски. Если позволит Свет, к тому времени она уже будет Айз Седай.

Просторные проходы, по которым Мериан вела

девушку, были вырублены в скальном основании острова и шириной не уступали коридорам Башни. На бледных стенах высоко над головой на железных скобах висели светильники. Однако многие из боковых ответвлений прохода тонули во мраке или освещались лишь редко расставленными светильниками, проливавшими одинокие лужицы света. На гладком каменном полу не было ни пылинки. Дорогу для принятой и наставницы послушниц явно подготовили. Воздух был прохладен и сух, и, не считая тихого шуршания туфель, ни один другой звук не нарушал царившую тут тишину. Эти подземелья использовались разве что на самых верхних уровнях под кладовые, все здесь было просто и безо всяких украшений. Вдоль коридоров тянулись ряды темных деревянных дверей, все они были закрыты, и чем дальше шли женщины, тем чаще попадались висевшие на дверях крепкие замки. Многое хранилось тут за засовами, подальше от любопытных взоров. Впрочем, то, что происходило здесь, внизу, вообще не предназначалось для посторонних глаз.

На самом нижнем уровне Мериан остановилась перед двойными дверями, которые оказались больше всех тех, что женщины уже миновали, —

но створки, высокие и широкие, как крепостные ворота, были отполированы до блеска, на них не было железной оковки. Айз Седай направила несколько прядей Воздуха — и двери беззвучно распахнулись на хорошо смазанных петлях. Набрав в грудь побольше воздуха, Морейн шагнула вслед за Мериан в просторный круглый зал с куполообразным потолком. Вдоль стены кольцом стояли светильники. Их свет, отражаясь от белого полированного камня стен, после сравнительно сумрачных переходов слепил глаза.

Морейн заморгала. Ее взгляд остановился перед тем, что находилось в центре, под самым сводом купола, — огромное, расположенное вертикально овальное кольцо, сужающееся кверху и книзу. Его обод был чуть толще ее руки. Больше спана в высоту и около шага в самом широком месте, кольцо отливало в пламени светильников то серебром, то золотом, то зеленым, то голубым, то всеми цветами, смешанными воедино, ни на мгновение не оставаясь одного цвета. Кроме того — что казалось совсем невероятным, — оно стояло на ребре без всякой поддержки. Это был *тер'ангриал*, устройство, созданное в давно минувшую Эпоху легенд, чтобы пользоваться Единой Силой. Внутри его и будет проходить ис-

пытание. Она пройдет его. Во что бы то ни стало — пройдет!

— Слушайте, — произнесла Мериан согласно ритуалу.

Другие Айз Седай, кто уже находились в комнате, по одной от каждой Айя, подошли и встали вокруг, с их плеч спускались шали с бахромой. Одной из них была Элайда, и сердце Морейн беспокойно затрепетало.

— Ты пришла сюда в неведении, Морейн Дамодред. Какой ты выйдешь отсюда? — спросила Мериан.

О Свет, почему Элайде разрешили участвовать? Морейн отчаянно хотелось задать этот вопрос, но посторонние слова были запрещены. С удивлением она услышала собственный голос, твердо произнесший:

— Знающей саму себя.

— Зачем тебя призвали сюда? — продолжала Мериан.

— Чтобы подвергнуть испытанию.

Сохранять спокойствие было крайне важно, но хотя голос Морейн звучал уверенно, в душе у нее было отнюдь не спокойно. Ей никак не удавалось выбросить Элайду из головы.

— Для чего тебя должны подвергнуть испы-

танию?

— Чтобы узнать, достойна ли я.

Все сестры будут пытаться помешать ей, — в конце концов, это ведь испытание; но Элайда будет стараться больше всех. О-о-о, Свет, что она будет делать?

— Чего ты должна быть достойна?

— Носить шаль Айз Седай.

С этими словами Морейн начала раздеваться. В соответствии с древней традицией испытание она должна проходить, облаченная лишь в Свет, что символизировало, что она полностью вверяет себя защите Света.

Расстегивая пояс, она вдруг вспомнила о лежащей в кошеле маленькой книжечке. Если ее обнаружат… Но колебаться сейчас — значит потерпеть неудачу. Положив пояс и кошель на пол у ног, она закинула руку за спину, чтобы расстегнуть пуговицы.

— И потому я наставляю тебя, — говорила Мериан. — Ты увидишь на земле этот знак.

Она направила пряди, и очерченная ее пальцем шестиконечная звезда, два наложенных друг на друга треугольника, на мгновение повисла в воздухе, пылая огнем.

Морейн почувствовала, как одна из сестер по-

зади нее обняла саидар, и плетение коснулось затылка.

— Помни о том, что следует помнить, — негромко проговорила сестра.

Это была Анайя, Голубая. Однако ни о чем подобном ей раньше не говорили. Что это могло значить? Морейн заставила свои пальцы уверенно пробежаться по пуговицам на спине. Первый шаг сделан, и дальше она должна действовать в абсолютном спокойствии.

— Увидев этот знак, ты сразу же подойдешь к нему ровным шагом, не торопясь, но и не мешкая, и лишь потом можешь обнять Силу. Предписанное плетение должно выполнять немедленно, и тебе нельзя покидать этот знак, пока оно не будет завершено.

— Помни о том, что следует помнить, — повторила Анайя.

— Когда плетение будет завершено, — продолжала Мериан, — ты вновь увидишь этот знак, отмечающий путь, каким тебе следует идти дальше, и снова иди ровным шагом, но без колебаний.

— Помни о том, что следует помнить.

— Сотню плетений должна будешь ты завершить в том порядке, какой был тебе сообщен

ранее, и с совершенным самообладанием.

— Помни о том, что следует помнить, — в последний раз произнесла Анайя, и Морейн почувствовала, как плетение проникает в нее, почти так же как плетение Исцеления.

Все сестры, за исключением Мериан, отступили от нее и образовали круг вокруг тер'ангриала. Встав на колени на каменном полу, каждая обняла саидар. Окруженные сиянием Силы женщины принялись направлять, и смена цветов в овальном кольце ускорилась, пока оно не стало напоминать калейдоскоп, приделанный к мельничному колесу. Все Пять Сил присутствовали в их плетении, почти столь же изощренном, как те, какие требовались при испытании; все сестры всецело сосредоточились на своих действиях. Нет, неверно. Не все. Элайда глянула в сторону, и ее взор, упавший на Морейн, был жестким и горящим. Словно докрасна раскаленное шило, способное прожечь дыру в ее черепе.

Морейн хотела смочить губы языком, однако «совершенное самообладание» означало в точности то, что было сказано. Возможно, Свет и защищал ее, но снимать с себя одежду перед лицом стольких людей оказалось непросто, хотя большинство сестер и сосредоточились на

тер'ангриале. Теперь на девушку смотрела лишь Мериан. Наблюдала, не сомневается ли она, высматривала трещину во внешней безмятежности. Испытание началось, и даже самая маленькая трещинка ведет теперь к неудаче. И тем не менее спокойствие было лишь внешним, маской, которая была не толще ее кожи.

Продолжая раздеваться, Морейн тщательно сворачивала каждую деталь своего одеяния, укладывая их аккуратной стопкой поверх пояса и кошеля. Так будет достаточно. Все сестры, кроме Мериан, будут заняты до завершения испытания — по крайней мере, Морейн так думала, — и она сомневалась, что наставница послушниц будет рыться в ее вещах. Во всяком случае, большего сейчас все равно не сделать. Последним Морейн сняла с пальца кольцо Великого Змея и положила поверх остального. Этот жест отдался в ней внутренней болью. С тех пор как она завоевала право носить кольцо, Морейн не снимала его, даже когда мылась. Сердце колотилось; она была уверена, что Мериан слышит его гулкие удары. О Свет, Элайда! Надо быть очень осторожной. Эта женщина знала, как сломить ее. Надо быть настороже и готовой ко всему.

Теперь Морейн оставалось лишь стоять и

ждать. На холодном воздухе кожа быстро покрылась мурашками, девушке хотелось переступить босыми ногами, под которыми камень пола был более чем холоден. Полное спокойствие. Морейн стояла неподвижно, выпрямив спину, руки опущены по бокам, и дышала ровно. Помоги ей Свет! Она не желала потерпеть неудачу лишь из-за одной Элайды. Ни за что! Но исходящий от ледяной глыбы льда в животе холодок постепенно расползался по костям. Морейн ничем не выдавала своих чувств. Совершенная маска самообладания.

Воздух внутри кольца внезапно превратился в белое полотнище. Белее, чем шерсть ее юбки, белее, чем снег или бумага лучшей выделки. Однако оно не отражало огни светильников, а, наоборот, казалось, поглощало какую-то часть их света, отчего в зале стало темнее. Затем высокий овал кольца начал медленно вращаться, причем совершенно беззвучно, словно совсем не касался каменного пола.

Никто не произносил ни слова. В словах не было необходимости. Морейн знала, что ей делать. Не колеблясь, по крайней мере внешне, она двинулась к вращающемуся кольцу ровным шагом, не торопясь, но и не мешкая. Она *пройдет*

испытание, что бы ни делала Элайда. Пройдет! Морейн шагнула в белизну и через нее…

…И не поняла, где, во имя Света, она очутилась и как сюда попала. Она находилась в коридоре, отделанном простыми каменными плитами, вдоль него стояли светильники, а единственная дверь в дальнем его конце была открыта навстречу солнечному свету. По сути, это единственный путь наружу — позади девушки была гладкая стена. Очень странно. Она была уверена, что никогда прежде не видела этого места. И почему она здесь… раздетая? Лишь благодаря уверенности в том, что должна сохранять абсолютное спокойствие, она сдержалась и не прикрыла наготу руками. В конце концов, в любой момент кто угодно может войти сюда через ту открытую дверь! Вдруг она заметила платье. Оно лежало на узеньком столике на полпути к выходу. Морейн готова была поклясться, что мгновение назад ни столика, ни платья там не было. Вещи ведь не возникают откуда ни возьмись! Ей казалось, что она уверена: из воздуха они не появляются.

Изо всех сил стараясь не спешить, девушка подошла к столику и обнаружила на нем полное облачение. Расшитые туфли черного бархата, белая сорочка и чулки тончайшего шелка. Пла-

тье было отлично скроено и искусно сшито из темно-зеленой мерцающей ткани лишь чуточку тяжелее шелка. Полоски красного, зеленого и белого цвета, каждая в два дюйма шириной, шли узкой цветной полосой по переду платья, которая начиналась от высокого ворота и заканчивалась где-то на уровне коленей. Как сюда попало платье цветов ее Дома? Морейн затруднялась припомнить, когда в последний раз носила наряд такого фасона, что очень странно, поскольку, разумеется, он вышел из моды не больше чем год или два назад. Похоже, у нее в памяти полно провалов. Пропастей. Однако стоило ей одеться и, глядя через плечо, начать застегивать маленькие перламутровые пуговки, видя свое отражение в высоком зеркале… А зеркало-то откуда взялось? Нет, лучше не задумываться над тем, что, по-видимому, не имеет объяснения. Одежда пришлась ей впору, словно все сшила ее личная белошвейка. Стоило одеться, как она почувствовала себя леди Морейн Дамодред до кончиков ногтей. Вот если бы еще волосы на висках были уложены искусными локонами… Когда же она стала носить их распущенными? Не важно. В Кайриэне лишь горстка людей смеет приказывать Морейн Дамодред. Большинство же подчиняются приказам,

которые отдает она. У нее не было сомнений, что она способна сохранять необходимое спокойствие. Во всяком случае, сейчас.

Дверь в дальнем конце коридора вела в просторный круглый внутренний дворик, который окружали высокие кирпичные арки; поверх арок проходила обнесенная колоннадой галерея. Судя по золоченым шпилям и куполам, это дворец, однако поблизости никого видно не было. Ни движения, ни звука под ясным весенним небом. Это же весна? Или, может, холодный летний день? Она не могла даже припомнить, какое сейчас время года! Однако помнила, *кто* она такая: она — леди Морейн, выросшая в Солнечном дворце, и этого достаточно. Она задержалась ровно настолько, чтобы в центре дворика увидеть шестиконечную звезду — узор из полированной меди был вделан в каменные плиты, — и, подобрав юбку, шагнула наружу. Морейн ступала как та, кто рожден во дворце, — высоко подняв голову и не торопясь.

На втором шаге платье исчезло, и она осталась в одной сорочке. Невероятно! Собрав волю в кулак, девушка продолжала идти царственной походкой. Безмятежная. Уверенная в себе. Еще два шага, и сорочка тоже растаяла. На полпути

к сияющей медной звезде исчезли и шелковые чулки с кружевными подвязками, что показалось ей огромной потерей. Жалеть о них не имело смысла, но они, по крайней мере, хоть что-то прикрывали. Ровный шаг. Спокойствие и уверенность.

Из-под кирпичной арки вышли трое мужчин — грузные и небритые, в грубых куртках, такие и им подобные проводят дни напролет, выпивая в тавернах или общих залах гостиниц. Несомненно, тут им не место, никто не позволит им бродить по дворцу. Краска бросилась ей в лицо еще до того, как они заметили ее и принялись с вожделением разглядывать. Пялиться на нее! В душе вскипел гнев, но Морейн погасила его. Спокойствие. Уверенный шаг, не торопясь, но и не мешкая. Должно быть именно так. Она не знала почему, но только так и должно быть.

Один из мужчин провел пальцами по своим сальным волосам, словно бы их причесывая, но эффект оказался обратным. Другой оправил на себе потрепанную куртку. Они не спеша двинулись к ней со слащавыми ухмылками на лице. Морейн не боялась их, ее лишь жгло осознание того, что эти… эти наглецы видели ее без клочка одежды — без единого клочка! Однако она не осмели-

валась направлять, пока не достигла звезды. Абсолютное спокойствие и ровный шаг. Глубоко запрятанный гнев бурлил и силился вырваться, но она загнала его еще глубже.

Нога коснулась медной звезды, и Морейн едва не охнула от облегчения. Но вместо этого она повернулась лицом к трем грубиянам, обняла саидар и принялась свивать пряди Воздуха в требуемое плетение. Плотная стена Воздуха, в три шага высотой, поднялась вокруг них. Морейн безжалостно замкнула ее. Это разрешено. Стена зазвенела, как стальная, когда один из мужчин ударил по ней кулаком.

Шестиконечная звезда сияла на кирпичной кладке на верхушке той самой арки, из-под которой вышли мужчины. Морейн была уверена, что раньше ее не было, однако сейчас звезда, несомненно, была там. Идти ровным шагом мимо стены Воздуха оказалось нелегко, и Морейн порадовалась, что не отпустила Силу. Судя по доносившимся изнутри крикам и проклятиям, мужчины пытались выбраться наружу, карабкаясь друг другу на плечи. Но и сейчас она не боялась их. Ей только не хотелось, чтобы они снова увидели ее обнаженной. Кровь опять прилила к щекам. Было очень трудно не ускорить шаг, но

Морейн сосредоточилась на этой задаче, на том, чтобы лицо ее оставалось спокойным и безмятежным, какой бы на нем ни пылал румянец.

Пройдя под аркой, она повернулась, готовая…

О Свет, где она оказалась? И почему она… *раздета*? Почему удерживает саидар? Встревожившись, она отпустила саидар, хотя и неохотно. Она знала, что в том пустом внутреннем дворике завершила первое плетение из той сотни, которую должна была сплести. Она знала лишь это, и не больше. И еще то, что должна продолжать.

К счастью, на полу, прямо под аркой, обнаружилась кое-какая одежда. Платье было из грубой толстой шерсти, чулки кололи кожу, однако все подошло так, словно подобрано специально для нее. Даже тяжелые кожаные башмаки. Они были безобразны, но она надела их.

Это было очень странно, ведь позади Морейн лежало что-то вроде дворцового внутреннего дворика, но теперь она шла по лишенному дверей коридору из грубых каменных плит. Высоко над головой к стенам металлическими скобами крепились светильники. Больше похоже на какую-то крепость, а не на дворец. Не может быть, чтобы в коридоре совсем не было дверей, — такого не бывает. Она должна идти вперед, и это значит,

что в конце концов она должна куда-нибудь прийти. Но еще более странным, чем коридор, оказалось то, что открылось за единственной дверью в дальнем конце.

Перед Морейн предстала крохотная деревенька — дюжина крытых соломой домиков и ветхих амбаров, очевидно заброшенных из-за ужасной засухи. Покосившиеся двери скрипели на петлях, ветер нес пыль по единственной улице под безжалостным полуденным солнцем. Жара молотом ударила ей в лицо; не успела Морейн пройти и десяти шагов, как уже совершенно промокла от пота. Тут она порадовалась, что на ней крепкие башмаки: будь она в туфлях, каменистая земля жгла бы ей ноги. Единственный сложенный из камня колодец высился посреди того, что некогда, видимо, называлось лужайкой. Теперь это был клочок высохшей земли с торчащими тут и там пучками сухой травы. На потрескавшихся зеленых плитках, которыми был вымощен пятачок вокруг колодца, — когда-то, стоя на них, люди набирали воду — кто-то нарисовал красной краской шестиконечную звезду; теперь краска поблекла и облупилась.

Едва поставив ногу на эту звезду, Морейн сразу же начала направлять Силу. Воздух и Огонь,

затем Земля. Вокруг, на сколько хватало взгляда, лежали иссохшие поля, усеянные искореженными деревьями с голыми ветвями. Все в этом пейзаже было неподвижно. Как она попала сюда? Впрочем, как бы это ни произошло, сейчас ей хотелось поскорее оказаться подальше от этого мертвого места. Внезапно ее опутали кусты чернокоготника; темные, в дюйм длиной, шипы протыкали одежду, кололи щеки и лоб. Морейн не тратила силы на мысли о том, что это невозможно. Она просто хотела выбраться. Каждый укол жег ее; она чувствовала, как из наиболее глубоких ран сочится кровь. Спокойствие. Надо воплощать собой совершенное спокойствие. Неспособная двинуть головой, она попыталась ощупью вытащить из волос хотя бы несколько кривых бурых ветвей и едва удержалась от восклицания, когда острые колючки вонзились ей в плоть. По ее рукам потекли новые струйки крови. Спокойствие. Она могла использовать и другие плетения, кроме предписанных, но как избавиться от проклятых шипов? От Огня пользы не будет; судя по всему, кусты были сухими, как трут, — если их поджечь, то и она сама тут же окажется в пламени. Размышляя, она, разумеется, не переставала плести. Дух, затем Воздух. За

Духом — Земля и Воздух одновременно. Воздух, затем Дух и Вода.

На одной из веток что-то шевельнулось — маленькая черная тварь на восьми ножках. Откуда-то пришло воспоминание, и помимо воли у Морейн перехватило дыхание. Лишь призвав все свои способности, ей удалось сохранить спокойное выражение лица. Паук-смертоносец, родом из Айильской пустыни. Откуда она знает это? Так его называли не только из-за серого пятна на спине, напоминавшего человеческий череп. Один его укус — и здоровый сильный мужчина будет болеть много дней. После двух укусов он может умереть.

Морейн продолжала свивать бесполезный клубок из Пяти Сил — зачем ей понадобилось плести нечто подобное? Но она должна делать именно так. Не прерывая своей работы, Морейн мгновенно разделила потоки и прикоснулась к пауку крошечным, но весьма замысловатым сплетением прядей Огня. Тварь вспыхнула, превратившись в пепел так быстро, что пламя даже не коснулось ветки. Чтоб устроить тут пожар, достаточно одной искры. Но не успела Морейн расслабиться, как заметила еще одного ползущего к ней паука. Она расправилась с ним таким же

плетением, а затем испепелила еще одного и еще. О Свет, сколько их здесь? Морейн беспокойно рыскала взглядом по сторонам — только глазами она и могла двигать, — и почти везде, куда падал ее взор, она замечала еще одного смертоносца, ползущего в ее сторону. Она убивала всех, кого видела, но раз у нее перед глазами появляется столько пауков, то сам собой напрашивался вопрос: а сколько мерзких тварей ползает внизу? Или у нее за спиной? Спокойствие!

Поспешно сжигая пауков, едва успевая их обнаруживать, Морейн начала быстрее плести этот огромный бесполезный клубок. Кое-где на ветвях, над почерневшими отметинами, уже поднимались тоненькие струйки дыма. Сохраняя на лице невозмутимую, застывшую маску, девушка плела все быстрее и быстрее. Еще несколько дюжин пауков погибло, и еще несколько струек дыма показалось над ветвями, некоторые толще остальных. Стоит появиться одному язычку пламени, как оно тут же разлетится по всему кустарнику. Быстрее. Быстрее.

Последние нити бессмысленного плетения легли на место, и, как только Морейн прекратила плести, кусты чернокоготника исчезли. Просто взяли и исчезли! Раны от шипов, впрочем, нику-

да не делись, но в этот момент они ее не очень тревожили. Больше всего ей хотелось сбросить с себя одежду и тщательно ее перетряхнуть — с помощью прядей Воздуха. Те пауки, что сидели на кустах, исчезли вместе с кустами, но как насчет тех, что могли заползти ей на платье? Или под платье? Но вместо этого Морейн осмотрелась в поисках еще одной шестиконечной звезды и нашла ее: знак был вырезан над дверью одного из крытых соломой домиков. Войдя внутрь, она сможет осмотреть одежду. Спокойно. Она шагнула через порог в угольно-черную темноту.

И поняла, что не знает, где находится и как сюда попала. Почему она одета в шерсть, как фермерская дочка, и почему она вся в кровоточащих царапинах, словно валялась в зарослях терновника? Морейн знала, что закончила два из сотни плетений, которые должна была создать, но больше ничего. Даже не помнила того, где были сплетены первые два. Знала одно: путь, которым она должна идти, лежит через этот дом. Морейн оглянулась на унылый пейзаж за спиной.

Впереди она видела лишь бледное пятно света на той стороне комнаты. Странно; она была уверена, что окна не закрыты ставнями. Возможно, этот свет указывал на какой-то выход; возможно,

то была щель неплотно прикрытой двери. Можно вызвать свет, но пока что она не вправе вновь обнимать Силу. Темноты Морейн не боялась, но ступала осторожно, чтобы не наткнуться на что-нибудь. Впрочем, ничто ей не препятствовало. Морейн шла почти четверть часа, и пятно света понемногу становилось все больше, пока она не сообразила, на что смотрит. Дверной проем. Четверть часа? В домике, который она могла бы дважды обойти кругом за четверть этого времени? Что ж, очень странное место… Морейн могла бы решить, что это сон, если бы не знала, что это не так.

Еще почти столько же времени потребовалось ей, чтобы дойти до дверного проема, за которым открывалась картина не менее странная, чем эта долгая прогулка. Сплошная стена, сложенная из массивных камней, шагов пять в высоту, окружала мощенную камнем площадь шагов шестидесяти в поперечнике; но за стеной не было видно ничего — ни единого строения, ни единого дерева. Не было ни ворот, ни дверей; а та, через которую Морейн вышла, уже исчезла, когда она оглянулась назад. Совсем мимолетный взгляд. На лице — маска спокойствия, словно высеченная на нем. Воздух был влажным и словно бы

весенним, небо — светлым и чистым, не считая нескольких плывущих по нему белых облачков. Однако девушке никак не удавалось избавиться от зловещего впечатления, которое производило на нее это место.

Шестиконечная звезда, в спан шириной, была высечена в центре площади, и Морейн двинулась настолько быстро, насколько осмелилась. Когда до звезды оставалось совсем немного, над гребнем стены появилась массивная фигура в шипастой кольчуге и тяжело перевалилась внутрь. Ростом появившееся чудище было почти с огира, но за человека его в любой ситуации принять невозможно, несмотря даже на то, что очертания тела отдаленно напоминают человеческие. Волчьи челюсти и подвижные уши делали лицо устрашающим, хотя в остальном оно и могло принадлежать человеку. Троллоков Морейн видела на рисунках, но никогда — во плоти. Отродья Тени, порожденные войной, которой окончилась Эпоха легенд, прислужники Темного, троллоки обитали в изгаженном Тенью Запустении, что протянулось вдоль земель Порубежья. Неужели она очутилась в Запустении? При этой мысли кровь стыла в жилах. Морейн услышала, как позади о землю гулко стукнули тяжелые сапоги,

а потом — копыта. Не у всех троллоков ноги были человеческие. Тварь с волчьей мордой обнажила висевший за спиной огромный, изогнутый, как серп, меч и бегом двинулась на девушку. О Свет, ну и быстрая же эта гадина! Морейн услышала приближающийся топот других ног и копыт. Троллоки один за другим прыгали со стены — создания с лицами, обезображенными орлиными клювами и клыкастыми кабаньими рылами.

Еще один шаг, и Морейн оказалась внутри звезды. Не медля, она обняла саидар и принялась плести. Прежде всего — предписанное плетение; но, как только первые пряди Воздуха, Земли и Духа легли на место, она разделила потоки, формируя второе плетение, а вместе с ним третье — из Огня. Существовало несколько способов создавать огненные шары, и она выбрала самый простой. Выбросив руки вперед и послав огненные шары в ближайших троллоков, Морейн стала разворачиваться, не переставая плести Огонь. Ей пришлось приостановить более важное плетение, но если действовать быстро… О Свет, на площади оказалась уже дюжина троллоков и через стену карабкались новые! Она швыряла шары обеими руками так быстро, как только успевала плести, целясь в тех, кто был ближе всего; попа-

дая в цель, шары взрывались — обезглавив тварь с бараньими мордой и рогами, разорвав надвое троллока с рогами, как у козла, оторвав ноги еще парочке. Жалости Морейн не чувствовала. Людей в плен троллоки захватывали только для того, чтобы съесть.

Морейн завершила полный оборот, и вовремя — она успела подхватить готовые рассыпаться нити главного плетения. И вовремя — снеся огненными шарами голову с орлиным клювом, оказавшуюся уже в нескольких шагах от нее. Другому троллоку, с волчьей мордой, оторвало половину туловища. Он зашатался и безжизненной грудой осел на плиты на краю звезды. Нет, так не пойдет. Троллоков слишком много, и через стену лезли все новые и новые, а ей нельзя пренебрегать главным плетением. Даже если она станет вращаться как волчок, это не выход. Должен быть другой способ. Она должна пройти испытание! Почему-то мысль, что троллоки могут убить и съесть ее, не приходила ей в голову. Она должна пройти испытание — и все.

Вдруг Морейн сообразила, что надо делать. Улыбнувшись, она начала напевать самый быстрый из известных ей придворных танцев. Возможно, это и выход; во всяком случае — ка-

кой-то шанс. Быстрые шаги танца понесли ее вдоль границы звезды, при этом она ни на миг не теряла из виду то плетение, закончить которое для нее — превыше всего остального. В конце концов, как бы быстро ни двигались ее ноги, что может быть безмятежнее придворного танца? Ее лицо выражало должное спокойствие, словно бы она танцевала в Солнечном дворце. Морейн сплетала Пять Сил так быстро, как только могла, быстрее, чем когда-либо прежде, — в этом она была уверена. Каким-то образом танец помогал ей, и замысловатое плетение начало приобретать вид тончайшего мардинского кружева. Танцуя, она продолжала плести, швыряя огненные клубки обеими руками, обеими руками убивая отродий Тени. Иногда они подступали так близко, что их кровь брызгала ей в лицо, иногда ей приходилось, танцуя, освобождать место, чтобы им было куда упасть, или уклоняться в танце от их похожих на косы мечей. Но девушка не обращала внимания на кровь и продолжала танцевать.

Последняя прядь легла на место, и Морейн позволила плетению исчезнуть. Однако на площади все еще оставались троллоки. Быстрый шаг — и она оказалась в центре звезды, где продолжала танцевать по крошечному кругу, спина к спине

с воображаемым партнером. После работы одновременно над тремя различными плетениями она чувствовала себя вымотанной, но собрала все силы для повторных плетений. Танцуя, Морейн швыряла в троллоков огонь и призывала молнии с небес, бороздя площадь взрывами.

В конце концов на площади не двигалось уже ничего, кроме нее. Она протанцевала еще три круга и лишь потом осознала случившееся и остановилась. Перестала напевать. В стене возникла арка, полный теней проем, с вырезанной над ним звездой. При виде арки сердце у Морейн заледенело. Арка вела туда, откуда появились троллоки. В Запустение. Лишь безумец пойдет в Запустение по собственной воле. Подобрав грубые юбки, Морейн заставила себя пересечь площадь, превратившуюся в мертвецкую, и приблизилась к воротам. Именно этим путем она должна идти.

Глава 10
Испытание заканчивается

Девяносто девять плетений. Морейн обнаруживала шестиконечную звезду, выложенную круглыми речными голышами, среди высоких дюн пустыни, где от жары у нее кружилась голова, а влага испарялась с кожи прежде, чем выступал пот. Она находила ее нарисованной на снегу на склоне горы, когда штормовой ветер рвал с девушки одежду, а рядом в землю били молнии, и в огромном городе с невероятными башнями, где люди мямлили что-то невразумительное. Она видела ее в окутанном ночной тьмой лесу, в стоячем болоте с темной водой, в зарослях высокой травы, которая резала как нож, на фермах и в долинах, в лачугах и дворцах. Иногда она находила звезду, будучи одетой, но одежда часто исчезала, и так же часто одежды на ней не было с самого начала. Иногда Морейн неожиданно оказывалась связанной веревками или закованной в кандалы, скрюченной так, что выворачивало суставы, или подвешенной за запястья или лодыжки. Она обнаруживала себя лицом к лицу с ядовитыми

змеями и острозубыми водяными ящерицами в три спана длиной, разъяренными дикими кабанами и охотящимися львами, голодными леопардами и несущимися в панике стадами диких коров. Ее кусали шершни и земляные осы, на нее нападали рои муравьев, оводов и насекомых, которых она не могла распознать. Толпы людей с факелами пытались утащить ее, чтобы сжечь на костре. Белоплащники хотели повесить ее, грабители — зарезать, разбойники — задушить. И каждый раз она забывала обо всем, что с нею было, и не могла понять, где получила порез на щеке, откуда взялась на боку рана от меча, что означают три глубоких шрама на спине — их словно оставили чьи-то когти — и все прочие раны, увечья и синяки, из-за которых она хромала или истекала кровью. Вдобавок она устала. Ох, так устала — как не уставала никогда! Гораздо сильнее, чем можно объяснить даже созданием девяноста девяти плетений. Возможно, усталость объясняет ее раны. Девяносто девять плетений.

Комкая в кулаках ткань простой шерстяной юбки, Морейн, прихрамывая, добрела до шестиконечной звезды, выложенной красной плиткой около журчащего мраморного фонтана в маленьком садике, который окружала колоннада из

тонких колонн с каннелюрами. Девушка едва держалась на ногах, и необходимость сохранять спокойное выражение лица граничила с пределом ее возможностей. Боль пульсировала во всем теле. Нет, слово «мука» подошло бы здесь лучше, чем «боль». Но это был последний этап испытания. Когда оно закончится, все — что бы это ни было — закончится вместе с ним, и она будет свободна и сможет получить Исцеление. Если удастся найти Айз Седай. Если нет, подойдет и Предсказательница.

Это было еще одно бесполезное плетение — при правильном исполнении оно вызывало лишь дождь сверкающих цветных искр. Если же допустить ошибку, то кожа у нее, словно от солнечного ожога, покраснеет и будет зудеть. Очень осторожно Морейн начала плести.

Из-за колонны прямо перед девушкой вышел ее отец, на нем была длинная куртка, которая по меньшей мере год назад вышла из моды, полосы цветов Дома Дамодред спускались от стоячего воротника до колен и даже ниже. Он был очень высок для кайриэнца, лишь на дюйм ниже шести футов, волосы, скорее седые, были собраны в узел на затылке. Он всегда держался прямо, как клинок, разве что изредка нагибался, чтобы обнять

свою дочь, когда та была маленькой. Но теперь плечи его поникли. Морейн не могла понять, почему при виде его ей внезапно захотелось плакать.

— Морейн! — произнес он, и озабоченность прочертила еще несколько морщинок на его ласковом лице. — Ты должна немедленно пойти со мной. Твоей матери совсем плохо, девочка. Она умирает. Если пойдешь к ней сейчас же, ты еще успеешь.

Это было уже чересчур. Ей хотелось зарыдать. Ей хотелось кинуться вслед за ним. Но Морейн не сделала ни того ни другого. Плетение завершилось внезапной вспышкой, и на них посыпались весело танцующие искорки. Это зрелище казалось сейчас особенно горьким. Она открыла было рот, чтобы спросить, где находится ее мать, и тут увидела за спиной отца вторую звезду, выложенную красной плиткой над колоннадой, как раз там, где он появился перед ней.

— Я люблю тебя, отец, — спокойно промолвила Морейн. О Свет, как может она оставаться спокойной? Но это необходимо. — Прошу тебя, скажи матери, что я люблю ее всем сердцем.

Проскользнув мимо него, Морейн захромала ко второй звезде. Ей показалось, что отец зовет

ее, бежит за ней и хватает за рукав. Но в голове туманилось от усилий сохранять спокойствие на лице и твердый шаг. Вообще-то говоря, она спотыкалась, но по-прежнему шла не торопясь и не мешкая. Морейн шагнула меж двух желобчатых колонн, миновав звезду…

…И обнаружила, что стоит, пошатываясь, в круглом белом зале и, отражаясь от стен, пламя высоких светильников слепит ей глаза. Память одним махом вернулась к ней, едва не швырнув на колени. Потеряв способность думать в затопившем ее потоке воспоминаний, она сумела сделать еще три шага, потом споткнулась и остановилась. Она помнила все, каждое плетение, каждую полученную ей рану. Все свои ошибки, все отчаянные усилия сохранять хоть какое-то внешнее подобие безмятежности.

— Завершено, — нараспев произнесла Мериан и громко хлопнула в ладоши. — Да не будет никто говорить о том, что произошло здесь. Мы молча разделим случившееся с той, кто пережила это. Завершено. — Вновь она громко хлопнула в ладоши, и голубая бахрома ее шали закачалась. — Морейн Дамодред, сегодняшнюю ночь ты проведешь в молитве и размышлении о том бремени, которое взвалишь на себя утром, когда

наденешь шаль Айз Седай. Завершено. — И в третий раз она хлопнула в ладоши.

Подобрав юбку, наставница послушниц двинулась к двери, но остальные сестры быстро подошли к Морейн. За исключением Элайды, как заметила девушка. Кутаясь в шаль, словно внезапно почувствовав холод, Элайда выходила из зала вместе с Мериан.

— Примешь ли ты Исцеление, дитя мое? — спросила Анайя. Она была на ладонь выше Морейн, простота ее лица почти преобладала над безвозрастностью и делала ее больше похожей на фермершу, чем на Айз Седай, несмотря на хорошо скроенное голубое платье с искусной вышивкой по рукавам. — Не знаю, зачем я спрашиваю. Тебе не так сильно досталось, как кое-кому из тех, кого я видела, но все же вид у тебя не слишком здоровый.

— Я… прошла? — спросила она с изумлением.

— Если румянец считать нарушением спокойствия, никто никогда бы не получил шаль, — ответила Анайя, со смехом расправляя собственную.

О Свет, они все видели! Разумеется, должны были видеть. Но Морейн тут же припомнился ошеломляюще красивый мужчина, который подхватил ее на руки и принялся жарко цело-

вать, едва она начала сорок третье плетение, — и мгновенно вспыхнула. Они это видели!

— Анайя, тебе вправду стоит Исцелить бедную девочку, пока она не упала в обморок, — сказала Верин.

Низенькая, пухлая, с задумчивыми глазами, она носила красновато-коричневое платье из превосходной шерсти, поверх которого была накинута шаль с коричневой бахромой. Морейн любила Верин, однако, увидев сейчас свою одежду в руках Коричневой сестры, она ощутила в душе холодок.

— Думаю, ты права, — сказала Анайя и, сжав голову Морейн ладонями, стала направлять Силу.

Нынешние раны были гораздо серьезнее ссадин, рубцов и синяков, которые оставляла ей Элайда, и на сей раз Морейн почувствовала, что ее скорее сковали ледяной коркой, нежели окунули в холодную воду. Но по завершении Исцеления все ее раны, порезы и ушибы исчезли. Осталась лишь усталость, и она, казалось, давила даже тяжелее, чем прежде. И еще Морейн просто умирала от голода. Сколько она пробыла там? Приобретенное в результате занятий чувство времени отказывалось ей служить.

Коснувшись кошеля, Морейн удостоверилась,

что книжечка по-прежнему на месте. Большего при сестрах она позволить себе не могла. Кроме того, ей очень хотелось вновь оказаться одетой. Но ей не давал покоя один вопрос, и ответ на него она хотела услышать. Ее испытания были не просто делом случая, они зависели от воли тер'ангриала не полностью. Повторявшие раз за разом посягательства на ее скромность не оставляли в этом сомнений.

— Последнее испытание было очень жестоким, — произнесла Морейн; она держала платье в руках, но не спешила натянуть его через голову. Медлила, чтобы посмотреть на лица Айз Седай.

— О случившемся не следует говорить, сколь бы жестоким оно ни было, — твердо ответила Анайя. — Никогда и никому.

Но Юан, стройная сестра из Желтой Айя, метнула быстрый взгляд на дверь, и ее серые глаза сердито сверкнули. Вот оно что! Мериан не принимала участия в испытании. Элайда действительно добивалась провала Морейн и стремилась к этому больше, чем все остальные, иначе бы арафелка не выказала такого неодобрения. Вот оно что.

Три другие сестры отправились по своим делам, но Анайя и Верин проводили Морейн обратно на

первый этаж, причем иным путем, нежели тот, которым девушка спускалась сюда. Когда они оставили ее, Морейн отправилась в ту комнату, где они с Суан провели столько дней, переписывая имена, и обнаружила там за работой двух женщин-писцов. Они выглядели усталыми и не особо обрадовались, когда их прервали расспросами о какой-то принятой, о которой они и слыхом не слыхивали. Возможно ли это? Ох, Свет, возможно ли?

Морейн поспешила на половину принятых — и за спешку трижды удостоилась выговора от сестер. До завтрашнего утра она все еще оставалась принятой, а она едва не бежала. Но ни в комнате Суан, ни в собственной комнате Морейн подруги не оказалось. И поскольку теперь поездки для переписи имен заканчивались раньше, а середина дня давно миновала, Морейн принялась заглядывать и в другие кельи, пока не обнаружила Шириам и Мирелле. Они сидели возле камина в комнате Мирелле, где маленький коврик украшала потрепанная красная бахрома, а умывальник и кувшин были голубыми.

— Мериан недавно приходила за Суан, — возбужденно сообщила Мирелле. — Ее вызвали для испытания.

— А ты? Ты… прошла? — спросила Шириам.

— Да, — ответила Морейн и почувствовала, как на нее накатывает грусть при виде того, как лица подруг внезапно становятся чужими.

Девушки даже поднялись с мест, опустив руки, словно собираясь подобрать юбки и склониться в реверансе. Между ними разверзлась пропасть. Морейн по-прежнему оставалась принятой до завтрашнего утра, но дружбе — конец, по крайней мере до тех пор, пока они тоже не получат шаль. Шириам с Мирелле не попросили ее уйти, но и остаться не попросили. Однако, казалось, испытали облегчение, когда Морейн сказала, что пойдет к себе в комнату и в одиночестве подождет возвращения Суан.

Оказавшись в своей комнатке, Морейн обследовала книжечку, лежавшую в поясном кошеле. Ничто не указывало на то, что ее кто-то трогал: ни одна страница не была загнута или помята вследствие небрежного перелистывания. Но это отнюдь не значит, что никто действительно не заглядывал в нее. С другой стороны, ни одна из сестер и не поняла бы, что перед ней, не зная, чем занимались Морейн с Суан. Если только она не была одной из тех, кого Тамра отрядила на поиски. Морейн мысленно вознесла благодар-

ственную молитву, что никто из этих избранных не оказался среди испытывавших ее сестер. Насколько она могла судить.

Служанка или, возможно, послушница уже разожгла камин и поставила на маленький столик поднос, накрытый накрахмаленной белой салфеткой. Сняв ее, Морейн обнаружила столько еды, сколько в жизни не съедала: стопки ломтей жареного мяса, репа под сметанным соусом, конские бобы с белым рассыпчатым козьим сыром, капуста с кедровыми орешками. Здесь же лежал каравай ржаного хлеба с хрустящей корочкой и стояла большая кружка с чаем. Поднос, по-видимому, оставили только что, потому что все было еще теплым. Башня умела подгадать время.

Еды было слишком много, однако Морейн съела все до последней крошки, даже хлеб — весь каравай. Тело молило об отдыхе, но она не могла позволить себе спать. Если Суан постигнет неудача, но подруга останется в живых — Свет, пусть она хотя бы жива будет! — то ей едва дадут время собрать пожитки и попрощаться. Морейн не могла пойти на такой риск. Так что она свернулась клубочком на кровати, мужественно сжимая в руках небольшую книжку в кожаном переплете. «Пылкие сердца», быть может, неподходящее

чтение для послушницы, но у нее это одна из любимых книг. И у Суан тоже. Тем не менее сейчас Морейн несколько минут смотрела на первую страницу, пока не поняла, что так и не прочла ни слова. Она встала, немного походила, чтобы размяться, потом вновь, зевая, взялась за книгу, но ей по-прежнему не удавалось удержать в памяти ни одной фразы. Суан *должна* вернуться. Ее не отошлют из Башни. Но у нее есть столько возможностей совершить неверный шаг, ее подстерегает столько чреватых неудачей ловушек! Нет! Суан пройдет испытание. Должна пройти. Будет просто нечестно, если Морейн получит шаль, а Суан — нет. Морейн знала, что из ее подруги выйдет лучшая Айз Седай, чем когда-нибудь могла бы получиться из нее самой.

Весь вечер до Морейн доносились голоса других принятых, возвращавшихся после поездок по окрестностям города. Некоторые девушки смеялись, другие жаловались — и все громко. Впрочем, шум довольно быстро утих, когда разнеслась весть о том, что Морейн вызвали для испытания и она его прошла, а сейчас находится в своей комнате. Настоящей Айз Седай она станет только завтра, но принятые вели себя так, словно она уже была ею, и ходили чуть ли не на

цыпочках, стараясь не потревожить ее. Пришел и миновал час ужина. Она даже подумала, что не отказалась бы чего-нибудь съесть, несмотря на обильный — и поздний — обед, но в трапезную так и не пошла. Во-первых, она сомневалась, что сумеет вынести любопытные взгляды или, что еще хуже, опущенные долу глаза. И во-вторых, за время ее отсутствия могла вернуться Суан.

Морейн лежала на кровати, зевая и в очередной раз силясь прочитать хотя бы страницу, когда в комнату вошла Суан. По ее лицу ничего нельзя было понять.

— Ты… — начала Морейн, но не смогла закончить.

— Это было не страшнее, чем выпасть из лодки, — ответила Суан. — Прямо в косяк щук-серебрянок. У меня чуть сердце из груди не выпрыгнуло, когда я вспомнила… — Она похлопала по своему поясному кошелю, где лежала ее собственная книжечка с именами. — Но если не считать этого, все прошло как надо. — Внезапно она залилась краской, однако, несмотря на смущение, сумела улыбнуться. — Нам вместе вручат шали, Морейн.

Морейн вскочила на ноги, радостно смеясь, и они рука об руку протанцевали по комнате

несколько кругов. Морейн изнемогала от желания спросить, что случилось с Суан во время испытания. То, как подруга отчаянно покраснела — это Суан-то! — говорило о чем-то весьма интригующем, однако… Это следовало «разделить молча» лишь с теми женщинами, кто был свидетелем произошедшего. Когда бывало, чтобы подруги не могли поделиться пережитым друг с другом? Даже здесь шаль разделила их.

— Ты, должно быть, умираешь от голода, — сказала Морейн, останавливаясь. Сама она так устала, что чуть не споткнулась посреди танца, и Суан тоже с трудом держалась на ногах. — У тебя в комнате, наверное, уже стоит такой же поднос. — Она показала на свой столик.

Видимо, ради такого дня ей принесли еду в комнату, но грязную посуду вернуть должна будет она сама. И хорошо еще, если не придется самой мыть тарелки из-за того, что она так задержалась.

— Я и весло бы сейчас слопала, но у меня есть кое-что получше, чем еда в комнате. — Суан вдруг ухмыльнулась. — Один конюх сегодня утром дал мне шесть мышей.

— Мы же почти что сестры, — запротестовала Морейн. — Как мы можем подбросить мышей

кому-то в постель! Нам это не пристало, к тому же это будет просто нечестно. Сегодня почти все целый день по лагерям ездили и, должно быть, устали не меньше тебя.

— «Почти что сестры» — это еще не то же самое, что сестры, Морейн. Подумай сама. Это наш последний шанс! Когда мы получим шали, это будет действительно странно. — Улыбка Суан сменилась недоброй усмешкой. — И к тому же, насколько я знаю, Элайда сегодня из Башни не выезжала. Мыши — небольшая расплата за то, что она заставила нас перенести, Морейн! Мы перед ней в долгу. И должок вернем!

Морейн тяжело вздохнула. Не будь Элайды, она, возможно, так никогда и не попыталась бы плести быстрее, а без этих упражнений ее наверняка постигла бы неудача. Но Морейн подозревала, что не только появление отца — дело рук Элайды, но и многое другое при испытании было подстроено Элайдой специально для нее. Слишком часто слабости Морейн раскрывал кто-то, кому они были ведомы особенно хорошо. Элайда действительно старалась сделать так, чтобы она не прошла испытание.

— Хорошо, но только после того, как ты поешь, — согласилась Морейн.

Глава 11
Перед рассветом

При свете единственного светильника и неяркого пламени в узком камине Морейн старательно одевалась, с трудом подавляя зевоту. Для этого требовалось немало усилий. Ночь, проведенная в размышлениях, означала ночь без сна: в глаза словно песку насыпали, руки и ноги будто свинцом налиты. Впрочем, в любом случае она не стала бы помышлять о сне просто из-за того, что ждало ее этим утром. Ох, почему она не отговорила Суан от безумной затеи? Всю ночь Морейн то и дело задавала себе этот вопрос, и на сей раз он звучал не менее глупо, чем в первый. Ей редко удавалось взять верх в споре с Суан.

Если бы только Суан была с ней! Размышление об ответственности и об обязанностях, налагаемых званием Айз Седай, неизменно приводили Морейн к той задаче, которую она собиралась взять на себя, и масштабы предстоящего поиска все более и более грозно рисовались перед нею по мере того, как ночь близилась к утру. И теперь проблема предстала пред ней во весь рост,

неприступная, как сама Драконова гора. Если бы Морейн была не одна, это помогло бы ей. Но ритуал совершенно недвусмысленно требовал: каждая из них должна быть одна, когда за ней придут. Допущенные ошибки теперь уже не повлекут за собой наказания. Если не считать неизбежного смущения и, скорее всего, репутации своенравных тупиц, от которой можно так никогда и не отделаться. Разумеется, подруги уже могли обзавестись подобной репутацией. Однако будет лучше, если они будут вести себя безупречно.

Одевшись, Морейн выложила на кровать свои немногочисленные пожитки, но одежду, не считая сорочки и чулок, оставила в шкафу. Ее выстирают и сохранят для какой-нибудь послушницы, только что получившей кольцо, — если одежда придется впору. Вообще-то, ни одна из девушек, кто сейчас ходит в белом, не смогла бы носить ее платья без существенных переделок, но это не важно. У Белой Башни на все хватит терпения. Маленькая книжечка покоилась в поясном кошеле Морейн — самом безопасном месте, какое она сумела придумать. Она как раз поставила на кровать шкатулку розового дерева, где хранились немногочисленные драгоценно-

сти, какие она взяла с собой в Башню, — когда в дверь постучали: три уверенных коротких удара. Услышав стук, девушка вздрогнула, и сердце у нее затрепетало. Внезапно она поняла, что нервничает не меньше, чем перед испытанием. С трудом удержавшись от того, чтобы не броситься отворять дверь, Морейн тщательно осмотрела себя в зеркале у умывальника, пригладила щеткой несколько прядок, которые вовсе не требовалось приглаживать, положила щетку на кровать и лишь после этого подошла к двери.

Семь сестер ждали ее в темноте, по одной от каждой Айя, на плечах у всех поверх платьев из шелка или тонкой шерсти красовались расшитые виноградными лозами шали, лица всех представляли лишенные возраста маски. Так предписывал ритуал. От Красной Айя была Элайда, но Морейн удалось встретить жесткий взор сестры, сохранив на лице спокойствие. Во всяком случае, ей так показалось. Еще час или чуть больше, и они будут равны, по крайней мере до некоторой степени. Никогда впредь Элайда не заставит ее спасовать.

Без единого слова Морейн шагнула за порог, в последний раз закрыв за собой эту дверь, и Айз Седай безмолвно окружили ее и повели по

темной галерее к двери комнаты Суан. Молчание также предписывалось ритуалом. Джини, стройная меднокожая доманийка, стукнула три раза; качнулась зеленая бахрома ее шали. Суан открыла дверь так быстро, словно на цыпочках дожидалась третьего стука. Кольцо сестер разомкнулось, пропуская ее внутрь. Бровь Суан дрогнула при виде Элайды, но, по крайней мере, хвала Свету, подруга удержалась от гримасы. Морейн стиснула зубы, подавляя зевок. Она *сумеет* завершить все, не нарушая приличий!

Шурша туфлями по каменным плитам, девушки и их сопровождающие шли по коридорам Башни, где не двигалось ничто и никто, кроме них самих и язычков пламени, трепетавших над светильниками. Морейн удивилась, не увидев ни одной служанки. Большую часть своей работы они делали в те часы, когда сестры еще не встали, или после того, как те отправлялись почивать. В молчании процессия спустилась на подземные уровни Башни, следуя по хорошо освещенным переходам и минуя погруженные во мрак ответвления. Двери в зал, где Морейн с Суан проходили испытание, были широко распахнуты, но, не дойдя до них, сестры остановились в коридоре, их кольцо распалось. Айз Седай выстроились в

ряд позади двух девушек, которые стояли теперь лицом к дверному проему.

— Кто явился сюда? — раздался из зала голос Тамры.

— Морейн Дамодред, — звонким голосом ответила Морейн, и если ее лицо оставалось спокойным, то сердце затрепетало — на этот раз от радости.

Суан произнесла свое имя в тот же самый момент; в ее голосе едва заметно, но все же слышался вызов. Она до самого конца уверяла, что Элайда, если сможет, отыщет какой-нибудь способ отнять у них шали.

Наставницы девушек никогда не поднимали вопрос об очередности — возможно, не ожидали, что подруги сумеют пройти рука об руку так далеко, — но Морейн услышала, как кто-то позади нее тихо ахнул. Когда Тамра вновь заговорила, этому предшествовала пауза, такая короткая, что Морейн уже начала думать, что ей показалось.

— По какой причине ты пришла сюда?

— Чтобы принести Три Клятвы и тем притязать на шаль Айз Седай, — ответили девушки в один голос.

Будь это нарушением правил или нет, но сегодня утром они намеревались делать все на-

сколько возможно вместе.

— По какому праву притязаешь ты на это бремя?

— По праву прошедшей испытание и вверяющей себя воле Белой Башни.

— Тогда входи, если смеешь, и свяжи себя с Белой Башней!

Рука об руку Морейн с Суан вступили в зал. Вместе. Со спокойными лицами, ровным шагом, не торопясь, но и не медля. Воля Башни ожидала их во плоти.

Тамра, в светло-голубой парче, с полосатым палантином Амерлин на плечах, стояла, обрамленная овальным тер'ангриалом, цвета которого медленно сменялись от серебристого к золотому, от голубого к зеленому. Стоявшая подле нее Аэлдра, в платье чуть более темного оттенка голубого, держала обеими руками черную бархатную подушечку. По кругу, вдоль стены, с шалями на плечах, расположились восседающие в Совете Башни, каждая Айя отдельно. Перед каждыми тремя восседающими стояли еще по две сестры от той же Айя — тоже при шалях, и у каждой через руку перекинута вторая шаль. Все бесстрастно следили, как Суан и Морейн пересекают зал.

Тер'ангриал оказался первым препятствием,

вставшим на пути их замысла. Высокий овал был слишком узок, и вдвоем они не могли пройти через него, разве что протиснувшись боком, а это вряд ли соответствовало требованию держать себя с достоинством. Только в одном споре Морейн взяла верх. Суан взглянула на нее — добившись, казалось бы, невозможного: ее голубые глаза стали жесткими, а на лице сохранилось спокойное выражение — и, подобрав юбки, шагнула сквозь овал. Морейн сразу же последовала за нею. Бок о бок подруги опустились на колени перед Престолом Амерлин.

С бархатной подушечки, которую держала Аэлдра, Тамра взяла Клятвенный жезл — гладкий, белый, как кость, цилиндр длиной в фут и лишь немногим толще запястья Морейн. Еще один тер'ангриал, Клятвенный жезл должен связать их Тремя Клятвами, навсегда приковав тем самым к Башне.

Тамра на миг заколебалась, словно не зная, кто из девушек будет давать обеты первой, но лишь на миг. Морейн быстро протянула руки ладонями вверх, и Тамра вложила в них жезл. Такое условие поставила Суан за то, что Морейн отдала ей право первой пройти через овал. Незачем говорить, что Суан не раскрывала ей сути своего «условия», по-

ка подруга с ним не согласилась. Морейн станет Айз Седай на несколько минут раньше. Это так несправедливо!

Но сейчас не время размышлять о том, как она могла не сообразить, что Суан что-то задумала, раз уступила так быстро. Сияние саидар окружило Тамру, и она прикоснулась к Клятвенному жезлу тонкой прядью Духа.

Морейн сжала жезл обеими руками. На ощупь он походил на стекло, только каким-то образом казался еще более гладким.

— Пред Светом и своей надеждой на спасение и возрождение клянусь, что не скажу отныне ни единого слова, которое не будет правдой.

Клятва впечаталась в нее, и внезапно показалось, что воздух сильнее давит на кожу. «Красное — это белое, — подумала она. — Верх — это низ». В мыслях по-прежнему способна рождаться ложь, но отныне ее язык не повернется произнести ее.

— Пред Светом и своей надеждой на спасение и возрождение клянусь, что не создам оружия, которым один человек может убить другого.

Давление резко возросло, у Морейн возникло чувство, словно ее зашили в некие невидимые одежды, слишком для нее тесные, затянувшие ее от макушки до пяток. К досаде Морейн, на лбу у

нее выступил пот, однако ей удавалось сохранять спокойствие на лице.

— Пред Светом и своей надеждой на спасение и возрождение клянусь, что никогда не стану использовать Единую Силу как оружие, кроме как против отродий Тени или в качестве последнего, крайнего средства для защиты собственной жизни или жизни моего Стража или другой сестры.

Невидимое облачение обхватило ее еще теснее, и Морейн тяжело задышала через нос, стискивая челюсти, чтобы не захрипеть. Невидимое и абсолютно гибкое, но, Свет, какое тесное! Ощущение, что тепло сдавило ее со всех сторон, впоследствии пропадет, но еще целый год оно не исчезнет до конца. О Свет! Интересно, каково было Элайде произносить последнюю клятву с упоминанием Стражей. Три Клятвы оставались неизменными, независимо от того, к какой Айя собирается примкнуть новая сестра. Эта мысль немного помогла Морейн.

— Полпути пройдено, — речитативом произнесла Амерлин, — и Белая Башня отныне запечатлена у тебя в костях.

Но Тамра не стала завершать церемонию. Вместо этого она взяла у Морейн жезл и вложила его в руки Суан. Морейн подавила улыбку. Ей

хотелось расцеловать Тамру.

Суан не охала и не обливалась потом. Она произнесла клятвы ясным, твердым голосом, даже не моргая, когда они впечатывались в нее. Суан не поддавалась никаким лишениям, не уступала никакой боли, и она ни разу не заплакала прежде, чем Элайда не выходила из комнаты, и ни слезинки не проливала, пока подруги не покидали кабинета Мериан. У Суан было сердце льва.

— Полпути пройдено, и Белая Башня отныне запечатлена у тебя в костях, — произнесла Тамра, укладывая Клятвенный жезл обратно на подушечку в руках Аэлдры. — Поднимись, Айз Седай, и выбери свою Айя, и да будет завершено то, что можно завершить пред Светом.

Какое бы самообладание ни выказала Суан, принося Три Клятвы, двигалась она так же немного скованно, как и Морейн. Девушки поднялись и присели перед Тамрой в формальном реверансе, склоняя голову и целуя ее кольцо Великого Змея.

Вместе Морейн с Суан двинулись к Голубым сестрам. Медленно, как можно более грациозно и не держась за руки — сейчас это было бы совершенно неуместно. Как все принятые, подруги часто обсуждали, какую Айя изберут, спорили о преимуществах и слабых местах каждой из них,

словно знали больше того, что видели на поверхности; однако в последний год, если не раньше, эти обсуждения все больше сводились к доказательствам в пользу уже сделанного выбора. Голубые стремились исправлять недостатки, что не всегда то же самое, что добиваться справедливости, как делали Зеленые и Серые. «Искатели Первопричин» — так называла Голубых сестер Верин, и в ее голосе отчетливо слышались заглавные буквы. Морейн и представить себе не могла, чтобы она принадлежала к какой-то другой Айя. Суан улыбалась, чего делать не следовало. Как, впрочем, и Морейн, которая внезапно осознала это. И согнать с лица улыбку она просто не могла.

Когда стало понятно, куда направляются девушки, сестры из других Айя стали постепенно выходить из зала. Почтительно склонившись перед Амерлин, первыми вышли Желтые, затем Зеленые — величественной процессией сестры ступали вслед за своими восседающими. Вот удалились Коричневые, за ними — Белые. Чем определялся порядок ухода, Морейн не знала, но, когда последними вышли Красные, Тамра покинула зал вслед за ними. То, что должно было последовать за церемонией, предназначалось

исключительно для Голубых. Аэлдра осталась за наблюдателя.

Три восседающие, оставшиеся в зале, собрались возле новоиспеченных Айз Седай, и меднокожая Лиане, гибкая и не уступавшая ростом большинству мужчин, склонилась, возлагая шаль с голубой бахромой на плечи Морейн, а Рафела, стройная, смуглая и симпатичная, совершила тот же ритуал с Суан. Ни у той ни у другой лицо еще не обрело той печати безвозрастности, характерной для Айз Седай, но величие окутывало их, как плащ. Восседающие были воплощенным величием.

Дородная Эйдит, чьи белоснежные волосы ниспадали до пояса, легко поцеловала в обе щеки сначала Суан, а затем Морейн, каждый раз тихо произнося: «Добро пожаловать домой, сестра! Мы долго ждали тебя». Анли, седеющая, с серьезным лицом, в голубом платье с зелеными разрезами и носившая почти столько же колец и ожерелий, сколько Гайтара, повторила за Эйдит ритуальный поцелуй, за ней то же проделала Лилейн, чье торжественное лицо, когда она произносила церемониальные слова, внезапно озарилось улыбкой. Улыбаясь, Лилейн становилась очень красивой.

— Добро пожаловать домой, сестра, — сказала Лиане, наклонившись и целуя Морейн. — Мы долго ждали тебя.

Аэлдра также поцеловала девушек в щеки и повторила те же слова, а затем неожиданно добавила:

— Каждая из вас должна мне пирожок, испеченный собственноручно. У нас такой обычай: шестая сестра, приветствующая новую Айз Седай, получает пирожок.

Моргнув, Морейн обменялась взглядами с Суан. Неужели церемония уже закончилась? Так быстро? Пирожок? Она сомневалась, что Аэлдра сможет съесть ее пирожок. Она никогда в жизни ничего не пекла.

Эйдит прищелкнула языком и поправила на плечах шаль.

— Право, Аэлдра, — строго сказала она, — если эта парочка решила переступить столь многие границы, это еще не значит, что тебе можно забыть о своем достоинстве. Итак. — Взметнулась длинная бахрома голубого шелка, когда она воздела руки. — Я поручаю тебе, Лиане Шариф, проводить Морейн Дамодред, чтобы Белая Башня увидела, что Голубая сестра пришла домой. Я поручаю тебе, Рафела Синдал, проводить Суан

Санчей, чтобы Белая Башня увидела, что Голубая сестра пришла домой.

Забрав с собой Аэлдру, Эйдит повела восседающих прочь из зала, но остальные сестры, по-видимому, еще не закончили.

— Обычай — ценность, которой нельзя дать исчезнуть, — промолвила Рафела, по очереди оглядывая Морейн с Суан. — Пойдете ли вы в крыло Голубой Айя облеченными в Свет, как предписывает древняя традиция? — Суан схватилась за шаль, словно не желая расставаться с нею даже на минуту, и Рафела поспешно добавила: — И в шаль, разумеется. Дабы показать, что вам не нужна никакая иная защита, кроме Света и шали Айз Седай.

Морейн осознала, что вцепилась в собственную шаль точно так же, как Суан, и, заставив себя разжать пальцы, нежно погладила шелковую ткань. Три Клятвы сделали ее Айз Седай, однако она почувствовала себя Айз Седай только тогда, когда шаль оказалась у нее на плечах. Но если от нее требовалось пройти прилюдно, имея на себе из всей одежды всего лишь… О-о-о, Свет, теперь она залилась краской! Она никогда не видела, чтобы Айз Седай краснели.

— Ах, право, Рафела, оставь, — сказала Ли-

ане, ободряя Морейн и Суан быстрой улыбкой. Некоторое время она ходила в принятых одновременно с ними и, судя по теплоте улыбки, похоже, была готова возобновить дружбу с ними с того места, на котором та прервалась. — Тысячу лет назад женщины действительно являлись для посвящения облеченными в Свет и уходили так же. Но тогда каждая из нас должна была бы это проделать. Но от стародавнего обычая осталось лишь одно: в коридоры никого не пускают, пока новопосвященные не доберутся до апартаментов своей Айя, — с живостью объяснила она. Лиане все делала с живостью. — Сомневаюсь, что кто-нибудь, не считая нескольких Коричневых сестер, вообще помнит об этом обычае. Рафела просто помешана на возрождении мертвых традиций. И не пытайся спорить, Рафела! Помнишь яблоневый цвет? Даже Зеленые не помнят, в память о какой битве был установлен этот обычай.

Как ни странно, Рафела, хотя и получила шаль на год раньше Лиане, только вздохнула.

— Традиции не следует забывать, — сказала она, но без всякой настойчивости.

Лиане покачала головой.

— Идемте. Я понимаю, что вам, должно быть, хочется есть, но с завтраком придется потерпеть

— надо еще кое-что закончить, в том числе и эту прогулку. Но мы не станем обходить все общие коридоры, — добавила Лиане, метнув быстрый взгляд на Рафелу. — А также останавливаться у апартаментов каждой Айя и вызывать их выйти посмотреть на новую Голубую сестру. — Покачав головой, она повела девушек из зала, закрыв за собой двери появившейся на мгновение прядью Воздуха. — Никогда в жизни я не оказывалась в более глупом положении! Это тебе нужно было краснеть, Рафела! Верин сказала ей, что, обладая таким красивым голосом, она должна запеть. Какая-то Красная сестра, выйдя, приказала нам прекратить кошачий концерт и убираться прочь. А Зеленые! Кое у кого из Зеленых довольно, мм… примитивное чувство юмора.

Возможно, тогда Рафела и не краснела, но сейчас ее щеки слегка порозовели.

Интересно, в чем заключалось примитивное чувство юмора Зеленых, подумала Морейн. По крайней мере, благодаря румянцу на лице Рафелы она перестала волноваться о собственном. Разумеется, друг с другом сестры держались совсем иначе, чем с теми, кто не носит шаль. Которую *она* теперь носит. Это заставило Морейн почувствовать себя на несколько дюймов выше,

даже несмотря на то, что Лиане возвышалась над ней больше чем на голову. Та старалась сдерживать шаг, однако Морейн все равно приходилось семенить, чтобы поспеть за ней, выбираясь из подземелья по коридорам, где, кроме них, не было ни души. В переходах Башни редко бывало людно, но из-за пустоты они стали гулкими, напоминая пещеры. Сейчас было очень легко представить себе Башню совершенно опустевшей. Когда-нибудь так и случится, если все будет продолжаться так, как идет сейчас.

— Когда мы дойдем, церемония будет закончена? — спросила Морейн. — Я имею в виду, та часть, которая относится к Голубой Айя? Нам можно задавать вопросы?

Она понимала, что этот вопрос следовало задать первым, но ей хотелось, чтобы звук голосов отогнал ее мрачные мысли.

— Не совсем закончена, — ответила Лиане, — но вы можете спрашивать о чем угодно. Правда, на некоторые вопросы ответ вы получите лишь после встречи с Первой выбирающей, главой нашей Айя.

— Вы никому не должны открывать этот титул, — поспешила вставить Рафела.

Морейн кивнула, хотя уже знала об этом. Как

Рафеле должно быть известно, принятым говорили, что у каждой Айя есть свои секреты. Многие сестры предупреждали Морейн, что, получив шаль, ей предстоит узнать не меньше, чем она узнала до того. Девушка понимала, что нужно ступать очень осторожно, пока она не узнает больше.

— У меня вопрос, — сказала Суан, хмурясь. — Много ли таких обычаев, как этот, с пирожком? Вообще-то, я умею готовить, но пекла обычно моя старшая сестра.

— О, разумеется, — отвечала довольная Рафела, и, пока они шли по первому этажу Башни, она щедро делилась описанием сокровенных традиций Голубой Айя.

Некоторые представлялись нелепыми — например, покидать Тар Валон позволялось только в голубых чулках; другие — разумными, вроде обычая не выходить замуж. Айз Седай, случалось, выходили замуж, но Морейн не видела, чем иным, кроме горечи потери, это могло кончиться. Поток сведений не иссякал, пока Айз Седай поднимались по одному из спиральных коридоров, и прекратился лишь перед простыми полированными дверьми, ведущими в апартаменты Голубой Айя.

— Остальное узнаете позже, — сказала Рафела, одергивая шаль. — Постарайтесь выучить все побыстрее. Некоторые обычаи соблюдаются так же строго, как и закон Башни. Я считаю, что так следует относиться ко всем, но хотя бы некоторые — просто обязательны.

— Хватит, Рафела, — остановила ее Лиане.

Взявшись за медные дверные ручки — каждая со своей стороны, — две Голубые сестры распахнули дверные створки, не воспользовавшись для этого Силой. Возможно, это еще один обычай. В ближайшие дни с поездками верхом придется повременить, и Морейн намеревалась все то время, пока находится в городе, посвятить тому, чтобы запечатлеть в памяти все эти обычаи, по меньшей мере те, которые необходимо блюсти. Не хотелось бы, чтобы ей пришлось отложить поиски из-за какой-нибудь смехотворной традиции, вроде запрета одеваться целиком в голубое в первый день месяца. О Свет, конечно, уж этот-то обычай они соблюдают не всегда! Впрочем, лучше знать наверняка.

Морейн с Суан переступили порог и остановились, пораженные. Голубая была самой немногочисленной Айя после Белой, однако все Голубые сестры, находившиеся сегодня в Тар Ва-

лоне, выстроились вдоль главного коридора — и все, кроме Аэлдры, согласно этикету, с шалями на плечах.

Глава 12
Дома

Первой шагнула вперед и расцеловала девушек в щеки Анайя.

— Добро пожаловать домой, сестра! Мы долго ждали тебя, — произнесла она. — Аэлдра уже рассказала мне, как украла мои пирожки, — добавила Анайя, взмахнув шалью с явно наигранным раздражением, что тут же выдал ее смех. — Это нечестно, она просто воспользовалась своим положением!

— Будь я попроворней, пирожки могли быть моими, — сказала Кайрин, покончив с формальным приветствием. Она была красива и не слишком высока, ее улыбка никак не сочеталась с холодным и уверенным блеском голубых глаз. — Можем ли мы хотя бы надеяться, что печь вы не умеете? Аэлдра любит всякие проказы, почти как вы обе, и будет замечательно, если ей воздастся сторицей.

Морейн рассмеялась и обняла Суан. Она не смогла сдержаться. Она действительно оказалась дома. *Они* оказались дома.

Коридоры в крыле Голубой Айя не отличались пышностью, как у Зеленых или Желтых, хотя не были и столь же просты и скромны, как у Коричневых или Белых. На ярких зимних драпировках, висевших на стенах главного коридора, были изображены по большей части весенние садики, усыпанные цветами поля, бегущие по камням ручейки и летящие птицы. Расставленные вдоль стен светильники сверкали позолотой, но других украшений на них не было. Лишь в плитках пола можно было углядеть намек на некоторую пышность. Они были всех оттенков синего цвета — от бледно-голубого, как утреннее небо, до густо-фиолетовой синевы сумерек — и образовывали волнистый узор. Медленно двигаясь по коридору вдоль этих волн, Морейн с Суан получили еще тридцать девять приветственных поцелуев, пока не дошли до Эйдит и двух других восседающих.

— Комнаты для вас уже готовы, — сказала девушкам круглолицая сестра, — а также подходящая одежда и небольшой завтрак. Только переодевайтесь и ешьте побыстрее. Мне еще нужно кое о чем вам рассказать, а вам — многое узнать. Только тогда вы без опаски сможете выходить из нашего крыла. Да, по правде говоря, и ходить внутри, хотя большинство сестер здесь с

пониманием относятся к новеньким. Кабриана, не проводишь их?

Сестра со светло-голубыми глазами и золотистыми волосами, спускавшимися почти до пояса, раскинула свои юбки с голубыми клиньями в неглубоком реверансе. Так как не все сестры вели занятия, то эту сестру Морейн не знала. В ее взгляде светилась яростная прямота, которая сделала бы честь любой Зеленой, однако, когда Айз Седай ответила, ее тон был вполне смиренным.

— Как скажешь, Эйдит. — И, обращаясь к Суан и Морейн, почти столь же кротко: — Не угодно ли пройти со мной?

Это выглядело очень странно — подобное сочетание яростности, и… слово «покорность», пожалуй, подошло бы здесь лучше всего.

— Она — Первая выбирающая, да? — осторожно спросила Морейн, как только решила, что они отошли достаточно далеко, чтобы Эйдит ее не услышала. И любая другая сестра, как она надеялась.

Собравшиеся сестры расходились, на ходу снимая с плеч шали.

— О да, — сказала Анайя, нагоняя девушек вместе с Кайрин. Кабриана, уже собиравшаяся ответить, закрыла рот, ничуть не возмутившись,

что ее опередили. — Обычно Первая выбирающая не бывает одновременно восседающей, — продолжала Анайя, — но в отличие от некоторых мы, Голубые, стремимся до конца использовать способности каждой.

Складывая шаль и перекидывая ее через руку, Кайрин кивнула:

— Эйдит, наверное, самая способная Голубая сестра за последние сто лет. Но будь она Коричневой или Белой, ей бы наверняка позволили впустую тратить время.

— О да, — сказала Кабриана, цокая языком. — У Коричневых бывали такие восседающие — просто позор. Для восседающих, во всяком случае. Но Коричневые вечно мыслями невесть куда улетают. Как бы то ни было, можете быть спокойны — какими бы талантами вы ни обладали, им найдется применение.

Морейн, которой совсем не понравились прозвучавшие слова, обменялась настороженными взглядами с Суан. Конечно, ни одна из них не обладала какими-то особенными способностями. Но о какой опасности хотела предупредить Эйдит? Даже здесь опасности! Ей хотелось спросить об этом трех сестер, шедших с ними по коридору, но она была уверена, что необходимые сведения

им должна сообщить Эйдит. И с глазу на глаз. Иначе не стала бы тянуть с объяснениями. О Свет! В новом доме, похоже, подводных течений не меньше, чем в Солнечном дворце. Несомненно, следует соблюдать осторожность. Слушать, наблюдать и говорить поменьше.

Комнаты, отведенные Морейн и Суан, располагались рядом, чуть в стороне от главного коридора. Апартаменты состояли из просторной спальни, большой гостиной, гардеробной и кабинета; в каминах резного мрамора потрескивал огонь, изгоняя из комнат холод. Полированные панели на стенах были голыми, но выложенный голубыми плитками пол устилали узорчатые ковры, некоторые из них были украшены бахромой. Ковры привезли сюда из полудюжины стран. Мебель также была разнородной: здесь стоял стол, инкрустированный перламутром в манере, которая считалась модной в Кайриэне сотню лет назад, там — стул, ножки которого обвивали резные виноградные лозы, Свет знает откуда родом; стилей, в которых были выполнены светильники и зеркала, набиралось столько же, сколько самих светильников и зеркал, но на сколы и трещины не было даже намека. Каждая деревянная или металлическая деталь была от-

полирована до мягкого блеска. Сюда же принесли те вещи, что девушки разложили на виду в своих комнатках в крыле принятых. Щетка и гребень Морейн на умывальнике, доска из чернодрева на письменном столе в кабинете, шкатулка с драгоценностями на боковом столике в спальне — все это уже наложило на комнаты отпечаток личности хозяйки.

— Мы подумали, вам понравится, если мы поселим вас рядом, — сказала Анайя, войдя в гостиную Морейн.

Кайрин и Кабриана стояли на узорчатом ковре вместе с Анайей, по бокам от нее, поглядывая на сестру так же часто, как на Суан или Морейн. Женщины разговаривали друг с другом с непринужденностью, свидетельствующей о давней дружбе, но Кайрин и Кабриана, несомненно, признавали первенство Анайи. Это не бросалось в глаза, но было очевидно для прошедшего школу выживания в Солнечном дворце. Не то чтобы это имело какое-то значение — в любой группе всегда есть лидер, — но Морейн отложила свое наблюдение на полочку в памяти.

— Если хотите, можете выбрать другие комнаты, — добавила Кайрин. — У нас их предостаточно. Хотя, боюсь, в некоторых так же пыльно, как

в самых заброшенных подземных кладовых.

Она вскоре собиралась покинуть Тар Валон. Судя по обмолвкам, какие-то дела ждали ее в Тире. Не могла ли она быть одной из посланниц Тамры? Узнать об этом нет никакой возможности. Одни Айз Седай покидают Башню, другие возвращаются.

— Если захотите перейти в другие комнаты, я распоряжусь, чтобы там прибрали, — сказала Кабриана, подбирая юбки, словно намеревалась немедленно заняться этим.

В ее голосе слышалась чуть ли не тревога! Почему она так странно ведет себя? Очевидно, в их тройке она играла подчиненную роль, однако и с Морейн, и с Суан она держалась так же, как и со своими подружками.

— Спасибо, не надо. — Перебирая пальцами кружева, которыми была обшита подушка стула, Морейн хотела было сказать, что комнаты великолепны, — ведь именно эти три сестры позаботились обо всех приготовлениях, хотя ковры и мебель считались подарком от Айя, — но ее язык отказался солгать, и она сумела лишь выговорить: — Комнаты вполне подходящие.

На каждой подушечке в комнатах были кружевные оборочки, а еще — и на покрывалах

кроватей, и даже на наволочках! Даже некоторые *оборки*, казалось, были обшиты оборками. Эти комнаты станут куда более подходящими, когда она избавится от всего этого. Суан, однако, даже улыбнулась при виде своей постели, — можно подумать, ей нравится спать в море кружев! Морейн содрогнулась при этой мысли.

Морейн предложила трем провожатым выпить чая или горячего вина с пряностями и только потом сообразила, что представления не имеет, откуда возьмется угощение. Но Анайя высказала предположение, что девушкам, должно быть, не терпится переодеться и позавтракать. Две другие сестры согласно кивнули, и, подобрав юбки, все три вышли.

— С едой можно подождать, — заявила Суан, едва за тремя Голубыми сестрами закрылась дверь. — Прежде всего — Эйдит. Тебе ничего не удалось выудить из того, что она говорила? Какой-нибудь намек? По мне, все это очень напоминало твою Игру Домов.

— Сначала Эйдит, а потом завтрак, — согласилась Морейн, хотя от запаха теплой овсянки с курагой, исходившего от накрытого полотняной салфеткой подноса на боковом столике, у нее текли слюнки. — Но я понятия не имею, что она

имела в виду, Суан. Совершенно.

Хотя это действительно очень похоже на Даэсс Дей'мар.

Четыре платья из тонкой голубой шерсти, простых, но хорошо скроенных, висели в гардеробной. Два из них были с юбками для верховой езды. Морейн переоделась в одно из тех, что были с обычной юбкой, а свое платье принятой, отделанное семицветной каймой, сложила в плетеную корзину для грязного белья. Записную книжечку она переместила из белого поясного кошеля, который должны были унести, в простой голубой кошель, обнаруженный ею в просторном гардеробе. Даже здесь — а возможно, особенно здесь — самое безопасное — держать книжку всегда при себе. Морейн совсем не удивилась, обнаружив, что новое платье сидит на ней превосходно. Говорили, что Башня знает о своих посвященных больше, чем все их белошвейки и парикмахерши, вместе взятые. Разумеется, в последнее время она не пользовалась услугами белошвейки или парикмахерши, но это упущение она собиралась исправить. По крайней мере, что касалось белошвейки. Морейн с детства привыкла носить волосы распущенными, но прежде, чем она покинет Тар Валон, ей понадобится не че-

тыре платья, а куда больше и из тканей получше, нежели шерсть. Шелк недешев, но зато носится великолепно.

Морейн вынула из резной шкатулки свое любимое украшение — *кесайру*. Она жалела, что не могла носить его здесь, но даже спустя шесть лет ее руки помнили, как вплетать тонкую золотую цепочку в волосы так, чтобы небольшой сапфир оказался посредине лба. Изучающе разглядывая себя в настенном зеркале в узорчатой деревянной раме, она улыбнулась. Возможно, на лице у нее еще и нет печали безвозрастности, но сейчас она выглядит настоящей леди Морейн Дамодред. А леди Морейн Дамодред умеет плавать в опасных водах Солнечного дворца, где скрытые течения способны утянуть тебя на дно, даже если тебе еще только пятнадцать или шестнадцать лет. Теперь она готова к плаванию в здешних водах. Возложив на плечи шаль с голубой бахромой, Морейн отправилась искать Суан и обнаружила ее в коридоре, закутанную в собственную шаль и идущую навстречу подруге.

Первая же сестра, которую встретили девушки, — Натасия, худощавая салдэйка с темными раскосыми глазами и высокими скулами, которая еще недавно была для них снисходительным

учителем, — показала дорогу к покоям Эйдит, при этом неодобрительно скривив полные губы. Морейн подумала, что Натасия, судя по всему, за что-то недолюбливает Эйдит, хотя, разумеется, странно, что она этого даже не пытается скрыть. Однако и сама Эйдит встретила девушек в своей гостиной почти с таким же выражением лица и жестом пригласила сесть. Стулья с высокими спинками и подушками на сиденьях стояли перед широким камином, где плясали языки пламени. Некоторое время она стояла у огня, грея руки. Казалось, будто бы говорить ей вовсе не хочется. Эйдит не предложила им ни чая, ни вина и вообще не выказала никакой приветливости.

Суан беспокойно ерзала на краешке стула, но Морейн заставила себя сохранять спокойствие. Хоть и с трудом, но ей это удалось. Когда она сидела, давление Трех Клятв чувствовалось особенно сильно. Сохранять спокойствие, слушать и наблюдать.

Гостиная Эйдит оказалась просторнее, чем у них, резной карниз украшали бегущие волны, и на стенах висели два гобелена с изображениями цветов и ярких птиц; впрочем, стоячие светильники были такими же непритязательными. Массивная мебель из темного дерева была вы-

ложена резной костью и бирюзой, исключением был лишь маленький изящный столик, по всей видимости целиком вырезанный из драгоценной поделочной кости. Сколь бы долго Эйдит ни занимала эти комнаты, в их обстановку она внесла лишь несколько личных штрихов: высокую вазу из блестящего желтого фарфора Морского народа, широкую чашу кованого серебра и две хрустальные фигурки, стоявшие на каминной полке, — мужчина и женщина, протягивающие друг другу руки. Все это не дало Морейн ничего существенного, однако она поняла одно: беловолосая сестра обладает хорошим вкусом, а вдобавок сдержанностью. Молчать, слушать и наблюдать.

Суан, извивавшаяся на подушке своего стула, уже почти встала, когда Эйдит наконец повернулась к девушкам. Скрестив руки, она набрала в грудь воздуха:

— Шесть лет вас учили, что едва ли не самой большой, второй по тяжести, грубостью является открыто говорить о чьих-либо способностях во владении Единой Силой. — Эйдит вновь на миг скривила губы. — По правде сказать, мне нелегко говорить об этом сейчас, хотя это и необходимо. Шесть лет вам настоятельно не рекомендовали

размышлять о собственном уровне в Силе, равно как и о чьем-либо другом. Сейчас вы должны научиться сравнивать свою Силу с Силой каждой сестры, которую встретите. Со временем эта привычка станет частью вас, и вы будете делать это не задумываясь. Но необходимо быть очень осторожными, пока вы не достигнете нужного умения. Если другая сестра стоит в Силе выше вас, то, к какой бы Айя она ни принадлежала, вам надлежит относиться к ней с почтением. Чем выше она стоит над вами, тем старательнее следует выказывать ей уважение. Несоблюдение этого правила — грубость третьей степени, отстоящая от второй лишь на волосок. Чаще всего на новых сестер наказание налагается именно за совершение промахов такого рода, и, поскольку наказание налагает оскорбленная сестра, оно редко бывает легким. Месяц или два тяжелого Труда или лишений Бедности — самое меньшее, на что можете рассчитывать. Бывали случаи, когда наказание заключалось в Смирении духа или в Умерщвлении плоти.

Морейн медленно кивнула. Ну конечно. Вот объяснение, почему Элайда подчинялась Мейлин, а Рафела уступала Лиане. И еще Кабриана. Кабриана вовсе не была сильной. Очень непросто

было принять сказанное. Когда Белая Башня настоятельно не рекомендует что-либо, то желание поступить по-своему отбивает всерьез и надолго. О Свет, Башня выкорчевывает что-то из тебя, а потом понуждает использовать то же самое для определения старшинства! Как все запутанно! По крайней мере, они с Суан почти равны по Силе, и это положение, скорее всего, не изменится, когда они полностью разовьют свой потенциал. Они слишком долго шли рука об руку. Было бы весьма странно, если бы Суан оказалась вынуждена «относиться к ней с почтением».

— Мы обязаны подчиняться? — спросила Суан, в конце концов уступив своему нетерпению и вставая с места.

Эйдит тяжело вздохнула:

— Я считала, Суан, что выразилась совершенно ясно. Чем выше стоит над тобой сестра, тем в большей степени ты должна выказывать ей уважение. Мне действительно не хочется говорить об этом, так что, пожалуйста, не заставляй меня повторять. Правило, разумеется, имеет и обратную силу, но не забывайте: оно неприменимо к тем, кого ваша Айя или Башня поставила над вами. Если, например, вы приставлены к посольству, то обязаны повиноваться эмиссару Башни

так же, как повиновались бы мне, пусть бы даже ее едва ли допустили к испытанию на принятую. Итак, вы все хорошо уяснили? Отлично. Поскольку лично я испытываю настоятельную потребность почистить зубы.

И она чуть ли не силой вытолкала девушек из своей комнаты, словно и впрямь намеревалась тотчас же кинуться за солью и содой.

— Я от страха чуть голову не потеряла, — произнесла Суан, когда подруги опять оказались в коридоре, — но все обернулось не так уж страшно. Я уж подумала, что снова придется начинать с самого низа, но на самом деле до самого верха нам немного осталось. Еще пять лет, и мы почти там.

Все сестры, независимо от того, думали ли они об этом или нет, знали, когда достигнут полной Силы. У разных женщин раскрытие потенциала может занять существенно различное время, но процесс всегда был плавным восхождением по прямой линии.

— Я тоже испугалась, — со вздохом призналась Морейн, — но все не так просто, как ты думаешь. В какой момент почтение переходит в послушание? Даже если она не говорила об этом прямо, то хотела сказать именно это. Мы должны внимательно наблюдать за остальными сестрами, и,

пока не будем знать наверняка, лучше лишний раз поосторожничать. Через месяц я хочу оказаться за много лиг от Тар Валона, а не потеть на ферме за рекой.

Суан фыркнула:

— Ну так будем осторожны! Что еще мы делали все эти шесть лет? Но все могло обернуться гораздо хуже. А пока давай-ка я принесу свой поднос к тебе в комнату, и мы вместе позавтракаем.

Но не успели девушки добраться до своих апартаментов, как их остановила еще одна Айз Седай — высокая женщина с квадратным лицом, одетая в небесно-голубое шелковое платье. Седые, стального цвета волосы, спускавшиеся ей до пояса, были заплетены во множество косичек, унизанных голубыми бусинами. Морейн была уверена, что все Голубые сестры, находившиеся сейчас в Башне, присутствовали на церемонии приветствия, однако девушка не могла припомнить, чтобы прежде видела эту сестру. Морейн определила способности незнакомки и осознала, что Сила той очень велика — немногим большую Силу обретут в конце концов они с Суан. Несомненно, здесь требовалось нечто большее, чем простое уважение. Нужно ли ей сделать реверанс? Морейн ограничилась тем, что вежливо

ожидала, сложив руки на животе.

— Я — Сеталия Деларме, — проговорила сестра с явным тарабонским акцентом, оглядев девушек с ног до головы. — Судя по описанию, эта хорошенькая фарфоровая куколка — Морейн.

Морейн окаменела. Хорошенькая… фарфоровая… *куколка*? Ей с трудом удалось сохранить на лице невозмутимое выражение и удержаться от того, чтобы не сжать кулаки. Помогла мысль о той отдаленной ферме.

Но внимание Сеталии уже было обращено вовсе не на нее.

— Значит, ты — Суан? Верно? Мне говорили, ты большая мастерица решать головоломки. Что ты скажешь вот об этой маленькой загадке?

И она сунула Суан тонкую пачку листков.

Суан, читая, сдвинула брови, и то же сделала Морейн, заглянув ей через плечо. Суан листала страницы слишком быстро, и подруга не успела уловить все, но, похоже, это всего-навсего названия игральных карт, записанные, насколько Морейн могла судить, без какого-либо определенного порядка. За властелином чаш шел владыка ветров, за властелином пламени — госпожа жезлов, но потом следовала пятерка монет, а за ней четверка чаш. Что за загадка? Это какая-то

чепуха, а не головоломка.

— Я не совсем уверена, — промолвила наконец Суан, возвращая листки.

И это все решало. Если это действительно головоломка, она бы уже увидела разгадку.

— Вот как? — В этих словах прозвучало целое море разочарования. Но через миг Сеталия заговорила вновь, и бусины в ее косичках тихо застучали, когда она задумчиво наклонила голову. — Ты не сказала, что не знаешь, значит что-то ты все-таки уловила. В чем ты не уверена?

— Я как-то читала об одной игре, — медленно сказала Суан. — Карточной игре. В нее играют богатые женщины, и она называется «Расклады». Требуется выкладывать карты по старшинству от старших к младшим в определенном порядке, а их есть несколько. Но на каждую масть требуется играть строго определенной мастью. По-моему, здесь кто-то записывал достоинства карт по ходу их розыгрыша. В этой партии он выиграл.

Сеталия приподняла бровь:

— Говоришь, ты только читала об этой игре?

— У дочери рыбака нет времени играть в карты, — сухо ответила Суан, и взгляд Сеталии угрожающе заблестел.

На мгновение Морейн показалось, что епи-

тимьи ее подруге не миновать. Но тарабонка сказала лишь:

— Готова побиться об заклад, что Морейн играла в «Расклады», однако, думаю, она сочла бы список просто бессмысленным перечислением игральных карт. Большинство так и решили бы. А ты, которая только читала об этой игре, пришла к верному ответу! Пойдем со мной. Хочу проверить тебя еще на нескольких задачках.

— Но я еще не завтракала, — запротестовала Суан.

— Поешь позже. Идем.

Очевидно, Сеталия считает, что ей надлежит оказывать нечто большее, чем просто уважение.

Глядя, как Суан неохотно идет по коридору вслед за Сеталией, Морейн позволила себе бросить сердитый взгляд вслед тарабонке. Уж разумеется, такое поведение граничит по меньшей мере с грубостью! Очевидно, здесь имеются свои градации. Что ж, нюансы решали все и в Солнечном дворце. К счастью, терпеть подобное им придется совсем недолго. Через неделю их здесь уже не будет. И Морейн, во всяком случае, не собиралась возвращаться до тех пор, пока не обретет полную силу. Разве что если потребуется дать знать Тамре, где находится ребенок. Будет

просто чудесно — стать теми, кто отыщет его!

Утренняя овсянка еще не совсем остыла, так что есть ее было можно. Морейн осторожно уселась на мягкое сиденье стула, придвинув его к столу, но едва она успела проглотить вторую ложку, как вошла Анайя. В Силе Анайя почти не уступала Сеталии, поэтому Морейн положила серебряную ложку на стол и встала.

— Я бы сказала тебе, что ты можешь не вставать и продолжать завтракать, — добродушно произнесла Анайя, — но за тобой посылала Тамра. Я сказала явившейся послушнице, что сама схожу за тобой, так как хотела предложить тебе Исцеление. Иногда оно помогает смягчить действие Трех Клятв.

Морейн покраснела. Разумеется, все уже знают! О Свет!

— Спасибо, — ответила она.

Благодарность относилась как к Исцелению — давление не ослабло ни на волосок, но его стало гораздо легче переносить, — так и к брошенному намеку. Раз она не должна вставать перед Анайей, то, очевидно, не обязана и повиноваться ей. Разумеется, если сказанные слова не были просто данью вежливости. Морейн едва не вздохнула. Пока рано делать какие-то выводы — нужно еще

наблюдать и наблюдать за окружающими.

Выходя из крыла Голубых и решительно кутаясь в шаль — Морейн не собиралась пока и шагу ступить без нее, а кроме того, шаль спасала от холода, — она гадала, чего хочет от нее Тамра. В голову приходило лишь одно. Теперь, когда они с Суан стали полноправными сестрами, Тамра, наверное, намеревается тоже отправить их на поиски. В конце концов, они все равно уже в курсе дела. Любое другое предположение не имеет смысла. Морейн радостно ускорила шаг.

— Но мне не нужна работа, — протестовала Суан.

В животе у нее бурчало от голода. Она чувствовала себя выжатой досуха — после нескольких часов в апартаментах Сеталии, которые были завалены книгами и стопками бумаг, словно принадлежали какой-нибудь Коричневой сестре. И, кроме того, эта женщина, по-видимому, слыхом не слыхивала о такой роскоши, как подушки на стуле. Ее стулья были все равно что камень!

— Не смеши меня, — отвечала седовласая сестра, положив ногу на ногу. Она небрежно кинула последние страницы, которые передала ей Суан, на письменный стол, и так уже погребенный под горой прочих листов. — Для начала ты справля-

ешься очень даже неплохо. Ты мне нужна, так что говорить не о чем. Я жду тебя здесь завтра утром ко Второму утреннему часу. А сейчас ступай, поешь что-нибудь. Ты теперь Айз Седай, тебе не подобает разгуливать по Башне, урча, как протекающая сточная труба.

Нет смысла продолжать спор. Проклятая женщина ясно дала понять, что в ее понимании два возражения подряд находятся в опасной близости к неприкрытой грубости. Проклятая, *проклятая* женщина! Суан не позволила гневу отразиться на лице — этот урок она выучила задолго до Тар Валона. На рыбачьих причалах если выказываешь гнев или страх, то не ровен час нарвешься на неприятности. Иногда дело может завершить воткнутый в спину нож.

— Как скажешь, Сеталия, — пробормотала Суан, вновь удостоившись приподнятой брови, и с трудом удержалась от того, чтобы не топать, выходя из покоев.

Оказавшись за порогом, она затопала, отводя душу, и если это кому-то не нравится, пусть Темный возьмет его!

Чтоб ей сгореть, ну почему она такая дура, что позволила этой женщине заманить ее? Морейн же советовала быть осторожной — и вместо этого

Суан захотелось изгнать сомнение из проклятого голоса проклятой Сеталии. Когда руль находится в неумелых руках, лодка садится на мель, а то и вовсе опрокидывается. В ближайшее время ей теперь из Башни не вырваться — и виной тому ее собственное неумение управляться с рулем. Застряла тут на годы, пока не окажется достаточно сильна, чтобы сказать Сеталии, что та может сделать со своей работой. Хорошо еще, что эта женщина не заграбастала и Морейн. С ее-то умом, она стала бы для Сеталии чудо-помощницей.

Как бы ни была голодна Суан, она пошла искать не обед, а Морейн — чтобы сообщить ей, что поиск подруге придется вести в одиночку. При виде Морейн ей всегда хотелось улыбнуться. Сеталия не права: Морейн была не просто хорошенькой фарфоровой куколкой — она была красивой фарфоровой куколкой. По крайней мере, такой она выглядела. А за прелестным личиком таился совсем другой характер. Когда Суан впервые увидела Морейн, то была уверена, что эта кайриэнка треснет, как раковина-веретёнка, уже через несколько дней. Но Морейн оказалась столь же крепкой, как и сама Суан, если даже не крепче. Как бы часто ее ни сбивали с ног, она всегда сразу же поднималась. Морейн не знала слова «сдавать-

ся». Вот почему Суан так удивилась, обнаружив подругу в ее гостиной: безвольно поникнув, она сидела с самым мрачным выражением лица. Шаль была перекинута через спинку стула; от стоявшего на подносе зеленого глазурованного чайника доносился аромат горячего чая, но белые чашки стояли рядом совсем чистые.

— Что с тобой? — спросила Суан. — Ты, надеюсь, еще не заслужила епитимью?

— Хуже, — несчастным голосом ответила Морейн. Ее голос всегда напоминал Суан звон серебряного колокольчика, но Морейн терпеть не могла подобные сравнения. — Тамра назначила меня ответственной за раздачу вознаграждений.

— Кровь и проклятый пепел! — Суан попробовала эти слова на вкус. Теперь-то никто не высечет ее за то, что она выражается так, как привыкла. Доводилось ей слыхивать некоторых Айз Седай — они такие слова употребляли, что портовый грузчик покраснеет. Впрочем, ей все же почудился слабый привкус мыла. — Она что-то подозревает? Или решила отстранить тебя, чтобы ты не вмешивалась?

Возможно, именно поэтому и Сеталия вцепилась в саму Суан мертвой хваткой. Да нет, просто она успешно разделалась с ее проклятыми загад-

ками — по собственной глупости.

— Не думаю, Суан. Меня учили управлять имением. Правда, занималась я этим всего несколько месяцев, пока не уехала в Башню. Тамра сказала, что я получила все необходимые навыки. — Морейн криво усмехнулась. — Просто я «валялась без дела», по ее выражению. Подозреваю, что она решила поручить Голубой сестре обременительное дело, чтобы все было по-честному. А что у тебя? Какие такие задачки хотела тебе показать Сеталия?

— Куча старых отчетов, — пробурчала Суан, с удовольствием располагаясь на мягком стуле. Если бы только кожа не казалась платьем на три размера меньше! Не спрашивая разрешения, она налила себе чашку чая. Девушки никогда не спрашивали друг у друга о таких вещах. — Она хотела, чтобы я разгадала, что происходило сорок или пятьдесят лет назад в Тарабоне, Салдэйе и Алтаре.

Стоило словам слететь с языка, как Суан пожалела о сказанном, но было уже слишком поздно.

Морейн выпрямилась, вдруг очень заинтересовавшись:

— Сеталия возглавляет глаза-и-уши Голубой Айя.

Это был не вопрос. Можно было не сомневаться, что Морейн сразу разглядит самую суть.

— Даже шепотом не повторяй этого. Проклятая женщина сварит меня живьем, как масличную рыбу, если узнает, что я проговорилась. Скорее всего, она все равно это сделает, но я не хочу давать ей повода раньше, чем она сама его отыщет. — Так наверняка и будет, если судить по сегодняшнему дню. — Послушай, раздача вознаграждения вряд ли продлится больше нескольких месяцев. А потом ты вольна идти куда хочешь. Дай мне знать, куда ты направляешься, и я, если что-нибудь узнаю, постараюсь послать тебе весточку.

Голубая Айя обладала обширной сетью глаз-и-ушей, которую можно было с равным успехом использовать не только для отсылки сообщений в Белую Башню, но и для передачи посланий оттуда.

— Не уверена, что у меня есть несколько месяцев, — потупив глаза, тихим голосом произнесла Морейн, что было очень не похоже на нее. — Я… я кое-что скрыла от тебя, Суан. — Но ведь у них никогда не было секретов друг от друга! — Я очень опасаюсь, что Совет вознамерился посадить меня на Солнечный трон.

Суан моргнула. Морейн — и королева?

— Из тебя получится чудесная королева. И не надо вспоминать всех этих Айз Седай, которые были королевами и провалили эту затею. Это было очень давно. И вряд ли где-нибудь найдется правитель, у которого бы в советницах не ходила Айз Седай. Кто когда-нибудь сказал против них хоть слово, не считая белоплащников?

— От советницы до королевы не рукой подать, Суан. — Морейн выпрямилась, тщательно расправляя юбку, и в голосе ее появилась та раздражающе терпеливая интонация, какая появлялась всегда, когда она что-нибудь объясняла. — Совет, очевидно, считает, что я могу взойти на трон и мятежные толпы не затопят улицы, но у меня нет никакого желания проверять, не ошибается ли Совет. Кайриэн за последние два года и без того достаточно натерпелся. И даже если они и правы, никто из тех, кому достаточно долго удавалось править Кайриэном, не мог удержаться от того, чтобы не опуститься до похищений, убийств и еще чего похуже. Моя прабабка Каревин правила более пятидесяти лет, и Башня считает ее успешной правительницей, поскольку Кайриэн при ней процветал и почти не вел войн. Однако ее именем до сих пор пугают детей.

Лучше уж пусть забудут вообще, чем вспоминают так, как Каревин Дамодред! Но даже если за мной будет стоять Башня и если Совет добьется своего, мне придется сравняться с ней. — Плечи Морейн вдруг поникли, лицо задрожало, она едва сдерживала слезы. — Что мне делать, Суан? Я попалась, как лиса в ловушку, и даже не могу отгрызть себе лапу, чтобы убежать!

Поставив чашку на поднос, Суан опустилась на колени рядом со стулом Морейн и положила руки на плечи подруги.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказала она, вкладывая в свой голос куда больше уверенности, чем чувствовала. — Мы найдем выход.

Ее слегка удивило, что Первая Клятва позволила ей произнести эти слова. Сама она никакого выхода не видела — ни для одной из них.

— Ну, если ты так говоришь, Суан… — В голосе Морейн тоже не слышалось убежденности. — Но кое-что я могу исправить. Позволь мне предложить тебе Исцеление!

Суан хотелось расцеловать подругу. В общем, так она и поступила.

У подножия гор, что возвышались теперь перед Ланом, еще лежало немало снега, и оставленная отрядом утоптанная тропа четко виднелась под

вечерним солнцем, уходя через холмы прямо к увенчанным облаками вершинам, вздымавшимся тем выше, чем пристальнее на них смотришь. Лан поднял зрительную трубу, но не сумел заметить впереди никакого движения. Айил, должно быть, уже миновали перевал. Дикий Кот под ним нетерпеливо рыл копытом.

— Это Хребет Мира? — спросил Раким своим скрипучим голосом. — Впечатляет, конечно, но мне как-то казалось, что он должен быть выше.

— Это Кинжал Убийцы Родичей, — засмеялся немало постранствовавший арафелец. — Назови его предгорьями Хребта Мира, и несильно ошибешься.

— Чего мы тут стоим? — поинтересовался Каниэдрин, понизив голос — настолько, чтобы не нарваться на выговор, но все же громко, чтобы Лан услышал его. Каниэдрину нравилось ходить по краю.

Букама избавил Лана от необходимости отвечать.

— Лишь глупцы хотят сражаться с Айил в горах, — громко произнес он. Перегнувшись через луку седла к Лану, Букама тоже понизил голос почти до шепота, и морщины на его вечно хмуром лице стали глубже. — Да ниспошлет Свет нам

удачу, чтобы Пейдрону Найолу не вздумалось именно сейчас превратиться в ярмарочного шута с размалеванным лицом.

Найол, лорд капитан-командор Чад Света, командовал ими сегодня.

— Только не он, — коротко ответил Лан.

Немногие знали войну так, как знал ее Найол. А значит, эта отдельно взятая война вполне могла закончиться сегодня. Интересно, назовут ли ее победой, подумал Лан. Засовывая зрительную трубу обратно в пристегнутый к седлу футляр, он поймал себя на том, что смотрит на север. Он чувствовал его притяжение, как железные опилки чувствуют магнитный железняк. Даже спустя такое время он испытывал почти что боль. В некоторых войнах невозможно победить, но в них все равно нужно сражаться.

Пристально посмотрев на Лана, Букама покачал головой:

— И только глупец из одной войны бросается сразу же в другую.

Он не потрудился понизить голос, и некоторые из стоявших поблизости доманийцев удивленно взглянули на Букаму, явно не понимая, о чем тот говорит. Порубежникам же все было понятно. Они знали, кто такой Лан.

— За месяц-другой я отдохну, Букама.

Столько займет дорога до дома. Месяц, если повезет.

— Год, Лан. Всего один год. Ну хорошо — восемь месяцев.

Букама произнес эти слова так, словно делал огромное одолжение. Может быть, устал? Он всегда казался железным, но ведь он был уже не молод.

— Четыре месяца, — сдался Лан.

Он ждал два года и выдержал; можно потерпеть еще четыре месяца. Ну а если Букама и тогда будет чувствовать себя уставшим… Что ж, эту пропасть ему придется преодолеть — когда он окажется перед ней.

Так или иначе, Найол не стал изображать из себя дурака, что и вправду было очень хорошо, учитывая, что половина армии уже отправилась восвояси, уверенная, что победа одержана несколько дней назад — если даже не в тот час, когда первые айильцы начали отступать. И они называли произошедшее великой победой. По крайней мере, так говорили те, кто не сражался, кто наблюдал за событиями со стороны, кто обретался в обозах. А историки уже писали так, словно все им было известно. Лан и не думал им

возражать. Мыслями он давно был в двухстах лигах к северу.

Распрощавшись со спутниками, Лан с Букамой повернули на юг, к более приветливым краям, избегая, однако, Тар Валона. Города во всех отношениях великого и полного чудес, но там было слишком много Айз Седай, чтобы чувствовать себя спокойно. Букама оживленно толковал о том, что они увидят в Андоре, а возможно, и в Тире. Они бывали раньше в обеих этих странах, но, сражаясь с айильцами, даже не сумели полюбоваться легендарной Твердыней Тира, не говоря о других знаменитых городах. Лан хранил молчание, нарушая его только тогда, когда вопросы Букамы подразумевали ответ. Он остро чувствовал притяжение дома. Лан хотел лишь одного — вернуться в Запустение. И никогда не встречаться с Айз Седай.

Глава 13
Дела в городе

Подруги могли попросить принести еду им в комнаты, однако, после того как Морейн Исцелила Суан, обе отправились обедать к первой смене. Они не хотели пропустить свою первую трапезу в звании Айз Седай в главном трапезном зале для сестер, куда принятые попадали лишь изредка, по приглашению, а послушницы — только чтобы накрывать стол. Белые стены просторного зала с высоким потолком украшали яркие зимние драпировки, широкий карниз отягощали сверкающие золотые листья. Прямоугольные столы с изящными ножками, покрытыми изысканной резьбой, были рассчитаны на четверых и в основном располагались на достаточно большом расстоянии друг от друга — чтобы за едой можно было беседовать без опаски. Впрочем, сегодня некоторые столы были составлены вместе для групп побольше. На Морейн с Суан, единственных, кто пришел сюда в шали, бросали удивленные взгляды, а кое-кто из сестер даже наградил девушек насмешливыми улыбками.

Морейн почувствовала, как у нее пылают щеки, но потребуется нечто большее, чем ехидные улыбки, чтобы она перестала надевать шаль всякий раз, как переступает порог своих апартаментов. Даже откровенный смех не заставит ее снять шаль. Она очень упорно трудилась, чтобы получить ее. Суан ступала по цветным, символизировавшим все Айя плиткам пола с королевской грацией, небрежно поправляя шаль на плечах, будто специально для того, чтобы привлечь к ней внимание. Суан трудно чем-нибудь смутить.

Скамей здесь не было, вместо них стояли стулья с низкими спинками, украшенные такой же резьбой, что и ножки столов. Если в своем обеденном зале принятые ели то, что им подавали, то здесь к девушкам подошла молодая служанка с эмблемой в виде Пламени Тар Валона на груди и, поприветствовав их реверансом, перечислила кушанья, какие могла предложить кухня, — монотонно, без выражения, как человек, которому часто приходится повторять одно и то же. Если принятые ели из громоздкой глазурованной глиняной посуды и обязаны были сами приносить и уносить тарелки, то здесь служанки принесли блюда на серебряном подносе, в тарелках тонкого белого тарабонского фарфора с выдавленными

по ободку изображениями Пламени Тар Валона. Тарабонская работа не сравнится с фарфором, привозимым с островов Ата'ан Миэйр, но дешевой назвать ее вряд ли можно.

Суан посетовала на чересчур пряную приправу к рыбе, однако в результате у нее на тарелке не осталось ничего, кроме костей. Девушка даже огляделась вокруг, словно рассчитывала на добавку. Морейн попросила подать густой суп с мясом и овощами, но обнаружила, что у нее совсем нет аппетита. В конце концов она съела лишь маленький кусочек черного хлеба и выпила единственную чашку чая. Нужно найти выход, но выхода пока видно не было. Даже помыслить невозможно о том, чтобы просто уклониться от задачи, поставленной перед ней Престолом Амерлин. Может быть, Совет решит, что их план все же не годится. Никто не заговаривал с ней на эту тему с тех пор, как Тсутама спросила ее, не думала ли Морейн о том, чтобы стать королевой Кайриэна. Быть может, они уже отказались от своей идеи. Надежда, конечно, призрачная, но теперь ей не остается ничего, кроме призрачных надежд.

Когда девушки вернулись в апартаменты Голубой Айя, Эйдит вновь вызвала их в свои покои и

без лишних церемоний вручила каждой «доверительное письмо» на тысячу золотых крон.

— Ежегодно в этот день вы будете получать от Башни по столько же, — сказала она, — или, если будете в отъезде, деньги поместят туда, куда вы укажете. — Неприязнь, которой сопровождалось предыдущее ее наставление, исчезла полностью. На губах Эйдит играла безмятежная улыбка, безмятежная и преисполненная удовольствия оттого, что в Голубой Айя прибавилось две новые сестры. — Расходуйте деньги обдуманно. При необходимости вам выдадут и больше, но, если станете просить слишком часто, вам придется отвечать на вопросы Совета. Поверьте мне, в расспросах Совета ничего приятного нет. Абсолютно ничего.

Суан округлившимися глазами воззрилась на сумму, указанную в доверительном письме, и глаза ее расширились еще больше — каким бы невероятным это ни казалось — при упоминании, что они могут получить еще. Редко кто из купцов зарабатывал в год больше, а многие дворяне не очень высокого полета довольствовались гораздо меньшими суммами, однако Белая Башня не могла себе позволить, чтобы сестры выглядели бедными. Солнечный дворец научил Морейн,

что власть зачастую зиждется на убежденности других, что ты уже обладаешь властью, а внешнее проявление достатка часто и порождает эту веру.

У Морейн был собственный банкир, но Суан свои деньги оставила на хранение в Башне, несмотря на предложенную рекомендацию банку. Отец Суан за всю жизнь не заработал тысячи крон, и она не желала подвергать такую сумму никакому риску. Никакие уверения Морейн не переубедили подругу. Ее заботила только сохранность денег, и, по-видимому, банкирский дом, который ссужал золото Артуру Ястребиное Крыло, не мог в этом отношении поспорить с первым банком, основанным после Разлома Мира.

Горделиво накинув на плечи шаль с голубой бахромой, Морейн наняла портшез на большой площади перед Башней. Людская толпа — дневная круговерть прохожих и разносчиков, акробатов и жонглеров, музыкантов и лоточников, продающих мясные пирожки и жареные орехи, — старалась держаться подальше от громадного строения. Не многие приближались к Башне даже на сотню шагов, не считая тех, кто приходил по делу или хотел обратиться с просьбой. Двое носильщиков, рослые парни в

темно-коричневых куртках, с длинными, аккуратно подвязанными сзади волосами, быстро несли ее по улицам. Тот, кто нес переднюю часть портшеза, то и дело выкрикивал: «Дорогу Айз Седай! Дорогу Айз Седай!»

Окрики, однако, впечатления на толпу не производили, а возможно, им просто не верили. Даже если бы Морейн откинула тяжелые занавески, бахрома ее шали оставалась бы незамеченной. Разве что руку в окно высунуть. Но это будет выглядеть некрасиво. Дорогу им уступали не быстрее, чем обычным повозкам, а иногда даже медленнее, поскольку возчики не стеснялись пускать в ход свои длинные кнуты. Но несмотря на это, портшез довольно скоро оказался у здания, с виду похожего на маленький дворец. Оно стояло на широком бульваре с высаженными посредине высокими деревьями без листьев. Носильщики отсоединили шесты, чтобы Морейн могла открыть дверцу. Здание было построено в южном стиле, с высоким белым куполом и узкими шпилями по четырем углам. Широкие мраморные ступени вели к просторному, но строгому портику с белыми колоннами. Каменные резные фризы с изображением виноградных лоз и листьев были выполнены искусно, но просто,

без чрезмерной пышности. Никто не доверит деньги бедному банкирскому дому, однако так же никто не станет иметь дело с банком, расточительным в своих тратах.

Низко поклонившись, привратник в темном кафтане с двумя красными полосами на рукавах впустил Морейн в высокие двери и вверил ее попечению неброско одетого лакея. Симпатичный, хотя и слишком высокий, молодой человек с важным видом проводил девушку в кабинет госпожи Дормайле, худощавой седеющей женщины, которая была на целую ладонь ниже Морейн. Отец Морейн вел дела со старшим братом Илайн Дормайле, который до сих пор занимался финансами Морейн в Кайриэне, что и определило ее выбор в Тар Валоне.

Когда госпожа Дормайле увидела шаль, скупая улыбка разбила ее обычную ледяную серьезность. Она раскинула свои темные юбки с красной каймой, приседая в точно выверенном реверансе, не слишком поспешном и не слишком глубоком. Впрочем, она оказывала Морейн такие же знаки почтения и тогда, когда та приходила к ней в платье принятой. В конце концов, ей ведь известно, сколько Морейн оставила в ее банке при своем прибытии в город и насколько увеличивалась эта

сумма от ежегодных поступлений из ее имений. Тем не менее улыбка госпожи Дормайле была искренней.

— Могу ли я поздравить вас, Морейн Седай? — тепло сказала она, подводя Морейн к стулу с подушкой и высокой резной спинкой. — Что вы предпочтете — вино с пряностями или чай? Может быть, велеть принести медовых кексов или булочек с маком?

— Благодарю вас, лучше вина, — ответила Морейн с улыбкой. — Этого довольно.

Морейн Седай. Впервые кто-то назвал ее так, и ей очень понравилось, как это прозвучало.

Отдав распоряжения лакею, банкирша, не спрашивая разрешения, уселась на стул напротив Морейн. Нельзя же требовать от своего банкира, чтобы он щепетильно придерживался церемоний.

— Полагаю, вы пришли отдать на хранение в наш банк свое денежное содержание? — Разумеется, она должна знать об этом. — Если хотите получить еще какие-либо сведения, боюсь, я изложила все, что знала, в посланном вам письме и с тех пор не выяснила ничего нового.

На мгновение улыбка на лице Морейн застыла. Усилием воли девушка заставила себя рассла-

биться и ответила как можно небрежней:

— Не могли бы вы рассказать о случившемся еще раз? Может, услышав эту историю от вас лично, я сумею выудить из нее что-нибудь еще.

Госпожа Дормайле слегка наклонила голову:

— Как скажете. Девять дней назад ко мне явился один кайриэнец, в форме капитана гвардии Башни. Он назвался Риэсом Гортанесом. Говорил как человек образованный, возможно, даже благородного происхождения. Роста высокого, выше меня ладони на три, а то и больше, широкоплечий, с солдатской выправкой. Он был, разумеется, чисто выбрит. Лицо у него правильное и привлекательное, несмотря на шрам около дюйма длиной, вот здесь. — Она провела указательным пальцем от угла левого глаза назад, к уху.

Ни имя, ни описание ничего не пробудили в памяти Морейн, впрочем, она все равно ничего бы не сказала, даже если бы и вспомнила. Жестом она попросила банкиршу продолжать.

— Он предъявил мне распоряжение, якобы подписанное и запечатанное Престолом Амерлин, каковым мне предписывалось открыть ему состояние ваших финансов. К несчастью для него, я хорошо знаю подпись Тамры Оспении, а Белой Башне известно, что я никогда ни по каким

причинам не раскрываю дел своих клиентов. Я велела лакеям схватить его и запереть в пустой кладовой, а затем послала за настоящими гвардейцами. Очень сожалею, что упустила случай вытрясти из него имя его хозяина или хозяйки, но, как вам известно, закон Белой Башни не особенно одобряет подобные методы.

Лакей вернулся с подносом, на котором стояли богато украшенный серебряный кувшин и два серебряных кубка, и банкирша прервала рассказ, дожидаясь, пока слуга выйдет.

— Он сбежал прежде, чем прибыли гвардейцы, — продолжила госпожа Дормайле, разливая темное вино, источавшее сладкий аромат пряностей. — Благодаря подкупу. — Гримаса отвращения на мгновение скривила ее губы. С легким поклоном банкирша протянула Морейн серебряный кубок. — Я велела выпороть юношу, так что, готова биться об заклад, он до сих пор всякий раз, как садится, вспоминает о своем проступке. Затем я устроила его трюмным юнгой на судно с грузом ледяных перцев, отплывающее по реке в Тир. Там его высадят на берег без гроша, если, конечно, он не убедит капитаншу оставить его на борту. Я вынудила ее выплатить мне его заработок вперед. Но он паренек смазливый. И может

уломать ее. Думаю, именно такая мысль была у нее на уме, когда она отдавала мне деньги.

Устремив на банкиршу спокойный взгляд поверх кубка, Морейн насмешливо приподняла бровь. Она гордилась своим показным хладнокровием, ничуть не уступавшим проявленному ею при испытании.

— Лжекапитан попрал закон Башни, Морейн Седай, — негромко промолвила госпожа Дормайле, отвечая на невысказанный вопрос, — и я обязана была передать его на суд Башни, но с внутренними делами я предпочитаю разбираться сама. Вам я рассказываю все это лишь потому, что случившееся вас касается. Понимаете?

Морейн кивнула. Разумеется. Ни один банк не станет трезвонить на всех углах, что его работника подкупили. Она заподозрила, что юноша отделался так легко только потому, что приходится кому-то сыном или племянником, а иначе плыть бы ему по реке без всякого корабля или лодки. Банкиры — люди безжалостные.

Госпожа Дормайле не спросила, что Морейн знает или думает о происшествии с самозванцем. Это не ее дело. По лицу банкирши не пробежало и тени любопытства. Подобная сдержанность и была причиной, почему Морейн держала при се-

бе в Башне совсем немного денег, разве только на карманные расходы. Когда она была послушницей, не имевшей права выходить в город, деньги были ни к чему, однако привычка хранить свои дела в тайне заставила Морейн придерживаться этой же практики и после того, как она стала принятой. Закон Башни требовал от всех Айя равного вклада в банк Башни, и теперь, когда Морейн носила шаль, ей не хотелось, чтобы о ее финансах стало известно другим Голубым сестрам, а тем более другим Айя. Особенно после того, что только что услышала.

Письмо госпожи Дормайле Башня могла задержать лишь по одной-единственной причине: таким образом Совет надеялся успокоить ее, внушить ей мысль, будто они передумали сажать ее на Солнечный трон. Но они предприняли первые шаги, а скорее — поскольку осторожничали не меньше, чем вор, пытающийся срезать кошелек богатой и хорошо охраняемой леди, — шаги далеко не первые. Однако этого вполне достаточно, чтобы разгадать их намерения. Ничем другим объяснить появление кайриэнца, пытающегося вынюхать, как она распоряжается своими деньгами и кому их переводит, невозможно. О-о-о, Свет, они затеяли все это еще до того, как Морейн

сообразила, что происходит. Иначе она уже нашла бы выход.

Разумеется, девушка не позволила ни одной из этих мыслей отразиться на лице. Она прихлебывала вино — ощущая, как его сладость согревает ей гортань, — и воплощала собой полную безмятежность.

— Вы поступили по отношению ко мне очень достойно, госпожа Дормайле, — промолвила Морейн. — Это делает честь вашему дому. Прошу вас, переведите уместную сумму с моего счета на ваш в качестве компенсации.

Как и подобает, банкирша дважды отклонила это предложение и лишь потом неохотно приняла его. Но Морейн едва обратила на это внимание. О Свет, ей нужно найти выход!

Она начала строить планы. Не для бегства — но чтобы быть готовой. Морейн передала банку доверительное письмо, а перед уходом отдала распоряжения, услышав которые госпожа Дормайле не выказала и тени удивления. Вероятно, потому, что она тоже была кайриэнкой и, следовательно, привыкла к Даэсс Дей'мар, а возможно, и потому, что сдержанность свойственна всем банкирам. А может, в числе ее клиентов были и другие Айз Седай. Коли так, Морейн узнает об

этом, только если сами сестры скажут ей. Могилы и то более разговорчивы, чем Илайн Дормайле.

Вернувшись в Башню, Морейн принялась за расспросы, пока не определилась с именем одной швеи. Не менее пяти Голубых сестер порекомендовали ей Тамору Алкохиму как лучшую в Тар Валоне. Даже те, кто называл другие имена, признавали, что Тамора шьет очень хорошо. Поэтому на следующий день Морейн с Суан, наняв портшезы, направились к лавке госпожи Алкохимы. Суан всю дорогу ворчала о слишком высокой цене. Вот уж, право! Всего-то серебряное пенни. Морейн пришлось изрядно потрудиться, чтобы убедить Суан проехать с ней. Неужели она в самом деле считает, что четырех платьев достаточно? Ей пора отучаться от привычки на всем экономить.

Вдоль стен мастерской госпожи Алкохимы тянулись доходившие до самого потолка полки, заваленные рулонами шелка и тонкой шерсти всевозможных оттенков. Принадлежащие швее помещения, наряду с несколькими другими крупными лавками, занимали нижний этаж здания, состоявшего, казалось, из сплошных изгибов. Оно очень хорошо подходило Таморе. Рядом с ней, светлокожей доманийкой, даже Гайтара пока-

залась бы мальчиком. Когда она вошла, чтобы приветствовать посетительниц — бахромчатые шали Айз Седай требовали от хозяйки встретить их лично, — трудно было сказать, что она идет; нет, она, скорее, грациозно плыла между манекенами в незаконченных одеяниях и полочками с лентами и кружевами. Полдюжины помощниц Таморы, молодые хорошенькие девушки — каждая наряжена в великолепно сшитое платье в стиле ее родной страны, — присели в глубоком реверансе перед Морейн с Суан, но от самой швеи они не получили даже намека на реверанс. Она знала, какое место занимает в этом мире. Ее бледно-зеленое платье, элегантное и одновременно простое, ясно говорило о таланте Таморы, хотя и облегало ее фигуру довольно волнующим образом, так что не оставалось никаких сомнений в том, что именно скрывает шелк.

Томная улыбка Таморы стала шире, когда она услышала о величине заказа, и неудивительно. Мало кто из клиентов заказывали ей целый гардероб за один визит. По крайней мере, это относилось к Морейн. Под напором подруги Суан согласилась на шесть платьев — по одному на каждый день недели, считая с теми, что у нее уже были, — но ей хотелось, чтобы все они были шер-

стяными. Морейн заказала двадцать, половину из них — дорожные, с юбкой-штанами для верховой езды, и все — из лучшего шелка. Она обошлась бы и меньшим числом, но нельзя забывать о нездоровой заинтересованности Совета. Заказ на двадцать платьев заставит их думать, будто она намерена обосноваться в Тар Валоне надолго.

Вскоре Морейн и Суан оказались в задней комнате, где четыре помощницы под присмотром Таморы раздели их донага и сняли с них мерки, поворачивая так и этак, чтобы портниха хорошенько разглядела, с чем ей придется работать. Почти в любых иных обстоятельствах подобное чуть ли не до смерти смутило бы Морейн. Но здесь — швейная мастерская, а это совсем другое дело. Затем пришло время выбирать ткани. Тамора знала, что означает бахрома на шалях заказчиц, и в предложенных образцах преобладали голубые оттенки.

— Запомните, я хочу получить приличные платья, — заявила ей Суан. — Высокий ворот и ничего чересчур облегающего.

С этими словами она многозначительным взглядом окинула наряд самой Таморы.

Морейн чуть не застонала. Да ниспошлет Свет подруге сообразительности не продолжать в том

же духе!

— По-моему, это для меня слишком светло, — промолвила Морейн, когда высокая светловолосая девушка в зеленом платье с чересчур низким квадратным вырезом накинула на нее отрез небесно-голубого шелка. — Я бы хотела что-нибудь в кайриэнском стиле, но без цветов Дома и вышивки, — добавила она.

Никогда бы она не стала носить цвета Дома Дамодред в самой Башне.

— Разумеется, кайриэнский покрой, — сказала Тамора, задумчиво теребя большим пальцем нижнюю губу. — Он очень хорошо вам пойдет. Но этот оттенок прелестно смотрится с вашей светлой кожей. Половина ваших платьев должна быть светлых тонов, а половина — с вышивкой. Вам необходима элегантность, а не простота.

— Может быть, четверть?

Кайриэнский покрой хорошо пойдет ей? Возможно, белошвейка хочет сказать, что доманийское платье на ней смотреться не будет? Впрочем, ей такого и самой не хочется. Платье Таморы — просто неприличное! Но сейчас дело было в принципе.

Портниха покачала головой.

— По меньшей мере треть в светлых тонах, —

твердо сказала она. — По меньшей мере. И половина с вышивкой.

Слегка нахмурившись, вновь потерла губу большим пальцем.

— Треть и половина, — согласилась Морейн, пока та не перешла в наступление, о чем, как видно, уже подумывала.

Имея дело с хорошей швеей, нужно уметь торговаться. Ничего, немного вышивки можно пережить.

— А у вас нет чего-нибудь подешевле, госпожа Алкохима? — спросила Суан, хмуро разглядывая на себе тонкую синюю шерстяную ткань.

О Свет, теперь она говорит о цене! Ничего удивительного, что хлопотавшие вокруг нее девушки пришли в ужас. — Простите, Тамора, мы прервемся на минутку? — сказала Морейн и, когда швея кивнула, протянула отрез шелка девушке-андорке и поспешила оттащить Суан в сторонку.

— Послушай, что я тебе скажу, Суан, и не спорь со мной, — торопливо зашептала она. — Нам нельзя заставлять Тамору ждать слишком долго. Никогда не спрашивай о цене! Она сама скажет, сколько стоит заказ, когда мы сделаем выбор. Ничто из купленного здесь дешевым не будет, но

в платьях, которые сошьет для тебя Тамора, ты будешь выглядеть настоящей Айз Седай, даже если не станешь надевать шаль. И, кроме того, называй ее Тамора, а не госпожа Алкохима! Ты обязана соблюдать принятые правила, иначе она решит, что ты насмехаешься над ней. Попробуй относиться к ней как к сестре, стоящей немного выше тебя. Здесь необходима некоторая толика уважения. Всего лишь капелька, но зато она расскажет тебе о том, что надо носить. Причем без доплаты.

Суан, хмурясь, оглянулась на доманийку. О Свет, она *хмурилась*!

— А проклятый сапожник скажет нам, какие туфли покупать, и заломит такую цену, что на эти деньги можно купить пятьдесят новых сетей?

— Нет, — нетерпеливо сказала Морейн.

Тамора всего лишь приподняла бровь, однако с тем же успехом ее лицо могло быть мрачнее грозовой тучи. Значение приподнятой брови было яснее чистейшего хрусталя. Они заставляли ждать ее слишком долго, и за это им придется заплатить. Да еще эти хмурые взгляды Суан!

Морейн заторопилась, шепча как можно быстрее:

— Сапожник сделает то, что мы захотим, и мы

будем с ним торговаться, но не слишком упрямо, если хотим получить хорошую работу. То же относится к тем, кто будет делать нам перчатки, чулки, сорочки и все прочее. Радуйся еще, что нам не требуется парикмахер. Лучшие парикмахеры — настоящие тираны, ничем не лучше парфюмеров.

Суан коротко рассмеялась, словно бы Морейн шутила. Но она поймет, о чем идет речь, если однажды ей придется сидеть перед парикмахером, не имея ни малейшего понятия, что происходит с ее волосами, пока мастер не закончит и не позволит ей посмотреть в зеркало. По крайней мере, так было в Кайриэне.

Потом они определились с цветами платьев и видами вышивок. Это тоже было необходимо детально обсудить, равно как и то, какие именно платья должна украшать вышивка. Но пришлось еще остаться и дождаться, пока не раскроят и не сколют первые платья. Вооружившись подушечкой для булавок, крепившейся на запястье, Тамора собственноручно — причем очень ловко и умело — выполнила последнюю задачу. Морейн быстро поняла, какова будет расплата за то, что они заставили портниху ждать. Ткань, которую она сколола булавками на Морейн, была еще

более светлого оттенка, чем небесно-голубой, — почти белый, лишь слегка тронутый голубизной, а судя по тому, как она сметала на Суан ее темно-синюю шерсть, готовое платье будет почти столь же облегающим в груди и бедрах, как ее собственное. Хорошо хоть так, а не хуже. Тамора могла «случайно» уколоть их дюжину раз, а вдобавок еще потребовать отдельной примерки для каждого платья. Однако Морейн не сомневалась: первые сшитые ей платья будут в самых бледных тонах.

Когда Тамора объявила цену — уже после того, как утыканные булавками платья были сняты с девушек и надеты на манекены, — глаза у Суан полезли на лоб. Хорошо еще, что подруга хоть спорить не стала. Все же чему-то она научилась. В таком городе, как Тар Валон, одна золотая крона за шерстяное платье и десять за шелковое — вполне уместная цена для первоклассной швеи, какой была Тамора. Тем не менее Морейн пробормотала, что щедро вознаградит ее, если работа будет выполнена без задержек. В противном случае они могли не увидеть своих платьев еще месяц-другой.

Перед уходом Морейн сказала Таморе, что решила заказать еще пять платьев для верховой

езды в самом строгом кайриэнском стиле. Она не стала говорить об этом прямо, но это значило, что они должны быть темными и каждое с шестью полосами на груди красного, зеленого и белого цвета — гораздо меньшее число полос, чем то, на какое она имела право. Выражение лица доманийки ничуть не изменилось при очевидном свидетельстве того, что перед ней младшая представительница благородного Дома. Тот, кто шьет для Айз Седай, все равно что выполняет заказ для верховной опоры Дома, а возможно и для правителя.

— Эти я попросила бы вас сделать последними, если нетрудно, — сказала Таморе Морейн. — И не присылайте их. Кто-нибудь зайдет за ними.

— Обещаю, Айз Седай, что их сошьют в последнюю очередь.

О да, разумеется, первые платья Морейн должны быть светлыми. Однако вторая часть ее плана выполнена. Теперь Морейн готова настолько, насколько это возможно.

Глава 14
Перемены

Сестры, утверждавшие, что после получения шали предстоит учиться почти столько же, сколько и до того, оказались совершенно правы, и очень скоро Морейн с Суан в этом убедились. Будучи принятыми, они изучали обычаи Белой Башни во всей их сложности, особенно те, какие в силу своей древности обрели силу закона. А кроме этого, требовалось знать и наказания, полагающиеся за их нарушение. Теперь Рафела и другие сестры долгими часами наставляли их на предмет обычаев Голубой Айя — за более чем три тысячи лет список накопился весьма обширный. Как ни удивительно, но Суан запомнила большую часть из сказанного Рафелой, еще когда девушки в первый раз направлялись к покоям Голубой Айя, и Морейн пришлось усердно трудиться, чтобы нагнать подругу. Глупо заслужить епитимью из-за какой-нибудь мелочи, вроде ношения красного внутри Башни. Драгоценности красного цвета разрешались, огневики, рубины или гранаты, но в одежде этот цвет был запрещен.

Причиной тому была давнишняя вражда между Голубыми и Красными, настолько давняя, что никто не помнил в точности, когда или из-за чего она началась. Противостояние Голубой и Красной Айя было чем-то само собой разумеющимся, и временами оно едва ли не парализовывало работу Совета.

Сама идея вражды между Айя встревожила Морейн, однако это противостояние оказалось не единственным. И если в существовавшем между Зелеными и Голубыми согласии в течение последних столетий появилось лишь с пару трещин, то с другими Айя дело обстояло совсем иначе. В настоящий момент довольно-таки натянутыми оставались отношения Голубых сестер с Белыми, по причинам, ведомым только Белым, и еще большее напряжение наблюдалось между Голубой и Желтой Айя: сестры каждой из них обвиняли других во вмешательстве в свои действия в Алтаре несколько сотен лет назад. Вмешиваться в дела другой сестры запрещал строгий обычай — единственный пункт, который в какой-то степени смягчал требование проявления традиционной «дани уважения». По крайней мере, за пределами Башни. Но существовали и сложные комбинации: так, например, Коричне-

вые поддерживали Белых против Голубых, но поддерживали Голубых против Желтых — во всяком случае, в настоящее время. Такие отношения могли сохраняться веками, а потом измениться в мгновение ока. Необходимо было изучить также враждебные отношения и соперничество, существующие и между другими Айя, если о подобном было известно. Иначе можно запросто угодить в силки — стоит лишь сделать неосмотрительный шаг или обронить неосторожное слово. О Свет, по сравнению с этаким клубком Даэсс Дей'мар казалась детской игрой!

Каждый вечер Суан слушала перед сном, как Морейн повторяет выученное, — точь-в-точь как когда они были послушницами и принятыми, — а та слушала Суан, хотя в этом вряд ли была необходимость. Суан никогда не допускала ошибок.

Девушки вновь стали изучать Единую Силу: по очереди Лилейн, Натасия, Анайя и другие сестры обучали их, рассказывая об узах Стража и других плетениях, которые принятым не доверяли. Среди них было несколько плетений, известных лишь Голубым сестрам. Последнее показалось Морейн очень интересным. Если Голубые хранили в тайне отдельные плетения наряду с секретами своей Айя, то наверняка так

делали и другие Айя, а тогда, возможно, так же поступали и отдельные сестры. В конце концов, ведь и у самой Морейн имелось подобное плетение — первое, которым она овладела еще до приезда в Тар Валон. Она тщательно скрывала это плетение от сестер. Они знали, что к тому времени искра уже вспыхнула в ней, но Морейн только рассказала им, что умеет зажигать свечи и создавать светящийся шар, с помощью которого освещает дорогу в темноте. Никто не выживет в Солнечном дворце, не научившись хранить секреты. Интересно, есть ли тайные плетения у Суан? Такой вопрос не задашь даже ближайшей подруге.

Хотя теперь девушки достаточно знали о саидар и учились быстро, новых знаний было слишком много, и всего нельзя было выучить за день или неделю. По крайней мере, такое было не по силам Морейн. А способность не обращать внимания на жару или холод оказалась особым приемом мысленной концентрации, достаточно простым, если уже знаешь, как это делается. Во всяком случае, так сказала Натасия.

— Ум должен быть неподвижен, как зеркальная гладь пруда, — педантично наставляла Натасия, словно читала лекцию в классе. Девушки рас-

положились в ее покоях, где почти все ровные поверхности были заставлены статуэтками, маленькими резными фигурками и раскрашенными миниатюрами. Теперь занятия всегда проходили в апартаментах обучающей. — Сконцентрировавшись на точке под пупком, в глубине своего тела, вы начинаете дышать равномерно, но не так, как обычно. Продолжительность каждого вдоха и выдоха должна быть одинаковой, а между вдохом и выдохом необходимо на то же время задерживать дыхание. Когда освоите этот прием, он у вас будет получаться сам собой. При таком дыхании и с такой концентрацией мысли ваш разум вскоре отстраняется от внешнего мира и больше не замечает жары или холода. Вы можете идти обнаженными в метель или через пустыню, не дрожа и не истекая потом. — Отхлебнув еще глоток чая, Натасия рассмеялась, и ее черные раскосые глаза блеснули. — Обморожения и солнечные ожоги, правда, все равно через какое-то время дадут о себе знать. По-настоящему отрешается от внешнего мира только разум, тело способно на это в гораздо меньшей степени.

Возможно, прием и был простым, однако еще с неделю Морейн в любую минуту могла утратить сосредоточенность, сидела ли она за ужином или

шла по коридору; и тогда она вдруг ощущала, как холод обрушивается на нее, кусая втрое сильнее, чем до начала медитации. Если концентрация ускользала от нее на людях, то ее сдавленное оханье привлекало взгляды других сестер. Она очень боялась, что приобретет репутацию «не от мира сего». И вдобавок вечно краснеющей. Это было невыносимо. Стоит ли говорить, что Суан ухватила этот фокус мгновенно и, насколько замечала Морейн, с тех пор ни разу не поежилась.

Наступило Празднество Света, ознаменовавшее середину года, и два дня все окна в Тар Валоне ярко сияли от сумерек до рассвета. В Башне служанки входили в комнаты, стоявшие пустыми чуть ли не века, и зажигали светильники, следя за тем, чтобы они не гасли в течение этих двух дней. Празднество было веселым. Процессии горожан носили фонари по окутанным ночным мраком улицам, радостные гости даже в беднейших домах зачастую не расходились до самого рассвета. Однако Морейн праздник наполнял печалью. Комнаты, что пустуют веками. Количество обитательниц Белой Башни все уменьшалось, и девушка никак не могла придумать, что с этим можно поделать. Но с другой стороны, если женщины, носившие шали двести или более лет

назад, не нашли решения, с какой стати его сумеет найти она?

В течение праздника многие сестры получали затейливо начертанные приглашения на балы и нередко их принимали. Айз Седай, как любые другие женщины, порой любили танцевать. Морейн тоже получила приглашения — от кайриэнских аристократов из двух дюжин Домов и от почти такого же числа купцов, чье богатство позволяло им чувствовать себя ровней благородным. Лишь планы, которые строил в отношении Морейн Совет, могли собрать в городе столько знатных кайриэнцев разом. Плотные белые карточки Морейн швырнула в камин, оставив все без ответа. Опасный ход с точки зрения Даэсс Дей'мар, ведь невозможно предсказать, как истолкуют ее поступок. Но сейчас она не играла в Игру Домов. Она скрывалась.

К удивлению Морейн, первые платья доставили утром первого дня праздника. Либо Тамора хотела получить обещанное вознаграждение, либо, что более вероятно, решила, что наряды понадобятся заказчицам для праздничных торжеств. Она явилась с двумя помощницами, чтобы проверить, не нужно ли что-то исправить, но этого не потребовалось. Тамора превосходно

справилась с задачей. Тем не менее Морейн оказалась права: самое темное из шести ее платьев было лишь немного более темного оттенка, чем небесно-голубой, и только два были расшиты, что означало, что почти все остальные будут с вышивкой. Придется носить шерстяные платья, предоставленные ей Айя, несколько дольше, чем она собиралась. Зато все платья для верховой езды будут темными, такого даже Тамора не могла допустить, чтобы дорожное платье было светлым. Платья Суан, из которых лишь одно предназначалось для поездок верхом, демонстрировали все изящество, на какое была способна Тамора; в них и во дворец явиться не стыдно, не будь они шерстяными. Но наряд заметно подчеркивал грудь и бедра. Суан сделала вид, что ничего не заметила, а возможно, и в самом деле не заметила. Она вообще очень мало беспокоилась из-за одежды.

Кое-что, впрочем, давалось Суан непросто. С каждым днем по возвращении из апартаментов Сеталии лицо подруги было все более и более напряженным. С каждым днем она становилась все более колкой и раздражительной, однако наотрез отказывалась открыть, в чем причина, и даже огрызалась на Морейн, когда та подступала

с расспросами. Это внушало Морейн беспокойство. Она могла бы пересчитать по пальцам одной руки — и остались бы незагнутые пальцы — все те разы, когда за эти шесть лет Суан на нее сердилась. Но в тот день, когда Тамора доставила платья, Суан пришла к Морейн незадолго до ужина, чтобы выпить чая, однако, не прикасаясь к чашке, рухнула в украшенное резными листьями кресло и сердито скрестила руки на груди. Лицо у нее было мрачнее тучи, а глаза полыхали голубым огнем.

— Эта треклятая женщина, эта клык-рыба когда-нибудь уморит меня до смерти, — прорычала Суан. За последние несколько дней все старания сестер обуздать склонный к ругательствам язык Суан пошли насмарку. — Рыбий потрох! Она хочет, чтобы я прыгала для нее, словно окунь-краснохвостка на нересте! Никогда ни перед кем я так не скакала, даже когда была… — Она придушенно захрипела, глаза у нее полезли на лоб: Первая Клятва заткнула ей рот. Кашляя, с побледневшим лицом, Суан заколотила себя кулаком в грудь.

Морейн поспешно налила ей чашку чая, но лишь через несколько минут Суан сумела сделать хотя бы глоток. Должно быть, она кипела от

гнева, раз позволила себе зайти так далеко.

— Ну хотя бы не тогда, когда была принятой, — пробурчала Суан, когда снова смогла заговорить. — Только приду к ней, как слышу лишь «найди это, Суан», да «сделай то, Суан», да «ты еще не закончила, Суан?». Сеталия щелкает пальцами и, будь я проклята, ожидает, что я тотчас же побегу выполнять!

— Так бывает, — сказала Морейн рассудительно. Дальнейший разговор мог сложиться гораздо хуже, но тут настроение Суан, видимо, переменилось, и ей расхотелось затевать спор. — Хорошо, что вечно так продолжаться не будет, ведь настолько выше нас стоит лишь горстка сестер.

— Тебе легко говорить, — буркнула Суан. — Тебе-то какая-нибудь проклятая Сеталия пальцами перед носом не щелкает!

Что верно, то верно, но это вовсе не значило, будто задача у Морейн была легкой. Новые занятия оставляли ей совсем мало свободного времени, но она надеялась, что раздача вознаграждений даст ей возможность вести поиски в лагерях, еще остававшихся на месте. Вместо этого Морейн каждое утро по два-три часа сидела на восьмом уровне Башни, в комнате без окон, где едва доставало места для простого письмен-

ного стола и двух стульев с прямыми спинками. Стоявшие по четырем углам высокие медные светильники с отражателями, без всяких украшений, давали достаточно света. Не будь их, в комнате даже днем было бы темно, как в глухую полночь. Раньше комнату занимал старший писец, но, как бы то ни было, он — или она — не оставил в комнате ни малейшего следа своего пребывания. На столе стояли лишь чернильница, лоток для перьев, песочница и маленькая белая бутылочка со спиртом для чистки перьев. Светлые каменные стены были голы.

Передняя, превышавшая размерами эту комнатку, была заставлена рядами узких конторок и высоких табуретов. Но как только Морейн переступала порог, писцы выстраивались в очередь, которая начиналась от ее письменного стола и огибала почти целиком комнату писцов. А они все подносили и приносили ей списки женщин, уже получивших вознаграждение, и доклады с распоряжениями об отправке денег тем женщинам, кто успел разойтись по домам. Число таких сообщений огорчало. Совсем немного лагерей еще оставалось на месте, но и они таяли, как иней на солнце. Никто из писцов не осмеливался сесть на второй стул в ее комнате — они почти-

тельно стояли, ожидая, пока Морейн прочтет каждую страницу и в знак согласия поставит внизу страницы свою подпись, после чего женщины приседали в реверансе, а мужчины кланялись и уступали место следующему, так и не произнеся ни слова. Вскоре Морейн начала подумывать, что выражение «смерть от скуки» не лишено реального смысла.

Она пыталась поторопить их с раздачей вознаграждения — огромные ресурсы Башни позволяли закончить дело за неделю, ведь в Башне трудились еще сотни писцов, — но все они работали в собственном темпе. Казалось, писцы даже начинали работать медленнее, когда она подгоняла их. Морейн подумывала, не попросить ли Тамру избавить ее от этого поручения, но какой толк тратить силы и время попусту? Она надежными цепями прикована к Тар Валону до тех пор, пока не осуществятся планы Совета. Ее снедала скука, к которой прибавлялось еще и разочарование. Тем не менее у Морейн был собственный план. Что несколько облегчало ее переживания. Понемногу в душе у нее зрела убежденность. Если плохое повернет в сторону худшего, она непременно убежит, какое бы наказание ей ни грозило. Любое наказание — дело будущего и, в конце

концов, когда-нибудь да закончится. Солнечный трон же станет приговором на всю жизнь.

На следующий день после Празднества Света к испытанию была призвана Эллид, но о случившемся Морейн узнала только впоследствии. Красавица-принятая, которая хотела стать Зеленой, не вышла из тер'ангриала. Об этом не объявляли; Белая Башня никогда не выставляла напоказ свои неудачи, а гибель женщины при испытании считалась величайшей неудачей со стороны Башни. Эллид попросту исчезла, а все ее вещи унесли. Тем не менее это был день скорби, и Морейн вплела в волосы белые ленты и повязала на руки белые, отороченные кружевом шелковые носовые платки, так что они свешивались до самых запястий. Эллид ей никогда не нравилась, но она заслуживала траура.

Не всякая сестра из тех, что были достаточно сильны, чтобы Морейн с Суан обязаны были им повиноваться, выказывала какое-то желание понукать ими. Элайда избегала их; по крайней мере, больше с ней девушки не встречались, а затем услышали, что она отбыла из Башни обратно в Андор. Морейн с Суан испытали большое облегчение, узнав, что ее нет поблизости. Будучи столь же сильной, как однажды станут они са-

ми, Элайда могла превратить их жизнь в сущее мучение, словно бы они все еще оставались послушницами или принятыми. А пожалуй, и того хуже. Мелкие поручения, которые послушницами и принятыми воспринимались как должное, теперь, когда они стали Айз Седай, могли обернуться для девушек почти что епитимьей. А то и не только «почти».

Лилейн, стоявшая по уровню Силы не ниже Элайды и в придачу еще и восседающая, несколько раз приглашала Морейн и Суан на чай — чтобы облегчить им напряжение первых недель, как она пояснила. Суан очень хорошо с ней ладила, но Морейн порой слегка нервничала под пронизывающим взглядом Голубой сестры. Ей всегда казалось, что Лилейн знает о ней больше, чем Морейн хотелось бы открыть, что утаить от нее что-то невозможно. Но с другой стороны, Суан не могла понять той симпатии, которую Морейн питала к Анайе. Дело здесь было не в Исцелении. Анайя была сердечной и открытой, с ней ты всегда чувствуешь, что в конце концов все закончится хорошо. Разговоры с Анайей действовали на Морейн успокаивающе. Она думала, что со временем та могла бы стать ей если не такой же близкой подругой, как Суан, то столь же хорошей

подругой, как Лиане.

Дружба с Лиане возобновилась, как будто и не прерывалась никогда — и у Морейн, и у Суан, — и теперь в их кружок вошла еще Адине Канфорд, пухлая голубоглазая девушка с коротко стриженными черными волосами. Хотя она и была андоркой, в ней не было и капли упрямства. Разумеется, по уровню Силы она стояла не очень высоко. Принимать подобное обстоятельство во внимание действительно стало для девушек второй натурой. Они возобновили знакомства с сестрами из других Айя, которые были приняты вместе с ними, и обнаружили, что в ряде случаев дружба воскресала уже после нескольких слов, а порой угасала и становилась простой данью вежливости. Но в то же время кое-кто из сестер настолько привыкал к пропасти, разделяющей Айз Седай и принятых, что так и не сумел переступить ее теперь, когда Морейн с Суан тоже носили шали. Но хватит и тех подруг, что есть. С друзьями многое становится легче, даже тот груз на душе, о каком они порой даже не подозревают.

Но дружба дружбой, а дни таяли с неспешностью ледника. Мейлин наконец покинула Башню, за ней Керене; за ними по очереди уехали Айша,

Людис и Валира, но радость Морейн оттого, что поиски в конце концов начались, была неполной из-за досады, что она в них не участвует. В Суан пробудился интерес к порученной работе, и даже стало казаться, что жалуется она больше по привычке. Она уходила в апартаменты Сеталии раньше, чем требовалось, и зачастую оставалась там до второй или третьей смены ужина. У Морейн подобной отдушины не было. Ее ночные кошмары продолжались: вновь и вновь она видела младенца в снегу, человека без лица и Солнечный трон — хотя и не столь часто, как раньше. За исключением последнего. Однако эти сны попрежнему оставались мучительными. Морейн избавилась почти от всех кружев и оборок, что нашлись в ее комнатах, для чего потребовалось посетить мастера, изготавливавшего подушки, и немного подождать, пока их перешивали по две-три штуки зараз. Несколько подушек пришлось оставить, поскольку Анайю явно огорчило — хотя она ничего и не сказала — их исчезновение. Постель самой Анайи оставалась океаном кружев, при виде которого Суан начинала восторженно хихикать. Но большую часть времени Морейн проводила в других комнатах, так что пришлось пожертвовать кроватью. Ей даже удалось испечь

пирог и не превратить его в уголья, но Аэлдра, разок откусив от него, тут же слегка позеленела. Суан предложила ей рыбный пирог, который седовласая сестра объявила вполне вкусным, правда через час ей пришлось бежать в уборную и просить Исцеления. Никто не обвинил девушек в том, будто они нарочно так поступили, — у них этого и в мыслях не было. Однако Анайя и Кайрин сочли случившееся достойной расплатой за жадность.

Всего через неделю после Эллид, на Большой Часалейн, для испытания вызвали Шириам, и она успешно его прошла. Строго говоря, позже всех в Голубую Айя вступила Суан, на несколько мгновений отставшая от Морейн, но Сеталия не согласилась обойтись без помощницы даже несколько часов, так что именно Морейн возложила шаль на плечи рыжеволосой салдэйки, когда на следующий день та выбрала Голубую Айя. И Морейн сопроводила ее, сияющую, в крыло Голубых для церемонии приветствия — где к ней для шестого поцелуя ухитрилась пролезть Суан. Шириам отлично готовила и любила печь.

В Кайриэне этот день был Днем раздумий, однако Морейн никак не удавалось сосредоточиться на своих прегрешениях и проступках. Они с Суан

вновь обрели подругу, которую, как опасались, могли потерять на целый год. Суан даже загорелась идеей подключить Шириам к поискам, и, чтобы отговорить ее, потребовалось несколько часов. Не то чтобы Морейн боялась, что Шириам раскроет их планы Тамре, но в крыле принятых Шириам слыла одной из отъявленнейших сплетниц. Она никогда не рассказывала о том, о чем давала обещание молчать, однако не могла удержаться от намека на лакомый секрет, на то, что у нее есть тайна. И кому, как не Суан, об этом знать. Стоит другим узнать, что у тебя есть тайна, то кому-нибудь захочется эту тайну раскрыть — такова человеческая природа. Иногда Суан просто не понимает, что значит осторожность. Нет, не иногда — постоянно!

Среди сестер начались разговоры, что Башня, должно быть, возрождается, раз за столь короткое время так много принятых прошло испытание на шаль, и, наверное, вскоре к ним присоединятся еще одна-две. По обычаю об Эллид никто не упоминал, но Морейн думала о ней. За две недели одна женщина умерла и три получили шали, однако единственная послушница, проходившая в это же время испытание на принятую, потерпела неудачу и была отослана. В книгу

послушниц не было добавлено ни одного имени, а более двадцати послушниц, по слабости дара не имеющих шанса получить шаль, отправили восвояси. Если так пойдет дальше, незанятые комнаты останутся пустыми на столетия. Пока не опустеют все комнаты. Суан пыталась утешить Морейн, но разве можно радоваться, если Белая Башня обречена стать надгробным памятником?

Спустя три дня Морейн пожалела, что не провела День раздумий подобающим образом. Она не была суеверна, но говорили, что, пренебрегая положенными в этот день размышлениями, навлекаешь несчастье на тех, кто дорог. Была вторая смена ужина, Морейн медленно жевала овсянку, изводя себя мыслями о предстоящей мучительно-скучной работе с писцами, когда в трапезную плавной походкой вошла Рима Галфрей. Стройная и элегантная в своем зеленом платье с желтыми разрезами, ростом почти с Морейн, она не принадлежала к числу тех сестер, кому Морейн обязана была повиноваться, но обладала царственной статью, подчеркнутой рубинами, что диадемой сверкали в ее волосах, и надменным взглядом, свойственным всем Желтым. Как ни странно, но, войдя, она принялась создавать плетение Воздуха и Огня, чтобы голос

ее ясно расслышали в каждом углу трапезной.

— Сегодня ночью Тамра Оспения, Блюстительница печатей, Пламя Тар Валона, Престол Амерлин, скончалась во сне. Да осияет Свет ее душу!

Голос Римы свидетельствовал о великолепном самообладании, словно она объявляла, что днем ожидается дождь. Закончив, Желтая сестра обвела собравшихся невозмутимым взглядом, чтобы удостовериться, что ее слова услышаны всеми, и, не задерживаясь, покинула обеденный зал.

За столами сразу же зашумели, но в гомоне голосов Морейн сидела будто громом пораженная. Безвременная смерть настигала Айз Седай не реже, чем остальных, и, поскольку с годами сестры не дряхлели, смерть приходила к ним, когда с виду они были в совершенном здравии. Однако все случилось настолько неожиданно, что Морейн казалось, словно ее молотом по голове ударили. «Да осияет Свет ее душу!» — молилась про себя Морейн. Свет осияет душу Тамры. Несомненно, так и будет. Но что теперь станется с поисками ребенка? Разумеется, ничего не изменится. Сестры, выбранные Тамрой для розысков, свою задачу знают; они известят о ней новую Амерлин. Возможно, новая Амерлин даже осво-

бодит Морейн от поручения Тамры, если удастся добраться до нее раньше, чем Совет известит ее о своих планах.

Отвращение к себе тотчас же пронзило сердце Морейн; она отодвинула от себя плошку с овсянкой — аппетит пропал напрочь. Умерла женщина, перед которой она преклонялась всей душой, а думает она — о пользе, которую можно извлечь из ее смерти! Поистине Даэсс Дей'мар запечатлена в ее плоти, в ее костях, а вместе с ней, возможно, и весь мрак, что таится в душах Дамодредов!

Морейн уже собралась было идти к Мериан просить о епитимье, но наставница послушниц могла дать такую задачу, которая надолго задержит ее в Тар Валоне. Осознание этого только усугубило чувство вины. Тогда Морейн сама назначила себе наказание. Лишь одно ее платье было по цвету близко к траурному белому — настолько светлое, что казалось скорее белым, чуть тронутым голубизной, — и Морейн решила надеть его на похороны Тамры. Этот наряд Тамора вышила спереди, сзади и по рукавам тонким замысловатым узором в виде сеточки, который выглядел вполне невинным. Но когда Морейн это платье надевала, оно показалось ей столь же вы-

зывающим, как и то, что носила сама швея. Нет, не показалось — платье таким и было. Морейн чуть не расплакалась с досады, рассмотрев себя в зеркале как следует.

Увидев подругу в коридоре перед дверью комнаты, Суан прищурилась.

— Ты уверена, что хочешь его носить? — произнесла Суан сдавленным голосом.

В волосы она вплела длинные белые ленты, и такие же ленты, только длиннее, обвивали ее руки. Все проходящие мимо сестры носили схожие ленты. Айз Седай никогда не надевают полного траура, кроме Белых, — но те не считают белый цвет траурным.

— Иногда наказание необходимо, — объяснила Морейн, неторопливо поправляя шаль, чтобы та спустилась на локти, и Суан не стала больше ничего спрашивать.

Есть вопросы, которые можно задавать, а есть такие, которые задавать нельзя. Таково требование непреклонного обычая. И дружбы.

Все находившиеся сейчас в Башне сестры, надев шали, собрались на уединенной поляне в лесистой части владений Башни, где на погребальных носилках, зашитое в простой голубой саван, лежало тело Тамры. Утренний воздух был очень

свежим — Морейн чувствовала его, но больше не испытывала желания ежиться. Окружавшие поляну дубы все так же стояли без листьев под серым небом, и их толстые кривые ветви вполне подходили для обрамления похорон. Одеяние Морейн привлекало удивленные взгляды, но неодобрение сестер было частью наложенной ею на себя епитимьи. Наказание Смирением духа всегда переносится тяжелее всего. Как ни странно, все Белые носили блестящие черные ленты, однако подобное, должно быть, в обычае их Айя, поскольку не вызвало нахмуренных бровей или неодобрительных взглядов других сестер. Наверняка они уже видели такую картину прежде. Желающие могли произнести молитву или сказать несколько слов в память об усопшей, и большинство воспользовались этим правом. Из Красных говорили только восседающие, ограничившиеся несколькими словами, но, возможно, это тоже было обычаем.

Морейн заставила себя выйти вперед и встать возле носилок, приспустив шаль так, чтобы платье было хорошо видно, хотя и понимала, что на нее сейчас направлены все взгляды. Вынести это было труднее всего.

— Да осияет Свет душу Тамры, и так ярко, как

она того заслуживает, и да укроет ее рука Создателя до ее возрождения! Да ниспошлет ей Свет лучезарное возрождение! Я не могу назвать женщины, которой восхищалась бы больше, чем Тамрой. Я восхищаюсь ею и чту ее. И всегда буду восхищаться ею и почитать ее.

Слезы набежали Морейн на глаза, и вовсе не от унижения, пронзавшего ее острыми шипами. Она никогда по-настоящему не знала Тамру — послушницы и принятые не знали по-настоящему даже сестер, не то что Престол Амерлин, — но, о Свет, как ей будет не хватать Тамры!

Согласно пожеланию Тамры, тело ее было предано прядям Огня, а пепел развеян вокруг Белой Башни сестрами той Айя, из которой она возвысилась, Айя, к которой она вернулась в смерти. Морейн была не единственной, кто не сдерживал слез. Присущее Айз Седай спокойствие не способно уберечь их от горя.

До самого вечера Морейн не снимала постыдного платья, а ночью сожгла его. Она никогда не смогла бы взглянуть на него, не вспоминая этот день.

До избрания новой Амерлин Башней правил Совет, но закон предусматривал строжайшие меры, чтобы восседающие не медлили чересчур

долго, и уже к вечеру дня похорон Тамры была избрана Сайрин Вайю из Серой Айя. От новой Амерлин в день, когда она принимает палантин и посох, ожидают, что она дарует прощения и смягчает наказания. Ничего подобного Сайрин делать не стала, и в течение нескольких дней все до единого писцы-мужчины Башни были уволены без рекомендации: кто якобы за заигрывания с послушницами или принятыми, а кто и просто за «неподобающий вид и поведение», что могло означать все что угодно. Она уволила даже тех, кто был настолько стар, что их внуки уже обзавелись детьми, и тех, кого женщины вообще не интересовали. Однако по этому поводу никто ничего не сказал. Никто не посмел, опасаясь, что ее слова могут дойти до ушей Сайрин.

Трех сестер на год изгнали из Тар Валона, и дважды Морейн пришлось вместе с другими пройти на Двор отступников — там на глазах у всех кого-то из сестер раздевали, привязывали к треугольной раме и секли розгами, пока та не завоет. Плетение малого стража, образующее мерцающий серый купол над мощенным камнем Двором, не пропускало крики наружу, и Морейн казалось, что они теснят и давят ее, притупляют разум, стискивают удушьем горло. В первый

раз за неделю она потеряла концентрацию и задрожала от холода. И не только от холода. Она боялась, что эти вопли долго еще будут звенеть в ушах, во сне и наяву. Сайрин взирала на происходящее и слушала с совершенным спокойствием.

Новая Амерлин, разумеется, избирала себе новую хранительницу летописей, а при желании вправе была назначить и новую наставницу послушниц. Сайрин сделала и то и другое. Как ни странно, дородная Амира, чьи длинные, унизанные бусами косички стегали хозяйку по плечам, когда она с охотой действовала розгой, была Красной, и Красной же оказалась новая хранительница Духара. Ни закон, ни обычай не требовали, чтобы хранительница летописей или наставница послушниц принадлежала к той же Айя, из которой вышла Амерлин, однако это предполагалось. Впрочем, такие неожиданности начались уже давно, когда после прохождения испытания Сайрин выбрала Серую Айя, а не Красную, как ожидали все. Морейн сомневалась, что кто-нибудь из конфидентов Тамры решит рассказать Сайрин о поисках младенца.

На следующий день после наказания второй сестры Морейн появилась в приемной перед кабинетом Амерлин, где за своим письменным

столом, прямая и непреклонная, сидела Духара. У нее на плечах красовался красный палантин в ладонь шириной. На ее темном платье было столько алых вставок, что оно казалось целиком ярко-алого цвета. Духара была доманийкой, стройной и красивой, несмотря на то что ростом превосходила Морейн почти на полторы ладони. Однако изгиб пухлых губ не сулил ничего хорошего, а глаза зорко высматривали чужие проступки. Морейн напомнила себе, что, не будь на Духаре палантина хранительницы летописей, доманийка обязана была бы прыгать, когда ей, Морейн, вздумалось бы щелкнуть пальцами. Не успела девушка открыть рот, как дверь кабинета Амерлин со стуком распахнулась и оттуда широкими шагами вышла Сайрин, в руке она держала листок бумаги.

— Духара, я хочу, чтобы ты… так, а тебе что здесь надо? — рявкнула Сайрин, повернувшись к Морейн, которая поспешно присела перед ней в реверансе, столь же глубоком, в каком склонялась послушницей, поцеловала ее кольцо Великого Змея и лишь потом выпрямилась.

Кольцо было единственным украшением, которое носила Сайрин. Ее семицветный палантин был наполовину уже палантина Духары, а по-

крой темно-серого шелкового платья — простым. Ее довольно пухлое, округлое лицо, казалось, было создано для веселья, но на нем, словно высеченное резцом, застыло неумолимо-суровое выражение. Морейн едва осмелилась взглянуть Сайрин прямо в глаза. Жестокие глаза.

Во рту пересохло, и Морейн изо всех сил старалась не дрожать от холода, который внезапно показался ей более свирепым, чем в самый трескучий мороз в самом сердце зимы. Поспешные успокаивающие упражнения не восстановили необходимого самообладания. Она уже знала о Сайрин достаточно — сестры много шептались о новой Амерлин. Именно сейчас ей вспомнился один факт, глубоко поразивший ее, словно острый нож. Для Сайрин ее точка зрения была законом, и в этом законе не было ни капли снисхождения. Как и в ней самой.

— Мать, прошу освободить меня от поручения по раздаче вознаграждения. — Голос Морейн был тверд, хвала Свету. — Писцы выполняют работу так быстро, как могут, но зачем заставлять их каждый день выстраиваться в очередь, чтобы сестра одобрила уже сделанное ими? Это только отнимает у них время, которое они могут посвятить работе.

Сайрин поджала губы, словно надкусила незрелую хурму.

— Я бы вообще прекратила раздачу этой дурацкой награды, но это повредит репутации Башни. Нелепая трата денег, и ничего больше! Хорошо, пусть писцы направляют свои бумаги на подпись кому-то другому. Какой-нибудь Коричневой, например. Те любят подобные занятия. — Сердце Морейн взмыло к небесам, но Амерлин тут же добавила: — Ты, разумеется, останешься в Тар Валоне. Как тебе известно, вскоре ты нам потребуешься.

— Как скажете, мать, — ответила Морейн, и сердце ее после столь недолгого полета ухнуло куда-то в желудок, а потом и ниже, до самых пяток.

Она вновь склонилась в глубоком реверансе и вновь поцеловала кольцо на руке Амерлин. С такой женщиной, как Сайрин, лучше не рисковать.

Когда Морейн вернулась в свои комнаты, там ее уже ждала Суан. Подруга вопросительно взглянула на Морейн.

— Меня освободили от раздачи вознаграждений, но приказали оставаться в Тар Валоне. «Как тебе уже известно, вскоре ты нам потребуешься».

Ей показалось, что она хорошо изобразила голос Сайрин, хотя в нем и промелькнула нотка горечи.

— Рыбий потрох! — буркнула Суан, откидываясь на спинку стула. — И что ты теперь будешь делать?

— Отправлюсь на верховую прогулку. Ты знаешь, в каком месте и когда меня искать.

У Суан перехватило дыхание.

— Да обережет тебя Свет! — произнесла она, помолчав.

Мешкать смысла не было, поэтому Морейн переоделась в платье для верховой езды, в чем ей помогла Суан. Платье было подходящего темно-синего цвета, несколько вышитых серебряной нитью виноградных лоз с листьями взбирались по рукавам и окружали высокий воротник. Все ее самые темные платья украшала вышивка, но теперь Морейн подумывала, что немного шитья, пожалуй, не повредит. Убрав сложенную шаль в платяной шкаф и достав оттуда подбитый черной лисицей плащ, она засунула щетку для волос и гребень в один из маленьких карманчиков на подкладке плаща, а в другой карман положила швейный набор. Взяв перчатки для верховой езды, Морейн обняла Суан и поспешила к выходу.

Долгие прощания — к слезам, а сейчас слезы — это роскошь.

Сестры в коридоре косились на Морейн, но большинство из них, по-видимому, волновали собственные дела, хотя Кайрин и Шириам все же заметили, что для верховых прогулок сегодня слишком прохладно. Лишь Эйдит, жестом остановив девушку, окинула ее взглядом, который очень напоминал взгляд Лилейн.

— Разрушенные фермы и деревни не очень-то подходят для приятной загородной прогулки, — промолвила седовласая восседающая.

— Сайрин приказала мне оставаться в Тар Валоне, — ответила Морейн с непроницаемым лицом, как подобает Айз Седай, — и думаю, если я, переехав мост, пару часов проведу вне города, она может увидеть в этом непослушание.

Эйдит на мгновение поджала губы; гримаса была столь мимолетной, что Морейн могла бы счесть это игрой воображения. Очевидно, восседающая догадалась по ее ответу о намерениях Сайрин, и они ей не понравились.

— Амерлин способна вселить ужас в тех, Морейн, кто хотя бы в малейшей степени идет против ее желаний.

Морейн чуть не улыбнулась. О Свет, Эйдит дает

ей шанс сказать все напрямую! Ну, почти напрямую. Однако лучше ответить в стиле Айз Седай.

— Хорошо, что у меня и в мыслях нет переезжать мост. Я не хочу, чтобы меня высекли.

В Западной конюшне Морейн велела оседлать Стрелу — без седельных сумок. Для прогулки по городу в них нет нужды, и, что бы она ни сказала Эйдит, восседающая могла послать кого-нибудь проверить. Морейн бы послала. Если повезет, никто до самого вечера ничего не заподозрит.

Вначале она направилась к госпоже Дормайле, которая уже держала наготове несколько доверительных писем на различные суммы и четыре толстых кожаных кошеля, в каждом — по две сотни крон золотом и серебром. На какое-то время этих денег Морейн должно хватить. Векселя предназначались для того момента, когда кончатся наличные, или на крайний случай. Если Морейн воспользуется одним таким доверительным письмом, ей придется поторапливаться и зря не мешкать. Глаза-и-уши Башни наверняка будут искать ее, и, какими бы скрытными банкиры ни были, обычно Башня узнавала то, что желала узнать. Госпожа Дормайле, разумеется, вопросов не задавала, но, узнав, что Морейн явилась без сопровождающих, предложила четырех лакеев

в качестве эскорта, и Морейн согласилась. Она не боялась грабителей, которых в Тар Валоне было мало и с которыми она в любом случае легко справилась бы, но, если дойдет до разбоя, лучше, чтобы злодеев отпугнули ее охранники и ей не пришлось бы отгонять их с помощью Силы. Использование Силы только привлекло бы внимание. Богатые женщины даже в Тар Валоне часто ездят с охраной.

От банкирши Морейн выехала в окружении четырех мужчин — госпожа Дормайле сколько угодно могла называть их «лакеями», но, судя по их виду, шагавшие рядом со Стрелой крепкие парни в обычных серых куртках умели пользоваться мечами, что висели у них на поясах. Несомненно, эти-то «лакеи» и схватили мастера Гортанеса, или как там его зовут по-настоящему, — они или такие же «лакеи» вроде них. В банках всегда есть охранники, хотя так их никогда не называли.

Оказавшись в лавке Таморы, Морейн послала двоих из своего эскорта купить дорожный сундук и нанять пару носильщиков. Затем она переоделась в одно из дорожных платьев, глядя на которое можно было сказать, что его хозяйка принадлежит к мелкой кайриэнской знати. Три платья из пяти украшала вышивка, но в весьма

умеренных количествах, так что расстраиваться Морейн не стала. В любом случае уже слишком поздно что-либо спарывать. Тамора задала ей вопросов не больше, чем госпожа Дормайле. Хоть и нужно выказывать уважение своей портнихе, но, в конце концов, это же всего лишь портниха. К тому же портные — народ благоразумный, иначе недолго они занимались бы своим ремеслом. Прежде чем покинуть лавку, Морейн засунула свое кольцо Великого Змея в поясной кошель. Без него рука казалась непривычно голой, палец зудел от желания водворить кольцо обратно, но в Тар Валоне слишком многие знали, что оно означает. Теперь она должна действовать уже по-настоящему скрытно.

В сопровождении своей маленькой свиты Морейн двигалась в северном направлении, задерживаясь ненадолго, чтобы купить и уложить в закрепленный на шестах носильщиков сундук разные нужные в дороге вещи, которые она не могла незаметно взять с собой из Башни. Наконец они добрались до Северной гавани — там городские стены изгибались, вдаваясь в реку кольцом около мили в поперечнике и оставляя единственную брешь — вход в гавань. Вдоль стен внутри этого громадного кольца протянулись

причалы с дощатыми крышами, выстроились пришвартованные корабли всевозможных размеров. Переговорив с начальницей дока, крупной седеющей женщиной с усталым лицом, Морейн направилась к указанному ею двухмачтовому кораблю. «Синекрылый» был не самым крупным из судов, стоявших у причала, но по расписанию он должен был отплыть в течение часа.

Вскоре кобылу Морейн, подведя ей под брюхо ремни-стропы, подняли на борт с помощью деревянной лебедки и надежно привязали на палубе. Морейн расплатилась с носильщиками, отпустила лакеев, отблагодарив каждого серебряной маркой, а ее сундук внесли и закрепили в маленькой каюте на юте. Не без оснований полагая, что в этой каюте ей придется провести больше времени, чем того бы хотелось, Морейн осталась на палубе и стояла, почесывая нос Стреле, пока корабль отшвартовывался и отплывал от берега. Потом гребцы выставили длинные весла, и «Синекрылый» двинулся через гавань, словно какая-то громадная водомерка.

И именно поэтому Морейн увидела, как начальница дока показывает на «Синекрылого» какому-то мужчине, закутанному в темный плащ. Девушка тотчас обняла саидар, и все вокруг

стало ярче, отчетливее. Эффект не мог сравниться с хорошей зрительной трубой, но Морейн разглядела лицо человека, жадно всматривавшегося из-под капюшона вслед отплывшему речному кораблю. Данное госпожой Дормайле описание было совершенно точным. Он не был красив, но хорош собой, несмотря на шрам возле уголка левого глаза. И для кайриэнца он очень высок, почти в спан ростом. Но как он отыскал ее здесь и почему он вообще ее выслеживает? Отрадного для себя ответа Морейн не могла придумать ни на один вопрос, особенно на второй. Для того, кто стремится разрушить планы Совета, для того, кто желает посадить на Солнечный трон не кого-то из Дамодредов, а представителя другого Дома, самый простой путь — смерть претендентки, выбранной Советом. Запечатлев в памяти лицо мужчины со шрамом, она позволила Силе вытечь из нее. Как выясняется, у нее есть еще одна причина быть крайне осторожной. Теперь ему известен корабль, на котором она отплыла, и, скорее всего, все предполагаемые остановки от Тар Валона и до Пограничных земель. Ей представлялось, что лучше всего начать поиски оттуда. Пограничные земли находятся далеко от Кайриэна, и туда легко добраться по реке.

— Скажите, капитан Карни, «Синекрылый» — быстрый корабль? — спросила Морейн.

Капитан, широкоплечий загорелый мужчина с навощенными кончиками тонких усов, перестал выкрикивать команды и нацепил на лицо подобие почтительной улыбки. Он с радостью принял плату золотом за проезд кайриэнской благородной дамы и провоз ее лошади.

— Самый быстрый на реке, можете не сомневаться, миледи, — ответил он и вновь продолжил криками подгонять свою команду.

Половину золота капитан уже получил, и теперь, чтобы получить остальные деньги, ему требуется выказывать лишь определенную толику почтения.

Любой капитан скажет о своем судне то же самое, но, когда треугольные паруса поймали ветер, «Синекрылый» как ласточка полетел к выходу из гавани.

С этой минуты Морейн можно обвинить в неповиновении Престолу Амерлин. О, Сайрин, разумеется, сочтет ослушанием уже то, что Морейн покинула Башню, но намерение — это еще не поступок. Какое бы наказание Сайрин ни измыслит, оно, несомненно, будет сочетанием Труда, Бедности, Умерщвления плоти и вдобавок

— Смирения духа. В довершение всего ее почти наверняка преследует убийца. От страха перед Сайрин, если не перед мастером Гортанесом, у Морейн должны бы подгибаться колени, но, когда Тар Валон и Башня стали уменьшаться позади за кормой, беглянка почувствовала лишь нахлынувшее ощущение свободы и возбуждение. Теперь им не удастся посадить ее на Солнечный трон. К тому времени как Совет найдет Морейн, на нем уже будет прочно сидеть кто-то другой. А она отправилась на поиски ребенка. Ее ждет великое дело — под стать самым грандиозным подвигам, когда-либо совершенным Айз Седай.

Глава 15
В Канлуум

В воздухе Кандора ощутимо пахло новой весной, и Лан возвращался на север, туда, где ему — он всегда знал это — суждено умереть. В землях, находящихся южнее, весна уже давно вступила в свои права, здесь же ветви деревьев лишь обметало рыжими хлопьями набухших, готовых вот-вот лопнуть почек, и там, где снежные заплаты уползли в тень, в бурой прошлогодней траве виднелись редкие луговые цветы. Но солнце грело слабо, совсем не так, как на юге, серые облака предвещали отнюдь не дождь. Резкие порывы холодного ветра пробирались под куртку. Наверное, в южных землях он, сам того не замечая, слишком размяк. Жаль, коли так. Он уже почти дома. Почти.

За сотни поколений широкую дорогу утоптали до каменной твердости, не уступавшей окрестным скалам, и пыли почти не было, хотя к Канлууму двигался целый поток запряженных быками телег — это фермеры спешили с утра на рынок. К высоким городским стенам медленно

стекались и купеческие обозы; высокие фургоны окружали конные охранники в стальных шлемах и разномастных доспехах. Кое-где глаз замечал цепочки на груди — знак принадлежности к кандорской купеческой гильдии; их собратьев по ремеслу из Арафела отличали маленькие колокольчики в волосах. Там сверкнул красовавшийся в ухе у мужчины рубин, здесь тускло блеснула жемчужная брошь на груди у женщины, но в большинстве своем одежда торговцев была столь же неброска, как их сдержанные манеры. Купцу, склонному к роскоши, не видать выгодных сделок, а значит, и барышей.

Фермерский же люд, направлявшийся в город, напротив, свой достаток выставлял напоказ. Мешковатые штаны размашисто шагавших селян украшала богатая вышивка, ничем не уступавшая отделке женских нарядов; хлопали на ветру яркие плащи. Можно было подумать, что все эти люди принарядились к праздничному застолью и танцам, к близкому уже Бэл Тайну. Однако деревенские косились на чужаков с той же настороженностью, что и купеческие охранники: те мимоходом кидали взгляды исподлобья да перехватывали поудобнее копья или топоры. Тревожно ныне в Кандоре, да и во всех Погра-

ничных землях. Разбойников за минувший год развелось не меньше, чем сорняков, и Запустение хлопот доставляло не в пример обычному. Ходили даже слухи, будто появился мужчина, способный направлять Единую Силу. Чего-чего, а таких слухов всегда хватало.

Лан вел своего коня, Дикого Кота, под уздцы и, шагая в сторону Канлуума, почти не обращал внимания ни на взгляды, какими путники окидывали его самого и его товарища, ни на хмурый вид и недовольное бурчание Букамы. Сколько бы тот ни твердил об отдыхе, но чем дольше они оставались на юге, тем раздражительней становился Букама. На сей раз ворчал он потому, что лошадь сбила камнем копыто и ему пришлось идти пешком.

Неудивительно, что на них оглядывались: двое очень высоких мужчин в изрядно поношенной простой одежде, припорошенной дорожной пылью, шли рядом с верховыми лошадьми, ведя в поводу еще и третью, навьюченную парой видавших виды плетеных корзин. Однако об упряжи и об оружии их владельцы явно заботились. Один мужчина — в летах, второй — помоложе, у обоих — волосы до плеч и прихвачены плетеным кожаным шнуром. Именно хадори притягивало

взоры. Особенно здесь, в Пограничных землях, где кое-кто еще не забыл, что значит эта кожаная лента на голове.

— Вот дурни, — пробурчал Букама. — Неужели принимают нас за разбойников? Думают, мы их всех ограбим тут, на проезжей дороге, средь бела дня?

Он глянул по сторонам и поправил у бедра меч, отчего несколько охранников немедленно уставились на Букаму. Коренастый фермер отвернул свою запряженную волами телегу подальше от греха и от двух чужеземцев.

Лан промолчал. За теми из малкири, кто все еще носил хадори, укрепилась репутация чуть ли не разбойников, однако напоминание об этом наверняка ввергнет Букаму в еще большую мрачность и заставит с черным юмором отозваться о нынешних временах. Он и так-то ворчит о том, каковы их шансы сегодня вечером улечься в приличную постель и при этом не на пустой желудок. Букама мало чего ожидал от жизни, а надеялся и на того меньшее.

Мысли Лана занимали вовсе не еда и не ночлег, хотя дорога выдалась длинной. То и дело он поворачивал голову и смотрел на север. И еще он не пропускал ни одной мелочи, ни одного человека,

особенно из тех, кто глядел на него больше одного раза; он слышал звон упряжи и поскрипывание седел, стук копыт и хлопанье болтающихся на ветру парусиновых покрышек фургонов. «Обращай внимание на любой услышанный тобой необычный звук» — таков был первый урок, усвоенный Ланом. Потому он и держался настороже, тем более что на севере лежало Запустение — там, за холмами, в милях пути отсюда, и Лан чувствовал его, ощущал его порчу.

Пусть то было лишь в воображении Лана, какая разница! Запустение напоминало о себе, когда Лан был на юге, в Кайриэне и в Андоре, даже в Тире, почти в пяти сотнях лиг от канувших в Тень земель. Два года проведены вдали от Пограничных земель — тогда он отложил свою личную войну ради другой, и с каждым днем незримое напряжение росло. Зря он поддался на уговоры Букамы задержаться, позволив югу разнежить себя. Хорошо хоть Айил помогли сохранить остроту клинка и остроту чувств.

Для большинства людей Запустение означало гибель. Смерть и Тень, в гниющем краю, испоганенном дыханием Темного, где погибает все что угодно, где погибелью грозит укус насекомого, где малейшая оплошность — и жизнь унесет

укол шипа, прикосновение к листу растения. Не говоря уже о троллоках и мурддраалах. Где все меняется, стоит лишь отойти на несколько шагов. Запустение напирало на рубежи четырех стран, но свою войну Лан вел вдоль той границы с Запустением, что идет от океана Арит до Хребта Мира. И не все ли равно, где встретить смерть? Он уже почти дома. На пути в Запустение. Его не было слишком долго.

Стену Канлуума огибал ров — шириной в пятьдесят шагов и глубиной в десять; через него в город вели пять широких каменных мостов со сторожевыми башнями по обе стороны рва, и высотой эти башни не уступали тем, что оберегали городскую стену. Троллоки и мурддраалы в своих набегах из Великого Запустения зачастую проникали в Кандор куда дальше Канлуума, но за эти стены еще не прорвался ни один. Над всеми башнями развевался стяг с изображением Алого оленя. А он заносчив, этот лорд Вэран, верховная опора Дома Маркасив, — над самим Чачином королева Этениелле не поднимает столько своих знамен.

У внешних башен стояли стражники в шлемах с гребнями в виде оленьих рогов, какие носили все солдаты Вэрана, и с эмблемой Алого оленя

на груди; они заглядывали внутрь фургонов и лишь затем разрешали въехать на мост. Изредка стражники знаком просили кого-нибудь из проходивших сдвинуть капюшон с лица. Хватало одного лишь жеста: во всех городах и селах Пограничных земель закон запрещал скрывать лицо, и вряд ли кому-нибудь захотелось бы, чтобы его по ошибке приняли за Безглазого, вознамерившегося пробраться в город. Пока Лан и Букама шли по мосту, стража провожала их суровыми взглядами. Лиц эти двое не скрывали. Как не прятали и свои хадори. Тем не менее в настороженных глазах стражников не промелькнуло и намека на то, что они узнали Лана и Букаму. Для Пограничья два года — долгий срок. За два года могли погибнуть очень многие.

Лан заметил, что Букама умолк, — недобрый знак.

— Спокойно, Букама, — предостерег он своего спутника.

— Из-за меня неприятностей не будет, — огрызнулся Букама, но пальцы его перестали поглаживать рукоять меча.

На стене над распахнутыми воротами, обитыми железом, прохаживались часовые, они, как и солдаты на мосту, из доспехов носили лишь

кирасы и панцири, но были не менее бдительны. Особенно при виде двух малкири с подвязанными волосами. Букама с каждым шагом все больше поджимал губы.

— Ал'Лан Мандрагоран! Храни вас Свет, мы слышали, что вы погибли в сражении с Айил у Сияющих Стен! — воскликнул молодой стражник, тот, что был выше остальных; ростом он ненамного уступал Лану. Да и возрастом он был всего на год или два моложе, однако этот срок казался пропастью размером в десятилетие. Если не в целую жизнь. Стражник низко поклонился, положив левую ладонь на колено. — *Тай'шар Малкир!* — Истинная кровь Малкир! — Я готов, ваше величество.

— Я не король, — тихо произнес Лан.

Малкир давно погибла. Осталась только война. Для него — по крайней мере.

Букама же заговорил во весь голос:

— Ты готов, мальчик? А к чему? — Тыльной стороной кисти Букама хлопнул стражника по груди, чуть выше Алого оленя на кирасе, отчего юноша выпрямился и отступил на шаг. — А что у тебя с волосами? Вон как коротко ты их подрезал! — Каждое слово Букама будто выплевывал. — Ты присягнул кандорскому лорду! По какому праву

ты смеешь называть себя малкири?

Молодой стражник краснел, тщетно пытаясь ответить. Другие стражники двинулись было в их сторону, но остановились, когда Лан выпустил из руки звякнувшую уздечку. Большего им было не нужно, его имя они уже знали и так. Стражники смотрели на гнедого жеребца, который, глядя на солдат столь же настороженно, как они на него, стоял неподвижно позади хозяина. Боевой конь — оружие грозное, и откуда им знать, что Дикий Кот обучен в лучшем случае наполовину.

Впереди, за воротами, образовался свободный пятачок — люди торопливо отходили подальше и только потом оборачивались на шум, а на мосту уже скопилась небольшая толпа. С обеих сторон раздавались крики: кому-то не терпелось узнать, что там мешает проходу. Букама и бровью не повел, он не сводил сурового взора с покрасневшего, как рак, молодого стражника. В руке Букама по-прежнему сжимал уздечки вьючной лошади и своего светло-чалого мерина. Еще оставалась надежда, что удастся пройти, не обнажая оружия.

Из каменной караулки за воротами показался офицер. Шлем с гребнем он держал под мышкой, но рука в латной перчатке лежала на рукояти меча. Этого с виду грубовато-добродушного се-

деющего мужчину с двумя белесыми шрамами на лице звали Алин Сероку, и за плечами у него было сорок лет армейской службы на границе с Запустением. Но и у старого солдата при виде Лана слегка округлились глаза. Судя по всему, до него тоже дошли слухи о смерти Лана.

— Да осияет вас Свет, лорд Мандрагоран. Мы всегда рады приветствовать сына эл'Ленны и ал'Акира, да благословит Свет их память!

Букаму офицер окинул коротким и отнюдь не приветливым взглядом.

Сероку остановился в воротах. По обе стороны вполне могло проехать по пять всадников, но он, как того и добивался, преградил путь. Ни один из стражников не двинулся с места, но у всех, как по команде, ладони легли на рукояти мечей. У всех, кроме молодого стражника, — тот горящим взглядом в упор смотрел на рассерженного Букаму.

— По повелению лорда Маркасива мы оберегаем мир и спокойствие, — продолжал Алин Сероку, отчасти извиняющимся тоном. — Город едва не бурлит. Мало нам слухов о мужчине, способном направлять Силу, так в прошлом месяце на улицах уже людей стали убивать. Да еще средь бела дня! Не говоря уж о странных несчастных случаях. Люди шепчутся, будто по городу разгу-

ливают отродья Тени.

Лан чуть заметно кивнул. Запустение совсем рядом, а потому люди всегда вспоминают об отродьях Тени, когда не могут чему-то подыскать объяснения, будь то внезапная смерть или неурожай. Тем не менее поводьев Дикого Кота он в руку не взял.

— Мы хотим отдохнуть здесь несколько дней, а потом двинемся на север.

Отдохнуть и попытаться обрести прежнюю твердость.

На миг ему показалось, что Сероку изумлен. Неужели он ожидал обещаний соблюдать мир? Или извинений за поведение Букамы? И то и другое теперь лишь опозорило бы Букаму. Жаль, если его война кончится здесь. Лану не хотелось погибнуть, убивая кандорцев.

Его старый друг отвернулся от молодого стражника, который стоял, дрожа и прижав стиснутые кулаки к бокам.

— Это все моя вина, — бесстрастным голосом заявил в никуда Букама. — Я был не прав. Клянусь именем своей матери, что буду блюсти мир и спокойствие лорда Маркасива. Именем моей матери клянусь, я не обнажу меча в стенах Канлуума.

У Сероку отвисла челюсть, и Лану самому с

трудом удалось скрыть потрясение.

Помешкав секунду, шрамолицый офицер шагнул в сторону и поклонился, коснувшись сперва рукояти меча, затем левой стороны груди.

— Здесь всегда рады приветствовать Лана Мандрагорана Дай Шан, — церемонно промолвил он. — И Букаму Маренеллина, героя Салмарны. Да обретете вы когда-нибудь оба покой.

— Покой — лишь в последнем объятии матери, — столь же церемонно откликнулся Лан, в свою очередь коснувшись пальцами рукояти меча и груди.

— Да примет она нас когда-нибудь, — закончил формальное приветствие Сероку.

Конечно, никто не стремится в могилу, но могила — единственное место, где в Пограничных землях можно обрести покой.

С лицом, выражавшим не больше чем железная чушка, Букама зашагал вперед, потянув за собой Солнечного Луча и вьючную лошадь. Не дожидаясь Лана. Недобрый знак.

Канлуум являл собой город из камня и кирпича. Вокруг высоких холмов вились мощеные улицы. Айильское вторжение не затронуло Пограничных земель, но отголоски войн всегда далеко раскатываются от полей сражений, сокращая

торговлю, и теперь, когда окончились и битвы, и зима, в городе было полно народу чуть ли не из всех стран. Хотя Запустение притаилось едва ли не под самыми городскими стенами, Канлуум процветал — в окрестных холмах рудокопы добывали самоцветы. Свою лепту в процветание города вносили лучшие, как ни странно, в мире часовщики. Даже поодаль от рыночных площадей гомон толпы прорезали пронзительно-зазывные крики уличных торговцев и лавочников. На каждом перекрестке выступали ярко разодетые музыканты, жонглеры, акробаты. В массе людей, фургонов, повозок и тележек с трудом продвигалось несколько — по пальцам можно счесть — лакированных экипажей. Сквозь толпу пробирались лошади, сверкая отделанными золотом и серебром седлами и уздечками, а одежды всадников, украшенные с пышностью не меньшей, чем конская сбруя, были оторочены мехом лисы, куницы или горностая. Столпотворение такое, что яблоку негде упасть.

Лан даже приметил нескольких Айз Седай — женщин с невозмутимыми лицами, лишенными всяких признаков возраста. Многие прохожие, судя по тому смятению, с каким они уступали дорогу, узнавали их. Перед ними расступались кто

из уважения или осторожности, кто из благоговения или страха, но даже король или королева не сочла бы зазорным отступить в сторону с дороги Айз Седай. Когда-то даже в Пограничных землях едва ли раз в год-два можно было встретить сестру из этого своеобразного ордена, но с тех пор, как умерла их прежняя глава, занимавшая Престол Амерлин, Айз Седай стали появляться повсюду. Возможно, причиной тому стали слухи о способном направлять Силу мужчине, и если слухи не врут, то долго ему на свободе не бывать — сестры не позволят.

Лан старательно отводил взор от Айз Седай, ступая быстрым шагом и стараясь не привлекать к себе внимания. Если кто-то из сестер подыскивает себе Стража, то хадори вполне может ее заинтересовать. По общему убеждению, перед тем как связывать мужчину узами Стража, Айз Седай якобы спрашивают у него согласия, но Лан знавал нескольких, кто принял эти узы, и всякий раз это случалось неожиданно. Какой мужчина откажется от своей свободы ради того, чтобы, как привязанный, бегать по пятам за Айз Седай? Вряд ли те ограничиваются одной лишь просьбой, наверняка тут кроется нечто большее.

Как ни странно, но лица многих женщин скры-

вали кружевные вуали. Тонкие — через них видны были глаза, да и о мурддраале женского пола еще никто и никогда не слыхал, однако Лан и предположить не мог, что закон пойдет на уступки веяниям моды. Того и гляди тут еще удумают погасить масляные фонари вдоль улиц, чтобы ночью стало темно. Больше всего потрясло Лана, что Букама смотрит на этих женщин и… молчит. И рта не раскрывает! Букама даже не моргнул, когда мимо него прошел Назар Кьюренин. Тот юный стражник у ворот наверняка появился на свет после того, как Запустение поглотило Малкир, но Кьюренин был вдвое старше Лана. И волосы у него были коротко стрижены, он носил раздвоенную бородку, хотя годы и не стерли окончательно следы хадори с его лба. Кьюренин был не один такой, и, увидев его, Букама должен был взорваться от гнева. Лан встревоженно посматривал на своего старого друга.

Двигались они к центру города, и улицы вели их к самому высокому холму, носящему название Олений, на вершине которого располагался похожий на крепость дворец лорда Маркасива, а на террасах ниже виднелись дворцы и особняки лордов и леди помельче. На пороге любого из них ал'Лана Мандрагорана ожидает теплый прием.

Пожалуй, даже более радушный, чем ему сейчас бы хотелось. Последуют балы и выезды на охоту, и всякий благородный, кто живет по меньшей мере милях в пятидесяти от города, сочтет за честь пригласить его в гости. Нет сомнений, не будет недостатка в приглашениях и с той стороны границы с Арафелом. С жадным блеском в глазах люди станут слушать рассказы о его «приключениях». Молодежь вызовется сопровождать Лана в вылазках в Запустение, а старики примутся сравнивать его рассказы с событиями своего боевого прошлого. Женщины будут готовы разделить ложе с мужчиной, кого — как утверждают глупые слухи — не может убить Запустение. Порой Кандор и Арафел так же невыносимы, как южные края. К тому же кое-кто из этих женщин окажется замужем.

И наверняка встретятся мужчины вроде Кьюренина, которые стараются загнать подальше в глубины памяти воспоминания о погибшей Малкир, и женщины, которые больше не украшают свой лоб *ки'сайн*, — залог того, что их сыновья до последнего вздоха будут противостоять Тени. Лан мог не замечать фальшивых улыбок, когда его именовали ал'Лан Дай Шан, увенчанным диадемой битвы и некоронованным королем

страны, что пала из-за предательства, когда Лан еще лежал в колыбели. Букама же в своем нынешнем настроении запросто способен и убить за такое. Или же может случиться нечто похуже, памятуя клятву, данную им у ворот. Он мог сдержать свое слово ценой жизни. Но Букама таил в себе опасность и без оружия — он в состоянии голыми руками превратить человека в калеку на всю жизнь.

— Вэран Маркасив со всеми этими церемониями задержит нас самое меньшее на неделю, — заметил Лан, сворачивая на улицу поуже. Вела она в сторону от Оленьего холма. — Мы здесь столько уже наслушались о разбойниках и тому подобном, что он будет просто счастлив, если я не стану надоедать ему со своими поклонами.

Что ж, в этом была доля правды. Несколько лет назад Лану довелось встречаться с верховной опорой Дома Маркасив, но он помнил его как человека степенного и серьезного, всецело поглощенного своими обязанностями. Несомненно, лорд Маркасив займется устройством балов и организацией охот, но про себя будет сокрушаться, что потратил на такие пустяки время и силы.

Букама последовал за Ланом, не проронив ни единого слова сожаления о ночлеге во дворце

или пиршественных яствах. Очень тревожный признак. Лану нужно вновь обрести былые твердость и решимость, но одновременно надо найти способ вернуть остроту клинку, скрытому в душе Букамы, иначе им проще прямо сейчас вскрыть себе вены.

Глава 16
Пропасти

Низины в нижней части города назывались Пропастями, и здесь, у северной стены, дворцов не было и в помине, лишь лавки и таверны, гостиницы, конюшни и фургонные дворы. Возле длинных складов купцов-факторов царила суматоха, но в экипажах и каретах тут не ездили, да и на большинстве улиц едва ли удалось бы развернуть телегу. Однако народу здесь оказалось не меньше, чем на широких центральных улицах, и так же оглушал шум. Местные уличные артисты ветхость своих нарядов старались возместить лужеными глотками, от них не отставали и покупатели с продавцами — эти орали во всю мочь, будто хотели, чтобы их услыхали на следующем перекрестке. В этакой толкотне наверняка шастает уйма карманников и других охотников за чужими кошельками — кто-то из них уже завершил свои дела в верхнем городе, а кто-то только снарядился на дневной промысел. Удивительнее было бы обратное — ведь в городе, куда съехалось столько купцов и торговцев, раздолье для воров-

ской шатии. Когда в толчее невидимые пальцы во второй раз легонько скользнули по куртке, Лан засунул свой кошель под рубашку. Любой банкир ссудит ему сумму куда большую под залог шайнарского имения — его владельцем Лан стал после совершеннолетия, — но лишиться сейчас наличности означало бы, что придется воспользоваться гостеприимством Оленьего холма.

В первых трех гостиницах — крытые кровельным сланцем серокаменные кубы с яркими вывесками над дверями — хозяева не могли предложить путникам даже чуланчика. До самых чердаков в них набились купеческие охранники и мелкие торговцы. Букама начал бурчать, что можно устроиться на ночлег и на сеновале, но ни словом не обмолвился о пуховых матрасах и свежих простынях, какие ждали бы их на Оленьем холме. Полный решимости найти какой-никакой ночлег, пусть даже на поиски у него уйдет весь оставшийся день, Лан вошел в четвертую гостиницу, «Синяя роза», оставив лошадей под присмотром конюха.

В переполненной гостинице, где в гомоне и смехе почти тонула песня, которую, аккомпанируя себе на цитре, пела стройная девушка, в центре общего зала царственно возвышалась хозяйка

— седая красивая женщина. Вокруг потолочных балок вился табачный дым, из кухни вкусно пахло жареным барашком. Увидев Лана и Букаму, хозяйка гостиницы одернула свой передник в синюю полоску и решительно зашагала к ним. Ее темные глаза сверкали.

Лан не успел и рта раскрыть, как она схватила Букаму за уши, потянула его голову вниз и крепко поцеловала. Кандорских женщин застенчивыми не назовешь, но поцелуй тем не менее вышел на славу, к тому же на глазах у стольких людей. По сидевшим вокруг столиков пробежала волна смешков и улыбок.

— Я тоже рад тебя видеть, Раселле, — со слабой улыбкой пробормотал Букама, когда хозяйка наконец отпустила его. — Не знал, что у тебя тут есть гостиница. Как ты думаешь…

Он отвел взгляд, чтобы, как требует вежливость, не смотреть ей прямо в глаза. Это оказалось ошибкой. Раселле от души врезала ему в челюсть — Букама аж пошатнулся, мотнув головой.

— Шесть лет — и ни одной весточки! — рявкнула Раселле. — Шесть лет!

Вновь схватив Букаму за уши, она еще раз поцеловала его и на этот раз не отпускала подольше. И держала крепко, пресекая все попытки при-

гнувшегося к ней Букамы высвободиться, так что ему пришлось сдаться и позволить Раселле поступать, как той вздумается. Ладно, раз она его целует, значит нож в сердце не вонзит. По крайней мере, пока.

— По-моему, для Букамы у госпожи Аровни комната найдется, — раздался за спиной Лана знакомый мужской голос. — И для тебя, пожалуй, тоже.

Повернувшись, Лан пожал руку мужчине, единственному в общем зале ростом под стать ему и Букаме. Это был Рин Венамар, старейший его друг. Не считая Букамы, конечно. Хозяйка все еще разбиралась с Букамой, и Рин повел Лана к маленькому круглому столику в углу. Рин, пятью годами старше Лана, тоже происходил из народа малкири, но волосы его были заплетены в две длинные косицы, украшенные колокольчиками. Такие же серебряные колокольчики тихонько звенели на отворотах его сапог и на рукавах желтой куртки. Нельзя сказать, что Букама недолюбливал Рина, но сейчас еще больше испортить настроение Букаме мог лишь вид Назара Кьюренина.

Лан с Рином уселись на скамьи, и служанка в полосатом переднике тотчас же принесла го-

рячего вина с пряностями. По-видимому, Рин догадался заказать питье, едва заметив Лана. Темноглазая девушка с пухлыми губками, поставив кружку перед Ланом, беззастенчиво оглядела его с головы до пят. Потом шепнула ему на ухо: «Меня зовут Лайра» — и пригласила провести вместе ночь, если он остановится в гостинице. Лану же сегодня хотелось только одного — как следует выспаться, поэтому он, потупив взор, начал бормотать, что она оказывает ему слишком большую честь. Лайра не дала ему договорить. С хриплым смешком она склонилась к Лану и больно укусила за ухо.

— До завтрашнего восхода, — громким грудным голосом заявила ему Лайра, — я тебе такую честь окажу, что ты на ногах держаться не будешь.

За столиками рядом раздались взрывы хохота.

Рин не дал Лану даже слова вымолвить — он швырнул девушке толстую монету и увесистым шлепком пониже спины отправил красотку восвояси. Засовывая монету в вырез платья, Лайра улыбнулась, отчего на щечках у нее появились ямочки. Но, уже уходя, она то и дело оглядывалась и кидала на Лана томные взгляды. Тому оставалось лишь вздохнуть. Вздумай он сейчас сказать «нет», на подобное оскорбление с нее

вполне станется ответить ударом ножа.

— А с женщинами тебе по-прежнему везет. — В смехе Рина послышались раздраженные нотки. Возможно, у него самого имелись на Лайру виды. — Свету ведомо, не считают же они тебя красавцем: с каждым годом ты все уродливей. Наверное, мне стоит прикинуться скромником, пусть меня женщины за нос поводят!

Лан открыл было рот, но потом вместо ответа отхлебнул вина. Объяснений не требовалось, да и в любом случае объясняться с Рином было поздно. Отец Рина увез сына в Арафел в тот год, когда Лану исполнилось десять. Рин носил единственный меч у бедра, а не два за спиной, но до кончиков ногтей был арафелцем. Он и в самом деле заговаривал с женщинами первым. Лана же воспитали в Шайнаре Букама и его товарищи и окружали те немногие, кто придерживался малкирских обычаев. Если Лайра решит провести с ним ночь — что представлялось весьма вероятным, — то стоит им только оказаться наедине, как она обнаружит, что Лан не так уж застенчив или стыдлив, однако выбор — когда ложиться в постель с мужчиной и когда уходить — остается за женщиной.

Кое-кто из сидящих в общем зале поглядывал

на столик Лана и Рина — искоса, поверх кубков и кружек. Пухленькая меднокожая женщина, в платье из несколько более плотной ткани, чем обычно носят доманийки, ничуть не скрывала своего интереса к происходящему, возбужденно переговариваясь с обладателем закрученных усов и крупной жемчужины в ухе. Вероятно, пыталась угадать, будут ли из-за Лайры неприятности. Или гадала, правда ли, что мужчина с хадори на голове способен убить за оброненную булавку.

— Не ожидал встретить тебя в Канлууме, — промолвил Лан, поставив на стол кружку с вином. — Купеческий караван охраняешь?

Букамы и хозяйки гостиницы нигде не было видно.

Рин пожал плечами:

— Да, из Шол Арбелы. Говорят, самый удачливый торговец в Арафеле. Вернее, говорили. Вот и договорились. Мы прибыли вчера, и минувшей ночью в двух кварталах отсюда грабители перерезали ему горло. Так что за эту поездку денег мне не видать. — Он мрачно улыбнулся, сделал большой глоток из своей кружки, возможно в память о купце, а возможно жалея, что не получит вторую половину платы. — Чтоб мне сгореть,

если я думал свидеться тут с тобой.

— Не слишком верь слухам, Рин. С тех пор как я отправился на юг, меня, можно сказать, и не ранили.

Если для них отыщется комната, тогда, решил Лан, нужно обязательно поинтересоваться у Букамы, заплатил ли уже тот за ночлег и каким образом. Глядишь, от негодования забудет про свою угрюмость.

— Айил, — фыркнул Рин. — По-моему, им ты не по зубам. — Разумеется, с Айил Рину сталкиваться не приходилось. — Я думал, ты вместе с леди Эдейн Аррел. Говорят, сейчас она в Чачине.

Едва прозвучало это имя, как Лан резко повернулся к Рину.

— А почему я должен быть рядом с леди Аррел? — негромко спросил он. Негромко, но особо выделив ее титул.

— Ну-ну, полегче, — произнес Рин. — Я вовсе не хотел… — С его стороны было благоразумно оставить прежний тон. — Чтоб мне сгореть, неужели ты ничего не слышал? Она подняла знамя с Золотым журавлем. Разумеется, от твоего имени. Едва год начался, как она отбыла из Фал Морана в Марадон, а теперь возвращается. — Рин покачал головой, колокольчики, вплетенные в

косицы, тихонько звякнули. — Здесь, в Канлууме, нашлось сотни две-три, готовых последовать за нею. То есть за тобой. Назвать некоторых, так ты не поверишь. Старый Кьюренин заплакал, когда услышал ее речи. И все готовы вырвать Малкир из лап Запустения.

— Что погибло в Запустении, того больше нет, — устало промолвил Лан.

В душе он ощущал ледяной холод. Теперь удивление Сероку, услышавшего, что Лан собирается отправиться на север, внезапно обрело новый смысл, как и нежданное заявление юного стражника. Даже взгляды, которыми Лана окидывали в общем зале, показались ему иными. И со всем этим связана Эдейн. Она всегда любила бури и грозы.

— Пойду за конем своим присмотрю, — сказал Лан Рину, со скрипом отодвигая скамью.

Рин намекнул в ответ, что, мол, неплохо бы вечерком прошвырнуться по окрестным тавернам, но Лан его не слушал. Он торопливо миновал кухню, окунувшись в горячий от раскаленных железных жаровен, пышущих жаром каменных печей и открытых очагов воздух, и вышел в прохладу конюшенного двора, где смешались запахи лошадей, сена и дыма. На крыше конюшни

щебетал серый жаворонок. Весной серые жаворонки прилетают раньше малиновок. Тогда в Фал Моране, когда Эдейн впервые обожгла его ухо жарким шепотом, тоже пели серые жаворонки.

Лошадей уже завели в конюшню, на дверцах стойл висели попоны, поверх них лежали уздечки и седла. Вьючных корзин Лан не заметил. Очевидно, госпожа Аровни дала знать конюхам, что Букама и Лан останутся ночевать у нее в гостинице.

В сумрачной конюшне он обнаружил всего одного конюха — худощавая женщина сурового вида сгребала навоз. Не прекращая своего занятия, она молча смотрела на Лана; он похлопал Дикого Кота по шее, проведал и двух других лошадей. Так же, не проронив ни слова, женщина смотрела, как Лан принялся расхаживать туда-сюда по конюшне. Меряя шагами усыпанный соломой земляной пол, он пытался размышлять, но в голове крутилось лишь имя Эдейн. Лицо Эдейн в обрамлении черных шелковистых волос, что спускались ниже талии, прекрасное лицо с огромными темными глазами, из-за которых, пусть даже полных властности, иссохнет душа любого мужчины.

Вскоре женщина-конюх, коснувшись пальца-

ми губ и лба, что-то пробормотала в его сторону и поспешно вывезла из конюшни полупустую тележку. Косясь через плечо на Лана, женщина чуть замешкалась, затворяя дверь, а потом Лан остался один. Сумрак прорезали косые солнечные лучи, что пробивались в щели приоткрытых люков, ведущих на сеновал. В бледно-золотистых полосах света плясали пылинки.

Лан поморщился. Неужели она испугалась мужчины с хадори на голове? Решила, что в том, как он ходит тут, таится угроза? Вдруг Лан поймал себя на том, что его пальцы бегают по длинной рукояти меча, а лицо его напряжено. А как он ходит? Да нет, он не просто ходит, а повторяет шаги боевой связки под названием «Леопард в высокой траве», которую используют, когда враги окружают со всех сторон. Ему нужно успокоиться.

Лан уселся, скрестив ноги, на связанную в тюк солому и погрузился в состояние ко'ди. Он плыл в безмятежной пустоте, достигнув единения с тюком соломы, на котором сидел, с конюшней, с мечом в ножнах у себя за спиной. Лан «чувствовал» лошадей, хрупающих в своих кормушках, и мух, жужжащих в углах. Все они были частью его, он слился с ними. Особенно с мечом. Впрочем, именно такой бесстрастности он сейчас и искал.

Из кошеля на поясе Лан достал тяжелое золотое кольцо-печатку с вырезанным на нем летящим журавлем и принялся вертеть его в пальцах. Кольцо королей малкири — его носили мужчины, которые сдерживали Тень более девяти сотен лет. Неизвестно, сколько раз кольцо переливали, когда металл истирался, но всякий раз старое кольцо расплавляли, чтобы оно стало частью нового. Наверняка что-то в этом кольце помнило еще и руки правителей Рамдашара, существовавшего до Малкир, и властителей Арамелле, что была прежде Рамдашара. Этот кусочек металла олицетворял собой более чем трехтысячелетнюю битву с Запустением. Кольцом Лан владел всю свою жизнь, но никогда не надевал его. Обычно даже прикоснуться к кольцу он не мог без внутренней борьбы, но каждый день заставлял себя вновь и вновь смотреть на него, относясь к этому как к своеобразному упражнению воли. Сегодня же, без погружения в пустоту, он вряд ли сумел бы сделать это. Только пребывая в ко'ди, где мысль — свободна, а всякое чувство — далеко, на самом горизонте.

Еще в колыбели Лан получил четыре дара. Кольцо на руку и медальон, что сейчас висел у него на шее, меч у бедра и клятву, данную от его

имени. Самым ценным из даров был медальон, с портретами матери и отца, которых он не помнил; самым тяжелым — клятва. «Стоять против Тени, пока прочно железо и тверд камень. Защищать народ Малкир до последней капли крови. Отомстить за то, что нельзя защитить». И тогда его помазали благовонным маслом и нарекли Дай Шан, назвали следующим королем Малкир и вывезли из страны, обреченной на гибель.

Защищать уже было нечего, оставалось только мстить за родную страну, и Лана готовили к этому с первых его шагов. С подарком матери на груди, с отцовским мечом в руках, с кольцом, обжигавшим ему душу, он сражался с шестнадцати лет и мстил за Малкир. Но никогда он никого не вел за собой в Запустение. Да, с ним отправлялся Букама и другие, но Лан не вел их. Его война — война в одиночку. Мертвого не оживить, а тем более не вернуть к жизни погибшую страну. А именно это пыталась теперь сделать Эдейн Аррел.

Ее имя эхом зазвучало в окружавшей Лана пустоте. На краю пустоты холодными предрассветными горами проступили разнообразные чувства, но Лан отправил их в пламя, чтобы все вновь обрело прежнее спокойствие. И опять сердце его стало биться медленно, будто вторя

копытам стоявших в стойлах лошадей, и биение мушиных крылышек зазвучало в ответ на размеренное дыхание Лана. Эдейн была его *карнейрой*, первой женщиной в его жизни. Об этом едва ли не кричали тысячи лет обычаев, как бы он ни окружал себя коконом пустоты.

Ему исполнилось пятнадцать, а Эдейн была более чем вдвое старше, когда она запустила руки в его волосы, все еще вольно свисавшие до пояса, и шепотом заявила Лану о своих намерениях. Тогда женщины еще называли его красивым и довольно смеялись, увидев, как он смущенно краснеет, и полгода она находила удовольствие в том, чтобы прогуливаться с ним под ручку и завлекать его в свою постель. Так было, пока Букама и другие воины не вручили Лану хадори. Когда на десятый день рождения ему дали в руки меч, по обычаям Пограничья он стал считаться мужчиной, хоть и был еще слишком мал для меча. Но у малкири эта плетеная кожаная лента имела огромное значение, ведь с того мига, как мужчина впервые повязывал ее себе на голову, он один вправе решать, куда он идет, когда и зачем. И мрачная песнь Запустения стала стоном, заглушившим все прочие звуки. Негромко произнесенная клятва, запечатленная в сердце Лана,

направила его шаги в смертельный танец.

Минуло почти десять лет с той поры, как Лан верхом покинул Фал Моран и Эдейн смотрела ему вслед. А когда он вернулся, ее уже не было. Но Лан ясно помнил ее лицо — куда лучше, чем лица женщин, которым с тех пор случалось делить с ним ложе. Он больше не мальчик, чтобы думать, будто она любит его просто потому, что решила стать его первой женщиной, однако у малкирских мужчин бытовала поговорка: «Твоя карнейра навсегда уносит с собой частицу твоей души и носит ее точно ленту в волосах». И обычаи порой требуют от человека большего, чем закон.

Скрипнула открывающаяся дверь, и на пороге конюшни появился Букама — без куртки, рубаха будто второпях заправлена в штаны. Без меча он казался голым. Словно бы в нерешительности, Букама осторожно распахнул обе створки и только потом вошел внутрь.

— Ну, что ты собираешься делать? — в конце концов спросил он. — Раселле рассказала мне о… о Золотом журавле.

Лан спрятал кольцо и высвободился из объятий пустоты. Эдейн будто смотрела на него со всех сторон, но сама ускользала от его взгляда.

— Рин сказал мне, что даже Назар Кьюренин

готов выступить в поход, — оживленно отозвался Лан. — Не хочешь полюбоваться на этакое зрелище? — Целая армия может погибнуть, пытаясь одолеть Запустение. И не одна армия уже погибла в подобных бесплодных попытках. Но Малкир исчезает из памяти людей. И скоро сама страна превратится в воспоминания, как уже случилось с захваченной Запустением землей. — Тот мальчик у ворот отпустит волосы и попросит у отца хадори. — Люди уже забывают о Малкир, стараются забыть. Когда не станет последнего мужчины, который перевязывает волосы, когда не станет последней женщины, которая наносит на лоб цветную точку, неужели тогда в самом деле исчезнет и Малкир? — Глядишь, и Рин избавится от своих косиц. — Голос Лана утратил всякие нотки веселья, когда он добавил: — Но такой ценой? Хотя кое-кто считает, что оно того стоит.

Букама хмыкнул, но не сразу. Возможно, он-то как раз именно так и считал.

Подойдя к стойлу Солнечного Луча, он принялся перебирать висевшую на дверце упряжь своего чалого, словно забыв, что собирался сделать.

— Для всего есть цена. Всегда, — произнес Букама, не поднимая глаз. — Но есть цена и — цена.

Леди Эдейн… — Он коротко взглянул на Лана, потом повернулся к нему. — Она всегда была такой — заявляла обо всех правах, на которые могла претендовать, и требовала исполнения малейших обязательств. Обычай связал тебя с ней, и, что бы ты ни решил, она станет направлять тебя, словно коня — поводьями. Если, конечно, ты как-то не вывернешься.

Медленно Лан заткнул большие пальцы за ремень, на котором висел меч. Букама вывез Лана из Малкир, посадив за спину и привязав к себе. Последний из пятерых, кто остался в живых после той скачки. Букама вправе свободно говорить с ним, пусть даже речь идет о карнейре Лана.

— И как, по-твоему, я могу уклониться от своих обязательств и не навлечь на себя позора? — спросил Лан куда резче, чем хотел. Глубоко вздохнув, он продолжил тоном поспокойней. — Ладно, не будем об этом. Кстати, в общем зале пахнет лучше, чем тут. Рин предлагал вечером прошвырнуться по кабакам. Если только госпожа Аровни тебя отпустит. Кстати, в какую цену нам встали комнаты? Они хорошие? Надеюсь, не слишком дорогие.

Заливаясь краской, Букама двинулся вместе с Ланом к дверям.

— Нет, не очень дорого, — торопливо сказал он. — Тебе достался соломенный тюфяк на чердаке, а я… э-э-э… А я буду в комнате у Раселле. Я бы пошел с вами, но, кажется, Раселле… Я не к тому, что она меня не отпус… Я… Ах ты, щенок! — прорычал Букама. — Ничего, тут есть одна служанка-милашка, Лайра. Вот и посмотрим, удастся ли тебе сегодня поспать на том тюфяке. Да и даст ли она тебе вообще поспать! Так что не думай, будто…

Букама умолк, когда они с Ланом вышли на солнечный свет, слишком яркий после сумрака конюшни. Серый жаворонок по-прежнему выводил свою весеннюю песню.

Шестеро мужчин шагали через опустевший конюшенный двор. Шесть обыкновенных мужчин с мечами на поясе, ничем не отличающиеся от прохожих на городских улицах. Но Лан все понял еще до того, как двинулись их руки, до того, как их взгляды устремились на него, а шаги ускорились. Он не мог не понять — слишком часто он встречался с теми, кто хотел его убить. И рядом был Букама — связанный клятвой, не позволявшей ему взяться за меч, даже будь при нем оружие. Мало толку — идти с пустыми руками, без оружия, против мечей, тем паче при таком-то

раскладе сил. Если Лан с Букамой попытаются спрятаться в конюшне, те шестеро доберутся до них раньше, чем они успеют затворить двери. Время замедлилось, потекло как застывший мед.

— В конюшню! И заложи двери! — бросил Лан, а рука его метнулась к рукояти. — Исполняй приказ, солдат!

Ни разу в жизни Лан не приказывал Букаме, и тот на миг замешкался, потом церемонно поклонился и хрипло произнес:

— Моя жизнь — твоя, Дай Шан. Будет исполнено.

Когда Лан двинулся навстречу нападающим, то услышал, как в конюшне с глухим стуком опустился засов. Чувство облегчения было далеким-далеким. Он пребывал в ко'ди. Он един с мечом, плавно выскользнувшим из ножен. Един с бросившейся к нему шестеркой. По утрамбованной земле глухо топали сапоги, блеснула обнажаемая сталь.

Вперед вырвался один, худой, как цапля, и Лан сделал первый шаг в боевой стойке. Время точно застывший мед. Пел серый жаворонок, и худой закричал, когда «Рассечением облаков» ему отрубило правую кисть у запястья, и Лан продолжил движение, чтобы остальные не набросились

на него все разом. «Дождик на закате» до кости рассек толстяку лицо и лишил левого глаза, а рыжеволосый юнец полоснул Лана по ребрам «Черными камешками на снегу». Только в сказаниях герой выходит из схватки против шестерых без единой царапины. «Распускающаяся роза» отсекла лысому левую руку, а рыжий кончиком меча нанес Лану рану у глаза. Только в сказаниях можно в одиночку сразиться с шестерыми и остаться в живых. Лан знал об этом с самого начала. Долг — как гора, а смерть — перышко, и долгом Лана был Букама, который вывез ребенка у себя на спине. Но ради этого мига Лан жил, ради этого сражался — пиная рыжего в голову, кружась юлой и получая раны, истекая кровью и ступая по лезвию бритвы — в танце между жизнью и смертью. Время точно застывший мед, и Лан менял позиции и приемы, но конец мог быть лишь один. Мысли были далеко. Смерть — лишь перышко. «Одуванчик на ветру» раскроил горло уже потерявшему глаз толстяку — страшная рана на лице остановила того всего на несколько мгновений, — и детина с раздвоенной бородкой, плечистый, точно кузнец, удивленно охнул, когда «Поцелуем гадюки» клинок Лана пронзил ему сердце.

И вдруг Лан понял, что стоит он один, а по всему двору валяются шесть тел. Рыжеволосый юнец судорожно вздохнул в последний раз, дернул, взрыв землю, ногами, и вот из семерых людей живым здесь остался только Лан. Он стряхнул кровь с клинка, наклонился и обтер последние красные капли о чересчур дорогую куртку «кузнеца», потом четким движением, будто на тренировке у Букамы, вложил меч в ножны.

Внезапно из гостиницы высыпали люди: повара, конюхи, служанки, народ из общего зала. Все кричали, пытаясь понять, что тут за шум, и изумленно таращились на распростертых на земле мертвецов. Самым первым, с мечом в руках, выбежал Рин. Побледнев, он подошел к Лану.

— Шестеро, — пробормотал Рин, разглядывая тела. — Проклятье, у тебя и впрямь везение самого Темного.

Подбежавший Букама и опередившая его на считаные мгновения темноглазая Лайра занялись ранами Лана. Они стали осматривать его, осторожно раздвигая окровавленные края разрезов в одежде. Девушка то и дело слегка вздрагивала, но голос у нее был на удивление спокойный, совсем как у Букамы, когда она посоветовала послать за Айз Седай, чтобы та Исцелила Лана, и посетовала,

что придется столько швов накладывать. Потом заявила, что с иголкой и ниткой справится и сама, отогнав Букаму, порывавшегося заняться тем же. Появилась и госпожа Аровни; она, приподняв юбки, обходила кровавые лужицы, сердито оглядываясь на трупы, замусорившие двор ее конюшни, во весь голос ругая стражу: разбойники, видать, совсем распоясались, и злодеи не посмели бы шляться по городу средь бела дня, если б городские стражники не били баклуши. С ней громко согласилась доманийка — та самая, которая разглядывала Лана в общем зале. Ей-то, чем та была крайне недовольна, трактирщица не терпящим возражений тоном велела сбегать за стражей, заодно подкрепив свое распоряжение тычком. Последнее в полной мере свидетельствовало о потрясении госпожи Аровни — в противном случае она никогда не стала бы так обращаться со своими клиентами. А о шоке, испытываемом всеми, говорило то, что доманийка без всяких возражений кинулась исполнять поручение. Хозяйка же теперь принялась распоряжаться, чтобы мертвецов убрали с глаз долой.

Рин переводил непонимающий взгляд с Букамы на конюшню и обратно, впрочем, он действительно ничего не понимал. Потом сказал:

— Вряд ли это грабители. — Он указал на малого, походившего на кузнеца. — Вот этот слушал речь Эдейн Аррел, когда та была тут, и ее слова ему явно по душе пришлись. Кажется, с ним был и еще кто-то из этих. — Рин качнул головой, тихо звякнули колокольчики. — Очень странно. Впервые о том, чтобы поднять знамя с Золотым журавлем, она заговорила тогда, когда дошел слух, что ты убит под Сияющими Стенами. Твое имя привлечет людей, но, если ты погиб, она могла бы стать эл'Эдейн. — В ответ на взгляды Лана и Букамы Рин только развел руками и торопливо добавил: — Я никого ни в чем не обвиняю. И никогда бы я не посмел обвинить в подобном леди Эдейн. Уверен, она преисполнена женского сострадания и самых благих намерений.

Госпожа Аровни крякнула, точно от удара кулаком, а Лайра еле слышно пробормотала, что этот красавчик из Арафела мало что смыслит в женщинах.

Лан покачал головой. Причем вовсе не в знак несогласия. Эдейн, если то отвечает ее намерениям, могла решить убить его, могла приказать действовать, коли слухи окажутся неверными, но даже это не причина вслух связывать ее имя с происшествием, особенно в окружении стольких

чужаков.

Пальцы Букамы замерли, раздвинув края разреза на рукаве Лана.

— Куда мы направимся? — тихо спросил он.

— В Чачин, — ответил Лан после секундного раздумья. Выбор есть всегда. Другое дело, что иногда сам выбор не радует. — Придется тебе оставить Солнечного Луча. В путь отправимся с первым светом.

На нового коня для Букамы золота хватит.

— Шестерых, это надо же! — пробормотал Рин, с силой вгоняя свой меч в ножны. — Пожалуй, поеду-ка я с вами. Возвращаться в Шол Арбелу мне лучше не спешить. Не ровен час Сейлин Нореман станет винить меня в смерти своего мужа. Пусть все уляжется. Да и хорошо бы увидеть, как вновь развевается стяг с Золотым журавлем.

Лан кивнул. Взять знамя в свои руки и забыть обещания, данные самому себе столько лет назад. Или, если получится, остановить ее. Так или иначе, предстоит встреча с Эдейн. Хотя Лан предпочел бы встретиться с Запустением.

Глава 17
Приезд

Не прошло и месяца, как Морейн решила, что в поисках, в которые ее вовлекло пророчество, очень мало приключений, а вот скуки и рутины куда больше. Теперь же, спустя три месяца, как она покинула Тар Валон, грандиозная миссия приносила ей главным образом разочарования. От данных ею недавно Трех Клятв кожу до сих пор будто стягивало, и свою долю неудобств добавляли еще и натертые седлом ссадины. Ветер ударил в закрытые ставни, громыхнул задвижками, и Морейн поерзала на жестком деревянном стуле; потом, скрывая свое нетерпение, отпила не подслащенного медом чая. В Кандоре, в доме, где соблюдают траур, об уюте и удобствах пекутся в последнюю очередь. Морейн не удивилась бы, увидев иней на мебели, украшенной резьбой в виде листьев, или изморозь на стальном корпусе часов над погасшим камином.

— Это все было так странно, миледи, — вздохнула Джуринэ Надзима и в десятый раз прижала к себе дочерей, так крепко, словно не желала

никогда отпускать их от себя.

Девочки же, по-видимому, находили утешение в столь яростном материнском объятии. Дочерей госпожи Надзимы звали Колар и Эзелле, и лет им было, наверное, тринадцать-четырнадцать. Девочки стояли по бокам от сидевшей на стуле матери. У них, как и у нее, были длинные черные волосы и большие голубые глаза, в которых еще не угасла боль потери. Глаза их матери тоже казались большими на осунувшемся от горя лице, а простое серое платье висело на госпоже Надзиме мешком.

— Джосеф всегда осторожно обращался в конюшне с фонарями, — продолжала она, — и никогда не зажигал открытого огня. Должно быть, мальчики принесли Джерида посмотреть, как работает отец, и… — Еще один тяжелый вздох. — И все оказались в ловушке. Как могло случиться, чтобы огонь так быстро охватил всю конюшню? Совершенно непонятно…

— Многое вообще трудно понять, госпожа Надзима, — успокаивающе промолвила Морейн, поставив чашку на столик сбоку. Она сочувствовала собеседнице, но та уже начала повторяться. — Нам не всегда очевидны объяснения, но мы можем утешиться тем знанием,

что объяснение есть. Колесо Времени вплетает нас в Узор по своему усмотрению, но Узор есть творение Света.

Слушая себя, Морейн с трудом сдержалась, чтобы не поморщиться. Эти бы слова да подкрепить авторитетностью и величественным видом, которых им не могла придать ее молодость. На какое-то мгновение она пожалела, что на ее облик не легла печать отсутствия возраста — результат многолетней работы с Единой Силой. Но тогда ее нынешняя задача стала бы гораздо сложнее. Менее всего Морейн желала, чтобы кто-нибудь углядел связь между ее визитами и Айз Седай. Никто из сестер еще не побывал у Джуринэ, но это лишь вопрос времени — рано или поздно кто-то из Айз Седай здесь появится.

— Как скажете, миледи Элис, — вежливо пробормотала госпожа Надзима, хотя неосмотрительно брошенный на Морейн взгляд светлых глаз выдал ее мысли: эта чужестранка — глупое дитя, пусть даже и из благородных.

Скромный голубой камешек кесайры, на тонкой цепочке висевший на лбу Морейн, и одно из сшитых Таморой дорожных платьев, темно-зеленого оттенка, с несколькими цветными полосами на груди, свидетельствовали о ее пред-

полагаемом положении в обществе. Люди дают себя расспрашивать благородным лордам или леди, но подобных расспросов они никогда не допустят со стороны простолюдинов, а не укладывающееся в обычные рамки поведение знатных господ воспринимают как вполне уместное и естественное. Предположительно, гостья должна вызывать сочувствие — ведь она скорбит по своему королю. Не сказать, что в самом Кайриэне многие люди оплакивали Ламана и носили по нему траур. Судя по последним новостям, месячной давности, которые дошли до Морейн оттуда, о своих притязаниях на кайриэнский трон уже заявили четыре Дома, и поговаривали, что не обошлось без яростных стычек, причем некоторые едва не перешли в кровопролитные сражения. О Свет, сколько еще должно погибнуть, пока не водворится порядок? Согласись Морейн с Советом, тогда тоже не миновать смертей — наследование Солнечного трона всегда проходило в соперничестве, не важно, оспаривали престол в открытом бою или прибегали к убийствам или похищениям, — но Морейн, по крайней мере, зашла достаточно далеко, чтобы ее настигла расплата. И нет сомнений, что ей придется дорого заплатить за то, что она поступает по-своему, и

это не говоря уже о наказании, которому Сайрин подвергнет Морейн за ослушание.

Вероятно, Морейн чем-то выдала свое раздражение, и госпожа Надзима приняла ее недовольство на свой счет, решив, что ее отношение к чужестранке стало слишком очевидно. Никому не хочется испытывать на себе гнев знатного человека, пусть даже и чужестранца. Поэтому хозяйка дома вновь зачастила, волнуясь:

— Просто Джосефу всегда так везло, миледи Элис. Все об этом твердили. Дескать, если Джосеф Надзима свалится в яму, то на дне уж точно опалы найдет. Когда он по призыву леди Карейл отправился сражаться с айильцами, я очень тревожилась, но он ни царапинки не получил. Лагерной лихоманкой не захворали ни дети, ни мы с ним. Без труда он добился расположения леди Карейл. Тогда казалось, будто сам Свет осиял нас. Благополучно родился Джерид, война кончилась, все шло хорошо, а когда мы вернулись в Канлуум, леди за верную службу наградила Джосефа. Подарила ему конюшню, и… и… — Она с трудом сдержала рыдания.

Колар заплакала, и мать крепче прижала ее к себе, шепотом утешая девочку.

Морейн встала. Опять все снова. Здесь ей боль-

ше нечего делать. Джуринэ тоже встала — не самая высокая женщина, но все же выше Морейн почти на ладонь. И обе девочки могли бы, не поднимая головы, смотреть ей прямо в глаза. Покинув родной Кайриэн, Морейн уже давно свыклась с подобным обстоятельством. Заставив себя не торопиться, она тихо проговорила слова соболезнования и, пока девочки ходили за ее перчатками и подбитым мехом плащом, попыталась сунуть в руки госпожи Надзимы замшевый кошель. Маленький кошелек. Поначалу, повинуясь интуиции, Морейн щедро одаривала собеседниц, даже если те должны были получить или уже получили вознаграждение, однако лучше поскорее отыскать какой-нибудь банк и не затягивать с этим.

Гордо выпрямившись, кандорка отказалась от кошелька, и Морейн рассердилась. Нет, она сама понимает, что такое гордость, и, кроме того, леди Карейл позаботилась о верных ей людях. Наличие часов говорило о зажиточности хозяйства Надзимы. Подлинной причиной для гнева Морейн — и она ясно это понимала — было ее собственное желание поскорее уйти. В одночасье, в огне пожара, Джуринэ Надзима потеряла мужа и троих сыновей, но ее Джерид родился милях в

двадцати от нужного места. Морейн не понравилось, что из-за смерти ребенка она испытывает чувство облегчения. Но дело обстояло именно так. Погибший мальчик оказался не тем, кто был целью ее розысков.

Выйдя за порог под серое небо, Морейн закуталась в плащ. Всякий, кому вздумается расхаживать по улицам Канлуума в плаще нараспашку, непременно окажется в центре внимания. Во всяком случае, любой чужестранец, если это не явно Айз Седай. Кроме того, не позволить себе мерзнуть еще не значит совершенно забыть о холоде. А местный люд говорит «пришла новая весна», и без тени насмешки! Уму непостижимо! Мысленно Морейн зачеркнула имя Джуринэ Надзима. Другие имена в записной книжке, лежавшей в поясном кошеле, уже были вычеркнуты по-настоящему, чернилами. Матери пятерых мальчиков, родившихся в ином месте. Матери трех девочек. Первоначальный оптимизм Морейн, что именно она сумеет найти малыша, ослаб до смутной надежды. В записной книжке содержалось сотни имен. Наверняка кто-то из сестер, отправленных Тамрой на розыски, обнаружит мальчика раньше. Тем не менее Морейн твердо намеревалась продолжать поиски. Наверное, пройдут годы,

прежде чем она без опасений сможет вернуться в Тар Валон. Очень многие годы.

Хотя по крышам стелился пронизывающий до костей ветер, на изгибавшихся дугой улицах было полно народу, в людской сутолоке с трудом разъезжались повозки и фургоны. Торговцы вразнос зычными голосами расхваливали свой товар, разложенный на лотках или нагруженный на тележки. Стремясь хоть немного расчистить себе дорогу, фургонщики громко выкрикивали предостережения и щелкали длинными кнутами, женщины чаще мужчин прибегали к тумакам, стремясь проложить себе путь, а потому и продвигались быстрее и по прямой. Морейн же приходилось петлять, уклоняясь от фургонов и повозок с высокими колесами. Разумеется, Морейн была не единственной чужеземкой, кто шел по улице пешком. Торопливо пробормотав извинения, мимо протолкнулся тарабонец с густыми усами, смуглокожая уроженка Алтары недобро покосилась на Морейн, потом встретился улыбающийся иллианец — с бородкой, но с выбритой верхней губой. Можно сказать, красавчик и не слишком высок. Темнолицый тайренец в полосатом плаще, даже попривлекательней иллианца, окинул Морейн взглядом с головы

до пят и сладострастно причмокнул губами, что выдало его явно похотливые мыслишки. Он уже шагнул было к Морейн, как видно, с намерением завести с девушкой разговор, но она позволила ветру ненадолго распахнуть полу своего плаща. Этого оказалось достаточно: увидев цветные полосы на платье, незадачливый ухажер поспешил убраться восвояси. Смазливый красавчик готов был подкатиться с непристойным предложением к какой-нибудь купчихе, но благородная дама — совсем другое дело.

Однако кое-кто, двигаясь сквозь толчею, вовсе не испытывал затруднений. Дважды в толпе Морейн замечала уверенно шагавших Айз Седай, и те, кто узнавал их по лишенному признаков возраста лицу, почтительно уступали дорогу и торопились предупредить других, чтобы те посторонились, так что сестры шагали, окруженные кольцом пустого пространства, которое двигалось по улице вместе с ними. Ни ту ни другую сестру Морейн прежде не встречала, но, пригнув голову, держалась противоположной стороны улицы, как могла дальше, чтобы им не удалось ощутить в ней способность направлять Силу. Наверное, стоило надеть вуаль. Вон мимо прошла коренастая женщина, и кружева

скрадывали черты ее лица. Да в такой вуали и с десяти шагов саму Сайрин Вайю не узнаешь! При этой мысли, сколь бы нелепой она ни казалась, Морейн вздрогнула.

Комнатку Морейн снимала в гостинице под названием «Небесные врата», самой лучшей и самой большой гостинице Канлуума. Широкое каменное здание в четыре этажа под зеленой крышей окружали лавки ювелиров, золотых и серебряных дел мастеров и белошвеек, которые поставляли свои товары в видневшиеся позади на Оленьем холме особняки знати. Если б Морейн, перед тем как заплатить за комнату, знала, кто еще остановил свой выбор на «Небесных вратах», она ни за что не осталась бы тут. И хотя во всем городе не нашлось бы другой свободной комнаты, она предпочла бы ночевать на сеновале. Глубоко вздохнув, Морейн решительно шагнула внутрь. Ее сгорбленные плечи не распрямили ни охватившее разом тепло от огня, жарко пылавшего в четырех больших каминах, ни доносящиеся с кухни дразнящие ароматы.

Все столики в просторном общем зале с выкрашенными в алый цвет потолочными балками были заняты. В основном здесь расположились купцы, которые, ведя негромкую беседу за куб-

ком вина, заключали торговые сделки; среди скромно одетых купцов богатой вышивкой ярких блуз и платьев выделялись состоятельные ремесленники. Их Морейн едва удостоила взглядом. В «Небесных вратах» поселилось не меньше пяти Айз Седай — благодарение Свету, ни одна не знала ее по Белой Башне, — и все они сейчас сидели в общем зале. У хозяина гостиницы мастера Хэлвина всегда найдется комната для Айз Седай, даже если для этого понадобится потеснить прочих постояльцев.

Сестры держались особняком, почти не глядя друг на дружку, и даже те, кто по облику не сразу признавали в них Айз Седай, ясно понимали, что лучше держаться от них подальше. Мест за столиками не хватало, но рядом с Айз Седай если кто и сидел, так только ее Страж, который со стороны мог бы показаться обычным человеком, но достаточно было поймать взгляд суровых глаз, чтобы понять свою ошибку. Одна из сидевших в одиночестве сестер была из Красной Айя — об этом факте Морейн узнала лишь благодаря случайно дошедшим до ее ушей пересудам. Шаль носила только Фелана Бевайн — стройная русоволосая сестра из Коричневой Айя, в простом платье из темной шерсти. Именно она первой приметила

Морейн, едва та появилась в гостинице, и приперла ее к стенке. Разумеется, стоило только Морейн подойти к сестрам ближе, они сразу почувствовали в ней способность направлять Силу.

Заткнув перчатки за пояс и перекинув плащ через руку, Морейн двинулась к каменной лестнице в дальнем конце зала. Не спеша, но и не мешкая. Глядя прямо перед собой. Айз Седай провожали ее взглядами, а Морейн казалось, будто они касаются ее пальцами. Никто ее не остановил. Никто не заговорил с нею. Они считали ее дичком — женщиной, научившейся направлять Силу самостоятельно. Иногда таких еще называли дикарками. Таковой ее сочли по удачному стечению обстоятельств. Благодаря невольному заблуждению Феланы, подкрепленному тем, что в гостинице оказался еще один дичок. За исключением сестер, никто не знал, кто такая госпожа Ашер. Многие Айз Седай недолюбливали дичков, полагая, что для Башни они — ощутимая потеря, однако мало кто прилагал усилия, чтобы испортить им жизнь. Всякий раз, как взор Айз Седай падал на госпожу Ашер, купчиху в темно-сером шерстяном платье, которая из украшений носила лишь круглую брошь красной эмали, она опускала взгляд, но никто из сестер не проявлял

к ней интереса. Порукой тому была седина госпожи Ашер.

Но стоило Морейн дойти до лестницы, как позади раздался женский голос:

— Ну и ну! Вот так сюрприз!

Быстро повернувшись, Морейн с трудом сохранила на лице спокойствие и тут же присела в реверансе — как и положено не слишком родовитой даме приветствовать Айз Седай. Точнее, двух Айз Седай. Встреча с любой из этих, одетых в неяркие шелка, женщин в намерения Морейн никак не входила. А тут — что за невезение — наткнулась разом на двух! Хуже могла быть только встреча с самой Сайрин!

Белые пряди в длинных волосах меднокожей Ларелле Тарси придавали особую строгость ее элегантному облику. Морейн хорошо ее помнила — Ларелле не раз занималась с нею и когда Морейн ходила в послушницах, и когда уже стала принятой. И еще Ларелле славилась умением задать такой вопрос, услышать который тебе хотелось менее всего. Что еще хуже — второй оказалась Мериан. Странно было видеть вместе Ларелле и Мериан — у Морейн сложилось впечатление, что друг дружку они не особенно любят.

Ларелле не уступала в Силе Мериан, что тре-

бовало почтительного отношения к обеим, но сейчас они находились вне Башни. И хотя придется с ними считаться, ни Ларелле, ни Мериан не вправе чинить Морейн препоны — по какой бы причине она тут ни оказалась и что бы ни делала. Однако стоит прозвучать здесь неверному слову, как среди сидящих в зале сестер разойдется весть, что Морейн Дамодред почему-то путешествует под чужим именем, а слух — как пить дать — быстро дойдет до ненужных ушей, и нет сомнений, яда в этих пересудах будет предостаточно. Уж таков мир. А потом — и очень скоро — Морейн получит распоряжение возвратиться в Тар Валон. Не подчиниться Престолу Амерлин один раз — уже серьезный проступок. Если же выказать неповиновение дважды, то почти наверняка за ней отправят сестер с поручением доставить обратно в Башню. Морейн открыла рот, решив опередить события, но кто-то заговорил раньше ее.

— Ни к чему ее проверять, — повернувшись на скамье к двум Айз Седай, произнесла скрипучим голосом Фелана. Коричневая сестра сидела за столиком одна. До того она что-то аккуратно записывала в маленькую книжечку в кожаном переплете, и сейчас на кончике носа у нее кра-

совалось чернильное пятно. — Говорит, ей не хочется отправляться в Башню. Упрямая, хоть кол на голове теши. Да и скрытная вдобавок. Можно подумать, нам всем известно о каком-то дичке, вдруг выросшем в захолустном кайриэнском Доме! Но это дитя ни с кем не желает делиться своей тайной.

Ларелле с Мериан посмотрели на Морейн: Ларелле — задумчиво выгнув тонкую бровь, а Мериан — явно пряча улыбку.

— Истинно так, Айз Седай, — осторожно промолвила Морейн, чувствуя облегчение оттого, что кто-то другой начал разговор. — У меня нет никакого желания становиться послушницей.

Фелана, не мигая, уставилась на Морейн, но вновь обратилась к двум сестрам:

— Утверждает, будто ей двадцать два, но, бывало, это правило обходили. Женщина говорит, что ей восемнадцать, и тогда ее берут на обучение. Конечно, если возраст не слишком явно бросается в глаза, а эта девочка легко сойдет за…

— Наши правила лучше не нарушать, — отрезала Ларелле, а Мериан добавила напряженным тоном:

— По-моему, эта молодая женщина не станет врать о своем возрасте. Она не хочет становиться

послушницей, Фелана. Пусть идет своей дорогой.

Морейн едва не испустила вздох облегчения. Хотя Фелана и была слабее двух других Айз Седай, она явно не желала смириться с тем, что ее перебили. Очевидно, Фелана намеревалась продолжить спор и привстала было, но, когда она взглянула на лестницу позади Морейн, глаза ее расширились, и Коричневая сестра вдруг уселась обратно, уставившись в свои записи с таким видом, будто, кроме записной книжки, ее больше ничего в жизни не интересует. Мериан и Ларелле подтянули шали, по серой и голубой бахроме пробежала рябь. Вид у обеих был такой, словно им очень захотелось оказаться где-нибудь в другом месте, а самих в то же время будто гвоздями к полу прибили.

— Значит, эта девочка не желает быть послушницей, — раздался на лестнице женский голос.

Его Морейн слышала лишь однажды, два года назад, но не забудет никогда. Считаные женщины превосходили по способностям в Силе саму Морейн, но с обладательницей этого голоса сравниться могла в лучшем случае одна. Невольно Морейн кинула взгляд через плечо.

Почти черные глаза пристально, изучающе смотрели на Морейн из-под собранных на макуш-

ке в узел волос серо-стального цвета. Прическу украшали золотые звездочки и птички, маленькие полумесяцы и рыбки. Кадсуане тоже была при шали, отороченной зеленой бахромой.

— По-моему, девочка, — сухо заметила она, — десять лет в белом тебе только на пользу пойдут.

Чуть ли не все считали, что Кадсуане Меледрин, удалясь на покой, давным-давно умерла, но она появилась с началом Айильской войны, и, наверное, немало сестер пожалели, что та и в самом деле не упокоилась в тихой могиле. Кадсуане была особой легендарной, а очень неуютно чувствуешь себя, когда рядом стоит живая легенда и смотрит на тебя. Одни ее деяния, по слухам, представлялись совершенно невероятными, а остальные были и того хлеще, хотя многому имелись подтверждения. Однажды король Тарабона, когда открылось, что он способен направлять Силу, попросту исчез из дворца и был вывезен в Тар Валон для укрощения, а по пятам гналась армия, которая не поверила слухам о своем правителе и жаждала вызволить его. Король Арад Домана и королева Салдэйи — *оба* — были похищены и тайно увезены, и, когда Кадсуане в конце концов освободила их, неминуемая, казалось бы, война сама собой затухла. Поговаривали, что закон Баш-

ни ей не указ, на обычаи она плевала, шла своим путем и подчас волоком тащила за собой других.

— Благодарю Айз Седай за заботу обо мне, — начала было Морейн, но умолкла под взглядом Кадсуане.

Ее взгляд был не просто суровым. Безжалостным. По слухам, многие годы даже женщины, восседавшие на Престоле Амерлин, с опаской относились к Кадсуане. Шептались, будто однажды она накинулась на Амерлин чуть ли не с кулаками. Что, разумеется, невозможно — ее бы наверняка казнили! Морейн сглотнула комок в горле и попыталась заговорить снова, но опять не смогла вымолвить ни слова.

Спускаясь по лестнице, Кадсуане велела Ларелле и Мериан:

— Приведите девушку.

Не оглядываясь, она двинулась через общий зал. Купцы и мастеровые, кто в открытую, кто искоса, посматривали на нее, как и Стражи, но все сестры сидели, не поднимая глаз от столешниц.

Лицо у Мериан вытянулось, Ларелле шумно вздохнула, но обе Айз Седай подтолкнули Морейн вслед за покачивающимися золотыми украшениями в прическе Кадсуане. Делать нечего, нужно подчиниться. Хорошо хоть Кадсуане не из тех,

кому давала поручение Тамра: после того памятного появления в начале войны она в Тар Валон не возвращалась.

Зеленая сестра провела всех в одну из отдельных гостиных, где в камине, выложенном черным камнем, пылал огонь, а на отделанных красными панелями стенах висели серебряные лампы. Возле камина грелся высокий кувшин, и на лакированном подносе, стоявшем на маленьком резном столике, блестели серебряные кубки. Мериан с Ларелле устроились в обитых цветастой тканью креслах, но, когда Морейн, положив плащ на стул, собралась было сесть, Кадсуане остановила ее.

— Встань сюда, перед сестрами, дитя мое, — распорядилась она.

Подавив вскипевшую в душе волну обжигающего гнева, Морейн еле удержалась, чтобы не вцепиться пальцами в юбку. Здесь ей не вправе приказывать никто, даже женщина, обладающая таким могуществом в Силе, как Кадсуане. Однако под тем пронизывающим, не ведающим жалости взглядом девушка встала, куда ей было сказано. Вся дрожа от охватившего ее возмущения, Морейн изо всех сил сдерживалась, чтобы не произнести слов, о которых потом пожалеет,

но — подчинилась. В Кадсуане было нечто от Суан, только во много крат больше. Суан на роду написано руководить другими, Кадсуане же была рождена повелевать.

Зеленая сестра принялась медленно ходить, обошла трех женщин по кругу, потом сделала второй круг. Мериан и Ларелле удивленно переглянулись, и Ларелле открыла было рот, но, бросив взгляд на Кадсуане, так ни слова и не сказала. Обе Айз Седай напустили на себя бесстрастно-спокойный вид — глядя со стороны, можно было подумать, что им совершенно ясно, что тут происходит. Иногда Кадсуане посматривала на них, но главным образом свое внимание она уделяла Морейн.

— Большинство новоиспеченных сестер, — вдруг заговорила легендарная Зеленая сестра, — шали почти не снимают, разве что когда спать ложатся или в ванну залезают. А ты здесь без шали и без кольца, да еще и в таком опасном месте — опаснее лишь в самом Запустении. Почему?

Морейн заморгала. Вопрос задан без обиняков, в лоб. Кадсуане и в самом деле наплевать на условности и обычаи, когда они ее не устраивают. Морейн постаралась придать голосу живости:

— Новоиспеченные сестры еще и Стража себе

ищут. — Почему Кадсуане так с ней обращается? — А у меня Стража еще нет. Мне говорили, что из мужчин Пограничья получаются превосходные Стражи.

Зеленая сестра одарила ее таким пронзительным взглядом, что у Морейн мелькнула мысль, не чересчур ли легкомысленно она говорила.

Остановившись за спиной Ларелле, Кадсуане положила ладонь на плечо Серой сестры:

— Что тебе известно об этой девочке?

Каждая из учениц Ларелле считала ее образцом сестры, и каждую страшила эта ее холодность. Все они боялись ее, и все хотели походить на нее.

— Морейн была прилежной ученицей, все схватывала на лету, — задумчиво произнесла Ларелле. — Быстрее всего в Башне учились она да Суан Санчей. Но тебе это наверняка известно. Ну, что еще… На язык невоздержанна и чересчур вспыльчива была, пока мы ее не уняли — насколько нам удалось. Их с подружкой, той самой Санчей, вечно на проделки тянуло. Но испытание на принятую обе прошли с первого раза. Ей, разумеется, необходима выдержка, закалка, но со временем из нее может получиться нечто толковое.

Кадсуане встала позади Мериан и задала тот же

вопрос, прибавив:

— Ларелле сказала, ее вечно тянуло… на проделки. Трудный ребенок?

Мериан с улыбкой покачала головой.

— Нельзя сказать, что трудный, — ответила Мериан. — Скорее, неугомонный. Ни одна из учиненных Морейн проказ не была злой, но было их предостаточно. И послушницей, и принятой ее отправляли ко мне в кабинет много чаще, чем любых трех девочек, вместе взятых. Не считая разве что ее закадычной подружки Суан. Разумеется, очень часто бывает, что подруги в чем-то замешаны вместе, но эту парочку одну без другой ко мне не присылали. Последний раз это случилось тем самым вечером, когда они прошли испытание на право носить шаль. — Улыбка Мериан потухла, сестра нахмурилась, это выражение Морейн запомнила с того вечера. Она не сердилась, скорей не верила, что молодые женщины способны выкинуть эдакий номер. И еще на лице ее тогда читалась еле заметная заинтересованность. — Вместо того чтобы провести вечер в раздумьях и медитации, они попытались тайком подложить мышей в постель одной сестры, Элайды а'Ройхан. Вот за этим их и поймали. По-моему, не было еще женщины, которая получила звание Айз Седай

и которой притом после последнего посещения наставницы послушниц приходилось бы с опаской садиться.

Морейн удалось сохранить непроницаемое выражение лица, усилием воли она удержала пальцы, готовые сжаться в кулаки, но ничего не сумела поделать с заполыхавшими щеками. И эта печально-заинтересованная нахмуренность, как будто Морейн все еще принятая. Значит, ей нужна выдержка, да? Ну, наверное, немного выдержки не помешает, но все-таки… И распространяться о той дружбе, да еще и с такими подробностями!

— По-моему, вы знаете обо мне все, что нужно знать, — напряженным голосом заявила Морейн Кадсуане. Никого не касается, насколько близкие отношения связывали Суан и Морейн, — только их двоих. Ни к чему рассказывать о наказаниях, к тому же столь досконально. — Если вы удовлетворены, то я пойду собирать вещи. Мне пора. Я уезжаю в Чачин.

Морейн едва не застонала и прикусила язык, сообразив, что с него сорвалось. Ну вот, опять! Стоит гневу взять над ней верх, как язык мелет невесть что. Если Ларелле и Мериан участвуют в поисках, то у них наверняка имеется хотя бы

часть списка имен из записной книжечки Морейн. В том числе и Джуринэ Надзима, и леди Инес Демайн из Чачина, и Авинэ Сахира, которая «живет в деревне на проезжей дороге между Чачином и Канлуумом». Чтобы укрепить подозрения, остается еще заявить, что потом Морейн собирается ненадолго посетить Арафел, а затем — и Шайнар.

Кадсуане неприятно улыбнулась:

— Ты уедешь, дитя мое, когда я разрешу. И помалкивай, пока тебя не спросят. Вон там, в кувшине, вино с пряностями. Налей-ка нам.

Морейн задрожала. «Дитя мое»! Она давно не послушница. Кадсуане не вправе приказывать ей, когда уходить или приходить. Как и помалкивать. Но протестовать Морейн не стала. Она подошла к камину — впрочем, несколько деревянной походкой — и взяла длинногорлый серебряный кувшин.

— Кажется, Кадсуане, тебя заинтересовала эта молодая женщина, — промолвила Мериан, чуть повернувшись и глядя, как Морейн разливает вино. — Нам о ней ничего знать не нужно?

Ларелле улыбнулась с еле заметной издевкой — или, скорее, всего лишь с намеком на насмешку, ведь рядом стояла Кадсуане, — и заметила:

— Неужели у кого-то было Предсказание, будто в один прекрасный день она станет Амерлин? Лично я ничего такого не замечаю, но, вообще-то, у меня нет таланта к Предсказанию.

— Я могу прожить еще лет тридцать, — сказала Кадсуане, протянув руку за предложенным Морейн кубком. — Или же всего три года. Кто возьмется сказать?

Глаза Морейн округлились, и она пролила горячее вино себе на запястье. Мериан тихо охнула, а у Ларелле был такой вид, точно ей в лоб заехали булыжником. Всякая Айз Седай скорей плюнет на стол, чем упомянет о своем возрасте или о возрасте кого-то из сестер. Но Кадсуане — это не всякая Айз Седай.

— В следующий раз, дитя мое, когда наливаешь вино, будь чуточку поосторожнее, — невозмутимо промолвила Кадсуане. — Хорошо? — Морейн отошла к камину, не сводя с нее глаз, а Зеленая сестра продолжила: — Мейлин куда старше. Когда мы с ней уйдем из этого мира, тогда самой сильной останется Керене.

Ларелле вздрогнула. Неужели Кадсуане в самом деле намерена за один раз нарушить все обычаи?

— Я тебя чем-то обеспокоила? — Зеленая сестра

обернулась к Ларелле. Ее заботливый тон вряд ли кого-нибудь ввел в заблуждение, и Кадсуане продолжила, не дожидаясь ответа: — Если мы умалчиваем о своем возрасте, это еще не значит, что людям неведомо, что мы живем дольше их. Ха! А после Керене — резкое падение к следующим пяти. Пяти — если это дитя и та девочка Санчей разовьют свой потенциал. К тому же одной из пяти столько же лет, сколько и мне, и она уже подумывает, не пора ли ей на покой.

— Какой в этом смысл? — спросила Мериан слабым, точно от дурноты, голосом.

Ларелле прижимала ладони к животу, лицо у нее посерело. Они едва взглянули на предложенное Морейн вино и знаком отказались, и она так и держала кубок в руке, хотя вряд ли сумела бы и сама сделать хоть глоток.

Кадсуане нахмурилась — зрелище не из тех, что радуют сердце.

— За тысячу лет в Башню не пришла ни одна, кто сравнился бы со мною. Почти за шестьсот лет — никого, сравнимого с Мейлин или Керене. Тысячу лет назад нашлось бы по меньшей мере пятьдесят сестер, кто по Силе стоял бы выше этой девочки. А глядишь, через сотню лет она сама будет в числе первых. Возможно, конечно, что

к тому времени отыщется кто-то посильнее, но вовсе не пятьдесят. Скорей всего, вообще никого. Мы сокращаемся в числе, вырождаемся.

Морейн вся обратилась в слух. Неужели Кадсуане известно решение этой проблемы? Но тогда какое отношение к нему имеет она, Морейн?

— Ничего не понимаю, — отрывисто сказала Ларелле. Судя по всему, она взяла себя в руки и злилась на себя за выказанную слабость. — Нам всем об этом известно, но при чем тут Морейн? По-твоему, ей суждено привлечь в Башню много девушек, и вдобавок девушек с… большим потенциалом?

Последние слова она, недовольно скривившись, буквально выдавила из себя, а громким хмыканьем ясно дала понять, что думает о подобной перспективе.

— Будет жаль, если впустую пропадет такой талант, причем раньше, чем сама она поймет, что к чему. Башня не имеет права потерять эту девочку из-за ее собственного неведения. Взгляните на нее. Хорошенькая куколка, благородная малышка-кайриэнка. — Кадсуане указательным пальцем приподняла подбородок Морейн. — Если хочешь подыскать себе Стража, то скорей найдешь разбойника, которому захочется поша-

рить в твоем кошеле. Вот он и пустит стрелу тебе в сердце. Или громила, который при виде спящей сестры ниц падает, проломит тебе черепушку, и очнешься ты в каком-нибудь закоулке, лишившись золота и, возможно, еще кое-чего. Сдается мне, Стража ты будешь выбирать с той же придирчивостью, как и своего первого мужчину.

Морейн отшатнулась, кипя от возмущения и сбивчиво что-то бормоча. Сначала толковали о ней и Суан, а теперь еще об этом! Есть же вещи, о которых говорить можно и о которых говорить совершенно не стоит!

На ее вспышку гнева Кадсуане не обратила ровным счетом никакого внимания. Спокойно прихлебывая вино, она вновь повернулась к Ларелле и Мериан:

— Пока она не найдет себе Стража, который будет оберегать ее спину, лучше будет оберечь ее от собственной восторженности. Если не ошибаюсь, вы вдвоем собирались в Чачин. Вот с вами она и поедет. Надеюсь, из виду ее вы не упустите.

Морейн наконец обрела дар речи, но толку ее заявления возымели не больше, чем ее негодование. Ларелле с Мериан тоже принялись шумно возражать. За Айз Седай, пусть даже вчера получившей звание полноправной сестры, ни к чему

«присматривать». У них и своих дел по горло. Что это за дела и есть ли у обеих общие интересы, Ларелле с Мериан не распространялись — да и мало какая сестра о том вслух станет говорить, — но ясно было, что попутчиц ни одной из них и даром не надо. Кадсуане же не слышала того, чего слышать не желала, и настаивала, что Мериан с Ларелле должны поступать так, как угодно ей. А стоило тем хоть раз дать слабину, как тут же этим и воспользовалась. Очень скоро парочка ерзала на сиденьях и отговаривалась, что повстречались они лишь вчера и вряд ли им по дороге. Так или иначе, но обе намеревались пробыть в Канлууме дня два-три, а Морейн собиралась уехать сегодня же.

— Девочка останется тут до вашего отъезда, — решительно заявила Кадсуане. — Ладно, тогда с этим все. Уверена, вы обе хотите заняться теми делами, что привели вас в Канлуум. Не буду вас задерживать.

Кадсуане столь бесцеремонно указала Айз Седай на дверь, что Ларелле недовольно поддернула шаль и лишь потом направилась к выходу, ворча, что Морейн горько пожалеет, если будет путаться под ногами или хоть на час задержит ее на пути в Чачин. Мериан восприняла все куда

проще, даже сказала, что присмотрит за Морейн, как за родной дочерью. Правда, приятного ее улыбка не обещала.

Когда Ларелле с Мериан ушли, Морейн, не веря своим глазам, смотрела на Кадсуане. Ничего подобного она раньше не видывала. За исключением лавины. Теперь Морейн оставалось одно — держаться тише воды ниже травы, пока не подвернется случай улизнуть незаметно для Кадсуане и остальных. Разумней не придумаешь.

— Я ни с чем не согласна, — холодно промолвила Морейн. Очень холодно. — Что, если у меня есть в Чачине неотложные дела? Что, если я не стану ждать здесь два или три дня?

Пожалуй, Морейн и в самом деле стоит подучиться держать свой язык на привязи.

Кадсуане задумчиво рассматривала дверь, закрывшуюся за Ларелле и Мериан, но сразу повернулась и устремила пронзительный взор на Морейн:

— Ты носишь шаль всего четыре месяца или чуть больше, и у тебя уже есть неотложные дела? Ха! Ты до сих пор не усвоила первого урока: получение шали означает, что ты готова по-настоящему учиться. Второй урок — осторожность. Я слишком хорошо знаю, каково это: быть мо-

лодой, саидар наготове, а весь мир у твоих ног. Как тебе кажется. — (Морейн пыталась вставить хоть слово, но это было все равно что оказаться на пути лавины.) — В жизни тебе еще не раз придется многим рисковать — если проживешь достаточно долго. Ты и так уже очень рискуешь, о том не подозревая. Слушай меня внимательно. И делай так, как я скажу. Вечером я проверю твою кровать, и, если она окажется пуста, я тебя отыщу, и ты горько пожалеешь о тех мышах. А потом сможешь утереть слезы шалью, которая, по-твоему, делает тебя непобедимой. В этом ты заблуждаешься.

Уставясь на закрывшуюся за Кадсуане дверь, Морейн вдруг сообразила, что в руке у нее кубок с вином, и залпом выпила его до дна. Нет, эта женщина просто… устрашающая! Обычаями не позволено прибегать к физическому насилию по отношению к другой сестре, но Кадсуане ни на волос не отступала от своих угроз. Она сказала об этом напрямую, значит согласно Трем Клятвам именно это и имела в виду. Невероятно. Совпадение ли, что она упомянула Мейлин Арганью и Керене Нагаши? Они были среди тех, кому поручила розыски Тамра. А может, Кадсуане тоже из их числа? Так или иначе, она приостановила

поиски Морейн не меньше чем на неделю. Если и в самом деле придется отправиться вместе с Ларелле и Мериан. Но почему всего лишь на неделю? Если Кадсуане сама участвует в поисках… Если Кадсуане узнала о ней и Суан… Если… Что толку стоять тут и вертеть в руках пустой кубок! Морейн подхватила свой плащ.

Глава 18
Узкий переулок

Несколько человек оглянулись на Морейн, когда она спустилась в общий зал, — кое-кто с сочувствием. Несомненно, пытались представить себе, на что это похоже — оказаться в центре внимания трех Айз Седай, и не сомневались, что ничего приятного подобное не сулит. Ни у одной из сестер сострадания на лице и в помине не было. В большинстве своем они вообще едва ли обратили на Морейн внимание. Фелана довольно улыбалась — верно, предвкушала, как имя леди Элис вписывают в книгу послушниц. По крайней мере, правды, судя по ее улыбке, Фелана не знала. Еще теплилась надежда, что какое-то время Морейн удастся скрываться от Сайрин. Ни Кадсуане, ни двух других Айз Седай нигде видно не было.

Потрясенная, Морейн пробиралась между столиками. Голова у нее шла кругом — точно волчок раскрутили. Столько вопросов — и ни единого ответа! Ей захотелось, чтобы рядом была Суан: та головоломки щелкала точно орешки. И уж она-то не растерялась бы ни перед какой загад-

кой. Одного присутствия Суан хватило бы, чтобы Морейн успокоилась и сумела привести свои мысли в порядок.

С улицы в дверь заглянула молодая женщина, а затем сразу исчезла из виду. Морейн чуть не споткнулась. Если чего-то очень хочется, того и жди, что оно тебе почудится. Женщина заглянула вновь, капюшон плаща откинут на узелок за спиной, и это в самом деле была Суан, решительная и красивая, в простом синем платье — одном из дорожных платьев Таморы. На этот раз она заметила Морейн, но не кинулась радостно навстречу, а кивком указала на улицу и снова исчезла.

Сердце билось где-то у самого горла. Морейн запахнулась в плащ и выскочила из гостиницы. Суан уже шла в уличной толчее, оборачиваясь через каждые два шага. Женщина-возница резко натянула вожжи, чтобы ее лошади не затоптали Суан, и предостерегающе щелкнула кнутом у нее над головой, но та будто и не заметила ни громыхающего фургона, ни громко фыркающих в упряжке лошадей, ни кнута, ни сердитых окриков фургонщицы. Морейн заторопилась следом, тревога ее росла. Только через три-четыре года Суан обретет достаточный потенциал в Силе, чтобы осмелиться сказать Сеталии, что покидает

пост ее помощницы. Скорей в День солнца снег пойдет, чем та отпустит Суан хотя бы на неделю раньше. И в Канлууме Суан могла оказаться только по одной причине… Морейн глухо застонала, и лопоухий парень, продававший вразнос булавки, окинул ее озабоченным взглядом. Морейн ответила ему таким яростным взором, что бедняга аж попятился, едва не выронив свой лоток.

Вероятно, Суан о чем-то ненароком проговорилась, или, может, обнаружили ее записную книжку с именами, или… Впрочем, совершенно не важно, как это произошло. Должно быть, Сайрин как-то прознала, прознала обо всем. И похоже, что она послала Суан вернуть Морейн — чтобы на долгом обратном пути каждую изводили тревожные мысли о своей участи и мучило беспокойство за подругу. Может статься, Морейн чересчур дала волю своему воображению и понапридумывала ужасов, но иного объяснения она найти была не в состоянии.

В сотне шагов от гостиницы Суан опять обернулась, подождала немного, чтобы подруга наверняка ее увидела, а потом юркнула в переулок. Морейн ускорила шаг и последовала за ней.

Рослая Суан расхаживала между незажженными масляными фонарями, что цепочкой

протянулись вдоль всего узкого пыльного закоулка. Ее простое синее платье несло на себе следы долгого пути: оно было помято, запылено, в брызгах грязи. Ничто не могло испугать Суан Санчей, но сейчас в ее пронзительных голубых глазах читался страх. Морейн открыла было рот, чтобы спросить, не подтвердились ли ее собственные страхи о Сайрин, но подруга заговорила первой:

— О Свет, я уж думала, никогда не разыщу тебя! Чтоб мне сгореть, Морейн, скажи, что ты нашла его! Скажи мне, что это мальчик Надзимы! Мы передадим его Башне под присмотр сотни сестер, и на этом — все.

Сотня сестер?

— Нет, Суан, это не он, — ответила Морейн. Похоже, дело не в Сайрин. Но откуда в голосе подруги такая дрожь? — А что случилось? Почему ты не прислала весточку, а сама заявилась?

Суан заплакала. Суан, у которой сердце льва! Слезы катились по ее щекам. Обхватив Морейн руками, Суан крепко обняла ее — у Морейн даже ребра заныли. Она вся дрожала.

— Я не могла довериться голубю, — пробормотала Суан, — или кому-то из глаз-и-ушей. Я не посмела… Они все мертвы, Айша и Керене, Валира, и Людис, и Мейлин. Сказали, что Айшу со

Стражем убили в Муранди разбойники. Керене, по слухам, во время бури упала с корабля в Алгуэнью и утонула. А Мейлин… Мейлин…

Слезы душили ее, и она не могла продолжать из-за рыданий.

Морейн тоже обняла подругу, что-то успокаивающе шепча и оцепенело глядя поверх плеча Суан.

— Несчастные случаи бывают, — медленно промолвила она. — И разбойники попадаются. И бури случаются. Айз Седай смертны, как и все люди.

Морейн и сама с трудом верила своим словам. Все пять сестер сразу? Бывало, ее отец поговаривал, что один раз — случайность, два раза — может быть совпадением, но три или больше, несомненно, указывают на действия твоих врагов. Он утверждал, что где-то вычитал эту фразу. Но какие враги? Морейн постаралась поглубже загнать пришедшую на ум мысль. Кое о каких вещах порой невыносимо даже подумать.

Суан отстранилась, высвободилась из объятий Морейн:

— Ты не понимаешь! Мейлин!.. — Морщась, Суан яростно вытерла глаза. — Рыбий потрох! Попробую пояснее. Возьми себя в руки, дура

проклятая! — Последние слова она прорычала, обращаясь к самой себе. Подведя Морейн к перевернутой бочке, она усадила подругу и движением плеч скинула со спины котомку. Судя по всему, это были все пожитки, с какими Суан отправилась в путь, и на смену у нее имелось, пожалуй, разве что еще одно платье. — Присядь-ка лучше, а то на ногах не устоишь, когда услышишь, что я тебе расскажу. Будь я проклята, меня и саму ноги бы не держали.

Подтащив поближе ящик с выбитыми планками, Суан устроилась на нем. Она разглаживала юбки, беспрестанно поглядывая в сторону улицы, ворча на заглядывавших в переулок прохожих. У Морейн тревожно ныло под ложечкой, а явное нежелание подруги говорить ничуть ее не успокаивало. Как, впрочем, и саму Суан. Когда Суан заговорила снова, то ей пришлось сглотнуть, точно ее мутило.

— Мейлин вернулась в Башню почти месяц назад. Почему — я не знаю. Она ничего не сказала — ни где была, ни куда отправится. Просто собиралась остаться на несколько ночей. Я… О Керене я услышала утром того дня, когда вернулась Мейлин, а о других еще раньше. Поэтому я решилась поговорить с Мейлин. И не смотри так на меня! Я

знаю, что значит быть осторожной!

Осторожной? Суан? Морейн едва не рассмеялась. Хотя она понимала: если рассмеется, то может и сама залиться слезами. Это какое-то умопомрачение. Наверняка это должно быть какое-то безумие. Морейн затолкала вселяющую ужас мысль подальше. Должно найтись и другое объяснение. Обязательно должно найтись, как же иначе…

— В общем, я тайком пробралась в апартаменты Мейлин и спряталась под кроватью. И слуги не заметили меня, когда перестилали постель. — Суан горестно хмыкнула. — Там я и уснула. Меня разбудило солнце, но постель была не смята. Утром убраться оттуда незаметно оказалось непросто, но я сумела выскользнуть за дверь, никому на глаза не попавшись, и спустилась на завтрак, ко второй смене. И вот ем я овсянку, и появляется Чесмал Эмри и… Она… она сказала, что ночью Мейлин умерла в своей постели, — торопливо докончила Суан и тяжело вздохнула, глядя на Морейн.

Морейн порадовалась тому, что сидит, иначе колени у нее обязательно подломились бы. Это сущее безумие. Но сомнений нет — произошло убийство.

— Красная Айя? — в конце концов предположила Морейн.

Красные могли бы убить женщину, заподозренную ими в защите мужчины, способного направлять Силу. Такое возможно. Но она не могла произнести этих слов вслух, потому что сама им не верила.

Суан фыркнула:

— На теле Мейлин не было ни царапинки. Желтые, разумеется, провели обследование. Будь это яд или удушение, они бы наверняка что-то нашли. Но ничего не обнаружили и признали смерть естественной. А я-то знаю, что это не так. Не может быть так, раз нашли ее в таком виде. Ни единой царапинки. А это, Морейн, означает только одно — Силу. Разве способны на такое даже Красные? — В голосе Суан звучала ярость, но девушка положила свой узелок на колени и прижала к себе. Казалось, она прячется за ним. Однако, судя по сердитому лицу, гнева в ней теперь было больше, чем страха. — Пораскинь мозгами, Морейн. Считается, что Тамра тоже умерла во сне. Только мы знаем, что в случае с Мейлин дело нечисто, и какая разница, где ее нашли! Сначала Тамра, а потом умирают остальные. Вот в чем смысл: кто-то подметил, как она вызывает к себе

сестер, и решил узнать, в чем причина. Причем захотел настолько, что, вот проклятье, осмелился подвергнуть пристрастному допросу саму Амерлин. Значит, им есть что скрывать, раз они пошли на такое. И они рискнули всем, лишь бы их тайна оставалась нераскрытой. Они убили ее, скрыв ее смертью, что они наделали, а потом решили убить остальных. А это означает, что они не хотят, чтобы мальчика нашли, нашли живым. Им не нужен Дракон Возрожденный для Последней битвы. Вот так, как ни крути. Иные объяснения — все равно что выплеснуть против ветра ведро с помоями и надеяться себя не обрызгать.

Не осознавая, Морейн всматривалась в конец переулка. Мало кто из прохожих хотя бы раз оглядывался на двух сидящих женщин. Никто не останавливался. Никому не было до них никакого дела. О некоторых вещах проще говорить, когда ничем не выделяешься. «Амерлин» была допрошена; «она» была убита. Не Тамра — это имя вызвало бы в памяти знакомое, преисполненное решимости лицо. «Кто-то» убил ее. «Они» не хотят, чтобы нашли Дракона Возрожденного. Подвергнуть кого-то допросу с использованием Силы вовсе не означает нарушения Трех Клятв, но убийство посредством саидар, несомненно,

их нарушает. Это верно даже для… Для тех, чье имя Морейн хотелось произносить не больше, чем Суан.

Усилием воли придав лицу бесстрастное выражение, а голосу — спокойствие, Морейн с трудом вымолвила:

— Черная Айя.

Суан дернулась, потом, зло сверкнув исподлобья глазами, кивнула.

Едва ли не любая сестра неминуемо разгневается, услышав предположение, будто существует тайная Айя, скрытая среди остальных; Айя, всецело предавшаяся служению Темному. Большинство сестер попросту не пожелали бы даже упоминания о ней слышать. Белая Башня стоит на стороне Света более трех тысяч лет. Но были сестры, которые не отметали с порога существование Черной Айя. Некоторые полагали, что в этом есть доля правды. Считаные единицы в разговоре с другой сестрой признали бы существование Черной Айя, однако Морейн не хотелось признаваться в подобном даже себе.

Суан раздраженно потеребила завязки своей котомки и бодро заговорила:

— Вряд ли им известны наши имена: Тамра ведь и не считала, что мы участвуем в этих поис-

ках. Она велела нам помалкивать, отодвинула в сторонку и забыла о нас, иначе со мной тоже произошел бы «несчастный случай». Перед уходом я подсунула под дверь Сайрин записку со своими подозрениями. Не о мальчике, нет, а о… О Черных сестрах. Только я не знаю, насколько даже в этом можно ей доверять. И кому — Амерлин! Но если Черная Айя есть, тогда любая может быть Черной сестрой. Любая! Писала я левой рукой, но так дрожала, что никто не признал бы моего почерка, даже напиши я правой. Чтоб у меня печенка сгорела! Даже знай мы, кому доверять, у нас нет доказательств, а все какая-то трюмная водичка.

— Мне и этого достаточно. — О Свет, Черная Айя! — Если им известно все, имена всех сестер, кого выбрала Тамра, то, наверно, никого и не осталось, только мы. Нам нужно пошевеливаться, у нас еще есть надежда отыскать мальчика.

Все представлялось безнадежным: откуда знать, сколько может быть Черных сестер — двадцать? пятьдесят? И в голову Морейн закралась еще более жуткая мысль: а если их еще больше? Однако Морейн тоже старалась говорить энергичным тоном. Хорошо, что Суан ограничилась лишь кивком. Сколько бы Суан ни твердила, что вся дрожит, она ни за что не отступит. И ей даже

в голову не придет, что Морейн способна сдаться. И уверенность в ней подруги радовала больше всего. Особенно если учесть, что у самой Морейн по-прежнему поджилки тряслись.

— Может, они знают о нас, а может, и нет. Или решили двух молоденьких сестер оставить напоследок. Так или иначе, полагаться мы можем лишь на самих себя. — Кровь отхлынула от лица Морейн, и она вдруг почувствовала головокружение. — О-о-о, Свет! Ты знаешь, Суан, с кем я встретилась в гостинице?

Морейн попыталась припомнить каждое слово, каждую мелочь, с того самого момента, как заговорила Мериан. Суан слушала, устремив взгляд куда-то вдаль, взвешивая все и раскладывая по полочкам.

— Да, Кадсуане может быть из Черной Айя, — согласилась Суан, когда Морейн закончила рассказ. На этих страшных словах она даже не запнулась. — А может, она просто пытается убрать тебя с дороги, а потом избавится от тебя, не возбуждая подозрений. Или же Тамра могла поручить Кадсуане поиски ребенка. Хоть мы и считаем, что Кадсуане два года в Тар Валоне не было, это еще не значит, что дело обстоит именно так.

Бывало, сестры приходили в Башню незамечен-

ными и точно так же исчезали из нее, но Морейн считала, что в любом месте появление Кадсуане вызвало бы все равно что землетрясение.

— Вся беда в том, что все может обернуться и так и этак. — Подавшись вперед, Суан положила ладонь на колено Морейн. — Сумеешь незаметно вывести лошадь из конюшни? У меня лошадь хорошая, но я не уверена, свезет ли она нас обеих. Нужно побыстрей сматывать удочки. Когда через несколько часов нас хватятся, мы будем уже далеко.

Морейн невольно улыбнулась. Она очень сомневалась, что лошадь у Суан вообще можно назвать хорошей. Любой лошадиный барышник с легкостью сторговал бы Суан ледащего охромевшего ломовика вместо боевого коня — лошадей, ее подруга умела выбирать не лучше, чем сидеть в седле. Поездка на север должна была стать для нее сущим мучением. Да и страху она натерпелась изрядно.

— Суан, никто не знает, что ты здесь, — сказала Морейн. — Лучше, если и не узнают. Твоя записная книжка при тебе? Хорошо. Если я останусь до утра, то в запасе у меня будет целый день, а не несколько часов. Ты же отправляйся в Чачин и не медли. Вот, возьми немного денег.

Судя по платью Суан, в конце пути ей приходилось ночевать под кустом. Перед отъездом из Тар Валона Суан, скорей всего, вряд ли рискнула бы позаимствовать в банке Башни крупную сумму. А у дочери рыбака нет имений, откуда присылают золото.

— И сразу начинай искать леди Инес. В Чачине я тебя нагоню, а по пути проверю Авинэ Сахира.

Конечно, убедить Суан оказалось непросто: упрямства в ней — как воды в широкой Эринин.

— Да у меня и у самой хватит, — заворчала Суан, но Морейн поделила пополам содержимое кошеля и все-таки настояла на своем, напомнив подруге о клятве, данной еще в первые месяцы в Тар Валоне: что принадлежит одной, принадлежит и другой. В ответ на это Суан пробурчала: — Мы еще обещали, что найдем прекрасных юных принцев и свяжем их узами, а потом и замуж за них выйдем. Девочки вечно чушь всякую порют. Ладно, ты сама будь поосторожнее. Оставишь меня одну все расхлебывать, я тебе шею сверну.

Обнявшись на прощание, Морейн почувствовала, как тяжело ей расставаться с подругой. Час назад она тревожилась, как долго ей удастся избегать карающего правосудия Сайрин и розог. А теперь наказание казалось чем-то вроде ссадины

на пальце. Все равно что беспокоиться, не ударишься ли на дороге о камень ногой. Черная Айя. Морейн замутило. Как бы ей хотелось быть такой же отважной, как Суан. Глядя на Суан, шагающую по переулку и поправляющую узел за спиной, Морейн пожалела, что не выбрала Зеленую Айя. Ей бы очень не помешало, чтобы прямо сейчас ее оберегало не меньше трех-четырех Стражей.

Шагая по улице, Морейн беспрестанно косилась на прохожих, на мужчин и на женщин. Если в дело замешана Черная Айя — при этой мысли у нее всякий раз все внутри сжималось, — то наверняка не обойдется и без заурядных приспешников Темного. Никто не говорил, что их нет, а те, кто уверовал, что Темный одарит их бессмертием, в надежде на вожделенную награду готовы на любое злодейство, в том числе и на убийство. А коли любая сестра могла обернуться Черной, то всякий встречный вполне мог на поверку оказаться приспешником Темного. Оставалось лишь надеяться, что и Суан этого не забывает.

Когда Морейн подходила к «Небесным вратам», в дверях гостиницы показалась сестра. Во всяком случае, Морейн разглядела в проеме руку и бахромчатую шаль, да и то всего лишь на миг. Женщину сразу заслонил очень высокий мужчи-

на с заплетенными в две косицы волосами. Едва шагнув за порог гостиницы, он повернулся к Айз Седай и что-то коротко сказал, но, подчинившись властному жесту женской руки, с хмурым видом двинулся прочь и прошел мимо Морейн. Она не обратила бы на происшедшее особого внимания, но в голове у нее вертелись мысли о Черной Айя и о друзьях Темного. Хотя что тут такого — Свету ведомо, Айз Седай разговаривают с мужчинами, а некоторые сестры с ними не только разговаривают. Но думала-то Морейн о приспешниках Тьмы. И о Черных сестрах. Жаль, не получилось разглядеть цвет бахромы. Морща в раздумье лоб, Морейн торопливо прошла последние тридцать с лишком шагов.

Возле двери, отдельно от прочих, сидели вместе Мериан и Ларелле, на обеих были шали. Немногие сестры носили шали, разве что напоказ или же на официальных церемониях. Обе женщины смотрели на Кадсуане. Та направлялась в отдельную гостиную, следом за ней шагала пара поджарых седоволосых мужчин, обликом напоминавших многолетние дубы. На плечах Кадсуане тоже красовалась шаль с вытканными виноградными лозами — белая эмблема Пламени Тар Валона сияла на спине. Кто из трех? Это

могла быть любая. Кадсуане могла искать себе еще одного Стража, — кажется, Зеленые всегда высматривают себе новых Стражей. Мериан и Ларелле тоже вполне могли подыскивать для себя Стражей: ни у той ни у другой Стража не было, если только кто-то из них не успел связать кого-то узами с той поры, как Морейн уехала из Тар Валона. Насупленный же вид незнакомца легко объяснить: например, ему сказали, что он не подходит в Стражи. Найдется сотня возможных причин, потому Морейн выбросила мужчину из головы. И без того опасностей хватает, к чему выдумывать новые?

Не успела Морейн пройти и трех шагов по общему залу, как появившийся будто из-под земли мастер Хэлвин — смахивающий на бочонок лысый толстяк в фартуке в зеленую полоску — преподнес еще один неприятный сюрприз:

— Ах, леди Элис, вот вы где! Вас-то я и ищу! В гостинице остановились еще три Айз Седай, и потому, боюсь, я вынужден потеснить постояльцев. На одну кровать по двое приходится. Несомненно, в таких обстоятельствах вы не будете против соседки? Госпожа Палан весьма приятная женщина.

В каких таких обстоятельствах? При обычных

обстоятельствах он даже и помыслить не посмел бы предложить благородной даме потесниться и делить кровать с кем-то еще, независимо от того, сколько купчих ему понадобилось бы затолкать на одну кровать. Но хозяин гостиницы имел в виду — раз вы все равно вскоре отправитесь в Белую Башню. На самом деле он не просто предложил — он уже вселил эту женщину в ее комнату! А когда Морейн начала возражать…

— Если вас что-то не устраивает, поговорите с кем-нибудь из Айз Седай, — непреклонным тоном заявил ей мастер Хэлвин. Непреклонным тоном! И кому — ей! — А сейчас, прошу прощения, я очень занят. У нас тут дел невпроворот.

И, не сказав больше ни слова, толстяк заспешил прочь. И даже не поклонился!

Морейн чуть не сорвалась — так ей хотелось заорать. И еще чуть-чуть — она бы направила Силу, чтобы проучить его увесистой оплеухой.

В голосе Хэйзел Палан, торговки коврами из Муранди, явственно слышался говор Лугарда. И когда Морейн переступила порог комнатушки, что совсем недавно принадлежала ей одной, то через пару минут поняла, что госпожой Палан она сыта по горло. Одежда Морейн перекочевала из шкафа на настенные крючки, а на умывальни-

ке вместо ее гребешка и щетки лежали гребень и щетка госпожи Палан. Эта седеющая толстушка в прекрасно сшитом платье из коричневой шерсти, несомненно, испытывала бы робость перед «леди Эмис», но с какой стати тушеваться перед дичком, о которой все говорят, что утром она отправится в Белую Башню, чтобы стать там послушницей. Она прочитала Морейн целую лекцию об обязанностях послушниц — причем все переврала. Если поверить кое-каким ее предположениям, то большинство из послушниц погибали бы если не в первый день своего пребывания в Белой Башне, то уж наверняка через неделю, а остальные были просто невозможны. Учат летать? Да эта женщина просто спятила! До самого ужина госпожа Палан не отходила от Морейн ни на шаг, а потом собрала вокруг стола знакомых купчих, и каждая горела желанием поведать девушке все, что им известно о Белой Башне. Хотя ни одна не знала ровным счетом ничего, это не мешало товаркам Палан делиться уймой подробностей. Будь Морейн действительно потенциальной послушницей, эта стая сорок запугала бы ее так, что она сбежала бы куда глаза глядят и к Башне на расстояние полета стрелы не приближалась бы! Морейн надеялась отделаться от обремени-

тельной компании, пораньше отправившись спать, однако едва она успела снять платье, как появилась госпожа Палан и продолжала болтать, пока не заснула.

Ночь выдалась неспокойная. Кровать была узкой, локти Хэйзел Палан — острыми, а ноги — холодными, хоть одеяла были толстыми и вделанная под кровать маленькая, отделанная изразцами печка была жарко натоплена. Не обращать внимания на холод — это одно, а ледяные пятки непрошеной соседки — совсем другое. Собиравшаяся весь день гроза наконец-то разразилась ливнем, и ветер под аккомпанемент грома несколько часов громыхал ставнями. Морейн сомневалась, что вообще сумеет уснуть, — сон отгоняли мысли о приспешниках Темного и Черной Айя. Ее мысленному взору представали картины, как спящую Тамру стаскивают с кровати и куда-то волокут по полу, как женщины, владеющие Силой, подвергают ее пыткам. Иногда в лицах этих женщин угадывались черты Мериан, Кадсуане, Ларелле, иногда — других известных Морейн сестер. А иногда вместо лица Тамры она видела свое лицо.

Когда в серых предутренних сумерках со скрипом медленно отворилась дверь, Морейн

мгновенно обняла Источник. Ее наполнила саидар — до того порога, где радость и восторг переходят в боль. Не очень много Силы — через год она заметно прибавит, а через пять будет намного сильнее, но зачерпни еще на волосок больше, и либо ее способность направлять будет выжжена навсегда, либо она просто погибнет. Первое ничем не лучше второго, но Морейн хотелось зачерпнуть еще, и вовсе не потому, что Сила всегда пробуждала подобное желание.

В комнату просунула голову Кадсуане. Морейн совсем позабыла и об ее обещании, и об ее угрозе. Несомненно, Зеленая сестра заметила свечение и ощутила, сколько Силы зачерпнула Морейн. Но, обронив лишь: «Глупая девчонка!» — Айз Седай сразу ушла.

Медленно Морейн сосчитала до ста, потом вытащила ноги из-под одеял. К чему тянуть, можно и сейчас. Госпожа Палан перевернулась на бок и захрапела. Звук был — будто холстину рвали. Однако Морейн все равно старалась не шуметь. Направив Огонь, Морейн зажгла лампу и торопливо оделась. На сей раз — платье для верховой езды: из темно-синего шелка, вышитое золотой нитью по вороту и рукавам, узоры напоминали мардинские кружева. Не без некоторого сожа-

ления она решила оставить седельные сумки и все те вещи, без которых могла обойтись. Любой, кто ее увидит, ничего особенного не подумает, пусть час еще ранний, но коли она попадется на глаза с седельными сумками на плече… А много ли уложишь во внутренние карманы плаща? Ну, гребень, щетку для волос, чистую сорочку на смену, пару запасных чулок да набор для рукоделия… Для большего места уже не оставалось. Впрочем, этого достаточно — есть еще оставшееся в поясном кошеле золото и доверительные письма, по которым можно получить деньги. Морейн затворила за собой дверь, а госпожа Палан продолжала похрапывать.

Глава 19
Вода из пруда

Общий зал в этот час был пуст, хотя доносившиеся из-за кухонной двери громыхание кастрюль и горшков и приглушенные голоса говорили, что повара уже готовят завтрак. Через боковую дверь Морейн поспешила выскользнуть на двор конюшни. Незамеченной, как она была уверена. Пока все идет хорошо. Небо только начало сереть, и воздух в каждой своей унции сохранял ночной холод, но хорошо хоть дождь перестал. Существовало плетение, не позволяющее дождю касаться тебя, но тогда неминуемо привлечешь к себе внимание. Подобрав повыше юбки и полы плаща, чтобы не замочить в растекшихся на мощеных плитах лужицах, Морейн ускорила шаг. Чем быстрее идешь, тем меньше шансов, что тебя заметят.

Впрочем, вообще от всех взоров вряд ли убережешься. Тихо скрипнули петли, и, приоткрыв створку ведущей в конюшню двери, Морейн проскользнула внутрь. Дежуривший ночью конюх, который сидел на табурете без куртки,

только в рубашке, вскочил на ноги. До того он, несомненно, дремал, привалившись спиной к подпиравшему крышу толстому столбу. Тощий, крючконосый парень, чьи раскосые глаза выдавали уроженца Салдэйи, запустил пятерню в волосы, безуспешно стараясь их пригладить, и судорожно поклонился.

— Чем могу услужить миледи? — скрипучим голосом спросил конюх.

— Оседлай мою кобылу, Казин, — сказала Морейн, вкладывая в протянутую с готовностью ладонь серебряное пенни.

Ей очень повезло, что на дежурстве, когда она сюда приехала, был этот самый конюх. Описание Стрелы мастер Хэлвин внес в конюшенный список — толстый том лежал на наклонной полочке у дверей, — но у Морейн имелись большие сомнения в том, что Казин умеет читать. Серебро заставило его встрепенуться, он приложил кулак ко лбу и бросился к стойлу седлать гнедую кобылу. Весьма вероятно, серебро конюху доводилось видеть в своей руке намного реже медяков.

Морейн было жаль бросать свою вьючную лошадку, но даже «взбалмошной леди» — краем уха она уловила бормотание конюха: «Вот взбалмошная леди! И чего ей взбрело на прогулку выезжать

ни свет ни заря?..» — вряд ли придет в голову брать на утреннюю прогулку вьючную лошадь. В лучшем случае он кинется проверять, сполна ли постоялица расплатилась с хозяином гостиницы. Хотя Морейн рассчиталась еще и за ночь вперед, нельзя сбрасывать со счетов возможность того, что Кадсуане посулила слугам награду, коли те станут следить за каждым шагом Морейн. На месте Зеленой сестры Морейн именно таким бы образом и поступила. А так никто ничего не заподозрит — все вскроется только вечером, когда она не вернется.

Взобравшись в высокое седло Стрелы, Морейн вместо второго пенни одарила парня холодной улыбкой — впредь неповадно будет язык зазря распускать — и медленно выехала на промозглые, пустынные улицы. Просто на прогулку, пусть и на раннюю. День обещал быть погожим. Дождь кончился, легкий ветерок уже разогнал тучи, и на светлеющем небосклоне еще виднелись яркие звезды.

На улицах и в переулках на стенах всех зданий по-прежнему ярко горели фонари, но среди слабых теней людей почти не было, только мерно вышагивали ощетинившиеся алебардами и арбалетами патрули Ночной стражи и совершали

свой обход Фонарщики, проверяя, не погасли ли где лампы. Фонарщики тоже носили шлемы и вооружены были так же, как и стражники. Поразительно, как только люди живут в такой близи Запустения, что мурддраал способен шагнуть из любой густой тени? Проезжавшую мимо Морейн и солдаты Ночной стражи, и Фонарщики окидывали изумленными взглядами. В Пограничных землях люди по ночам из дома стараются не выходить.

Потому-то Морейн и удивилась, обнаружив, что первой у западных ворот оказалась не она, а трое очень рослых мужчин, с вьючной лошадью, привязанной позади трех верховых. Придержав поводья Стрелы, Морейн остановилась поодаль. Ни на ком из всадников не было ни доспехов, ни шлема, но у каждого у бедра висел меч, а спереди к седлу были приторочены тяжелый кавалерийский лук и полный стрел колчан. В этих землях редко кто пускался в путь без оружия. Троица то и дело поглядывала на запертые ворота, перебрасываясь изредка словечком-другим со стражниками. На Морейн они лишь раз посмотрели, и только. Похоже, этих троих интересовало одно: когда же откроют ворота. В свете фонарей она отчетливо видела их лица. Седой мужчина в

летах и юноша с суровым лицом носили темные, длиной до колен, куртки, а их головы охватывали плетеные кожаные ленты. Малкири? Морейн вроде бы помнила, что означает эта повязка. Третьим оказался арафелец с вплетенными в косички колокольчиками — тот самый, кого она видела выходящим из «Небесных врат».

К тому времени, когда ярко вспыхнул краешек рассветного солнца и массивные створки наконец распахнулись, у ворот уже выстроилось несколько купеческих обозов. Первыми из города выехали те трое мужчин, но Морейн пропустила вперед себя караван из дюжины высоких, с парусиновыми покрышками фургонов, запряженных шестерками лошадей, и лишь вслед за громыхающими колымагами, которые сопровождали верховые охранники в шлемах и кирасах, миновала мост и двинулась по дороге меж холмов. Тем не менее из виду троицу она не упускала, — в конце концов, направлялись они в ту же сторону, что и сама Морейн.

Ехали всадники быстро, — видно, наездники они были опытные и почти не пользовались поводьями, но этот темп устраивал Морейн. Чем дальше от Кадсуане, тем лучше. Морейн старалась только все время держать мужчин на

виду; незачем привлекать их внимание раньше, чем она сама того пожелает. На таком аллюре купеческие фургоны со своими охранниками давно исчезли позади, а незадолго до полудня показалась первая деревня: крохотную гостиницу на лесистом склоне холма возле дороги обступал десяток двухэтажных каменных домов с черепичными крышами. Даже спустя несколько месяцев Морейн казалось странным видеть, что селяне носят мечи, а возле каждой двери к косяку прислонена как минимум одна алебарда. Это не считая арбалета с полным колчаном стрел. Вид оружия совершенно не вязался со зрелищем играющих на улице детей, которые беззаботно гоняли обручи и пинали набитые сухими бобами бычьи пузыри.

Деревню трое мужчин не удостоили взглядом, даже не придержали лошадей, однако Морейн нашла время купить полкраюхи поджаристого светлого хлеба и тонкий ломоть твердого желтого сыра и коротко порасспросила, не знает ли кто женщину по имени Авинэ Сахира. Никто о ней не слыхал, и Морейн галопом поскакала дальше, пока впереди на убитой дороге снова не появились три всадника, ехавшие прежним размеренным аллюром. Возможно, кроме имени сестры, с кото-

рой говорил арафелец, они ничего и не знают, но Морейн пригодится любая мелочь, касающаяся Кадсуане или двух других Айз Седай.

Как бы получше обратиться к ним? Поразмыслив немного, Морейн отвергла все придуманные планы. От троих мужчин, встретивших на глухой лесной дороге одинокую молодую женщину, можно всего ожидать, особенно если они именно те, кого боялась Морейн. Если дело обернется совсем худо, то справиться с ними труда не составит, но она хотела избежать подобного поворота. Окажись эти трое приспешниками Темного или обыкновенными разбойниками, ей вполне по силам взять их в плен и в конце концов передать каким-нибудь местным властям или мировому судье. Однако кто знает, сколько времени у нее это отнимет, а кроме того, тогда не скрыть, что она — Айз Седай. Вести о женщине, захватившей трех грабителей — что вряд ли случается каждый день, — распространятся подобно лесному пожару по сухостою. С тем же успехом Морейн могла бы сплести над головой громадную колонну из Огня, чтобы помочь всякому с легкостью отыскать ее.

На лесных прогалинах появлялись редкие фермы и снова прятались за густыми перелесками,

за высокими соснами, елями и болотными миртами, за огромными дубами, на толстых сучьях которых еще не было листьев, лишь виднелись набухающие почки, отливающие темно-красным. Паривший над головой, на высоте шагов двадцати, красногребенный орел превратился в неясное пятно на фоне клонящегося к закату солнца. Дорога впереди была пуста, не считая трех всадников и их вьючной лошади, и позади тоже — ни единого признака живой души. Приличные люди уже давно сели ужинать. Впрочем, вокруг не было видно никаких признаков, что поблизости есть ферма или хотя бы хутор. И Морейн, когда на дорогу впереди легла ее длинная тень, решила на время забыть о всадниках и поискать место для ночлега. Если повезет, вскоре все же встретится какая-нибудь ферма, а за пару серебряных монет если не на перину уложат, то на сеновал пустят. А если удача отвернется, то за подушку сойдет ее собственное седло, пусть и спать на нем жестковато. А вот перекусить вовсе не помешает. Хлебом и сыром она подкреплялась все-таки довольно давно.

Три всадника впереди неожиданно остановились посреди дороги, коротко посовещались. Морейн резко осадила свою лошадь. Даже если

они и заметили ее, то настороженность всадницы не должна вызывать подозрений: путешествующая в одиночку женщина на всякий случай станет держаться от незнакомцев подальше. Потом один из всадников подхватил повод вьючной лошади и свернул в лес. Оставшиеся, пришпорив своих коней, погнали их галопом, как будто вдруг вспомнили, что им срочно куда-то нужно по неотложным делам.

Морейн проводила ускакавших нахмуренным взглядом. Одним из них был арафелец, но он вполне мог обмолвиться о встрече с Айз Седай своему оставшемуся в лесу спутнику. Если Морейн верно разглядела, то с вьючной лошадью остался молодой малкири. О случившейся с Айз Седай встрече люди обязательно рассказывать станут. Относительно немногие в действительности хотя бы раз в жизни сталкивались с сестрами и понимали, кем те являются. А если действовать осмотрительно, то с одним мужчиной хлопот будет определенно меньше, чем с тремя.

Подъехав к месту, где всадник и вьючная лошадь скрылись в лесу, Морейн спешилась и стала высматривать оставленные ими следы. Обычно на охоте добычу для леди выслеживают егеря и ловчие, но Морейн заинтересовалась

следопытством еще в те годы, когда ей одинаково интересно было и лазить по деревьям, и заявляться домой перемазанной землей и глиной с головы до пят. Обломанные веточки и взбитая прошлогодняя листва оставили след, который без труда отыскал бы и младенец. Сотня шагов в лес — и сквозь деревья она разглядела в низинке пруд. И там же — того юного малкири.

Малый уже расседлал и стреножил гнедого коня — кстати, прекрасное животное, которое странно видеть рядом с его поношенной курткой, возможно подтверждающей его разбойничью сущность, — а вьючное седло лежало на земле. Вблизи младший из малкири казался еще внушительней, у него были очень широкие плечи и узкая талия. И к тому же далеко не красавчик. Даже привлекательным его назвать трудно, с таким-то суровым, угловатым лицом. Самое подходящее лицо для лесного разбойника. Сняв пояс с мечом, он сел лицом к пруду, положив меч перед собой, ладони опустил на колени. Он глядел как будто куда-то вдаль поверх воды, мерцавшей между вечерними тенями, устремив взор на речной тростник, росший вдоль дальнего берега. Он не шевелился, словно застыл.

Морейн задумалась. Очевидно, его оставили

разбить лагерь. Спутники обязательно вернутся, пусть и не очень скоро — судя по тому, как он пренебрегает своими обязанностями. Но долго ли — задать пару вопросов? Может, окажется достаточным в лоб спросить: «Кто из вас недавно встречался с Айз Седай?» А если его чуток вывести из равновесия — скажем, прямо перед собой он вдруг увидит женщину, — то он ответит, не успев и задуматься. Саидар нужно оставить в качестве последнего средства, прибегнув к нему только для пущей убедительности. Почти наверняка Морейн все же придется пойти на подобный шаг, но пусть ее способность направлять Силу окажется для него полной неожиданностью.

Намотав уздечку Стрелы на низкую ветку болотного мирта, Морейн подобрала плащ и юбки и как можно тише двинулась вперед. Она взошла на кстати подвернувшийся позади мужчины небольшой бугорок — прибавить немного росту не помешает. Он-то очень высокий. И неплохо, если она предстанет перед ним с ножом в одной руке, а его меч будет у нее в другой. Направив Силу, Морейн потянула к себе ножны с мечом. Чтобы как можно больше потрясти его воображение…

Он действовал молниеносно, такой стреми-

тельности Морейн не ожидала, тем более от столь крупного мужчины. Едва ее пальцы сомкнулись на ножнах, как он, будто подброшенный пружиной, вскочил на ноги, развернулся, одной рукой схватил ножны за середину, между ее руками, а другой — сгреб в горсть перед ее платья. Морейн даже подумать не успела о том, чтобы направить Силу, как ноги ее оторвались от земли и она куда-то полетела. Ей еще хватило времени увидеть приближающуюся гладь пруда и нечленораздельно что-то закричать, но крик разом оборвался, когда, подняв тучу брызг, Морейн шумно шлепнулась в воду. Вода была обжигающе холодна! От потрясения она упустила саидар.

Отплевываясь, Морейн кое-как встала на ноги — по пояс в ледяной воде, влажные волосы залепили лицо, мокрый плащ тяжело обвис на плечах. Обуреваемая гневом, она резко повернулась лицом к обидчику, в ярости вновь обняла Истинный Источник, готовая уложить нахала на землю и отколошматить, пока тот не заверещит!

Он стоял и озадаченно качал головой, рассматривая бугор, на котором совсем недавно стояла Морейн, — в добром шаге от того места, где сидел несколько мгновений назад. Он что, ее за какую-то рыбешку принимает?! Когда же он на-

конец соизволил заметить ее, то опустил ножны с мечом, подошел к самой воде и, наклонившись, протянул Морейн руку.

— Не очень мудро с вашей стороны пытаться отнять у мужчины меч, — сказал он и, коротко глянув на цветные полосы на ее платье, добавил: — Миледи.

На извинение эти слова походили мало, и он старательно отводил в сторону свои поразительно голубые глаза. Если ему вздумалось смеяться!..

Ворча под нос, Морейн неуклюже прошлепала к нему, взялась обеими руками за его протянутую руку… и со всей силы дернула на себя. Крайне трудно не замечать текущую по спине ледяную воду, и коль она промокла, не худо бы, чтобы и ему тоже досталось, и для этого вовсе не обязательно воспользоваться Единой…

Он выпрямился и одним движением вытянул из воды повисшую на его руке Морейн. Она в немом изумлении смотрела на него, пока ее ноги не коснулись земли и он не сделал пару шагов назад.

— Я разведу костер и повешу одеяла, чтобы вы могли обсушиться, — промолвил он, по-прежнему стараясь не встречаться с ней взглядом.

Он что-то скрывает? Или же просто застенчив? Морейн не доводилось слыхать о стеснительных приспешниках Темного, хотя она могла допустить, что таковые бывают.

Слова с делом у молодого малкири не разошлись, и к возвращению двух его спутников Морейн стояла возле небольшого костерка, со всех сторон завешенного извлеченными из седельных вьюков одеялами. Разумеется, и огонь, и одеяла — все это ей было ни к чему. Надлежащим плетением Воды она до последней капли высушила и волосы, и одежду, даже не снимая ее. Хорошо, что он этого не видел. И хорошо, что он не видел и ее саму, пока она как следует не прошлась по волосам щеткой и не причесалась. Да и тепло от костра тоже не помешало. Так или иначе, Морейн намеревалась оставаться за одеялами — пусть он думает, что огонь ей нужен, чтобы обсохнуть. И разумеется, саидар она не отпускала. Покамест у нее не было никаких доказательств, что он — не приспешник Темного, как, впрочем, и подтверждения обратного.

— Ну как, Лан, она пошла по твоему следу? — раздался мужской голос.

Это был арафелец, он спешился под легкий звон колокольчиков в волосах.

— Зачем ты тут одеяла поразвесил? — недовольно произнес хриплый голос.

Морейн изумленно застыла, устремив взор в никуда, и упустила, какие ответы ее обидчик дал на заданные вопросы. Откуда они узнали? В такие времена люди остерегаются разбойников, но эти трое, заметив одинокую женщину, заподозрили, что она следит за ними? Что за нелепость! Но почему тогда они заманили ее в лес, а не подстерегли на дороге? У трех мужчин нет причин опасаться одной-единственной женщины. Если только они не знают, что она — Айз Седай. Тогда они должны вести себя в высшей степени осмотрительно. Но Морейн была уверена, что этот малый представления не имеет, каким образом она исхитрилась схватить его меч.

— Кайриэнка, да, Лан? Думаю, кайриэнок в чем мать родила ты повидал! А я — нет.

Эта фраза зацепила ухо Морейн, и до слуха ее, обостренного Силой, донесся и другой звук. Шорох стали по коже. Так меч выходит из ножен. Приготовив несколько плетений, которыми можно остановить всех троих, Морейн выглянула в щелку между одеялами.

К ее изумлению, мужчина, искупавший ее, — надо полагать, упомянутый Лан — расположился

спиной к висящим на ветвях дуба одеялах. Именно в его руках был обнаженный меч. Арафелец, что стоял напротив него, казался удивленным.

— Ты не забыл, как выглядят Тысяча Озер, Рин, — холодно промолвил Лан. — Неужели нужно оберегать женщину от твоего нескромного взора?

На мгновение ей показалось, что Рина не остановит обнаженный меч в руке Лана, но мужчина постарше, седой и явно многое в жизни испытавший, к тому же не уступавший ростом своим спутникам, уладил дело. Морейн слышала, как его называли Букамой. Он отвел обоих в сторонку, говоря что-то о какой-то игре под названием «семерки». Судя по всему, весьма необычная игра и куда как опасная в угасающем свете дня. Лан с Рином повернулись лицом друг к другу и сели на землю, скрестив ноги, оружие обоих покоилось в ножнах; потом, без всякого предупреждения, мелькнули выхваченные из ножен клинки, застыв на волосок от горла противника. Старший мужчина указал на Рина, те двое опять спрятали мечи в ножны, и все повторилось вновь. Пока Морейн смотрела, так оно и продолжалось. Возможно, Рин был не настолько самоуверен, каким казался.

Выжидая за одеялами, Морейн припомнила, что ей известно о стране с названием Малкир. За исключением истории, известно было немного. Рину напомнили о Тысяче Озер, значит он тоже из народа малкири. И еще что-то о том, что недостойно докучать женщинам. Ну, раз она уже с ними, ничто не мешает ей оставаться с ними и выведать все, что нужно.

Когда Морейн вышла из-за одеял, она уже решила, как себя держать.

— Я заявляю о своем праве одинокой женщины, — церемонно обратилась она ко всем троим. — Я направляюсь в Чачин и прошу защиты ваших мечей. — С этими словами Морейн вложила каждому в ладонь по увесистой серебряной монете. Она не была до конца уверена в этом нелепом «праве одинокой женщины», но серебро отвлечет их внимание. — И еще по две я заплачу в Чачине.

Отреагировали мужчины не совсем так, как ожидала Морейн. Рин принялся вертеть в руке и разглядывать монету. Лан, равнодушно бросив короткий взгляд на свою, хмыкнул и засунул ее в карман. И тут до Морейн дошло, что она дала им три из немногих оставшихся у нее тарвалонских марок, но ведь серебро, отчеканенное в Тар Ва-

лоне, ходит по всему миру, как и монеты любой другой страны.

Седой мужчина, которого звали Букама, поклонился Морейн, левую ладонь положив на колено.

— Честь служить вам, миледи, — сказал он. — До Чачина — за вашу жизнь отдам свою.

Глаза у Букамы тоже были голубые, и он тоже старался не встречаться взглядом с Морейн. Она понадеялась, что он не окажется приспешником Темного.

Вызнать же что-нибудь оказалось нелегко. Просто невозможно. Сначала мужчины разбивали лагерь, потом возились с лошадьми, разжигали большой костер. Видимо, им не хотелось без хорошего костра встречать ночь этой ранней новой весны. За скромным ужином Букама с Ланом едва перемолвились словом-другим. Морейн же набросилась на дорожный хлеб и вяленое мясо, тщательно стараясь скрыть свой волчий голод. Рин был даже мил, а когда улыбался, на щеках у него появлялись ямочки и в голубых глазах вспыхивали искорки, но болтал он без умолку, и Морейн не подвернулось возможности упомянуть ни о «Небесных вратах», ни об Айз Седай. Когда же она наконец ухитрилась хотя бы спро-

сить, зачем он едет в Чачин, Рин погрустнел.

— Где-то же суждено человеку умереть, — тихо произнес он и, забрав свои одеяла, ушел устраиваться на ночлег.

Очень странный ответ. В самый раз подходит для Айз Седай.

Луна всходила над деревьями, и первым караулить взялся Лан. Он уселся, скрестив ноги, рядом с Рином, и, когда Букама, потушив костер, расстелил свои одеяла возле Лана, Морейн сплела вокруг каждого из троих малого стража из Духа. Потоки Духа она могла удерживать и во сне, и, если кто-то из ее спутников ночью двинется с места, малый страж разбудит ее незаметно для них. Это означало, что Морейн будет просыпаться каждый раз, как они будут сменяться на часах, но тут уж ничего не попишешь. Одеяла Морейн лежали в стороне, и, когда она, пробудившись в третий раз, вновь опустила голову на седло, Букама что-то проворчал. Его слов Морейн не слышала, но ответ Лана отчетливо долетел до ее ушей.

— Я скорей Айз Седай доверюсь, Букама. Спи и не тревожься.

Пламя гнева, которое Морейн старательно гасила в себе, вспыхнуло вновь. Он швырнул ее

в ледяной пруд и не извинился! И он еще… Она направила Силу, сплетя вместе Воздух и Воду, прибавив и чуток Земли. Толстый столб воды поднялся над прудом, вытягиваясь вверх и сверкая в лунном сиянии, выгнулся аркой. И обрушился на глупца, посмевшего распустить свой язык!

Залитые водой Букама и Рин, кляня все на свете, вскочили на ноги, но Морейн не успокоилась, пока не досчитала до десяти, и лишь тогда остановила поток. Высвобожденная вода расплескалась по лагерю. Морейн ожидала увидеть сбитого наземь, мокрого, полузамерзшего мужчину, который готов усвоить преподанный ему урок. Действительно, Лан промок до нитки, рядом на земле бились рыбки. Но он стоял на ногах. И в руке его сверкал обнаженный меч.

— Исчадья Тени? — не веря своим словам, воскликнул Рин, а Лан громко ответил:

— Возможно! Хотя я никогда ни о чем подобном не слыхал. Рин, защищай женщину! Букама, возьми запад и по кругу на юг! Восток и оттуда на север — я!

— Нет, это не исчадия Тени! — Морейн окриком остановила мужчин.

Они изумленно уставились на нее. Жаль, что в лунном свете ей плохо видно выражение их лиц,

но неверные тени облаков в подспорье — прибавят ей таинственности. Морейн постаралась придать своему голосу как можно больше холодного спокойствия Айз Седай: — Мастер Лан, крайне неразумно выказывать к Айз Седай нечто иное, чем уважение.

— Айз Седай? — прошептал Рин.

Несмотря на сумрак, на его лице ясно читалось благоговение. Или же то был страх?

Больше никто не промолвил ни слова, лишь Букама с ворчанием перенес свою постель подальше от размокшей земли. Рин с четверть часа молча перетаскивал свои одеяла, мелко кланяясь всякий раз, стоило Морейн повернуть голову в его сторону. Лан, тот и не пытался обсохнуть. Он начал было подыскивать себе другое место, но потом сел там же, где и сидел прежде, прямо в грязную лужу. Морейн сочла бы это знаком покорности, если бы не взгляд Лана, брошенный на нее, — на сей раз он почти встретился с ней глазами. Если это называется покорностью, то людей смиреннее королей на земле не сыщешь.

Морейн не забыла вновь сплести вокруг мужчин малых стражей. Что, вообще говоря, после раскрытия своего звания было просто необходимо. Но уснула она не сразу — нужно было о

многом подумать. Первое — ни один из троих не поинтересовался, почему она ехала за ними. И как он сумел на ногах устоять! Когда же Морейн сморил сон, размышляла она, как ни странно, о Рине. Какая жалость, что Рин ее боится. Будет очень жаль, если именно он окажется приспешником Темного. Он обаятелен и недурен собой. И она ничего не имеет против того, что Рину хотелось увидеть ее без одежды. Лишь бы другим о своем желании не болтал.

Глава 20
Завтрак в Манале

Можете называть меня леди Элис, — заявила им странная маленькая женщина, когда на восходе солнца она с сонливым видом вылезла из своих одеял, зевая и прикрываясь кулачком.

По-видимому, ей не в привычку было спать на голой земле. Лан был уверен, что она просыпалась всякий раз, когда он в свою очередь заступал на ночной караул — а случалось это не единожды. Люди по-разному дышат во сне и бодрствуя. Что ж, женщине, которая носит шелка, редко доводится сталкиваться с лишениями или неудобствами.

В том, что названное имя настоящее, Лан сомневался не меньше, чем в кольце Великого Змея, которое продемонстрировала незнакомка, тем паче что потом «леди Элис» вновь запрятала кольцо в свой поясной кошель, со словами, что никто, даже другие сестры, не должен знать, что она — Айз Седай. Да, правда, зачастую Айз Седай прикидывались обыкновенными женщинами, и их притворство проходило с теми, кто не знал,

чем отличаются лица сестер. И сам он, было дело, раз столкнулся с Айз Седай, чей облик еще не приобрел черт безвозрастности, однако все они, как одна, сверх меры злоупотребляли безмятежностью. О, они гневались, но гнев их бывал холоден. В лунном сиянии Лан видел лицо «Элис», когда иссяк поток воды, хотя смысл представшей его взору картины дошел до него лишь позже. Детская радость от озорной проказы и по-детски досадливое разочарование оттого, что шутка не получилась такой, какой она ее замышляла. Айз Седай многое могли, многое умели, окутывали себя загадочностью, так что рядом с ними другие женщины казались простушками, но ребячливо Айз Седай не вели себя никогда.

Когда они впервые заметили ее позади своего маленького отряда — эта Элис обогнала купеческий караван, сопровождаемый охранниками, — Букама высказал вслух предположение: с какой стати одинокая женщина едет вслед за тремя мужчинами? Если шестеро вооруженных мечами мужчин не сумели убить одного при свете дня, то, наверное, с такой задачей справится одна женщина под покровом мрака. Разумеется, об Эдейн Букама и словом не обмолвился. Говоря начистоту, его предположение не оправдалось,

потому что тогда Лан был бы уже мертв, однако с Эдейн вполне станется подослать какую-нибудь женщину с поручением следить за ними, решив, что с ней Лан будет более беспечен. Только глупец считает, будто женщины бывают менее опасны, чем мужчины, но, похоже, женщины зачастую считают мужчин дураками, когда дело касается женщин.

Ночью, вопреки своим прежним дурным предчувствиям, Букама не счел нужным скрыть неудовольствия тем, что Лан отказался принести надлежащую клятву, хотя и его собственного обещания было достаточно, чтобы обязать своих товарищей сопровождать эту «леди Элис» до Чачина. Вдобавок она им заплатила. Женщина, видно, не понимала, какое оскорбление нанесла, предложив им деньги. Этим утром Букама, седлая своего вороного мерина, сердито ворчал, что тот, по его словам, и в подметки не годится Солнечному Лучу. Даже для Букамы это было чересчур. Вороной был превосходным животным, с великолепными статями, резвый, пусть даже пока и не обученный в качестве боевого коня.

— Айз Седай или нет, но порядочный человек должен вести себя подобающим образом, — бормотал он, подтягивая переднюю седельную

подпругу. — Это вопрос общепринятых приличий.

— Прекрати, Букама, — тихо сказал ему Лан.

Конечно, Букама и не подумал к нему прислушаться:

— Это непочтительно по отношению к ней, Лан, и постыдно с твоей стороны. Честный человек защищает всякого, кому требуется защита, но первым делом — детей, а женщин — прежде мужчин. Пообещай ее защищать — это дело твоей чести.

Лан вздохнул. Весьма вероятно, Букама будет в том же духе твердить всю дорогу до Чачина. А ему бы следовало понять! Если эта женщина и в самом деле Айз Седай, Лан не желает, чтобы с нею его связывала еще хоть какая-то ниточка. Букама уже протянул одну нить, но дай Лан свою клятву, то положение станет еще хуже. Если Элис — Айз Седай, то она, по всей видимости, подыскивает себе Стража. Если она — Айз Седай…

Рин едва дождался, когда «леди Элис» закончит расчесывать волосы, чем она занималась, сидя на своем седле, лежащем на земле, а потом немедленно отвесил ей изысканный поклон, отчего колокольчики в его косицах тонко зазвенели.

— Великолепное утро, миледи, — промурлыкал

Рин, — хотя никакой восход солнца не сравнится красотой с глубокими темными омутами ваших очей. — Он слегка вздрогнул, округлившимися глазами взглянул на нее, стараясь углядеть, не оскорбилась ли она. — Э-э-э… Позволено ли мне будет оседлать вашу кобылу, миледи? — Он был неуверен и робок, как поваренок в гостиной господского особняка.

— Почему бы и нет? Спасибо, Рин, — с улыбкой сказала она. С очень теплой улыбкой. — Весьма любезно с вашей стороны.

Элис направилась вместе с Рином седлать лошадь или же, как показалось Лану, скорее, флиртовать с ним. Пока Рин занимался делом, она стояла рядом, совсем близко, и глядела на него снизу вверх теми большими глазами, которыми он так восхищался. И что бы Элис ни сказала, Лан слышал ответное бормотание насчет ее «кожи белее снега». Отчего она очаровательно засмеялась.

Лан покачал головой. Он понимал, что притягивало Рина к этой женщине. Лицо у нее было красивым, и, как бы по-девчоночьи она себя ни вела, стройное гибкое тело под этим платьем синего шелка принадлежало отнюдь не ребенку. Но Рин прав: кайриэнок в чем мать родила Лану

повидать довелось, и не единожды. И каждая пыталась опутать его сетями какой-то интриги или втянуть в какой-нибудь заговор, и хорошо, если только в один. Как-то он провел десять особенно незабываемых дней на юге Кайриэна, и его тогда раз шесть едва не убили и дважды чуть не женили. А тут — Айз Седай, если она и в самом деле принадлежит Белой Башне. И в придачу — еще и кайриэнка? Хуже не придумаешь!

Как ни странно, леди Элис не выказала недовольства, что в путь они отправились, даже не позавтракав, но, когда менее чем через час отряд добрался до довольно-таки крупной придорожной деревни под названием Манала, она распорядилась о привале. Причем даже не попросила, а именно приказала.

— После горячей еды с утра дорога днем будет легче, — твердо сказала леди Элис, очень прямо сидя в седле и с вызовом глядя на троих спутников. Такая манера уж точно под стать Айз Седай, но, впрочем, подобное вообще свойственно женщинам. — Я хочу добраться до Чачина как можно скорее и не желаю, чтобы вы свалились от голода в глупой попытке продемонстрировать мне, какие вы выносливые.

Только один Рин встретил ее взгляд прямо, с

неловкой улыбкой. Ему все-таки лучше поскорее решить для себя, очарован он ею или испуган.

— Мы и сами, миледи, планировали тут ненадолго остановиться и подкрепиться, — произнес Букама, почтительно потупив взор.

Он не добавил, что не будь ее, они прошлым вечером наверняка бы тут поужинали и ночь провели в постелях, а не в лесу, на голой земле. Если бы Элис последовала за ними в Маналу, это не значило бы ничего. Но раз она свернула следом за Ланом в лесную чащу, значит у нее есть какой-то интерес — к ним или к их планам.

Маналу уже можно было назвать городком: каменные дома под красными или зелеными черепичными крышами расползлись вдоль почти по двум десяткам улиц, крест-накрест пересекавших пару невысоких холмов. Вдоль дороги, в седловине между холмами, перед просторной лужайкой выстроилось три гостиницы. Там под настороженными взорами верховых купцов неохотно запрягали лошадей возницы и их подручные — два крупных купеческих каравана направлялись дальше на восток. Еще один поезд, чуть ли не в три десятка фургонов, неспешно погромыхивая, уже двигался на запад, а несколько поотставших от каравана купеческих охранни-

ков то и дело оглядывались через плечо, вместо того чтобы, как и положено, бдительно нести службу. В Манале вовсю праздновали Бэл Тайн.

Праздник еще не дошел до игр, где испытываются ловкость, сила или проворство, но в центре лужайки уже вели брачный танец вокруг Весеннего шеста молодожены — ноги их так и мелькали, а сами они, выпрямив спину и развернув плечи, обвивали шест высотой в два спана длинными, ярко раскрашенными льняными лентами. Те же, кто был постарше или еще не сподобился обзавестись супругом, отплясывали заметно более оживленно под музыку скрипок, флейт и барабанов полудюжины различных размеров. Все красовались в лучших своих праздничных нарядах: женщины были в светлых блузах и широких шароварах, мужчины — в ярких куртках, украшенных затейливой вышивкой. Им было тесно на широкой просторной площади, однако здесь собралось отнюдь не все население Маналы. Непрерывный людской ручеек уходил вверх по холму, и такой же поток тек обратно: мужчины и женщины куда-то спешили, а возвращались зачастую с разными блюдами, которые расставляли на длинных столах у дальней стороны лужайки. Зрелище было

жизнерадостное и веселое. Смеющиеся детишки, с перемазанными медом личиками, резвились и играли повсюду, а кое-кто из ребят постарше время от времени подбрасывал хворост в маленькие костерки, разожженные по случаю Бэл Тайна по углам лужайки. Лан не знал, сколько людей и вправду верит, будто если перепрыгнуть через это невысокое пламя, то в огне сгорит все невезение, что накопилось с предыдущего Бэл Тайна, но он верил в везение. Как и в невезение. В Запустении благодаря удаче можно остаться живым, а между жизнью и смертью везение стоит так же часто, как и ловкость или недостаток сноровки.

Возле дороги, в разительном контрасте с весельем на лужайке, высилось шесть кольев с торчащими на них крупными троллочьими головами: волчьи рыла, бараньи рога, орлиные клювы и перья — и слишком человеческие глаза. Судя по виду, отрублены не больше двух-трех дней назад, хотя весьма прохладная погода должна была замедлить разложение — для мух еще слишком холодно. Так что были причины на то, чтобы мужчины плясали, не расставаясь с мечами, а у женщин на поясе висели длинные ножи. Впрочем, запаха горелого дерева Лан не чуял, значит набег троллоков оказался небольшим и

успехом нападение явно не увенчалось.

«Леди Элис» остановила кобылу возле кольев и принялась пристально рассматривать зловещие украшения. Причем вовсе не выказывала ни удивления, ни страха, ни отвращения. Лицо ее оставалось совершенной маской безмятежного спокойствия. На какое-то мгновение Лан почти поверил, что она и в самом деле Айз Седай.

— Не хотелось бы мне встретиться с такими тварями, вооруженной одним лишь мечом, — пробормотала она. — Не представляю, какой отвагой нужно для этого обладать.

— Вы сталкивались с троллоками? — удивленно спросил Лан.

Рин и Букама изумленно переглянулись.

— Да.

Она едва заметно поморщилась, словно бы ответ соскользнул с губ раньше, чем она успела о том подумать.

— И могу я спросить — где? — промолвил Лан.

Мало кто из южан вообще когда-либо видел троллока. Некоторые называли троллоков бабушкиными сказками, страшилками, какими только детей впору пугать.

Элис смерила Лана холодным взглядом. Очень холодным.

— Отродий Тени можно встретить и в таких местах, какие вам, мастер Лан, и во сне не приснятся. — А потом с улыбкой промолвила: — Рин, выбери нам гостиницу.

Женщина и в самом деле полагала, будто она тут — главная. Судя по тому, с какой готовностью Рин бросился исполнять поручение, он именно так и считал.

«Меч пахаря» представлял собой двухэтажное каменное строение с красной крышей, окна первого этажа, скорее, были бойницами, удобными для стрельбы из лука, а над сбитой из толстых досок дверью висел острием вниз двуручный меч — оружие того сорта, которое местные фермеры берут с собой в поле. В такой близости от Запустения гостиницы, как и большинство домов, служили опорными оборонительными пунктами при нападении троллоков. Хозяйка гостиницы, дородная седовласая женщина, облаченная в пышную, вышитую красными и желтыми цветками блузу и в широкие, расшитые красными и синими узорами штаны, оставила празднество на лужайке и двинулась к путникам, когда приметила, как те привязывают лошадей к кольцам коновязи, вбитым в фасадную стену гостиницы. На двух малкири, явно решивших остановиться

в ее гостинице, госпожа Томичи косилась с тревогой, но посветлела лицом, когда Элис принялась распоряжаться по поводу завтрака.

— Как вам будет угодно, миледи, — пробормотала круглолицая владелица гостиницы, приседая перед Элис в глубоком реверансе. Кайриэнка и не подумала никак назвать себя, но одежда и манера держаться заставляли предположить в ней благородную леди. — И наверное, понадобятся комнаты для вас и ваших слуг?

— Спасибо, но не нужно, — отозвалась Элис. — Долго задерживаться я не намерена.

Рина, как видно, ничуть не задело, что его обозвали слугой, он принял это слово с той же легкостью, что и сама Элис, но извечная мрачность Букамы только усугубилась. Разумеется, сейчас он ни единым словом не выдал своего раздражения — а, учитывая принесенную клятву, о случившемся, весьма вероятно, так и вообще промолчит. Лан решил при первой же возможности непременно перемолвиться словечком-другим с Элис. Есть же предел тому, сколько оскорблений способен молча проглотить мужчина.

Лан и двое его спутников попросили себе черного хлеба, крепкого чая и по миске овсяной каши с мелко накрошенной туда ветчиной. За

свой стол в просторном общем зале Элис их сесть не пригласила, так что мужчины расположились на скамьях вокруг другого стола. Выбор у них был богатый, поскольку в гостинице никого больше не было — только они четверо и госпожа Томичи, которая прислуживала им лично, объяснив, что не хочет никого отрывать от празднеств. Да и сама она, едва с ней расплатились за завтрак, поспешила вернуться к всеобщему празднику.

Оказавшись наедине, Лан и его товарищи обсудили коротышку, которая навязалась им в попутчицы. Или, вернее, поспорили на ее счет — понизив голос, чтобы она не услыхала. Совершенно убежденный в том, что Элис — действительно Айз Седай, Рин советовал ни о чем ее не спрашивать. Задавать вопросы Айз Седай — дело опасное, и ответы могут тебе не понравиться. Букама настаивал, что им необходимо знать, чего ей от них понадобилось, особенно если она — Айз Седай. Впутаться в невесть какое хитросплетение интриг Айз Седай — чревато огромным риском. Человек, сам о том не ведая, может заиметь опасных врагов, а то еще его, ни намеком не предупредив, принесут в жертву ради осуществления планов Айз Седай. Лан воздержался от замечания, что именно Букама втравил

их в это дело и что из-за него они и влезли в эти тенета. Сам же Лан никак не мог поверить, что Элис может быть Айз Седай. Он считал, что она — дичок и следит за ними по чужому наущению — наверняка Эдейн, хотя он, естественно, и не упомянул ее имени. У Эдейн, по всей вероятности, имеются глаза-и-уши во всех Пограничных землях. Невероятное совпадение, что у Эдейн под рукой оказался дичок, поджидавший Лана в Канлууме, но ведь именно там случилась стычка с теми шестью головорезами, и Лан не сумел назвать никого другого, кто мог бы их подослать.

— И все же я скажу… — начал было Букама, а потом с губ его сорвалось короткое ругательство. — Куда она подевалась?

Опустевшая миска Элис стояла на столе, там, где она совсем недавно сидела, но самой женщины и след простыл. Лан, против своей воли, восхищенно приподнял брови. Она ухитрилась уйти — а он не уловил ни звука.

Со скрежетом отодвинув свою скамью, Рин рванулся к окну-бойнице и выглянул наружу.

— Ее лошадь еще тут. Может, она в уборную пошла, — сказал он.

Лан скривился про себя от такой вульгарности. Есть вещи, говорить о которых прилично, а

есть вещи, упоминать о которых не стоит. Рин потеребил пальцем одну из своих косичек, потом дернул за нее, отчего колокольчики тихонько зазвенели.

— По-моему, лучше оставить ей ее серебро и убраться подальше, пока она не вернулась.

— Ступай, если хочешь, — произнес Лан, вставая. — Букама поклялся ей, а я его клятву уважаю.

— Лучше, если бы ты тоже дал ей клятву, — проворчал Букама.

Рин скривился и еще разок как следует дернул себя за косичку:

— Раз вы остаетесь, то и я тоже останусь.

Возможно, женщина просто решила полюбоваться на гулянье. Велев Букаме остаться в гостинице, на случай ее возвращения, Лан, прихватив с собой Рина, отправился на поиски. Однако Элис нигде не было видно — ни среди танцующих, ни среди зрителей. В своем шелковом платье, она, несомненно, выделялась бы на фоне всех этих вышитых нарядов из шерсти и льна. Кое-кто из женщин захотел пригласить их потанцевать, и наиболее привлекательным Рин приветливо улыбнулся в ответ, — похоже, улыбаться при виде смазливого личика он перестанет, разве что

когда на него дюжина троллоков набросится! Но Лан отправил Рина высматривать Элис среди домов на Южном холме, а сам двинулся вверх по склону холма позади «Меча пахаря». Ему не хотелось, чтобы Элис встречалась с кем-то у него за спиной: мало ли какой малоприятный сюрприз она способна устроить — день-то впереди длинный. Если женщина до сих пор не попыталась убить его, это еще не значит, что Эдейн хочет получить его живым.

Лан отыскал Элис посреди почти опустевшей улицы, на полпути вверх по холму: перед ней присела в реверансе худенькая молодая женщина, чьи блуза и шаровары были расшиты красными и золотыми узорами, столь же затейливыми, что и вышивка на дорожном платье Элис. Кандорцы ничуть не лучше южан, коли дело касается вышивки. Неслышно ступая, он приблизился к Элис сзади и встал у нее за спиной на таком расстоянии, чтобы слышать разговор женщин.

— Какая-то семья Сахира живет в трех улицах в ту сторону, миледи, — промолвила худая женщина, указав взмахом руки. — И кто-то, по-моему, еще живет на Южном холме. Но не знаю, зовут какую-то из них Авинэ или нет.

— Вы мне очень помогли, госпожа Маришна, —

с теплотой произнесла Элис. — Благодарю вас.

Благосклонно приняв еще один реверанс, она стояла и смотрела, как та худенькая женщина идет вверх по холму. Как только госпожа Маришна оказалась подальше и не могла ее слышать, леди Элис заговорила вновь, и голос ее был далек от сердечного.

— Мастер Лан, не желаете ли, чтобы я продемонстрировала вам, как в Белой Башне наказывают за подслушивание?

Лан едва не заморгал от изумления. Сначала она ухитрилась выскользнуть из общего зала незамеченной, так что он и шороха не уловил, а теперь сумела услышать его, когда он старался не шуметь. Поразительно! Видно, она и в самом деле Айз Седай. А это означает, что она, наверное, присматривается к Рину, желая сделать его своим Стражем.

— Пожалуй, нет, — сказал Лан, обращаясь к ее затылку. — У нас в Чачине дело, которое не терпит отлагательств. Возможно, ваши поиски пойдут быстрее, если мы поможем вам найти эту Авинэ Сахира.

Она резво развернулась к Лану и, выпрямившись во весь рост, вперила в него свой взор. Лану показалось, еще немного, и она просто привста-

нет на цыпочки. Да нет, навряд ли она Айз Седай, несмотря на властно-ледяное выражение лица. Ему доводилось видывать, как Айз Седай, куда ниже ростом, без всяких усилий подчиняли своей воле целые залы, заполненные людьми, которые и понятия не имели, кто те такие.

— Будет лучше, если вы забудете, что вообще слышали это имя, — холодным тоном промолвила Элис. — Крайне неблагоразумно вмешиваться в дела Айз Седай. А теперь можете оставить меня. Однако надеюсь, что когда я завершу свои дела, то найду вас готовыми к немедленному отъезду. Если верно, что малкири, как мне говорили, держат свое слово.

Выдав такое оскорбление, она зашагала в направлении, указанном ей той худенькой госпожой Маришной. О Свет, да у этой Элис язычок острее бритвы!

Когда Лан возвратился в «Меч пахаря» и рассказал Букаме, чему был свидетелем, старший его товарищ обрадовался. Иными словами, обычная его хмурость слегка рассеялась — все равно что кто-то другой расплылся в довольной ухмылке.

— Может, от нас она хочет только защиты, пока не отыщет эту женщину. И ничего больше, — сказал Букама.

— Это не объясняет, почему она следила за нами целый день, — заметил Лан, усевшись на скамью перед своей миской с кашей. Раз на то пошло, то можно и завтрак закончить. — И никакого намека, почему опасалась к нам приблизиться. По-моему, эту женщину так же легко напугать, как и тебя.

На это Букама ничего не ответил.

Глава 21
Трюки с Силой

Лан понимал, что эта поездка в Чачин будет из тех, которые ни за что не забудешь, и подозрения оправдались. Ехали они быстро: обгоняли вереницы купеческих фургонов, в деревнях надолго не задерживались и ночевали больше под звездами — заплатить за ночлег в гостинице никто из путников не мог, тем более сразу за четверых, да еще с лошадьми. Вполне подходили сараи и сеновалы — когда в надвигающихся вечерних сумерках удавалось найти сарай или сеновал. На многих холмах вдоль дороги не встречалось ни деревни, ни фермы, только высились дубы и стояли болотные мирты, сосны и ели в окружении разбросанных там и сям куп невысоких буков или кислокамедника. Одиноких ферм в Пограничных землях не найдешь: стоящая вдали от крупных селений ферма раньше или позже превращалась в кладбище.

Элис продолжала разыскивать ту женщину, по имени Сахира, она расспрашивала о ней местных жителей в каждой деревне, через которую проез-

жал отряд, причем держалась подальше от Лана и его товарищей и замолкала, стоило им к ней приблизиться. Этой особе ничего не стоило ожечь их ледяным взором. Во всяком случае, взгляды, какими она одаривала Лана, так и дышали морозом. Рин сидел в седле как на иголках, смотрел на нее круглыми глазами, то суетился, то порывался исполнить какое-нибудь ее поручение, то принимался сыпать комплиментами, словно льстивый придворный, увивающийся за дамой. В общем вел себя так, будто так и не сумел решить, то ли очарован ею, то ли испуган, продолжая метаться между двумя крайностями, а она снисходительно принимала и его раболепие, и его восхваления как должное, мелодичным смехом откликаясь на шутки.

Нельзя сказать, что внимание Элис всецело было поглощено Рином. Редко проходил час, когда бы она ни прощупывала спутников вопросами, каждого поочередно, и вскоре стало казаться, будто ей хочется вызнать подноготную жизни каждого из них. Женщина была точь-в-точь рой черной мошки: не важно, скольких ты прихлопнешь, все равно хватит, чтобы тебя покусали. Даже Рину достало ума уклоняться от подобного рода расспросов. Прошлое принадлежит самому

мужчине и тем, кто прожил его вместе с ним; прошлое — не предмет для досужей болтовни с излишне любопытной женщиной. Несмотря на ее расспросы, Букама продолжал брюзжать днем и ночью. Едва ли не каждое второе замечание, слетавшее с его языка, касалось не данной Ланом клятвы. Лан начал уже подумывать, что единственный способ заставить того умолкнуть — принести обет не давать вообще этой пресловутой клятвы.

Дважды из Запустения тяжело накатывались плотные темные тучи и обрушивали сильные ливни: ледяные струи хлестали вперемешку с крупным градом, и размером градины были таковы, что вполне могли рассечь человеку голову. По весне самые страшные бури всегда приходят из Запустения. Когда первые из тех туч начали затемнять северный горизонт, Лан принялся высматривать местечко, где толстые ветви деревьев дали бы какое-никакое укрытие, а вдобавок не помешало бы и одеяла между ними растянуть, однако Элис, поняв, что на уме у Лана, холодно промолвила:

— Незачем останавливаться, мастер Лан. Вы — под моей защитой.

Весьма в этом сомневаясь, Лан по-прежнему

подыскивал возможное убежище, когда на путников обрушилась гроза. По враз потемневшему, как ночью, небу зазмеились голубовато-белые молнии, ослепительные вспышки перемежались оглушительными раскатами грома — как будто над головой грохотали чудовищные литавры. Но ливень стеной полился по невидимому куполу, который двигался вместе со всадниками, а градины от незримой преграды отскакивали совершенно беззвучно, что создавало жутковатую картину. Когда налетела вторая гроза, Элис укрыла свой отряд таким же щитом и, казалось, была удивлена, когда спутники не преминули поблагодарить ее. Лицо Элис сохраняло невозмутимость, и ни на волосок не поколебалось это спокойствие, столь превосходно копировавшее безмятежный облик Айз Седай, но некий огонек промелькнул в ее глазах. Какая странная женщина.

Как и твердили слухи, без разбойников не обошлось, и несколько раз путники замечали их шайки, человек по десять-двенадцать, одетых в рванину. Сочтя, что шансы против трех мужчин с луками наготове у них невелики, они исчезали среди деревьев прежде, чем Лан и остальные добирались до них. Всегда либо он, либо Букама бросался преследовать разбойников просто для

того, чтобы убедиться, что те действительно убрались, а двое других оставались оберегать Элис. Стало бы несусветной глупостью напороться на засаду, которая, как им было очевидно, вполне могла их поджидать.

Полдень четвертого дня застал ехавший быстрым аллюром отряд в лесистых холмах, протянувшихся вдоль дороги, которая, на сколько хватало глаз, в оба конца была пустынна. Небо оставалось ясным, лишь три-четыре белых облачка плыли в вышине, и в тишине раздавался только стук лошадиных копыт да пересвистывались белки на ветках. Вдруг из-за деревьев по обе стороны дороги, шагах в тридцати впереди, выскочили верховые: десятка два нечесаных, неряшливо одетых парней преградили путь, а дробный стук копыт подсказывал, что за ними есть и другие всадники.

Бросив поводья на переднюю луку седла, Лан выхватил из колчана еще две стрелы и, зажав их между пальцами, натянул тетиву с уже наложенной на нее третьей стрелой. Он сомневался, что успеет выстрелить второй раз, но всегда есть какой-то шанс. Трое мужчин впереди носили поверх замызганных курток нагрудники, изрядно помятые и покрытые пятнами ржавчины, а один

щеголял в поржавевшем шлеме с решетчатым забралом. Луков ни у кого видно не было, впрочем особого значения это обстоятельство не имело.

— Двадцать три — сзади, в тридцати шагах, — сказал Букама. — Луков нет. По твоей команде.

А какая разница, сколько их, если численность этой банды позволяет нападать на большинство купеческих караванов. Тем не менее стрелу Лан не спустил. До тех пор пока молодчики просто сидят на своих лошадях, какой-то шанс остается. Пусть и крохотный. Жизнь или смерть — исход зачастую зависит от крохотных шансов.

— Давайте не будем торопиться, — выкрикнул мужчина в шлеме, снимая его. Взору предстали седые волосы и узкое грязное лицо, которого бритва касалась по меньшей мере неделю тому назад. Широкая улыбка продемонстрировала два отсутствующих зуба. — Может, двух-трех наших вы и убьете, прежде чем мы вас срубим, но к чему усложнять? Отдайте нам свои денежки и драгоценности прелестной леди — да и ступайте своей дорогой. У хорошеньких леди в шелках и мехах всегда найдется немало драгоценностей! Разве не так?

Вожак плотоядно посмотрел мимо Лана на Элис. Возможно, ему казалось, что его улыбка

лучится дружелюбием.

Ничего хорошего предложение не сулило. Грабители не хотят потерь со своей стороны, если их можно избежать, но если сдаться, то тогда ему, Букаме и Рину почти наверняка перережут глотки. По всей вероятности, они не намерены убивать Элис, пока не решат, что она для них опасна. Если у нее в рукаве есть какие-то трюки с Единой Силой, то Лан вовсе не против, чтобы она…

— Как смеешь ты вставать на пути Айз Седай? — прогрохотала Элис, и это действительно был гром, от которого кони разбойников зафыркали и затанцевали. Дикий Кот, знающий, что означают брошенные поводья, оставался спокоен под Ланом, ожидая нажима коленом и пяткой. — Сдавайтесь, или мой гнев обрушится на вас!

И алая вспышка с громким ревом разорвалась над головами головорезов, отчего несколько лошадей испуганно взбрыкнули, так что двое скверных седоков шлепнулись на дорогу.

— Говорил же тебе, Кой! Она — Айз Седай, — заскулил лысый толстяк в слишком маленьком для него нагруднике. — Разве нет? Я же говорил — Зеленая сестра с тремя Стражами.

Тощий, не отводя взгляда от Лана — или, вернее, от находящейся позади него Элис, — наотмашь

ударил толстяка по лицу тыльной стороной ладони.

— Сдаваться теперь? Вот еще! Нас все равно пятьдесят, а вас — всего четверо. Даже если б грозили виселицей, мы все ж рискнем. Посмотрим, скольких вам удастся убить раньше, чем мы вас одолеем.

— Хорошо, так и быть, — согласился Лан. — Но если я сосчитаю до десяти и кого-то из вас увижу, тут-то все и начнется.

С последними словами он громким голосом начал считать.

Не успел он досчитать и до двух, как разбойники галопом устремились к лесу; на счет «четыре» спешенная парочка оставила попытки забраться в седла обезумевших животных и на своих двоих во все лопатки бросилась прочь. Преследовать их необходимости не было. Топот копыт и треск кустов, через которые лошадей гнали напролом, а не в обход, быстро затихли вдалеке. В сложившихся обстоятельствах все кончилось довольно удачно, на лучший исход нельзя было и надеяться. Правда, Элис вовсе так не считала.

— Вы не вправе были отпускать их, — с негодованием заявила она. Глаза ее гневно сверкали, когда Элис по очереди пронзала спутников сво-

им возмущенным взглядом. Она даже объехала их кругом на своей кобылке, чтобы каждый несомненно получил свою долю ее возмущения. — Нападай они, я бы воспользовалась против них Единой Силой. Сколько еще людей они ограбят и убьют, над сколькими женщинами надругаются, скольких детей оставят сиротами? Мы должны были сразиться с ними, а тех, кто выжил, передать в руки ближайшего магистрата.

Лан, Букама и Рин поочередно пытались убедить ее, насколько маловероятно, чтобы в схватке уцелел хотя бы кто-то из них четверых: чтобы избежать виселицы, разбойники стали бы биться отчаянно, и численный их перевес неминуемо бы сказался. Тем не менее она, по-видимому, осталась при своем мнении, полагая, что ей по силам в одиночку разделаться с полусотней нападавших. М-да, очень странная женщина.

Будь то грозы или разбойники, но таких напастей Лан вполне ожидал в этой поездке. С дурацким поведением Рина и сетованиями Букамы тоже можно было примириться, сочтя их само собой разумеющимися. Но Элис оказалась ко многому слепа, и в этом-то было все дело.

В первую ночь он сел в лужу в знак того, что осознает свою вину. Раз уж им продолжать путь

вместе, лучше все раздоры закончить сейчас же и с честью. Пусть видит, что он готов примириться. Только вот она об этом и думать не желала. Всю вторую ночь она сама не сомкнула глаз до рассвета и ему не дала. Стоило Лану клюнуть носом, как на него обрушивались резкие удары невидимых розог. На третью ночь в его одежду и в сапоги каким-то неведомым образом густо набился песок. Что сумел, Лан вытряс, но без воды совершенно избавиться от песка невозможно, так что потом весь дневной переход песчинки скрипели на зубах и царапали кожу. А ночью после стычки с разбойниками… Он никак не мог уразуметь, каким образом она исхитрилась напустить ему под белье муравьев и как ей удалось заставить их всех кусать его разом. Нет сомнений, все это ее рук дело. Когда Лан открыл глаза, Элис стояла над ним и, кажется, удивилась, что он не закричал.

Понятно, она ожидала от него чего-то, какой-то реакции, но он не понимал, чего именно. Если она чувствует, что не получила в достаточной мере возмещения за то, что промокла, тогда у этой Элис сердце точно кусок льда. Но любая женщина имеет полное право устанавливать вину за нанесенное оскорбление или ранение, и здесь нет других женщин, которые могли бы при-

звать ее положить всему конец, если жестокость, по их убеждению, перейдет за грань справедливости. Лану оставалось лишь одно — терпеть, пока их отряд не доберется до Чачина. Вечером следующего дня Элис обнаружила возле лагеря куст волдырника, и Лан, к своему стыду, едва не потерял терпения.

Об этом инциденте он, разумеется, ни словом не обмолвился ни Букаме, ни Рину, хотя и был уверен, что им о происшедшем прекрасно известно, но в душе он уже начал молиться, чтобы следующим утром впереди показался Чачин. Возможно, Эдейн и подослала женщину следить за ним, но такое начало заставляло его подумывать, что она все же намерена его, в конце концов, убить. Медленно и не спеша.

Морейн никак не могла понять упрямства этого Лана Мандрагорана, хотя Суан и утверждала, что, коли дело касается мужчин, слово «упрямство» совершенно излишне, мужчины и упрямство — это одно и то же. Морейн добивалась одного: чтобы он выказал хоть какое-то раскаяние за то, что кинул ее в воду. Ну, еще и извинился. Смиренным образом. И проникся должной почтительностью к Айз Седай. Но тот ни разу так и не проявил ни малейшего грана сожаления! Он яв-

лял собой воплощенное ледяное высокомерие, до мозга костей, до кончиков ногтей! Его откровенное неверие в ее право носить шаль было столь неприкрыто, что с тем же успехом он мог заявить об этом вслух. Какая-то ее часть восхищалась его силой духа, но только часть. Нет, она просто *обязана* должным образом приструнить его. Вовсе не требуется приручать его — полностью послушный мужчина не нужен никому, даже самому себе, — но необходима уверенность, что он осознал свои ошибки целиком и полностью.

Дни Морейн отдала ему на откуп, чтобы он имел время поразмыслить, а сама придумывала, какую веселенькую ночку устроить ему на сей раз. Муравьи стали для нее громадным разочарованием. Помимо прочих, Голубая Айя владела секретным приемом, которым можно отогнать насекомых или заставить их собраться в одном месте и разом укусить или ужалить. Вот к нему-то Морейн и прибегла, хотя о подобном его применении никогда не упоминалось. Однако венцом своих замыслов, чем и гордилась, Морейн считала волдырник, от которого Лан даже чуточку подскочил, продемонстрировав, что он — все-таки человек из плоти и кожи. А то она уже начала в этом сомневаться.

Как ни странно, но Морейн не слышала, чтобы кто-то из двух других мужчин сказал ему хоть одно сочувственное слово, хотя они не могли не знать, что она делает. Если Лан не говорил вслух о своих мучениях ей, что и само по себе чудно, то наверняка пожаловался о них своим друзьям; а для чего еще тогда существуют друзья? Но и в иных отношениях эта троица вела себя поразительно сдержанно. Даже в Кайриэне люди не преминули бы разговориться о себе, пускай и сказали бы немного, и Морейн учили, что жители Пограничных земель сторонятся Игры Домов, однако и Лан, и Рин, и Букама почти ничего о себе не раскрыли, даже после того, как Морейн, с целью развязать языки, поведала несколько случаев из своих детских и юношеских лет в Кайриэне и в Башне. Хорошо хоть Рин смеялся, если история была забавной, — когда он понимал, что нужно рассмеяться, он смеялся, — но Лан с Букамой и впрямь имели смущенный вид. По крайней мере, именно такие чувства, по ее мнению, оба проявили; умению сохранять непроницаемое выражение лица они способны и Айз Седай поучить. Они признались, что до встречи с нею им доводилось встречаться с сестрами, но когда Морейн вознамерилась аккуратно и легонько

прощупать, где и когда это было…

— Где только Айз Седай не встречаются, точно и не упомнишь, — ответил ей Лан однажды вечером, когда они ехали впереди своих удлинившихся теней. — Лучше бы нам остановиться вон у тех ферм. Может, удастся договориться о ночлеге на чьем-нибудь сеновале. Скоро совсем стемнеет, и вряд ли до сумерек нам еще какое-то жилье попадется.

Как это типично. У этой троицы Айз Седай могли бы к тому же уроки брать, как давать уклончивые ответы и задавать уводящие в сторону вопросы.

Что хуже всего, у Морейн по-прежнему не имелось ни малейшей зацепки, чтобы понять, есть ли среди них приспешники Темного. Разумеется, у нее нет никакого реального основания полагать, будто кто-то из встреченных в Канлууме сестер принадлежит к Черной Айя. А если нет, то визит Рина в «Небесные врата» объясняется, вероятно, какой-то совершенно невинной причиной, однако осторожность заставила Морейн продолжать расспросы. Она по-прежнему выставляла на ночь возле каждого своего спутника малого стража. Пока она не будет совершенно уверена, Морейн не может позволить себе верить никому,

за исключением одной Суан. А уж другим Айз Седай и любым мужчинам, которые могут быть замешаны в это дело, — и подавно.

В двух днях пути до Чачина, в деревне под названием Равинда, Морейн наконец обнаружила Авинэ Сахира — заговорив с первой же встреченной там женщиной. Равинда оказалась процветающей деревней, хотя и заметно уступала по размерам Манале; обширная луговина с утоптанной землей служила рыночной площадью, где местный люд из окрестных деревушек обменивал урожай и продукты ремесленного труда и покупал товары у торговцев. Когда этим утром Морейн и ее молчаливые спутники прибыли в Равинду, народ окружал два фургона разъездных торговцев, с высокими парусиновыми бортами, увешанными кастрюлями и сковородками. Что один торговец, что другой зло косился на конкурента, несмотря на то что покупатели громко требовали товар именно у него. В Равинде также сыскалась и строящаяся гостиница, причем второй этаж здания уже был достроен — результат того, что госпожа Сахира уже получила свою награду. Гостиницу она намеревалась назвать «Белой Башней».

— По-вашему, сестры будут возражать? — спро-

сила она, когда Морейн предложила переменить название, и нахмуренным взглядом окинула водруженную над фасадной дверью уже готовую вывеску.

Судя по масштабу, изображенная на вывеске с помощью резьбы и красок Башня высилась на добрую тысячу футов!

Авинэ была пухлой седовласой женщиной, с ее расшитого кожаного пояса свисал посеребренный, в фут длиной кинжал, и желтая вышивка украшала рукава ее ярко-красной блузы. По-видимому, благодаря вознаграждению Башни, каждый день ее жизни отныне нес на себе печать праздника. В конце концов госпожа Сахира покачала головой:

— Не понимаю, миледи, с чего бы им быть против. Айз Седай, которая в нашем лагере записывала имена, была обходительна и очень мила.

М-да, первая же сестра, которая потрудится открыть свое звание этой женщине, преподаст ей весьма неприятный урок.

Морейн подумала, что неплохо бы припомнить, кто из принятых записал имя Авинэ Сахира, чтобы при случае отчитать глупую девчонку. Сын Авинэ, Мигел, — ее десятый ребенок! — родился в тридцати милях от Драконовой горы и на неделю

раньше, чем Гайтару посетило Предсказание. Такая небрежность при исполнении поручения совершенно нетерпима! Сколь много имен в записной книжке Морейн обернутся младенцами, родившимися совсем не в те определенные десять дней?

Мужчины, покидая Равинду, столь явно радовались тому, что Морейн так быстро завершила в деревне свои дела, что свое затаенное на неизвестную принятую раздражение она не преминула излить на них. О, разумеется, они ничем не выказывали своих чувств, но она-то слышала, как Рин обмолвился, направляя свою лошадь вслед за кобылой Морейн: «На сей раз, по крайней мере, она скоро управилась». И не очень-то беспокоился, что его слова могут услышать, а Букама, ехавший с ним рядом, мрачно пробурчал что-то, соглашаясь с товарищем. Лан двигался впереди, очевидно избегая Морейн. По правде говоря, она этого не понимала, но его широкая спина, выпрямленная и отчужденная, казалась немым упреком. Морейн уже начала подумывать, что бы такое приготовить для него на эту ночь. Нечто такое, чего бы и двум другим перепало.

Какое-то время в голову ей не шло ничего, что превосходило бы уже ею примененные средства.

Потом мимо ее лица с жужжанием пролетела оса, и Морейн проследила за ней взглядом, пока та не исчезла между подступавшими к дороге деревьями. Оса. Разумеется, она вовсе не желает его убить.

— Мастер Лан, как вы переносите укусы ос?

Он повернулся в седле, чуть поворотив поводьями своего жеребца, и вдруг охнул, а глаза его расширились. Какую-то секунду Морейн ничего не понимала. Потом разглядела, что из правого плеча Лана, пробив его насквозь, торчит наконечник стрелы.

Ни мгновения не раздумывая, Морейн обняла Источник, и саидар наполнила ее. Она как будто снова проходила испытание. Плетения разом возникли перед ее мысленным взором, мгновенно воплотились в реальность, прежде всего — безупречный щит из Воздуха, способный отвратить от Лана новые стрелы, потом еще один — защищая себя. Морейн не могла бы сказать, почему сплела их именно в таком порядке. С наполняющей ее Силой и обострившимся зрением она пристально всматривалась в лесную чащу, откуда прилетела стрела, и на самой опушке леса уловила какое-то движение. Хлестнули потоки Воздуха и обхватили человека как раз в тот миг,

когда он выпускал вторую стрелу. Когда лук невидимыми путами крепко прижало к груди, слетевшая с тетивы стрела взмыла вверх. На все, от начала до конца, ушли считаные мгновения, Морейн сплетала потоки так же стремительно, как действовала на испытании. Но этих секунд хватило, чтобы выпущенные Рином и Букамой стрелы попали в цель.

Издав разочарованный стон, Морейн распустила путы Воздуха, и стрелок повалился навзничь. Да, он пытался убить, но она вовсе не желала обрекать его на смертную казнь. Разумеется, когда его передали бы в руки мирового судьи или магистрата, его наверняка бы казнили, однако Морейн не нравилась мысль, что она приняла участие в исполнении приговора, особенно прежде, чем он был вынесен. На ее взгляд, еще немного, и она нарушила бы запрет, не позволявший применять саидар в качестве оружия или создавать оружие, которое другие могли использовать для убийства. Она остановилась почти на самой грани.

По-прежнему удерживая саидар, Морейн повернулась к Лану, чтобы предложить ему Исцеление, но заговорить он ей не дал. Не обращая внимания на торчавшую из плеча стрелу, Лан развернул коня и галопом помчался к лесу, а на опушке

спешился и зашагал к упавшему. Следом за ним поспешили Букама и Рин. Преисполненная Силой, Морейн явственно слышала их голоса.

— Каниэдрин? — произнес Лан с потрясением в голосе.

— Ты знаешь его? — спросил Рин.

— Почему? — прорычал Букама, и послышался приглушенный стук — сапог ударил по ребрам.

Им отвечал слабый, задыхающийся голос:

— Золото. Что ж еще?.. А у вас по-прежнему… везение самого Темного… Надо же… повернуться… в тот момент… иначе бы стрела… точно в сердце… Он велел ее… убить первой… Лучше бы… сказал мне… что она — Айз Седай…

Стоило ей услышать последние слова, как Морейн ударила Стрелу каблуками по бокам, посылая кобылу в галоп. В два счета преодолев расстояние, отделявшее ее от лежавшего на земле лучника, она одним махом соскочила с седла, уже готовя плетения для Исцеления.

— Вытащите из него стрелы, — распорядилась Морейн, подбегая к спутникам, повыше приподняв полы плаща и юбки, чтобы не запутаться в них и не споткнуться. — Если оставить стрелы в теле, то Исцеление не сохранит ему жизнь.

— Зачем его Исцелять? — спросил Лан, усажи-

ваясь на поваленное бурей дерево. Громадные корневища, разлапистые и облепленные землей, веером возвышались над его головой. — Вам так не терпится увидеть, как кого-то вешают?

— Он уже мертв, — сказал Рин. — Это вы тоже способны Исцелить?

Судя по заинтересованному тону, он не прочь был проверить, как ей это удастся.

Плечи у Морейн поникли. Глаза Каниэдрина, широко раскрытые и уставившиеся на ветви вверху, уже не видели ничего, их затянула поволока смерти. Странно, но, несмотря на кровь на губах и подбородке, в своей измятой одежде он выглядел безбородым юнцом. Впрочем, достаточно взрослым, чтобы решиться на убийство. Достаточно взрослым, чтобы погибнуть от пары стрел, пронзивших ему грудь. Мертвый, он не расскажет ей, кто ему заплатил, не тот ли Гортанес его нанял. Не расскажет, где ей отыскать этого человека. На поясе юнца висел полный колчан стрел, еще две были воткнуты в землю рядом. Видимо, он был уверен, что сумеет убить четырех человек четырьмя выстрелами. Даже зная Лана и Букаму, он не сомневался в себе. Зная их, он ослушался данных ему распоряжений и первым попытался убить Лана. Наиболее опасного из

четверых, как он, должно быть, полагал.

Пока Морейн рассматривала стрелка, ей в голову пришла мысль, что даже мертвый он в состоянии ей кое-что поведать. Поясным ножом она срезала висевшую рядом с колчаном поясную сумку и высыпала ее содержимое на поросшую чахлой травкой землю. Деревянный гребень, надкусанный остаток головки сыра с приставшими к нему пушинками, маленький складной нож, смотанная в клубок тетива, которую она расплела, дабы удостовериться, что внутри ничего не спрятано, смятый замызганный носовой платок, который она развернула кончиком своего клинка. Неужели она надеялась, что обнаружит внутри собственноручное письмо мастера Гортанеса с указаниями, как его легче отыскать. Перерезав шнуры кожаного кошеля, привязанного к поясу Каниэдрина, она вывернула его на разбросанные вещи. Высыпалась горстка серебра и медяков. И десять золотых крон. Вот как. Цена ее смерти в Кандоре равнялась стоимости шелкового платья в Тар Валоне. Толстые монеты с вычеканенным Восходящим солнцем Кайриэна на аверсе и профилем ее дяди — на реверсе. Подходящая сноска к истории Дома Дамодред.

— У вас в обычае обирать мертвецов? — осведо-

мился Лан тем раздражающе холодным голосом.

Всего лишь спросил, не обвинял, но тем не менее!..

Морейн сердито выпрямилась в тот самый момент, когда Рин обломил оперенный конец стрелы, торчавший из спины Лана. Букама узким сыромятным ремешком обвязал древко стрелы у наконечника, потом крепко сжал ремешок в кулаке и быстрым движением выдернул стрелу. Лан моргнул. У него из тела выдернули стрелу, а он всего-навсего *моргнул*! Почему подобная реакция вызвала у нее недовольство, Морейн не понимала, но именно так и было.

Рин поспешил к дороге, а Букама помог Лану снять куртку и рубашку, обнажив на груди рану со сморщенными краями. Вероятно, входная рана на спине ничем не лучше. Кровь, до того впитывавшаяся в ткань рубашки и куртки, теперь заструилась по груди и ребрам. Ни один из мужчин не попросил Морейн об Исцелении, и ей не очень-то и хотелось предлагать свою помощь. На теле Лана было столько шрамов, что Морейн едва поверила глазам: ведь он очень молод! Хватало и не до конца заживших ран, зашитых темными нитками. По-видимому, гнев у мужчин Лан вызывал с той же легкостью, что и у женщин.

Вернулся Рин, он нес полоски ткани для бинтов и разжевывал хлеб для припарки. Никто из них и не собирается просить об Исцелении! Пусть лучше их товарищ кровью истечет!

— Согласны ли вы принять Исцеление? — холодно спросила Морейн, потянувшись к голове Лана.

Тот отстранился от ее рук. Отстранился!

— Послезавтра в Чачине тебе может понадобиться правая рука, — пробурчал Букама, проведя ладонью под носом и стараясь ни с кем не встречаться взглядом.

Очень странное высказывание, но Морейн понимала: нет смысла спрашивать, что же он имеет в виду.

Помедлив пару мгновений, Лан кивнул и подался вперед. Вот и все. Он не стал просить, даже ни единым словом не выразил согласия. Он просто наклонился.

Резким движением, едва ли не влепив ему затрещину, она приложила ладони к голове Лана и направила Силу. Когда плетения Исцеления впились в тело, оно конвульсивно дернулось, непроизвольно Лан разбросал руки по сторонам и вырвался из хватки Морейн. Она испытала злорадное удовольствие. Поделом ему. Пусть даже

он не хватает, задыхаясь, ртом воздух, а только тяжело дышит. Давние шрамы не исчезли, но полузажившие раны теперь превратились в тонкие розовые шрамики: темневшие на коже стежки теперь высвободились и ниточки скатились по рукам и груди; чтобы избавиться от остальных ниток, ему, верно, придется изрядно потрудиться. Но на месте ран от стрелы теперь была гладкая кожа. С осами ему лучше встретиться, будучи совершенно здоровым. Если понадобится, она всегда сможет его вновь Исцелить. Но только в том случае, если это потребуется.

Брошенные монеты они оставили подле тела Каниэдрина, хотя спутникам Морейн деньги явно пригодились бы. Но от мертвеца им не надо было ничего. Букама обнаружил привязанного невдалеке среди деревьев коня — гнедого мерина с белыми чулками, с виду резвого и с горделивой поступью. Лан снял с животного уздечку и привязал ее к седлу, потом шлепнул коня ладонью по крупу, направив в сторону Равинды.

— Так он сможет попастись, а потом его кто-нибудь найдет, — объяснил Лан, когда заметил, как Морейн, нахмурившись, смотрит вслед мерину.

Говоря откровенно, она жалела лишь, что не порылась в седельных вьюках, притороченных

позади седла гнедого. Но в Лане проявилась удивительная черта — доброта. Чего-чего, а подобной черты обнаружить в суровом воине Морейн не ожидала. За такой поступок надо бы избавить его от ос. Так или иначе, ей нужно придумать нечто весьма запоминающееся. В конце концов, чтобы расколоть панцирь Лана, у нее остается всего две ночи. Когда они доберутся до Чачина, дел у нее окажется по горло и ей станет не до Лана Мандрагорана. Какое-то время она будет очень занята.

Глава 22
Блюсти обычай

Если Канлуум именовали порой городом в холмах, то Чачин можно было назвать городом в горах. Три самых высоких, пусть и со срезанными вершинами, пика возносились почти на милю, и в солнечных лучах сверкали многоцветные черепичные крыши и выложенные изразцами стены дворцов. А на самом высоком пике, выше всех зданий, красовался дворец Айздайшар, и над самым большим куполом, над ало-зелеными стенами гордо реял стяг со вставшим на дыбы Красным конем. Город окружали три кольцевых вала, перед каждым — ров шириной в сотню шагов. Две дюжины переброшенных через рвы мостов сторожили массивные башни. Движение по мостам было не в пример Канлууму оживленнее, поскольку Запустение отстояло от города гораздо дальше. В ворота и из ворот текли потоки людей, верхом и на своих двоих, тянулись вереницы повозок и тележек, но стражники в шлемах и кирасах с эмблемой Красного коня на груди оказались не менее придирчивыми, чем

в Канлууме. Поэтому прошло немало времени, пока четверо путников пересекли мост Восхода.

Едва миновав городские ворота и уступив дорогу тяжелогруженым купеческим фургонам, с грохотом катившим мимо, Лан сразу же натянул поводья. Пусть даже в Чачине его ждет встреча с Эдейн, он радовался, что оказался тут, и радовался этому, как никогда в жизни. Если не кривить душой, то нельзя сказать, что они уже въехали в Чачин, — вторая стена, повыше первой, располагалась в сотне шагов впереди, а третья стена, выше предыдущей, виднелась еще дальше, — однако Лану не терпелось побыстрее расстаться с Элис. Где, Света ради, в такую пору года она исхитрилась отыскать блох? Да еще и черных мошек в придачу? Черная мошка должна лишь в следующем месяце появиться, не раньше! Тело зудело от укусов и расчесов. По крайней мере, удовольствия от своей затеи она не получила. В чем в чем, а в этом Лан был совершенно уверен.

— Было дано обещание защищать вас до Чачина. Обещанное исполнено, — сказал он спутнице. — Держитесь подальше от пользующихся дурной славой кварталов, и на улицах города вам ничего не грозит. Все равно как если бы вас защищал десяток телохранителей. Так что можете

заняться своими делами, а у нас — своя дорога. Деньги оставьте себе, — холодно прибавил Лан, когда женщина потянулась за кошелем.

Самообладание, уступив вспыхнувшему раздражению, все же дало трещину. Несмотря ни на что, она громоздит оскорбление на оскорбление.

Рин тотчас же напустился на Лана, мол, негоже так разговаривать с Айз Седай, принялся с виноватой улыбкой извиняться перед ней, отвешивать низкие поклоны с седла, так что колокольчики в косицах зазвенели тревожными гонгами. А Букама глухо и угрюмо заворчал, что у некоторых людей манеры просто-таки свинские. Для этого, впрочем, он имел некоторые оправдания. Сама Элис воззрилась на Лана с ничего не выражающим лицом; судя по бесстрастным чертам, она, возможно, и в самом деле та, за кого себя выдает. Если такое заявление — неправда, то она многим рискует. А если правда, то… Тогда ему тем более не терпелось с ней расстаться.

Развернув Дикого Кота, Лан галопом поскакал по широкой улице, взбирающейся на гору; испуганные прохожие, как и кое-кто из верховых, шарахались в стороны. В другой раз из-за такого могли вызвать на дуэль. Хадори и сопутствующая кожаной повязке слава способны отпугнуть разве

что простолюдинов. Однако Лан скакал слишком быстро и вряд ли бы услышал крики недовольства или вызовы на дуэль; даже не замедляя бега коня, он ловко объезжал портшезы, груженные товарами лавочников тележки на высоких колесах, носильщиков, что на положенных на плечи шестах несли поклажу. После тишины и покоя сельской местности по ушам едва ли не били громыхание по брусчатой мостовой окованных железом колес и крики торговцев-разносчиков и лавочников. Слух резали флейты уличных музыкантов. После чистого воздуха лесов и полей ароматы жареных орехов и мясных пирожков на тележках продавцов, запахи стряпни с кухонь дюжины ближайших гостиниц и сотен окрестных домов мешались в неприятную вонь. Немалую лепту в общий «букет» вносили и лошади из многих десятков конюшен.

Букама и Рин, с вьючной лошадью в поводу, нагнали Лана, когда он одолел уже полпути к Айздайшарскому дворцу. Если Эдейн в Чачине, то она, несомненно, именно там. Букама и Рин, пристроившиеся к Лану по бокам от него, хранили молчание — весьма мудро с их стороны. Букама, по крайней мере, имел представление, с чем предстоит встретиться Лану. Вступить в

Запустение и то было бы намного проще. Во всяком случае, уцелеть и выбраться из Запустения живым. Любой придурок может отправиться в Запустение. Неужели он такой дурень, раз едет сюда?

Чем выше они забирались, тем медленнее ехали. На улицах наверху людей было меньше, здесь крытые черепицей дома уступали место дворцам и особнякам богатых купцов и банкиров, их стены украшали разноцветные изразцы, а вместо уличных музыкантов появились спешащие по поручениям хозяев ливрейные слуги. На смену торговым фургонам и портшезам пришли красочные кареты с родовыми гербами Домов. Карета, запряженная или четверкой, или шестеркой лошадей с плюмажами на уздечках, занимала большую часть улицы, и обычно ее сопровождало пять-шесть верховых, не говоря уже о паре выездных лакеев, стоявших на запятках экипажа. Все всадники были вооружены и в доспехах и готовы задать трепку всякому, кто попытается проехать чересчур, на их взгляд, близко от кареты. Не говоря уж о том, чтобы проучить каких-то трех просто одетых мужчин, вздумавших именно так и поступить. Желтый кафтан Рина выглядел не столь шикарно, как в Канлууме, а

Лану пришлось сменить свою запачканную кровью куртку — вторую, самую лучшую, на третью — поношенную настолько, что Букама рядом с Ланом казался чуть ли не принарядившимся. При воспоминании о заляпанной кровью одежде в голову Лану пришли и другие мысли. Он в долгу перед Элис — за проведенное ею Исцеление, и еще есть также должок за доставленные ею мучения, хотя, говоря по чести, только за первое он вправе расквитаться. Нет. Нужно выбросить из головы эту странную маленькую женщину, пускай она каким-то образом словно бы засела где-то у него в черепе. Сейчас Лану необходимо сосредоточиться на Эдейн. На Эдейн — и ему предстоит самая отчаянная схватка за свою жизнь.

На плоской вершине, полностью заняв площадь гайдов в пятьдесят, раскинулся напоминающий небольшой городок Айздайшарский дворец — сверкающая громада куполов, галерей и переходов, где на каждой стене, на каждой плоской поверхности красовались зеленые и красные узоры. Гостеприимно распахнутые огромные бронзовые ворота под выложенной красной мозаикой аркой украшала сиявшая лакировкой эмблема Красного коня. Ворота вели на Гостевой двор, но, когда Лан и его спутники подъехали к

ним, выскочившая из-за створок дюжина стражников преградила путь. Поверх кирас солдаты носили короткие плащи-табарды зеленого цвета, на которых был вышит красный конь, а на алебардах красовались красно-зеленые вымпелы. В красных шлемах и штанах и в начищенных до блеска высоких зеленых сапогах стражники выглядели весьма живописно, однако каждый из них был испытанным ветераном, прошедшим не одну битву, и взирали они на появившуюся троицу через стальные решетчатые забрала шлемов весьма суровыми взглядами.

Лан спрыгнул с седла и поклонился, не очень низко, прикоснулся рукой ко лбу, к груди и к эфесу меча.

— Я — Лан Мандрагоран, — назвался он. И ничего больше.

При этом имени суровый вид стражников чуть смягчился, но освобождать проход они не торопились. В конце концов, назваться можно любым именем. Один солдат убежал и очень скоро возвратился с седоволосым офицером, который нес у бедра шлем с красным плюмажем. Джурад Шиман был закаленным бывалым воином, который какое-то время сражался вместе с Ланом на юге. Вытянутое лицо Джурада рассекла улыбка.

— Добро пожаловать, ал'Лан Мандрагоран! — сказал он, кланяясь ему куда ниже, чем когда-либо в прошлые посещения Лана. — Тай'шар Малкир!

Ну да, конечно, — если Эдейн здесь сейчас и нет, то она тут уж точно побывала.

Взяв своего гнедого под уздцы, Лан последовал за Джурадом сквозь красную арку, ступая по гладким плитам, которыми был замощен Гостевой двор, с таким чувством, будто бы сам был облачен в доспехи, а в руке сжимал меч. Для его глаза причудливые узорчатые балкончики, выходившие на просторный внутренний двор, слишком смахивали на галереи для лучников. Разумеется, нелепая мысль. Лучникам на этих открытых балконах, с виду не каменных, а сплетенных из кружев, практически и не укрыться. Они предназначались не для отражения нападения, а для того, чтобы по большим праздникам любоваться с них на прибывающих гостей. Никогда врагу не удавалось прорваться за вторую кольцевую стену, а если троллоки когда-нибудь сумеют пробиться так далеко в город, то тогда все уже будет потеряно. Тем не менее здесь может оказаться Эдейн, и Лану никак не удавалось избавиться от ощущения, что он очутился на поле битвы и

каждый шаг приближает его к врагу.

Подбежали конюхи в красно-зеленых ливреях, с вышитыми на плечах эмблемами Красного коня, приняли поводья и увели лошадей. Другие слуги, мужчины и женщины, сняли с вьючной лошади плетеные дорожные корзины, споро разобрали их содержимое и проводили каждого гостя в подобающие его положению апартаменты. И что тревожно, последнюю задачу взяла на себя сама *шатайян* дворца — статная женщина в ливрее ступала величаво, гордо выпрямив спину, седеющие волосы были уложены на затылке в тяжелый узел. Серебряная связка ключей на поясе свидетельствовала, что госпожа Ромера вправе распоряжаться всеми дворцовыми слугами, но шатайян была не просто слугой, пусть и выше всех прочих, а чем-то большим. Обычно шатайян встречала у ворот только коронованных особ; стоящий даже на ступеньку ниже не смел и надеяться на подобный прием. Лан плыл в море, где волнами были людские надежды. В подобных морях уже утонули многие.

Он отправился вместе со своими спутниками в отведенные Букаме и Рину комнаты, не преминув выразить свое удовлетворение госпоже Ромере — не потому, что предполагал, будто им могут

предложить нечто неподходящее, а потому, что сначала необходимо позаботиться о своих людях, а потом уже подумать о себе. На лице Рина застыла кислая мина, но вряд ли он рассчитывал на нечто иное, чем эта маленькая комнатка в одной из дворцовых каменных казарм, такая же, как и у Букамы. Он-то хорошо знал, как и что тут будет. По крайней мере, Рину досталась комнатка на одного — комната знаменщика, с выложенной изразцами печкой, встроенной в пространство под кроватью. Солдаты, как припомнил Лан, обычно ночевали в казарме по десять человек в комнате, причем зимой, бывало, по полночи спорили, кто займет ближние к камину кровати.

Букама в своем пристанище устраивался с довольным видом — ну, с довольным для него, привычная хмурость исчезла, — а потом он разговорился с несколькими солдатами, с кем ему доводилось вместе сражаться, и вскоре ветераны уже вовсю дымили трубками. К Рину, по-видимому, прежнее настроение тоже быстро вернулось. Во всяком случае, когда Лан уходил вслед за своими провожатыми, тот уже расспрашивал солдат, есть ли среди горничных и служанок симпатичные девушки и как здесь можно почистить и погладить одежду. Своей внешностью, особенно

в обществе женщин, будь те молоды или в летах, Рин интересовался, пожалуй, не меньше, чем самими женщинами. Возможно, его мрачный вид вызван был мыслью о том, каким он предстал перед шатайян и служанками — в грязной и помятой после долгой дороги одежде.

К громадному облегчению Лана, несмотря на сопровождение шатайян, ему предоставили вовсе не королевские гостевые апартаменты. Ему отвели три просторные комнаты: голубые стены были обиты шелком и украшены гобеленами, под высоким потолком тянулся широкий карниз, выполненный в виде стилизованных гор, солидную мебель покрывала незатейливая резьба, а позолоты было совсем мало. Маленький балкончик в спальне выходил во внутренний дворцовый садик, на широкой кровати с пуховой периной вполне могли расположиться сразу четыре, а то и пять человек. Обстановка в высшей степени соответствовала его положению, и Лан поблагодарил госпожу Ромеру с несколько излишним чувством, судя по тому, что она улыбнулась, а вокруг ореховых глаз лучиками разбежались маленькие морщинки.

— Никому не дано знать, милорд, какое ему уготовано будущее, — сказала госпожа Ромера, — но

нам ведомо, кто вы такой.

И перед тем как оставить Лана, она ответила на его благодарности совсем неглубоким реверансом. Замечательно — реверанс! Что бы госпожа Ромера ни говорила, и у шатайян имелись свои предположения о том, что готовит будущее.

В придачу к комнатам в распоряжении Лана оказались две широколицые горничные, Ания и Эсне, которые принялись раскладывать его скудные пожитки в шкафу, и долговязый паренек на посылках. Булен — так его звали — с открытым ртом глядел на шлем, нагрудник и спинную часть кирасы, размещая их на специальной, покрытой черным лаком стойке возле двери, хотя в Пограничных землях доспехи были вовсе не в новинку и мальчик наверняка повидал их столько, что и не перечесть.

— Ее величество пребывает во дворце? — вежливо поинтересовался Лан.

— Нет, милорд, — отозвалась Ания. Нахмурившись, она рассматривала запачканную засохшей кровью куртку, потом со вздохом отложила ее в сторону. Если судить по седым волосам, она, как показалось Лану, могла приходиться матерью Эсне. И вовсе не вид крови заставил ее вздохнуть — наверняка она привыкла к подобным

пятнам, — а то, что отчистить с куртки засохшую кровь будет непросто. Если повезет, Лан получит одежду обратно уже чистой и отглаженной. Впрочем, иначе и быть не могло. — Королева Этениелле совершает поездку по стране.

— А принц Брис?

Ответ на свой вопрос Лан знал заранее — одновременно покинуть город Этениелле и принц-консорт Брис могли только в случае войны, — однако требовалось следовать общепринятым правилам.

При предположении, что принц-консорт мог бы отсутствовать в королевской резиденции, у Булена от изумления отвалилась челюсть, однако от мальчика на побегушках трудно ожидать знания всех дворцовых обыкновений. А вот Ании вряд ли поручили бы прислуживать Лану, не будь она совершенно в них осведомлена.

— О да, милорд, — сказала она.

Приподняв рубашку с черным пятном, Ания покачала головой, а потом тоже отложила ее в сторону. Не туда же, куда куртку. По-видимому, с рубашкой дело безнадежно. Горничная качала головой едва ли не на каждый предмет одежды Лана, даже в тех случаях, когда вещь отправлялась в шкаф. В основном его одежда уже была

порядком поношена и видала лучшие времена.

— Кто-то из знати гостит во дворце?

От желания задать вопрос, который вертелся на языке, Лан испытывал едва ли не такой же физический зуд, как и после укусов блох и черных мошек.

Ания и Эсне переглянулись.

— Только один человек, милорд, по-настоящему заслуживает внимания, — ответила Ания. Она сложила рубашку и положила ее в шкаф, заставляя его ждать. — Леди Эдейн Аррел.

Обе женщины улыбнулись друг другу, отчего еще больше стали похожи. Разумеется, они с самого начала понимали, что он старается разузнать, но у них нет никаких оснований так себя вести и так по-идиотски ухмыляться.

Поручив Булену почистить и надраить ваксой сапоги — что тем давным-давно требовалось, — Лан не стал дожидаться, пока принесут и приготовят ванну, а сам вымылся с головы до пят из умывальника, втер в раны и шрамы мазь, за которой Ания сгоняла Эсне. Тем не менее одеть себя он позволил горничным. Незачем обижать их только потому, что они слуги. У Лана была с собой одна белая шелковая рубашка, с виду не очень ношенная, черные узкие шелковые штаны,

выглядевшие почти как новые, и вполне приличная черная шелковая куртка; на ее рукавах золотилась вышивка — розы-кровавки, окруженные крючковатыми шипами. Розы-кровавки — в напоминание об утрате. Подойдет в самый раз. Благодаря стараниям Булена сапоги глянцево засверкали, что для Лана оказалось весьма неожиданно. Итак, доспехи к бою готовы, лучше и не придумать. С оружием в руке Лан мало чего боялся, но оружием Эдейн была вовсе не сталь. В таком сражении, какое Лану предстояло сейчас, у него было мало опыта.

Вручив Ании и Эсне по серебряной марке, а Булену серебряное пенни — предложи кто госпоже Ромере деньги, она пришла бы в ярость, но приставленным к гостям слугам обычай велит что-то дать в первый день и в день отъезда, — Лан отправил мальчика на конюшню, чтобы тот проследил, как исполняют отданные в отношении Дикого Кота указания, выпроводил женщин в коридор сторожить у дверей. А сам потом уселся и стал ждать. С Эдейн он должен встретиться на людях, причем чем больше их будет рядом, тем лучше. Если встреча мужчины с его карнейрой происходит наедине, то все преимущество неминуемо оказывается на ее стороне.

Лан поймал себя на том, что размышляет, куда подевалась Элис, чего она хотела от него и от его спутников, и попытался выбросить ее из головы. Даже после расставания с этой женщиной она оставалась плевельной колючкой где-то в основании затылка. На резном боковом столике стоял высокий серебряный кувшин с чаем, несомненно приправленным пряностями и мятой, рядом с ним — еще один кувшин, с вином, однако Лан на них даже не взглянул. Пить ему не хотелось, и, чтобы всецело сосредоточиться на Эдейн, ему понадобится ясная голова. В ожидании он погрузился в ко'ди и так и сидел, обернув себя коконом ничего не чувствующей пустоты. Всегда лучше вступать в сражение, отринув всякие эмоции.

Через поразительно короткое время вернулась Ания, она вошла и аккуратно притворила за собой дверь:

— Милорд, леди Эдейн обращается к вам с просьбой прийти к ней в апартаменты.

Тон у горничной был безучастный, а лицо такое же ничего не выражающее, как у какой-нибудь Айз Седай.

— Скажи ее посланцу, что я еще не отдохнул с дороги, — ответил Лан.

Казалось, присевшая в учтивом реверансе Ания

была разочарована подобным ответом.

Учтивое обхождение с гостем требовало дать ему отдохнуть с дороги, причем столько времени, сколько тот потребует, однако стрелки на циферблате золоченых шарообразных часов, что тикали на полке над камином, не отмерили и получаса, как вновь вошла Ания и принесла письмо. На печати синего воска был оттиснут герб — припавшая к земле львица. Готовая к прыжку, замершая в настороженном ожидании львица. Личный герб Эдейн, и он вполне отвечал ее нраву. Лан без всякого желания сломал печать, развернул послание. Оно оказалось очень коротким: «Приходи ко мне, любимый. Приходи немедленно».

Подписи не было, да она и не нужна была Лану. Даже не будь на печати эмблемы, каллиграфически замысловатый почерк Эдейн был ему очень хорошо знаком — как его собственный, намного менее затейливый. В этом письме была вся Эдейн. Привыкшая повелевать. Эдейн рождена, чтобы быть королевой, и она знала о том.

Лан отправил бумагу в пламя камина. На сей раз сомневаться в разочаровании Ании не приходилось. О Свет, горничную приставили прислуживать ему, но, знай о том Эдейн, она бы

обрела в Ании союзницу. И скорей всего, Эдейн о союзнице не только догадывается, но и знает почти наверняка. Она всегда узнавала обо всем, что могло бы оказаться ей полезным.

Больше с приглашениями от Эдейн не приходили, но стоило шаровидным часам прозвонить еще трижды, как появилась госпожа Ромера.

— Милорд, — обратилась она церемонно, — если вы уже отдохнули, то вас хотел бы видеть принц-консорт.

Ну наконец-то.

Лану оказывали честь, поручив шатайян лично проводить его, но в Айздайшарском дворце без провожатого любой гость запросто заблудился бы. Лан уже бывал здесь много раз, но иногда, случалось, плутал по дворцовым переходам и коридорам. Меч Лан оставил на лакированной стойке возле двери — от оружия не будет никакого толку. Кроме того, он нанесет оскорбление Брису, появившись перед ним с мечом; это все равно что показать, что Лану требуется защищать себя. Так оно и есть, но сталь в таком деле не подмога.

Лан предполагал, что предстоящая встреча с Брисом будет носить частный характер, однако госпожа Ромера ввела гостя в большой цере-

мониальный зал, высокий купол в центре был расписан наподобие небесного свода, а основание потолка поддерживали белые стройные колонны с каннелюрами. Зал был полон людей, и приглушенный гул голосов сразу стих, когда присутствующие заметили появление Лана. В толпе неслышно сновали ливрейные слуги, разносившие вино с пряностями. Они предлагали кубки кандорским лордам и леди, красовавшимся в шелковых одеждах с вышитыми эмблемами Домов, и выборным от наиболее влиятельных гильдий — судя по цеховым эмблемам на одеждах из тонко выделанной шерсти. Впрочем, были тут и другие. Лан заметил нескольких мужчин в долгополых кафтанах и с хадори, которые они не надевали по меньшей мере лет десять, — это Лан знал наверняка. У женщин с коротко — до плеч и выше — подрезанными волосами Лан разглядел нанесенные на лоб круглые пятнышки ки'сайн. Завидев Лана, они склонялись в поклонах и глубоких реверансах — все эти мужчины и женщины, которые решили вспомнить о Малкир. Они не спускали взоров с Лана, пока шатайян представляла его принцу Брису, — так соколы следят за полевой мышью. Или же они походили на соколов, готовых взлететь по сигналу ловчего

и устремиться на добычу. Наверное, напрасно он пришел сюда. Но слишком поздно — решительный шаг уже сделан. Обратной дороги нет, нужно идти вперед — что бы ни ожидало его в конце.

Взглянув на принца Бриса, коренастого, словно вытесанного из скалы мужчину средних лет, можно было сказать, что доспехи смотрелись бы на нем естественней, чем шелковые, шитые золотом зеленые одежды, однако принц был привычен и к тому и к другому. Брис носил титул Носящего меч при королеве Этениелле, командовал ее армиями и был ее консортом. Однако пост военачальника он получил вовсе не потому, что женился на Этениелле, Брис заслуженно пользовался славой хорошего полководца. Принц, не давая Лану поклониться, приобнял его за плечи.

— Нет-нет, Лан! Человек, дважды спасавший мне жизнь в Запустении, не должен кланяться, — засмеялся Брис.

— А ты дважды спас жизнь мне, — ответил Лан. — Рассчитались честь по чести.

— Что ж, наверное, так и есть. Но ты, по-видимому, едва приехав, успел поделиться своим везением с Дайриком. Этим утром он свалился на брусчатку с балкона, а это добрых пятьдесят футов, и ухитрился ничего не сломать.

Принц коротко взмахнул рукой, и вперед выступил его второй сын, красивый темноглазый мальчик лет восьми, в такой же куртке, как у отца. Сбоку на голове мальчика виднелся крупный кровоподтек, и двигался Дайрик немного скованно — явно сказывались и другие ушибы, — но он учтиво поклонился, чуточку подпортив церемонность широкой ухмылкой.

— Ему бы сейчас уроки учить, — доверительным тоном сообщил Брис, — но он так хотел с тобой встретиться, что совсем позабыл о своих занятиях. Даже о собственный меч порезался.

Насупившись, Дайрик стал возражать, что такого с ним никогда не бывало.

На приветствие мальчика Лан ответил с не меньшей учтивостью, но Дайрик в то же мгновение напрочь позабыл о всяких правилах этикета, обрушив на гостя целый водопад вопросов.

— Говорят, милорд, вы сражались с айильцами на юге и на шайнарских рубежах? — первым делом спросил Дайрик. — Это правда? А они в самом деле десяти футов росту? И правда, что Айил перед сражением лица вуалями закрывают? И что они своих мертвецов поедают? А Белая Башня и впрямь выше любой горы?

— Дайрик, дай же человеку ответить! — произ-

нес Брис с напускным возмущением, а потом сам же радостно рассмеялся.

От смущения мальчик залился краской, но все же ответил отцу застенчивой улыбкой, а тот любовно потрепал сына по голове, взъерошив ему волосы.

— Ладно, Брис! Вспомни себя в восемь лет, — сказал Лан. — Позволь мальчику проявить любопытство.

Сам Лан, когда ему было восемь лет, постигал ко'ди и узнавал, с чем ему придется столкнуться, когда он впервые попадет в Запустение. Тогда же он начал учиться тому, как убивать голыми руками. Пусть у Дайрика будет в детстве больше счастья — и пусть ему как можно позже придется задуматься о смерти.

Воспрянув духом, Дайрик закидал Лана новыми вопросами, хотя на сей раз у него хватило терпения дожидаться ответов. Дай пытливому пареньку волю, он не отстал бы от Лана, пока не выспросил бы все и об Айил, и о чудесах и диковинах огромных городов на юге, таких как Тар Валон и Фар Мэддинг. Судя по всему, ему не верилось, что по размерам Чачин им обоим ничуть не уступает. Наконец отец прервал казавшийся нескончаемым поток расспросов.

— Попозже лорд Мандрагоран расскажет тебе обо всем, что твоя душа пожелает, — сказал Брис сыну. — Но ему здесь еще кое с кем нужно встретиться. Так что ступай к госпоже Тувал и садись за книги.

Когда в сопровождении Бриса Лан пересекал зал, выложенный красно-белыми плитками, ему показалось, будто все присутствующие в ожидании чего-то затаили дыхание.

Эдейн была такой же, какой ее помнил Лан. Пусть старше на десять лет, с поседевшими прядями на висках и новыми морщинками у глаз, но эти большие темные глаза захватили его. Ее ки'сайн по-прежнему был белого вдовьего цвета, и ее волосы черными волнами ниспадали ниже талии. Эдейн облачилась в красное шелковое платье в доманийском стиле, облегающее и почти прозрачное. Она была прекрасна — и даже не пыталась этого скрывать. Лан невозмутимо поклонился ей.

Какое-то мгновение Эдейн просто смотрела на Лана, холодно и оценивающе.

— Было бы… проще, если бы ты пришел ко мне, — тихо произнесла она. Ее будто не волновало, что эти слова слышал Брис. А потом Эдейн грациозно опустилась на колени перед потрясен-

ным Ланом и взяла его ладони в свои. — Именем Света, — громким чистым голосом заговорила она, — я, Эдейн ти Гемаллен Аррел, клянусь в верности ал'Лану Мандрагорану, повелителю Семи Башен, лорду Озерному, истинному Клинку Малкир. Да рассечет он Тень!

Даже Брис выглядел ошеломленным. В оглушительной тишине Эдейн поцеловала пальцы Лана, затем со всех сторон раздались приветственные кличи. Кричали «Золотой журавль!» и даже «Кандор вместе с Малкир!».

От криков Лан очнулся, высвободил руки и поднял Эдейн на ноги.

— Миледи… — начал он тихим, срывающимся голосом. — Нет короля Малкир. Великие лорды не бросали свои жезлы.

Она приложила ладонь к его губам. Такую теплую ладонь.

— Из пятерых оставшихся в живых трое находятся в этом зале, — сказала Эдейн. — Спросить у них, какой выбор они сделают? Пусть свершится то, что должно.

И затем она отступила, растворилась среди тех, кто радостно кинулся к Лану с поздравлениями, — тех, кто, позволь им Лан, готов был немедленно принести ему клятву верности.

Лана выручил Брис. Взяв его за локоть, принц увлек Лана на длинную, обрамленную каменными перилами галерею. Внизу, сотнях в двух футов, виднелись городские крыши. На эту галерею над обрывом Брис удалялся, когда хотел уединиться или побеседовать с кем-то с глазу на глаз; всем это было известно, и поэтому никто не осмелился идти следом. На галерею вела одна-единственная дверь, окна сюда не выходили, и из дворца не доносилось ни звука. Брис с Ланом принялись неспешно прохаживаться по галерее, заложив руки за спину.

— Знай я, что она затеяла, — промолвил Брис, — я бы никогда не принял ее в качестве гостьи. Если тебе угодно, я дам ей понять, что ее пребывание тут нежелательно, и откажу в гостеприимстве. Эй, не смотри так на меня. Я достаточно осведомлен в обычаях малкири, чтобы не нанести оскорбления. Она весьма ловко загнала тебя в угол, заколотила в ящик, куда ты, насколько я понимаю, сам ни за что бы не залез.

Брис понимал намного меньше, чем предполагал. Однако, сколь бы учтивы ни были слова, отказ в гостеприимстве все равно стал бы смертельным оскорблением.

— «Время точит даже горы», — процитировал

поговорку Лан.

Он был не уверен, удастся ли теперь избежать того, чтобы возглавить войско для похода в Запустение. Не был уверен, хочет ли он этого избежать. Все эти мужчины и женщины помнят о Малкир. Малкир достойна о себе памяти. Но какой ценой?

— Что ты будешь делать? — без околичностей спросил Брис.

Вопрос был прост и задан впрямую, но ответить на него было очень непросто.

— Не знаю, — ответил Лан.

Она выиграла поединок, но легкость одержанной ею победы оглушила его. Грозный противник — женщина, которая носит в прическе частицу твоей души.

Потом Брис с Ланом негромко поговорили об охоте, о разбойниках, о том, скоро ли сменится затишьем прошлогодняя вспышка активности Запустения. Брис высказал сожаление, что вынужден был отвести свою армию и потому не участвовал до конца в войне с Айил, но другого выхода не было. Они обсудили также расплодившиеся слухи о некоем мужчине, способном направлять Силу, причем о том, где именно он появился, рассказывали разное. Брис считал, что

все это — досужие басни, еще один болотный огонек, и Лан с ним согласился. Еще молва твердила, что ныне повсюду встречаются Айз Седай, а что тому причиной, никто не знает. В своем письме Брису Этениелле сообщила, что в одной деревне, которую она миновала на своем пути, две сестры поймали женщину, выдававшую себя за Айз Седай. Она могла направлять Силу, но это ничего ей не дало. Две настоящие Айз Седай плетками прогнали самозванку через всю деревню, заставив признаться в своем преступлении всем жившим там мужчинам и женщинам. Потом одна из сестер увезла обманщицу в Тар Валон, где ее и ждет настоящее наказание — что бы последнее ни значило. Если Элис соврала, назвавшись Айз Седай, то ей придется несладко. Поймав себя на этой мысли, Лан слегка удивился: ему-то какое до нее дело?

Лан еще тешил себя надеждой, что до конца дня ему удастся избегать встречи с леди Эдейн. Но когда гостя проводили в его апартаменты — на сей раз провожатым оказался один из дворцовых слуг, — она уже была там. Эдейн поджидала Лана в гостиной и сидела на позолоченном стуле, устало откинувшись на спинку. Ни горничных, ни Булена Лан не заметил. Похоже, Ания и в самом

деле заодно с Эдейн.

— Боюсь, сладкий мой, красавцем тебя уже не назовешь, — сказала Эдейн вошедшему Лану. — Думаю, с годами ты станешь даже уродливей. Но больше, чем твое лицо, мне всегда нравились твои глаза. — Улыбка ее стала томной и призывной. — И твои руки.

Лан стоял у порога, так и не отпустив дверную ручку:

— Миледи, и двух часов не прошло, как вы клялись…

Она перебила его:

— И я послушна моему королю. Но, как говорит пословица, наедине со своей карнейрой и король — не король. — Она дразняще засмеялась. Явно наслаждаясь своей властью над ним. — Я принесла твой *даори*. Подай его мне.

Невольно Лан посмотрел, куда она указала: на столике возле двери стояла плоская лакированная шкатулка. Крышку он приподнял так, будто весила она с добрый булыжник. Внутри, свернутый кольцами, лежал плетеный волосяной шнурок. Лан до мельчайших подробностей помнил утро после их первой ночи, когда она привела его на женскую половину королевского дворца в Фал Моране и на глазах придворных

дам и служанок обрезала его волосы по плечи. Она даже объяснила всем, что сие означает. Все женщины были заинтригованы и принялись шутить, когда он сел у ног Эдейн и начал плести для нее даори. Эдейн блюла древние обычаи, но на свой манер. Волосы на ощупь были мягкими и гладкими, — должно быть, она каждый день смазывала их бальзамом.

Медленно подойдя к Эдейн, Лан опустился перед ней на колени и, держа даори двумя руками, протянул ей:

— В знак того, чем я обязан тебе, Эдейн, всегда и навеки.

Если в его голосе и не слышалось трепета того первого утра, вряд ли она удивилась.

Эдейн не приняла шнур. Вместо этого принялась рассматривать Лана — так львица разглядывает молодого оленя-несмышленыша.

— Я знала, что даже за столь долгое отсутствие ты не забудешь наших обычаев, — наконец промолвила Эдейн. — Идем.

Поднявшись, она схватила его за запястье и увлекла за собой к балконным дверям. Балкон отстоял от земли локтей на двадцать и выходил в сад. Двое слуг поливали садовые растения и отдельные кусты водой из ведер; по дорожке из

сланцевых плит ступала молодая женщина в голубом платье, таком же ярком, что и ранние цветы, распустившиеся возле деревьев.

— Это моя дочь Изелле. — На миг голосу Эдейн придали теплоту материнская гордость и любовь. — Помнишь ее? Теперь ей семнадцать. И она еще не нашла себе карнейру. — Молодых мужчин выбирали их будущие карнейры, и таким же правом обладали и молодые женщины. — Но по-моему, ей все равно пора замуж.

Лан смутно припомнил ребенка-непоседу, за которым слугам было не угнаться, отраду материнского сердца, но мысли его в те времена были заняты лишь одной Эдейн. О Свет, она и сейчас всецело завладела его мыслями, а дурманящий аромат ее духов текуче вползал в ноздри. И волнующий запах ее самой.

— Красотой она похожа на мать, — вежливо заметил Лан, вертя в руках даори. Пока этот волосяной шнур у него, все преимущество на ее стороне, но она должна забрать у него даори. — Эдейн, нам нужно поговорить.

Она не обратила на его слова никакого внимания:

— Да и тебе, сладкий мой, пора жениться. И раз уж никого из твоих родственниц нет в живых,

значит этим придется заняться мне.

Эдейн с теплой улыбкой посмотрела на прогуливавшуюся внизу девушку — с улыбкой любящей матери.

Лан от удивления открыл рот, поняв, к чему клонит Эдейн. Поначалу он не поверил своей догадке.

— Изелле?! — охрипшим голосом произнес он. — Твоя дочь?! — Может, по-своему Эдейн и держалась стародавних обычаев, но подобное предложение было просто вызывающим. — Никакой уздой, Эдейн, меня не втянуть в это постыдное дело. Никому, и тебе тоже! И это вот не поможет!

Он потряс перед ней даори, но Эдейн лишь взглянула на шнурок и улыбнулась.

— Конечно, сладкий мой, никто тебя ни во что не втянет. Ты ведь мужчина, а не мальчик. Однако ты блюдешь обычаи, — проворковала она, проведя пальцем по волосяному шнурку, дрожащему в руках Лана. — Наверное, нам и в самом деле нужно поговорить.

Но увлекла она его лишь в постель. Заберет она у него даори или нет, но какие-то потерянные позиции Лан, по крайней мере, должен отвоевать. В конце концов, он — мужчина, а не

олень-несмышленыш, сколько бы в Эдейн ни было от львицы. Так что Лан не удивился, когда она разрешила ему отложить волосяной шнурок, чтобы помочь ей снять платье. Эдейн никогда не откажется от того преимущества, которого добилась. Ее хватка ослабнет только тогда, когда она подарит даори его невесте в день свадьбы. А этой невестой, по замыслу Эдейн, должна стать Изелле, и Лан не видел никакой возможности спастись из капкана.

Глава 23
«Вечерняя звезда»

Морейн позволила себе едва улыбнуться, когда приятели Лана галопом поскакали вслед за ним. Если ему так хочется поскорее убраться прочь, значит ей удалось произвести на него должное впечатление. А с продолжением придется погодить. Итак, он полагает, что ей следует держаться подальше от самых опасных кварталов Чачина, да? А ведь он должен был извлечь урок из того, как она обошлась с теми разбойниками.

Выкинув недавнего спутника из головы, Морейн отправилась на поиски именно в эти, пользующиеся самой дурной славой кварталы города. Общие залы местных гостиниц и трактиров были точь-в-точь как те, куда любила захаживать Суан, когда подруг-принятых изредка отпускали гулять по Тар Валону. В подобных заведениях подавали дешевую еду и дрянное вино, Айз Седай туда почти не заходили, и они с большим неодобрением отнеслись бы к тому, что принятым в этаком злачном месте вздумалось выпить стакан-другой вина. Кроме того, Суан говаривала, что на таких

постоялых дворах она чувствует себя спокойней, чем в гостиницах пореспектабельнее, где предпочитала обедать Морейн. Вдобавок скупердяйка Суан наверняка бы сняла комнатку в гостинице самой дешевой, какую сумела бы отыскать.

Морейн ехала сквозь толчею улиц внутри первой городской стены, пока не обнаружила место, где перестали встречаться портшезы и уличные музыканты, возле редких торговцев с тележками не толклись покупатели, а лица прохожих утратили всякую надежду на лучшее будущее. Стиснувшие узкие улочки каменные дома имели ветхий вид, мало гармонировавший с крышами из цветной черепицы, краска на немногих окрашенных дверях и оконных рамах облупились и потрескалась, в грязных окнах кое-где были разбиты стекла. Тут и там со смехом играли и бегали дети в отрепьях — но дети всегда остаются детьми, они играют и смеются, сколь бы жуткой ни казалась жизнь их родителям. Товары, разложенные на прилавках перед магазинчиками, охраняли сами лавочники; вооружившись дубинками, они провожали подозрительными взглядами идущих мимо людей, как будто в каждом видели воришку. Кто-то из местных, может, и впрямь промышляет воровством — те,

в заношенной, залатанной одежде из дешевой шерсти, торопились мимо, опустив голову, или же расхаживали с наглыми ухмылками, излучая вокруг злобу. Бедной женщине легко поддаться соблазну и начать подворовывать, коли у нее ровным счетом ничего нет. На подбитый мехом плащ и шелковое дорожное платье Морейн то и дело воровато косились, алчущие взгляды притягивала и Стрела. Больше на улице ни одной лошади не было.

Первой гостиницей, откуда решила начать свои поиски Морейн, стало неказистое заведение под названием «Рассерженный гусь». Когда она спешилась возле «Гуся», на нее, оскалившись, зарычал приблудный пес, с выпиравшими на светло-коричневых боках ребрами. Злобную псину пришлось стегнуть тонким потоком Воздуха, отчего та, тонко заскулив, кинулась прочь по улице. Большую тревогу внушала высокая молодая женщина в латаном-перелатаном красном платье, первоначальный цвет которого с трудом угадывался под множеством разномастных заплат. Делая вид, будто вытряхивает камешек из туфли, она искоса посматривала на Стрелу. Весьма жадным взором. Возле гостиницы не было ни столбиков коновязи, ни колец. Бросив

поводья, что для Стрелы означало команду стоять на месте, Морейн стреножила кобыле передние ноги нитью Воздуха и оплела ее плетением малого стража, который предупредит хозяйку, если кто-то вздумает увести животное. Последнее плетение она решила не закреплять, а держать в готовности.

Сумрачный общий зал «Рассерженного гуся» подтвердил впечатление, какое у девушки сложилось при взгляде на гостиницу снаружи. Пол усыпан тем, что некогда, возможно, было опилками, но теперь слежалось в грязную корку. В воздухе висели застоялые запахи табачного дыма, кислого эля и еще чего-то пригоревшего на кухне. За маленькими столиками сгорбились над своими кружками посетители, мужчины с грубыми лицами, в грубых одеждах. Когда Морейн переступила порог, они подняли голову и удивленно воззрились на вошедшую. Хозяин гостиницы оказался жилистым и морщинистым малым, в заляпанном пятнами сером кафтане, с узкого лица, на котором будто навсегда застыло плотоядное выражение, смотрели хитрые глазки — вид у него был ничем не лучше, чем у давешних разбойников с большой дороги.

— У вас тут тайренка не останавливалась? —

спросила у хозяина Морейн. — Молодая тайренка с голубыми глазами?

— Это место не для таких, как вы, миледи, — пробурчал тот, худой рукой потирая щеку с трехдневной щетиной. Чище от этого его лицо не стало. Может, щека у него просто от грязи зачесалась. — Пойдемте, я вам покажу что-нибудь более подходящее.

Он двинулся было к двери, но Морейн остановила худого грязнулю, положив ладонь ему на руку. Невесомо, едва касаясь. Некоторые из пятен на его одежде походили на засохший жир, а вблизи от хозяина гостиницы пахло так, словно он неделями не мылся.

— Тайренка, — промолвила Морейн.

— В жизни не встречал голубоглазых тайренок. Пожалуйста, идемте, миледи, я вас провожу. Я знаю очень приличную гостиницу! Место замечательное, всего через две улицы отсюда.

Малый страж, которого Морейн установила вокруг Стрелы, дал о себе знать — по коже пробежал легкий зуд.

— Благодарю, не надо, — сказала Морейн тощему хозяину и поспешила наружу.

Женщина в выцветшем красном платье, дергая за поводья, старалась увести Стрелу, но у нее мало

что получалось — кобыла едва семенила, делая крошечные шажки. Разочарование все сильнее овладевало несостоявшейся конокрадкой.

— На твоем месте я бы отказалась от подобного намерения, — громко сказала Морейн. — За конокрадство наказывают поркой кнутом. Это если лошадь вернут владельцу, а если нет — то наказание еще хуже.

От каждой принятой требовалось знание наиболее часто применяемых в различных странах законов.

Женщина резко повернулась, изумленно раскрыв рот. Видимо, она рассчитывала, что у нее будет достаточно времени, пока Морейн не вернется. Но впрочем, изумление ее длилось недолго, она выпрямилась, положила руку на поясной нож с длинным клинком.

— Кажется, ты думаешь, будто можешь одолеть меня, — заметила женщина, смерив Морейн презрительным взглядом с головы до ног.

С каким бы удовольствием Морейн отправила ее восвояси, отстегав как следует пониже спины, но если так поступить, то сразу откроется, кто она такая. Несколько прохожих остановилось поглазеть на происходящее, однако никому из них вмешиваться и в голову не приходило. Все

они — мужчины, женщины, детишки — стояли и с любопытством ждали, чем кончится стычка.

— И одолею, если нужно, — холодно и спокойно промолвила Морейн.

Молодая женщина нахмурилась, облизывая губы и поглаживая пальцами рукоять кинжала. Вдруг она отбросила поводья Стрелы:

— Тогда забирай лошадь! По правде говоря, ее и красть-то смысла нет.

Повернувшись спиной, несостоявшаяся воровка зашагала прочь, злобно зыркая по сторонам.

В Морейн взыграло ретивое, и она, направив поток Воздуха, хорошенько врезала им девице по заднице. От всей души. Издав вопль, та подскочила чуть ли не на фут. Вцепившись в рукоять поясного ножа, она крутанулась на месте, грозно оглядываясь и высматривая обидчика, но ближе двух шагов от нее никого не было, и окружающие уставились на нее в замешательстве. Молодая женщина повернулась и зашагала прочь, обеими руками потирая пострадавшее место.

Морейн, довольная, чуть кивнула себе. Возможно, в будущем потенциальная конокрадка задумается, стоит ли посягать на лошадь какой-нибудь другой женщины. Впрочем, удовлетворения хватило ненадолго.

Во второй по улице гостинице, в «Слепом боров», круглолицая косоглазая женщина в длинном переднике, некогда, вероятно, бывшем белого цвета, похохатывая, заявила, что тайренок у нее в комнатах нет. Чуть ли не каждое ее слово сопровождалось визгливым смешком.

— Лучше ступай отсель, девочка, — вдобавок сказала она. — Этакую юную красотку «ночные работнички», а то и мои постояльцы без соли слопают, если ты скоренько не уберешься отсюда.

Запрокинув голову, она разразилась хохотом, и смеху хозяйки вторили завсегдатаи ее таверны.

В «Серебряном пенни», последней гостинице на этой улице, Морейн встретила приветливой улыбкой красивая женщина средних лет. Она была высокой, но не очень, ее блестящие черные волосы были заплетены в толстую косу, начинавшуюся на макушке. И чудо из чудес — коричневое шерстяное платье Недары Сатаров отличалось чистотой, оно было хорошо сшито и выглажено, а пол в общем зале казался подметенным едва ли не минуту назад. В зале расположились мужчины с неприятными лицами и женщины с жесткими глазами, но доносящиеся с кухни запахи обещали нечто сносное.

— Ну да, миледи, — отвечала хозяйка, — у меня

остановилась тайренка, походящая под ваше описание. Просто сейчас она куда-то ушла. Почему бы вам ее тут не подождать? Присаживайтесь и выпейте вот вина. Хорошее вино, с пряностями.

Она протянула Морейн деревянную кружку, которую, когда двинулась навстречу гостье, держала в руках. От вина исходил сладкий запах свежих пряностей.

— Благодарю, — сказала Морейн, не менее приветливо улыбаясь женщине в ответ.

Какая удача — отыскать Суан так быстро. Но ее протянутая рука замерла, так и не коснувшись кружки. Что-то неуловимо изменилось в облике госпожи Сатаров. На какой-то волосок, но теперь от нее явственно исходило некое ожидание. И она, направившись к Морейн, уже несла в руках кружку. В первых двух гостиницах Морейн даже следов вина не видела. В этой части города никому не по средствам позволить себе вино. А если в вино что-нибудь подмешано, то пряности отобьют чуть ли не любой посторонний привкус.

Обняв Истинный Источник, Морейн свила Дух в одно из тайных, ведомых только Голубым сестрам, плетений и коснулась им содержательницы гостиницы. Едва заметное предвкушение госпожи Сатаров превратилось в несомненное

беспокойство.

— Вы уверены, что молодая женщина в точности соответствует моему описанию? — спросила Морейн и чуть-чуть затянула плетение. Капельки пота проступили на лбу хозяйки гостиницы. — Вы совершенно в этом уверены?

Айз Седай еще чуточку затянула плетение, и в глазах женщины промелькнул испуг.

— Дайте-ка подумать… ну, глаза у нее, вообще-то, не голубые… И… и вот еще… Она этим утром уехала.

— Сколько ничего не подозревающих бедолаг ты опоила этим вином? — холодным тоном спросила Морейн. — Скольких женщин? Они живы? Или жалеют, что не умерли?

— Я… я не понимаю, о чем вы говорите. Простите меня, и я…

— Пей, — велела ей Морейн, еще туже затягивая плетение, отчего женщину охватил панический ужас. Вся дрожа, госпожа Сатаров была не в силах отвести взора от суровых глаз Морейн. — Выпей все.

По-прежнему глядя в глаза Морейн, содержательница гостиницы нетвердой рукой поднесла кружку ко рту. Пока она глотала свое зелье, горло ее судорожно дергалось. Вдруг до нее дошло, что

она делает, и хозяйка гостиницы, выпучив глаза, с воплем отшвырнула кружку, расплескав вино. Морейн отпустила плетение, но страх, охвативший госпожу Сатаров, не покинул ее. Ужас исказил лицо женщины, когда она окинула взглядом общий зал своей гостиницы. Поддернув юбки выше колен, она метнулась в сторону кухни, а может, и к лестнице в дальней части залы, однако через три шага ее зашатало из стороны в сторону, а еще через три шага госпожа Сатаров свалилась на пол, словно все ее кости разом растворились. Задравшиеся юбки открыли взорам обтянутые чулками ноги. Причем чулки были шелковыми. Как видно, гнусные дела приносили ей немалые барыши. Она замахала руками, как будто пытаясь ползти, но в руках не осталось сил.

Несколько из сидевших за столиками мужчин и женщин изумленно воззрились на Морейн, вне всяких сомнений удивленные тем, что не она валяется на полу, но большинство, как казалось, с интересом наблюдали за тщетными попытками госпожи Сатаров уползти прочь. Жилистый парень, лицо которого пересекал длинный шрам, расплылся в медленной улыбке, что так и не коснулась его глаз. Крепко сбитый широкоплечий здоровяк, которому самое место быть молото-

бойцем в кузнице, облизнул губы. Женщины, по две-три, начали торопливо покидать гостиницу, многие, проходя мимо Морейн, шарахались от нее. Впрочем, кое-кто из мужчин тоже предпочел обойти ее стороной. Морейн тоже поспешила выйти на улицу, даже не оглянувшись. Иногда расплата за злодеяния настигает отнюдь не при посредстве законов или благодаря силе мечей.

Так и прошел остаток дня — в поисках по разбросанным по городу кварталам, где одежда местного люда была залатана и поношена, а их обитатели передвигались исключительно пешком. В Чачине можно миновать полдесятка улиц, и вместо домов и мастерских вполне процветающих ремесленников оказываешься уже в окружении убогой нищеты, а стоит пройти еще пять кварталов, как вновь вокруг преуспевающие лавки. Правители, коли они порядочные люди и достойны своего высокого положения, всегда стремятся как-то улучшить положение нуждающихся, чем-то им помочь, и, по доходившим до Морейн слухам, Этениелле считали щедрой и великодушной. Однако всякий раз, как одному человеку удавалось выбраться из нищеты, казалось, другой неизбежно впадал в нее. Может, это несправедливо, но мир устроен так и

никак иначе. Эту житейскую мудрость Морейн осознавала, но она приводила ее в отчаяние, что было еще одной причиной, почему ее ничуть не манил Солнечный трон.

Морейн продолжала свои осторожные расспросы в общих залах, где оглушали пьяные крики и громкий хохот, где сидевшие за столами унылые мужчины и подавленные женщины хотели, казалось, только одного — утопить свои горести и беды в выпивке, однако никто так и не признался, что видел голубоглазую молодую тайренку. Трижды, при самых подозрительных обстоятельствах, Морейн порывались угостить вином, но она не собиралась повторять того же, что проделала с госпожой Сатаров. Нельзя сказать, что Морейн не испытывала искушения обойтись точно так же и с этими злоумышленниками, но молва неминуемо разнесет весть о подобных происшествиях. Один случай можно списать на слухи; четыре — совсем другое дело. Прослышав о таком, любая Голубая сестра наверняка заподозрит, что в городе находится еще одна Айз Седай из Голубой Айя. Морейн не нравилась мысль, что какая-нибудь Голубая сестра может на поверку оказаться Черной, но Черной сестрой может обернуться любая Айз Седай, а потому ей

необходимо как можно дольше скрывать свое присутствие и оставаться в тени.

Дважды она подвергалась нападению: злодеи хватали Стрелу под уздцы, а саму Морейн пытались стащить с седла. Будь оба раза нападавших не двое, а больше, ей, вероятно, и пришлось бы раскрыть себя, но примененное в полную мощь внушающее страх плетение нагоняло на грабителей такой ужас, что они, расталкивая толпу, бросались в панике наутек. Праздношатающиеся изумленно пялились вслед бегущим, несомненно гадая, отчего крепкие мужчины, вознамерившиеся украсть лошадь, вдруг ударились в панику. Однако, если только в толпу не затесался какой-нибудь дичок, ни у кого из зевак и намека не было на причину необъяснимого бегства. По меньшей мере еще раз семь, пока Морейн наводила справки в гостиницах, предпринимались попытки увести Стрелу. Однажды за этим малопочетным занятием она застала стайку детишек, которых разогнала окриком, в другой раз это было с полдесятка молодых парней, которые решили, что на хозяйку лошади можно просто не обращать внимания, — она погнала их по улице, вопящих и подпрыгивающих, нещадно стегая сплетенными из Воздуха розгами. Не то

чтобы в Чачине царила безнаказанность и злодеи чувствовали себя в безопасности — нет, ничуть не больше, чем в любом другом городе, однако Морейн рискнула сунуться в такие уголки, где благодаря шелковому платью и подбитому мехом плащу, в придачу и великолепной лошади, она просто-таки напрашивалась на то, чтобы этакую богатую курочку да и ощипали. Потеряй она тут Стрелу, любой магистрат, ничтоже сумняшеся, заявит, что в том — лишь ее собственная вина. Оставалось только стиснуть зубы и продолжать поиски. Холодный день клонился к закату, грозя смениться еще одной ледяной ночью.

Тени становились длиннее. Морейн вела Стрелу шагом, с подозрением косясь на шевелящиеся в переулке тени, и раздумывала, не хватит ли на сегодня расспросов, и тут к ней сзади подбежала Суан.

— Так и думала, что ты, как приедешь, где-то здесь искать станешь, — сказала Суан. Взяв подругу за локоть, она заставила ее ускорить шаг. На Суан было то же самое дорожное платье из синей шерсти. Морейн сомневалась, что Суан хотя бы задумалась о том, чтобы потратить на другой наряд немного тех денег, что ей дала Морейн. — Я чуть ноги не сбила, пока тебя в этой части города

разыскивала. Идем, пока мы совсем не замерзли. — Она тоже бросила взор на тени в переулке и машинально потрогала висящий на поясе нож, как будто с помощью Силы не справилась бы с десятком лиходеев. Правда, тогда пришлось бы обнаружить себя. Наверно, и в самом деле лучше поторопиться. — Эти кварталы не для тебя, Морейн. Проклятье, тут такой народец! Съедят тебя и не подавятся, а ты и не сообразишь, что тебя уже потрошат. Ты что, смеешься или кашляешь?

— И то и другое, — с трудом справившись с собой, ответила подруге Морейн. Как часто за сегодняшний день она слышала в разнообразных вариациях, что ее, как рыбу или поросенка, зажарят, разделают и съедят, если она не поостережется? Ей пришлось остановиться и обнять подругу. — Ох, Суан, как я рада видеть тебя! Где ты остановилась? Наверное, там, где рыбой кормят. Так? Могу ли я хотя бы надеяться, что в постелях нет блох и клопов?

— Может, местечко такое, к каким ты и не привыкла, — отозвалась Суан, — но главное, что нужно, — надежная крыша над головой, чтобы дождем не замочило. И сестер там точно нет, так что можешь гонять клопов и блох, сколько твоей душе будет угодно. Но нам лучше не мешкать,

если хотим туда добраться до темноты.

Морейн вздохнула. И мешкать не стала. С наступлением темноты от тех мест, которым днем отдавала предпочтение Суан, самое лучшее — держаться подальше.

Как оказалось, комнату себе Суан сняла в самом респектабельном заведении под названием «Вечерняя звезда». Большую трехэтажную гостиницу, сложенную из камня, облюбовали купцы средней руки, особенно она пришлась по вкусу женщинам, которые не желали, чтобы их тревожил шум в просторном общем зале или какая-нибудь драка. Парочка рослых здоровяков ясно давала понять, что ничего подобного здесь не потерпят. Парни хотя и подпирали широкими плечами выкрашенные в синий цвет колонны, но входную дверь держали под бдительным присмотром. По правде говоря, кроме этих двоих, мужчин в общем зале Морейн не заметила. За столиками — а их было немало — сидели женщины, большей частью в хорошо сшитых, пусть и простого покроя платьях; из украшений они носили серьги или броши, а у двух на груди блестели цепочки, ясно свидетельствующие о принадлежности их обладательниц к кандорской Купеческой гильдии. На трех женщинах в

ярких доманийских нарядах, что-то возбужденно обсуждавших, хотя и приглушенными голосами, сверкали золотом ожерелья-цепочки, почти совершенно закрывавшие низкий вырез платья. Игравшая на цимбалах седоволосая женщина искусно извлекала молоточками из инструмента на удивление тихую, но в то же время веселую мелодию, а доносящиеся с кухни запахи подсказывали, что там жарится не рыба, а молодая баранина.

Хозяйка гостиницы Айлине Толвина была худощавой женщиной, всем своим видом показывавшая, что шутить не любит. Ее серое платье было расшито на плечах редкими синими цветочками. Свободных комнат она предложить не могла, но не стала возражать против того, чтобы Морейн подселилась к Суан.

— До тех пор, пока платить будете за двоих, — прибавила госпожа Толвина, протянув ладонь.

Перед шелками и мехами хозяйка гостиницы в реверансах приседать не станет — богатых нарядов ей для этого недостаточно.

— Значит, я могу гонять блох, сколько моей душе будет угодно? — поинтересовалась Морейн, вешая плащ на крючок. Комнатка Суан оказалась не слишком-то просторной, да еще и на самом

верхнем этаже. Зато тут было тепло благодаря печке, вделанной под не очень широкую кровать. И вдобавок в комнатке было чисто. Суан всегда отличали аккуратность и стремление к порядку. — Я удивлена, что ты решила тут остановиться.

Приплата за лишнего человека составила серебряное пенни, а это означало, что сама Суан выкладывала за комнатку не меньше двух.

— Просто сначала тебе придется этих самых блох накликать. А почему ты удивлена? — Суан уселась, скрестив ноги, на неширокую кровать, однако владевшее подругой волнение не покидало ее — она вся была как на иголках. После Канлуума в нее будто новые силы вдохнули. А когда Суан имела перед собой цель, она всегда горела энтузиазмом.

Морейн не стала отвечать на вопрос. Ночевать девушкам предстояло на одной кровати, а Суан слишком хорошо знала, как Морейн относится к щекотке и что делать, чтобы подруга не удержалась от смеха и в конце концов принялась молить о пощаде.

— Что ты разузнала?

— Очень многое и ничего особенного. Ну, Морейн, и поездка выдалась мне, скажу я тебе! Эта

дурацкая лошадь меня чуть не уморила, пока я сюда добиралась. Людям Создателем предназначено ходить пешком или на лодках плавать, а не трястись невесть на чем. Судя по тебе, та женщина, Сахира, — пустой номер, не то ты носилась бы точно нерестящаяся по весне краснохвостка. Инес Демайн я нашла почти сразу, но мне до нее не добраться. Она недавно овдовела, но сын у нее точно есть. Назвала его Райхиен, потому что видела тогда встающую над Драконовой горой зарю. Так молва утверждает. Все говорят, что глупей причины дать ребенку такое имя не слыхали.

На мгновение Морейн охватила дрожь. Увидеть зарю над горой вовсе не значит, что ребенок родился на горе. В комнате не было ни стула, ни табурета — для них просто не нашлось бы места, — поэтому Морейн села в изножье кровати, подтянула колени к груди и обхватила их руками.

— Суан, если ты нашла Инес и ее сына, то почему тебе до них не добраться?

— Потому что она живет в проклятом Айздайшарском дворце, вот почему!

Туда Суан могла бы без труда попасть как Айз Седай, а иначе — лишь нанявшись во дворец служанкой.

Дворец Айздайшар.

— Об этом подумаем утром, — вздохнула Морейн. Придется пойти на риск, но расспросить леди Инес надо обязательно. Ни одна из найденных Морейн женщин при рождении ребенка даже не видела Драконову гору. — А… Черная Айя ничем не проявляла себя?

Похоже, все-таки придется привыкнуть произносить это название.

Суан отвечать не спешила. Она уставилась на колени, провела пальцами по юбке.

— Морейн, это странный город, — наконец промолвила Суан. — Фонари на улицах, женщины дерутся на дуэлях, пусть даже все это отрицают. Сплетен столько, сколько не услышишь от десятка упившихся элем мужчин. Есть и интересные слухи. — Она подалась вперед и положила ладонь на колено Морейн. — Все толкуют о молодом кузнеце. Две ночи назад его нашли мертвым, с переломанным хребтом. С месяц тому назад он, чего от него никто не ждал, вдруг заделался оратором. Убедил свою гильдию собрать деньги в помощь беднякам, бежавшим в город от разбойников. Хотел помочь тем, кто не связан ни с цехами, ни со знатными Домами.

— Суан, Света ради, о чем…

— Погоди, Морейн, послушай. Он сам собрал немало серебра. Когда его убили, он шел, судя по всему, в гильдию, хотел сдать то ли шесть, то ли восемь мешков с деньгами. Глупец сам серебро понес. Но дело в том, Морейн, что ни одной треклятой монетки не тронули. И на теле не было ни царапины, лишь позвоночник сломан.

Женщины молча уставились друг на друга. Потом Морейн покачала головой:

— Не пойму, как это увязать с Мейлин или Тамрой. При чем тут кузнец? Мы спятим, если везде будем видеть Черных сестер.

— А если не будем о них думать, то погибнем, — ответила Суан. — Ну ладно. Может, им в сети попадут вовсе не ленивые караси, а щуки-серебрянки. Только не забывай, что на Рыбном рынке и щук-серебрянок продают. Как нам быть с леди Инес? Что ты придумала?

Морейн рассказала подруге свой план. Суан он не очень-то понравился, и немалую часть ночи ее пришлось убеждать. По правде говоря, Морейн была бы не против, если б Суан уговорила ее попробовать что-нибудь другое. Но леди Инес видела зарю над Драконовой горой. Хорошо хоть Айз Седай, советница при Этениелле, отправилась с королевой в поездку на юг.

Глава 24
Как стать невидимой

Наутро, пока подруги одевались, Суан заспорила было по новой, как будто все не было решено накануне. Суан никогда не нравилось, когда кто-то брал над ней верх в споре, в то время как сама считала, что права она. А обычно Суан полагала, что права именно она.

— Мне не нравится, что рисковать во всем придется тебе, Морейн, — ворчала Суан, натягивая через голову синее шерстяное платье.

Как выяснилось, у нее нашлась одежда на смену, и она бесцеремонно не преминула с важным видом указать, что это-де у Морейн с собой только одно платье — и то на ней.

— Во всем рисковать я не буду, — сказала Морейн, подавив вздох. Минувшим вечером они раз за разом все это уже повторяли. — Тебе придется рисковать не меньше, чем мне. Не поможешь пуговицы застегнуть?

Суан, взяв Морейн за плечи, без всяких околичностей развернула подругу к себе спиной и накинулась на два ряда мелких перламутро-

вых пуговиц, спускавшихся по задней стороне платья.

— Не будь разиней, — ворчала Суан, дергая платье куда сильнее, чем требовалось. — Если все получится так, как оно, по-твоему, должно сработать, меня никто и не заметит. Ты пойдешь, подняв все паруса, гребя всеми веслами, распустив флаги. Говорю тебе — наверняка есть способ получше! Нам нужно сесть и как следует все обсудить. Сама поймешь, что так правильней.

Вот тогда Морейн вздохнула. Медведь с больным зубом и то компания приятнее! Даже тот малый, Лан! Помогая в свою очередь застегнуть платье подруге, Морейн попыталась отвлечь ее от прежнего спора, заговорив о том, как платье Суан благодаря своему покрою эффектно обрисовывает ее бедра и грудь. Ну, ей не только хотелось отвлечь подругу. Суан заслужила, чтобы ее тоже носом кое во что ткнули.

— Да-а, мужчины просто глаз не отведут, — отозвалась Суан. И захихикала! И она даже повела бедрами!

Морейн совсем было решила, что теперь ей ничего не останется, как целый день сокрушенно вздыхать.

Когда две постоялицы, с перекинутыми через

руку плащами, спустились в общий зал, то там было полным-полно людей. Особы купеческого звания — по-прежнему одни женщины — завтракали и непринужденно беседовали между собой. Две кандорки, одна с тремя цепочками поперек груди, а другая — с двумя, ели торопливо, но при этом лучезарно улыбались; женщины, несомненно, предвкушали, что день сулит им немалый барыш. Как казалось, минувшим вечером кое-кто еще успел и дела провернуть. Изящная молодая женщина в темно-сером платье поглядывала на свою компаньонку, самодовольную толстушку, с таким болезненным видом, как будто та довела ее до разорения. Три доманийки нехотя ковыряли вилками в тарелках; судя по их прищуренным глазам и бледным лицам, на вчерашней попойке они выпили лишку, а теперь мучились головной болью.

— Сначала плотно позавтракаем, а потом поговорим, — сказала Суан, привстав на цыпочки и высматривая свободный столик. — Здесь так готовят! Завтрак — просто пальчики оближешь!

— Только булочки, которые можно съесть по дороге, — твердо осадила ее Морейн и поспешила к госпоже Толвина.

Та наставляла девушку-служанку в белоснеж-

ном фартуке с голубой каймой. Из спора с Суан победительницей можно выйти только одним-единственным способом: не давая опомниться, потащить за собой. А если ослабить узду хоть на миг, то очень скоро обнаружишь, что это она тащит тебя за собой.

— Доброго вам утра, госпожа Толвина, — сказала Морейн, когда хозяйка гостиницы повернулась к ней от служанки. — Мы бы хотели нанять на несколько часов двух ваших людей, чтобы они сопровождали нас по городу этим утром.

Парочка крепышей, бдящих сегодня утром у двери, не походила на тех, кто занимал этот пост минувшим вечером, хотя ростом и сложением вчерашним не уступала.

Худощавая женщина чуть приподняла брови, отчего ее строгое обличье стало еще строже. И снова в ответ не последовало никакого реверанса, хотя Морейн прибегла к посредству Силы, чтобы придать платью такой вид, как будто его только что доставили от прачки.

— А зачем? Если вы ввязались в какую-то дуэль, то я не желаю иметь к ней никакого отношения. Дурацкая затея, все эти дуэли на кнутах и всем таком прочем, и я никоим образом не собираюсь их поощрять. Так или иначе, обратно вы верне-

тесь, исхлестанные до крови. Очень сомневаюсь, чтобы вам когда-нибудь хотя бы раз драться приходилось.

Морейн прикусила язык. Суан утверждала, будто хозяйка заправляет в гостинице по-своему, начиная с того, что в полночь самолично отпирает снаружи комнаты, дабы удостовериться, не задержались ли у ее постоялиц гости мужского пола, и свои правила она блюдет строжайшим образом. Но госпожа Толвина ни за что не стала бы так с ними разговаривать, знай она об их принадлежности к Айз Седай.

— Я намерена посетить банкира, — промолвила Морейн, когда решила, что достаточно взяла себя в руки, чтобы продолжать разговор. Разумеется, не будет катастрофой, если их с Суан вышвырнут из гостиницы, однако ничего приятного такая перспектива не сулит. Им еще сегодня предстоит переделать кучу дел. — Надежного и приличного банкира. Вы знаете такого где-нибудь неподалеку?

Как оказалось, у госпожи Толвина действительно есть на примете хороший банкир, к чьим услугам, бывало, она и сама прибегала, так что для такого дела готова была одолжить своих «караульщиков» — так она их называла. Парней,

которые спали в своих комнатках в конюшне, вытащили из постели, а хозяйка потребовала, как была уверена Морейн, по меньшей мере вдвойне против того, что те обычно получали в день. Впрочем, торговаться Морейн не стала и заплатила сразу. Возражать значило бы попусту терять время, а то, глядишь, и цена могла бы вырасти. Судя по виду, Айлине Толвина — не из тех женщин, кому нравится торг вести. Прошло совсем немного времени, и Морейн с Суан уже сидели напротив друг друга в большом паланкине, который несла четверка жилистых носильщиков. На первый взгляд подобная ноша казалась для них неподъемной, однако они сноровисто двигались по запруженным людьми улицам, да так, что за ними с трудом поспевала парочка рослых «караульщиков», отряженных сопровождать женщин. Последние были вооружены длинными, окованными медью дубинками.

— Ничего не выйдет, — бормотала Суан, одновременно грызя большую хрустящую булочку. — Если ты думаешь, что нам нужно больше денег, так и ладно. Только ты, Морейн, деньгами буквально швыряешься. Но, чтоб мне сгореть, у тебя эта затея ни за что не выгорит. Мы сразу же в чужих сетях запутаемся. И скорей всего, пошлют

за сестрой. А то еще прямо там на кого-то из сестер наткнемся. Говорю тебе, нам надо другой способ отыскать!

Морейн не отвечала, делая вид, будто всецело поглощена собственной поджаристой булочкой, все еще теплой, из печки. Вдобавок она действительно проголодалась. Если они встретятся с какой-нибудь Айз Седай… Через эту пропасть им придется перепрыгнуть, когда дело до этого дойдет. Она твердила себе, что под ложечкой у нее сосет исключительно от голода, а страх тут вовсе ни при чем. Но в мыслях можно лгать. Ее план должен сработать. Другого способа — нет.

Как и в Тар Валоне, банкирская контора походила на маленький дворец, сверкавший под лучами утреннего солнца точно так же, как настоящие дворцы выше на горе. Стены особняка украшали золотистые плитки, над ними поднимались два высоких белых купола. Поклонившийся посетительницам привратник носил темно-красный кафтан, с вышитыми на обшлагах серебряными пчелами, а короткие черные куртки лакеев оканчивались едва ли не на ладонь ниже поясницы, открывая взорам обтянутые узкими штанами бедра. Платье Морейн с разноцветными полосами-прорезями спереди свидетельствовало о ее

принадлежности к кайриэнской знати, и этого хватило, чтобы пришедших приняла не какая-то мелкая сошка, а сама банкирша. Морейн и Суан проводили в тихую, обшитую деревянными панелями комнатку, с посеребренными шандалами и мебелью, украшенными тонкими позолоченными узорами.

Камилэ Ноаллин оказалась обаятельной стройной женщиной средних лет, с седеющими волосами, заплетенными в четыре длинные косы, и с твердым испытующим взглядом. В конце концов, от Чачина до Кандора — путь далек, как и до Тар Валона. Но все-таки не было у нее никаких оснований, придирчиво прочитав кредитное письмо, тщательно рассматривать через лупу печать Илайн Дормайле, оттиснутую внизу листа. Подумаешь, чернила немного расплылись из-за купания в том злосчастном пруду! Морейн предъявила вексель отнюдь не на самую крупную сумму — у нее с собой имелись и другие доверительные письма, — тем не менее горка золота на письменном столе банкирши выросла внушительная. Деньги, даже после того, как был вычтен чрезмерно завышенный процент за разделяющее два банка немаленькое расстояние, с трудом уместились в десять кожаных мешочков.

— Надеюсь, у вас есть телохранители, — тихим голосом вежливо промолвила госпожа Ноаллин.

Похоже, крупные суммы денег внушают почтение. Отсюда и учтивость по отношению к их обладателям.

— Неужели в Чачине нет закона? И двух женщин могут ограбить средь бела дня? — холодно поинтересовалась у нее Морейн. Это же надо — через лупу рассматривать! — Думаю, с нашим делом мы покончили.

Двое рослых широкоплечих ливрейных слуг вынесли позвякивающие мешочки наружу и уложили их в паланкин. Они заметно успокоились, увидев, что женщин сопровождают два «караульщика» госпожи Толвина с увесистыми дубинками. Судя по всему, дополнительная тяжесть на резвости носильщиков нисколько не отразилась.

— Даже тот кузнец споткнулся бы под такой тяжестью! Считай, его ведь навьючили, будто мула, — пробормотала Суан, носком туфли ткнув мешочки, грудой уложенные на полу паланкина между нею и Морейн. — Но сломать себе при этом хребет? Нет, никак не мог. Рыбий потрох! Так что, Морейн, без Черной Айя не обошлось. Неясно, правда, зачем им сдался кузнец?

До ушей носильщиков ее слова наверняка долетели, но те трусили дальше, даже не сбившись с шага. Скорей всего, смысл слов «Черная Айя» им неведом, да, пожалуй, и о самих Айя они понятия не имеют. С другой стороны, проходившая мимо представительная женщина, чью прическу украшали гребни из драгоценной поделочной кости, вздрогнула, а потом подхватила юбки до колен и так припустила бегом, что двум ее оторопевшим слугам пришлось вприпрыжку догонять в толпе хозяйку.

Морейн осуждающе посмотрела на Суан. Неведение других — им не защита, они не вправе на это полагаться. Суан вспыхнула, но держалась как ни в чем не бывало.

В «Вечерней звезде» нашлась особая кладовая для ценных вещей — там купчихи, которые предпочитали не держать денежных ящиков у себя в комнатах, могли без опаски хранить свои деньги. Тем не менее после того, как большую часть золота отнесли в эту кладовую, реверансов от госпожи Толвина Морейн не дождалась, как, впрочем, и после того, как вручила ей за хлопоты золотую марку. Несомненно, на своем веку хозяйка гостиницы перевидала немало разорившихся в один момент купцов, чтобы на нее произвело

впечатление, если у кого-то вдруг появилась куча денег.

— В Чачине самая лучшая белошвейка — Силенэ Дорелмин, — сказала госпожа Толвина в ответ на вопрос Морейн, — но берет она очень дорого, насколько я слыхала. Очень дорого.

Морейн подумала и взяла еще один туго набитый кошель. Объемистый мешочек она привязала за тесемки, и тот своей тяжестью сильно оттянул пояс. Нет, тот кузнец наверняка споткнулся! А Суан всякая ерунда мерещится, вот и все!

Силенэ оказалась худощавой и вдобавок весьма заносчивой особой с сухо-неприветливым голосом, в блестящем синем платье, в глубоком вырезе которого можно было без труда обозреть почти всю ложбинку на груди. Наряд едва не сползал у нее с плеч! Впрочем, Морейн нисколько не волновало, если ее захотят всунуть в какое-нибудь платье наподобие этого. Она намеревалась нарушить едва ли не все правила приличия, отбросить все условности, какие обычны между портнихой и заказчицей. Пока с нее снимали мерку, Морейн терпела, поскольку ускорить такую процедуру возможности не было, но она с такой быстротой выбрала ткань и указала желаемый цвет, что Силенэ сузила глаза. С минуту

казалось, что портниха не согласится шить то, что необходимо Суан, но Морейн спокойно сказала, что заплатит за заказ вдвое против обычного. Глаза белошвейки превратились чуть ли не в щелочки, когда она услышала о вознаграждении, но госпожа Дорелмин все же согласно кивнула. И Морейн поняла, что добьется того, чего желает. По крайней мере, здесь.

— Я хочу получить заказанное завтра, — произнесла Морейн. — Усадите за работу всех своих белошвеек.

На сей раз глаза Силенэ вовсе не сузились — они широко распахнулись, гневно засверкали. Голос ее источал ледяной холод.

— Невозможно! К концу месяца — наверное. А возможно, и позже. Если у меня вообще время найдется. Очень многие леди желают заказать себе новые наряды. Ведь Айздайшарский дворец посетил король. Король Малкир!

— Силенэ, последний король Малкир умер двадцать пять лет назад, — сказала Морейн.

Взяв набитый кошель, Морейн перевернула его и высыпала на конторку в примерочной тридцать золотых крон. Она заказывала не три платья, а больше, но, хотя шелк в Чачине был ничуть не дешевле, чем в Тар Валоне, само шитье

обходилось намного дешевле, и предложенная ею сумма была самой высокой ценой за платье.

Силенэ алчным взглядом ласкала увесистые золотые кругляши, и глаза ее засверкали и того пуще, когда ей сказали, что она получит еще столько же, когда платья будут готовы.

— Но из тех тридцати за каждый день просрочки я удержу по шесть монет, — добавила Морейн.

И вдруг выяснилось, что платья, скорей всего, будут готовы раньше конца месяца. Гораздо раньше.

Когда подруги вышли из мастерской и забрались в паланкин, Суан сразу же спросила у Морейн:

— Видала, как одета эта костлявая шлюха? Платье с нее вот-вот свалится. Ну и заказала бы себе такие же. Может, тебе понравится, как на тебя станут пялиться мужчины, когда ты свою глупую башку на плаху понесешь.

Морейн заставила себя выполнить упражнение, какому обучают послушниц, — представила себе бутон розы, распускающийся навстречу солнцу. К счастью, после этого она успокоилась. Хотя сосредоточенно выполнять его, когда рядом Суан, оказалось весьма непростым делом. Не

ровен час еще зуб себе сломала бы, так челюсти стискивала.

— Другого выхода нет, Суан. — День едва перевалил за половину, а еще очень многое нужно сделать. — По-твоему, не одолжит хозяйка гостиницы своего вышибалу еще на несколько часов?

Ишь ты, король *Малкир*? О Свет, эта портниха ее, видно, круглой дурой считает!

Утром на третий день, как Морейн приехала в Чачин, к Айздайшарскому дворцу подкатила сверкающая желтым лаком карета, в которую была запряжена четверка подобранных друг другу под стать серых лошадей. Правил ею кучер с широкими, как у быка, плечами. Позади кареты были привязаны две лошади: гнедая с высокой шеей и длинноногая мышастая. Леди Морейн Дамодред, на чьем темно-голубом платье горизонтальные цветные полосы спускались от глухого ворота до колен, приняли со всем подобающим ее высокому званию почетом. Встретил гостью один из старших в дворцовой иерархии слуг — на его плече эмблема Красного коня была наложена на вышитые серебряной нитью ключи. Если не имя Морейн, то Дом Дамодред был, разумеется, известен, а поскольку короля Ламана не было в живых, то на Солнечный трон мог взойти любой

из рода Дамодред. Если, конечно, какой-нибудь другой Дом не захватит трон раньше. Вряд ли кто-то ведал, как на подобный исход событий надеялась сама Морейн.

Гостье отвели соответствующие апартаменты — стенные панно в трех просторных комнатах украшает резьба в виде цветов, повсюду висят шелковые гобелены, а окна и балконы с мраморными перилами смотрят на северные пики, увенчанные снежными шапками, внизу виднеются городские улицы. Присланные слуги, мальчик-посыльный и две горничные, кинулись распаковывать окованные медью дорожные сундуки, принесли горячую надушенную, пахнущую розовыми лепестками воду, чтобы леди освежилась с дороги. Кроме служанок, на Зуки, личную горничную леди Морейн, никто и не взглянул.

— Ну хорошо, ты права, — промолвила Суан, когда дворцовые слуги наконец ушли и оставили ее с Морейн в гостиной вдвоем. — В этом наряде я и впрямь стала невидимкой. — Ее простое темно-серое платье, сшитое из тонкой шерсти, было украшено лишь по вороту и манжетам цветами Дома Дамодред. — А ты в глаза бросаешься, точно благородный лорд Тира с веслом в руках. О Свет, у меня чуть язык к гортани не присох, когда ты

спросила, есть ли во дворце Айз Седай. Я так нервничаю, что даже голова кружится. И дыхание перехватывает.

— Это все из-за высоты, — объяснила подруге Морейн. — Ничего, привыкнешь. Все гости обычно спрашивают про Айз Седай, и слуг этим не удивишь. — Впрочем, сама она дыхание затаила, пока не услышала ответ на свой вопрос. Окажись во дворце хоть одна сестра, все сразу бы изменилось. — И почему я тебе должна все время повторять одно и то же? Запомни, королевский дворец — это тебе не гостиница. Здесь никого не устроит: «Зовите меня леди Элис». Это не мое мнение, а просто факт. Я должна быть сама собой. Будем надеяться, что с помощью своей «невидимости» ты разузнаешь о леди Инес все, что нам нужно. Очень хочется убраться отсюда как можно быстрее.

Лучше всего — завтра, это никого не оскорбит и не вызовет досужих разговоров. Суан права. Во дворце во все глаза будут смотреть на чужеземку благородного звания из Дома, который развязал Айильскую войну. Любая Айз Седай, едва появившись в Айздайшарском дворце, сразу о ней узнает, а Айз Седай, оказавшаяся в Чачине проездом, во дворце появится почти наверняка.

А если этот самый Гортанес не отказался от своих попыток отыскать Морейн, то до его ушей очень скоро — слишком скоро! — дойдет известие о гостящей в Айздайшарском дворце Морейн Дамодред. По своему жизненному опыту Морейн знала — во дворце стать жертвой наемного убийцы куда вероятнее, чем на большой дороге. Так что Суан права: Морейн будто бы взобралась на пьедестал, превратившись в видимую всем цель, притягивая стрелы и ни сном ни духом не ведая, где таится лучник. Да, лучше всего покинуть дворец завтра, пораньше с утра.

Суан выскользнула за дверь, но очень скоро вернулась, и с худыми вестями. Леди Инес пребывает в уединении, оплакивает своего мужа.

— Он умер за завтраком десять дней назад. Упал лицом в тарелку с кашей, — сообщила Суан, плюхнувшись на стул в гостиной и закинув руку на спинку. Получив шаль, она частенько забывала о хороших манерах. — Мужчина уже пожилой, но она, как видно, любила его. В южной части дворца ей предоставили десять комнат и садик. Ведь ее муж был близким другом принца Бриса.

Инес намеревалась носить траур месяц и не видеться ни с кем, за исключением ближайших родственников. Служанки же покидали отведен-

ные леди Инес покои лишь при самой крайней необходимости.

— Айз Седай она во встрече не откажет, — вздохнула Морейн.

Даже скорбящая по любимому мужу женщина примет сестру.

Суан вскочила с места:

— Ты что, спятила? И так уже все на леди Морейн Дамодред оглядываются! Морейн Дамодред Айз Седай — все равно что глашатаев разослать! Я уж думаю, не улизнуть ли нам из дворца раньше, чем кто-нибудь за его стенами узнает, что мы вообще тут были!

В этот миг в гостиную вошла одна из горничных, выделенных в услужение Морейн, — пухлая седоволосая женщина по имени Аико. Она оторопело захлопала глазами, увидев, как Зуки, стоя с суровым видом над госпожой, чуть ли не тыкает в нее пальцем, но, справившись с потрясением, сообщила, что прибыла шатайян, дабы проводить Морейн к принцу Брису.

— Передай шатайян, что я сейчас буду, — спокойно велела Морейн изумленной служанке. Та присела в реверансе и, пятясь, удалилась. Морейн поднялась, чтобы не смотреть на рослую Суан снизу вверх. — А что ты предлагаешь? Остаться

тут на две недели, дожидаясь, пока она выйдет из своих комнат? Это ничуть не лучше. И с ее слугами тебе дружбы не свести, раз они тоже оттуда не выходят.

— Их могут послать с каким-нибудь поручением. А потом, Морейн, я напрошусь к ним в гости.

Морейн завела было речь, что одно случится не раньше, чем другое, но Суан, крепко взяв ее за плечи, повернула подругу кругом, критически разглядывая с головы до ног.

— Как полагается, горничная леди должна удостовериться, что ее хозяйка одета надлежащим образом, — заявила Суан, а потом подтолкнула Морейн к двери. — Ступай. Тебя ждет шатайян. И если немножко повезет, то Зуки будет ждать молодой лакей по имени Кэл.

Глава 25
Ответ

Шатайян и впрямь ждала. Это была красивая статная женщина, преисполненная достоинства и холода — поскольку ее заставили ждать. Взгляд ее орехово-карих глаз мог заморозить вино. С шатайян не станет ссориться даже королева, если она не дура, поэтому Морейн держалась с почтительной любезностью. Дорогой ей вроде бы удалось слегка растопить ледок отчужденности, но полностью на этом Морейн сосредоточиться не могла. Что за молодой лакей? Она не знала, был ли у Суан когда-нибудь мужчина, но чтобы таким образом добраться до слуг Инес!.. Только не лакей!

Вдоль увешанных гобеленами коридоров выстроились статуи, причем большинство из них Морейн не ожидала увидеть в Пограничных землях. К ее удивлению, высеченные из мрамора фигуры изображали женщин с цветами или играющих детей, а на шелковых полотнищах были вытканы цветущие луга и живописные сады. Среди гобеленов, против ожидания, Мо-

рейн заметила лишь несколько с изображениями охотничьих сценок и ни одного — с картиной сражений. Арочные окна выходили в сады, которых оказалось куда больше, чем предполагала Морейн, и на мощеные дворики, где иногда журчали в мраморных бассейнах фонтаны. Бросив взгляд в одно из окон, она увидела то, что сразу же отодвинуло на задний план мысли о Суан и лакее.

В неприметном дворике, без фонтана или галереи с колоннами, вдоль ограды выстроились ряды мужчин. Они смотрели на двух обнаженных по пояс бойцов, которые бились друг с другом учебными мечами. Рин и Букама. Хоть и учебный, но то был настоящий бой — она явственно слышала удары оружия по телу. Все удары доставались Букаме. Ей нужно будет держаться в стороне от этих двоих и еще от Лана, если он тоже тут. Он нисколько не скрывал своих сомнений, и с него станется спросить о том, чего Морейн боялась услышать. Кто она, Морейн или Элис? Или того хуже: она — Айз Седай или прикинувшаяся ею дикарка? Об этом уже через день начнут судачить на улицах, слухи дойдут до ушей какой-нибудь сестры, а уж последний вопрос, о выдающем себя за Айз Седай дичке, заинтересует сестру, которая обязательно решит с этим разобраться. К счастью,

вряд ли Морейн встретится во дворце с кем-то из этих трех бродячих солдат.

В просторной комнате, отделанной алыми и золотистыми панелями, Морейн радушно приветствовал принц Брис, крепкий зеленоглазый мужчина. Ей представили двух замужних сестер принца и их мужей, потом — сестру Этениелле с мужем; мужчины были облачены в шелковые одежды приглушенных тонов, а женщины носили яркие цветные наряды, расшитые по рукавам и по низу юбок, с поясом под самой грудью. Слуги в ливреях подали засахаренные фрукты и орехи. Морейн подумала, что у нее скоро заноет шея: самая низкорослая из женщин оказалась выше Суан, и Морейн приходилось высоко держать голову. Свои гордые шеи они — и мужчины, и женщины — немного склонили бы перед Айз Седай, но леди Морейн они считали себе ровней.

Беседа текла неспешно. Говорили то о музыке и о самых искусных музыкантах из придворных, то о трудностях путешествия, потом о том, можно ли доверять слухам о появлении способного направлять Силу мужчины, и о том, отчего так много ныне в мире появилось Айз Седай, — и Морейн обнаружила, что ей не так-то легко поддерживать непринужденно-остроумный разговор. Тяги к

музыке она не испытывала, тем более ее не интересовали музыканты — в Кайриэне их нанимали, а назавтра о них забывали. Всем известно, что в дороге подстерегают трудности, когда не знаешь, ждет ли тебя вечером постель и приличная еда после двадцати-тридцати миль пути, да и то если стоит хорошая погода. Очевидно, кто-то из сестер намеревается проверить слухи о том мужчине, другие решили напомнить тронам и Домам об их обязательствах перед Белой Башней, подзабытых было за Айильскую войну. Напомнить как прилюдно, так и в приватной беседе. Если Айз Седай еще не прибыли в Айздайшарский дворец, то подобного визита нужно в скором времени ждать. Морейн старалась гнать от себя эту мысль, мешавшую вести беззаботную болтовню. И еще ей не давало покоя другое — причина, по которой столько сестер покинули Башню. Мужчины как будто не заметили ее скованности, однако Морейн показалось, что женщины сочли ее если не тупоголовой, то наверняка скучной собеседницей.

При появлении детей Бриса Морейн испытала громадное облегчение. Раз их собираются ей представить, значит она принята в число домочадцев и гостей принца, кроме того, это означало

окончание аудиенции. Старший сын, наследник престола Антол, отправился на юг вместе с Этениелле, и за него осталась миленькая зеленоглазая девчушка двенадцати лет по имени Джарен. Она и представила сестру и четырех братьев, как и предписывал этикет, — по старшинству. Впрочем, по правде говоря, двое младших едва вышли из пеленок, и их принесли няньки. Горя от нетерпения узнать, что же удалось разнюхать Суан, Морейн похвалила поведение детей, пожелала успехов в занятиях. Должно быть, они, как и взрослые, сочли ее туповатой. Вовсе не интересной гостьей.

— И как, милорд Дайрик, вы заслужили эти синяки? — спросила она, краем уха вслушиваясь в неторопливый рассказ мальчугана. Пока…

— Миледи, отец сказал, что раз я не убился, то мне везет, как Лану, — сказал Дайрик, сбившись с формально-рассудительного тона на свойственный мальчику его лет. — Лан — это король Малкир и самый везучий человек в мире. И лучше всех мечом владеет. Не считая моего отца, конечно.

— Король Малкир? — удивленно заморгала Морейн.

Дайрик энергично закивал и принялся взахлеб

рассказывать о подвигах Лана в Запустении, о малкири, собравшихся в Айздайшарском дворце и готовых последовать за ним. Но отец знаком велел ему замолчать.

— Лан — король, если он того захочет, миледи, — заметил Брис. Очень странные слова, и прозвучали они тем более странно, что сказаны были тоном, полным сомнения. — Он нечасто покидает свои апартаменты, — это обстоятельство, похоже, тоже волновало Бриса, — но вы с ним встретитесь, до того как… Миледи, что с вами? Вам плохо?

— Нет, ничего, — ответила ему Морейн. Она надеялась на встречу с Ланом Мандрагораном, готовилась к ней, планировала, но не здесь же! Внутри у нее все сжалось. — Прошу прощения, но, возможно, я и сама несколько дней проведу в своей комнате.

Разумеется, Брис не стал возражать, и все с сожалением заметили, что ее общества им будет не хватать, посочувствовали, что на ней так сказалась тяжесть путешествия. Впрочем, Морейн уловила, как одна из женщин проворчала об изнеженности южан.

В коридоре Морейн ожидала молодая светловолосая женщина в красно-зеленом платье, звали

ее Элиза, и ей поручили проводить гостью обратно в ее комнаты. Всякий раз, обращаясь к Морейн, Элиза склонялась в реверансе, но языком молола без умолку. Ей уже сказали о «слабости» Морейн, и каждые двадцать шагов она спрашивала, не желает ли Морейн присесть и передохнуть, не распорядится ли принести в ее апартаменты смоченные холодной водой полотенца, не нужны ли нагретые кирпичи под ноги, или нюхательные соли, или еще какое-нибудь верное средство от «головокружений». В конце концов Морейн просто велела Элизе замолчать. Глупая девчонка надулась, но дальше по коридору шла молча.

Морейн нисколько не волновало, обиделась та или нет. Ей сейчас хотелось одного: чтобы Суан явилась с добрыми вестями. А лучше всего — держа на руках ребенка, родившегося на Драконовой горе, и ведя под руку его мать, уже снаряженную в путь. Но больше всего ей хотелось исчезнуть из дворцовых переходов, пока она не нарвалась на Лана Мандрагорана.

Обеспокоенная этими мыслями, Морейн следом за служанкой свернула за угол и нос к носу столкнулась с Мериан. Ее шаль с голубой бахромой свободно висела на плечах. Сопровождала Мериан сама шатайян, а позади сестры вился

целый шлейф служанок. Одна несла красные перчатки для верховой езды, другая — подбитый мехом плащ Айз Седай, третья — ее темную бархатную шляпку. Вьюки и плетеные корзины, на которые хватило бы и по одному носильщику, тащили по двое слуг, другие держали большие охапки цветов. Айз Седай принимают с куда большим почетом, чем обыкновенную леди, сколь бы знатен ни был ее Дом.

Завидев Морейн, Мериан прищурила глаза.

— Вот так сюрприз! И ты здесь, — медленно произнесла она. — Судя по наряду, ты отказалась от своей маскировки? Ах нет — вижу, кольцо-то так и не надела.

Морейн была так изумлена внезапным появлением Мериан, что едва ли расслышала ее слова.

— Ты одна? — вырвалось у Морейн.

На миг глаза Мериан превратились в щелочки.

— Ларелле решила отправиться своей дорогой. Если не ошибаюсь, на юг. Больше я ничего не знаю.

— Я имела в виду Кадсуане, — сказала Морейн, удивленно моргнув.

Чем больше она думала о Кадсуане, тем большую чувствовала уверенность, что та должна быть из Черной Айя. Удивило же ее известие о

Ларелле. Судя по всему, раньше Ларелле была настроена самым решительным образом и намеревалась добраться в Чачин, не мешкая. Бывает, конечно, что планы меняются, но Морейн вдруг поняла очевидную вещь. Черные сестры способны лгать. Это невозможно — Три Клятвы нельзя нарушить! — однако иначе быть не могло.

Мериан двинулась к Морейн, а когда та на шаг отступила, вновь шагнула к ней. Морейн держалась прямо, но все равно была ей по подбородок.

— Тебе так не терпится свидеться с Кадсуане? — спросила Мериан, глядя на Морейн сверху вниз. Голос у нее был ласковый, на по-матерински участливом лице написана доброжелательность, но в глазах сверкало холодное железо. — В последний раз, когда я ее видела, она заявила, что когда вновь встретит тебя, то так отшлепает, что ты неделю сидеть не сможешь. — Вдруг оглянувшись на слуг, Мериан, видимо, сообразила, что они с Морейн не одни. Сверкание железа в ее взоре приугасло, но не исчезло. — Знаешь, а Кадсуане была права. Молодая женщина, которая думает, будто много знает, может угодить в очень большую беду. Мой тебе совет: держись тихо и помалкивай, пока мы с тобой не поговорим.

Властным жестом она велела шатайян про-

должать путь, и величественная женщина беспрекословно подчинилась. Подобная безапелляционность со стороны короля или королевы надолго испортила бы их отношения с шатайян, но только не в случае с Айз Седай.

Морейн долго глядела вслед Мериан, пока та не свернула за угол. Все, только что сказанное Мериан, могла сказать и посланница Тамры. Черные сестры способны лгать. Неужели Ларелле передумала и не поехала в Чачин? Или же погибла, как Тамра и другие? Неожиданно Морейн поймала себя на том, что разглаживает пальцами юбки. Прекратить нервные движения оказалось легче, чем унять охватившую ее мелкую дрожь.

Элиза с раскрытым ртом и округлившимися глазами смотрела на Морейн.

— Так вы тоже Айз Седай! — пропищала служанка, потом вздрогнула, заметив, как поморщилась Морейн. — Должно быть, вы хотите, чтобы про это никто не знал! — промолвила она еле слышно. — Я никому и словечка не скажу, Айз Седай! — горячо зашептала Элиза. — Светом клянусь и могилой отца!

Как будто сопровождавшие Мериан служанки и работники не слышали того, что услышала Элиза. Вот они-то не станут язык за зубами держать.

— Веди меня в комнаты Лана Мандрагорана, — велела служанке Морейн.

Что было правдой на восходе, неузнаваемо изменится к полудню, и значит, необходимо действовать. Она вытащила из поясного кошеля кольцо Великого Змея и надела на правую руку. Иногда приходится рисковать.

После долгой прогулки по дворцовым коридорам — к счастью, в молчании — Элиза постучала в красную дверь и заявила открывшей на стук седоволосой женщине, что леди Морейн Дамодред Айз Седай желает говорить с королем ал'Ланом Мандрагораном. Кое-что к сказанному ей Морейн Элиза прибавила от себя. Надо же, король! Ответ был потрясающим: лорд Мандрагоран не имеет желания беседовать ни с одной Айз Седай. Седоволосая женщина выглядела шокированной, но тем не менее решительно захлопнула дверь.

Элиза большими глазами взирала на Морейн.

— Теперь я могу проводить миледи Айз Седай в ее апартаменты, — неуверенно промолвила служанка, — если…

Она испуганно пискнула, когда Морейн толкнула дверь и шагнула через порог.

Седоволосая служанка и еще одна, помоложе, сидевшие за штопкой, вскочили с мест. Располо-

жившийся подле камина худой парень неуклюже поднялся на ноги и поглядывал на женщин, ожидая от них распоряжений. А те просто смотрели на Морейн, пока она не приподняла вопросительно бровь. Потом седоволосая указала на одну из двух дверей во внутренние покои.

Эта дверь вела в гостиную, мало чем отличающуюся от гостиной Морейн, но здесь все позолоченные стулья были придвинуты к стенам, а ковер с цветными узорами скатан. И посреди комнаты Лан, обнаженный по пояс, упражнялся с мечом. На шее при каждом движении покачивался небольшой золотой медальон; клинок слился в размытый круг. Пот струился по телу. А раны, которые Морейн недавно Исцелила, сменились другими… Это у него на спине отметины от когтей какого-то дикого животного? Или же царапины, оставленные в страсти женщиной? Неужели этот холодный мужчина вообще способен разжечь в женщине огонь, да еще такой, чтобы она… Морейн почувствовала, как от возникших перед мысленным взором картин у нее будто жаром обдало щеки. Да пусть у него будет столько женщин, сколько ему захочется, лишь бы делал то, что ей от него нужно.

Прервав упражнение, Лан ловко развернулся

к Морейн лицом, уперев меч острием клинка в плитки пола. Он, как и прежде, избегал взгляда Морейн — что это у них с Букамой за странная манера? Влажные пряди волос, хоть их и удерживала кожаная лента, свисали на лицо, но дыхание Лана не было сбито.

— Ты! — прорычал он. — Значит, сегодня ты Айз Седай, а в придачу еще и Дамодред. У меня нет времени для твоих игр, кайриэнка. Я жду кое-кого. — Холодный взор голубых глаз двинулся к двери за спиной Морейн. Но, как ни странно, посмотрел он, кажется, на плетеный волосяной шнурок, сложным узлом повязанный на ручку двери с внутренней стороны. — Ей не понравится, если она увидит здесь другую женщину.

— Твоей даме сердца не стоит меня опасаться, — язвительно заметила Морейн. — С одной стороны, ты слишком высок, а с другой — я предпочитаю мужчин хотя бы чуточку красивых. И с хорошими манерами. Мне нужна твоя помощь. Со Столетней войны малкири держат данную некогда клятву, что все, как один, откликнутся на призыв Белой Башни. Я — Айз Седай, и я призываю тебя!

— Ты ведаешь, сколь высоки холмы, но не то, как они лежат, — пробормотал он, будто бы ци-

тируя какую-то малкирскую поговорку. Пройдя в дальний угол комнаты, Лан поднял ножны и с силой вогнал в них меч. — Я помогу тебе, если ты ответишь на один вопрос. Я много лет спрашивал о том Айз Седай, но они, точно гадюки, ускользали от ответа. Если ты — Айз Седай, ответь мне.

— Отвечу, если ответ мне известен.

Морейн вновь не сказала ему, кто она такая, но обняла саидар и выдвинула один из золоченых стульев в центр комнаты. Она не сумела бы поднять такую тяжесть, но, даже будь стул вдвое тяжелее, он легко скользил на потоках Воздуха. Усевшись, Морейн закинула ногу на ногу и сцепила руки на колене, так чтобы выставить напоказ золотое кольцо Великого Змея, блестевшее на пальце. Тот, кто выше ростом, имеет преимущество, если собеседники стоят, но если один сидит, а другой стоит, то второй должен чувствовать себя так, будто его судят, особенно если сидит Айз Седай.

Но он вообще не чувствовал никакой неловкости. Впервые с того момента, как они встретились, Лан прямо смотрел ей в глаза. И во взгляде его был холод голубого льда.

— Когда Малкир погибла, — тихо, но со стальными нотками сказал он, — Шайнар и Арафел

прислали людей. Им не под силу было остановить поток троллоков и мурддраалов, но они пришли. Были отряды из Кандора и даже из Салдэйи. Они опоздали, но они пришли. — Голубой лед обратился в голубое пламя. Голос его не изменился, но пальцы, сжимавшие меч, побелели. — Девять сотен лет мы откликались на призыв Белой Башни, но где была Башня, когда погибала Малкир? Если ты Айз Седай, ответь мне!

Морейн заколебалась. Он задал вопрос, ответ на который был тайной, запечатанной Башней, — об этих событиях принятые узнавали на уроках истории, но другим о них запрещалось говорить. Но что значит наказание в сравнении с тем, что она должна сделать?

— Больше сотни сестер было отправлено в Малкир, — сказала Морейн со спокойствием, дававшимся ей с трудом. Уже за одни эти слова она должна сама попросить о наказании, — так ее учили много лет. — Но даже Айз Седай не умеют летать. Они пришли слишком поздно. — Когда явилась первая, то бесчисленные орды отродий Тени разгромили армии Малкир, а оставшиеся в живых люди бежали. Гибель Малкир была жестокой и кровавой — и быстрой. — Это произошло еще до моего рождения, но мне очень

жаль, что так случилось. И я сожалею, что Башня решила сохранить свои усилия в тайне. — Лучше, чтобы думали, будто Белая Башня и пальцем не пошевелила, чем позволить узнать, что Айз Седай попытались что-то сделать и потерпели неудачу. Неудача — удар по престижу Айз Седай, а загадочность — броня, в которой нуждалась Башня. У Айз Седай свои причины поступать так или иначе или не делать ничего, и эти причины ведомы лишь Айз Седай. — Другого ответа я дать не могу. Я и так сказала больше, чем могла. Большего, думаю, никогда не скажет ни одна из сестер. Этого достаточно?

Какое-то время он просто смотрел на нее, огонь в глазах медленно угасал, снова превращаясь в лед. Лан опустил взгляд.

— Я почти поверил, — в конце концов пробормотал он, не сказав, во что именно он почти поверил. Потом горько рассмеялся. — Как я могу помочь тебе?

Морейн нахмурилась. Надо побольше времени провести наедине с этим мужчиной, чтобы подчинить его, но это может подождать. Она очень надеялась, что он — не приспешник Темного.

— Во дворце есть еще одна сестра. Мериан Редхилл. Мне нужно знать, куда она ходит, что

делает, с кем встречается.

Лан моргнул, но не стал задавать напрашивающихся вопросов. Возможно, понимал, что ответов не получит, но молчание было хорошим знаком.

— Последние несколько дней я провел у себя в комнатах, — сказал он, опять взглянув на дверь. — Не знаю, много ли сумею узнать.

Не желая того, Морейн фыркнула. Пообещал ей помощь, а потом заволновался о своей даме. Может, он не тот человек, каким она его считала. Но другого у нее нет.

— Не ты, — сказала Лану Морейн. Вскоре о ее визите узнают во всем дворце, коли эта весть уже не облетела Айздайшар, и если заметят, что он шпионит за Мериан… Это будет катастрофой, даже если та невинна как младенец. — Полагаю, лучше, чтобы ты попросил кого-нибудь из малкири. Из тех, кто собрался здесь, откликнувшись на твой призыв. Кого-нибудь с зорким глазом и неболтливым языком. Все нужно сделать в абсолютной тайне.

— Я никого не звал, — резко сказал Лан, вновь кинув взгляд на дверь. Вдруг он показался крайне усталым. Нет, плечи у него не поникли, но он подошел к камину и поставил рядом меч с осторожностью усталого человека. Стоя спиной к

Морейн, Лан произнес: — Я попрошу Букаму и Рина последить за ней, но обещать за них не берусь. Вот и все, что я могу для тебя сделать.

Морейн подавила досадливый вздох. Мог он сделать большее или нет, у нее не было никакого рычага, чтобы воздействовать на него.

— Букаму, — сказала она. — Только его. — Судя по тому, как себя вел Рин с Морейн, он будет хлопать глазами на Мериан и вряд ли что-нибудь увидит или услышит. И то если во всем не признается в тот же миг, когда Мериан взглянет на него. — И не говори ему зачем.

Лан резко обернулся к Морейн, но чуть погодя согласно кивнул. И вновь он ни о чем не спросил, хотя большинство людей на его месте обязательно начали бы задавать вопросы. Потом Морейн объяснила, что связаться с ней можно, передав записку ее камеристке Зуки. Теперь Морейн оставалось надеяться, что она не допустила роковой ошибки.

Вернувшись в свои апартаменты, Морейн убедилась, как быстро новости облетают Айздайшарский дворец. В гостиной ее глазам предстала такая картина: Суан, держа в руках блюдо со сластями, склонилась возле высокой девушки, одетой в светло-зеленый шелк. Волосы пухлогу-

бой незнакомки, еще почти девочки, были цвета воронова крыла и ниспадали ниже талии; на лбу, там, где у Морейн висел голубой камешек кесайры, голубой краской был нанесен маленький кружок. Лицо Суан оставалось непроницаемым, но в голосе, когда она представила гостью как леди Изелле, послышалось напряжение. Почему — очень скоро стало понятно.

— Во дворце все говорят, что вы — Айз Седай, — с недоверием разглядывая Морейн, сказала девушка. Она даже не соизволила встать, хотя бы из вежливости, не говоря уж о том, чтобы приветствовать Айз Седай реверансом. — Если так, то вы должны мне помочь. Я хочу отправиться в Белую Башню. А мать хочет выдать меня замуж. Я была бы не против, чтобы Лан стал моим карнейрой, если, конечно, мать сама не выбрала бы его. Но когда я вступлю в брак, то, думаю, он будет одним из моих Стражей. Я выберу Зеленую Айя. — Она слегка нахмурилась, посмотрев на Суан. — Не вертись тут, девочка. Отойди-ка в сторонку, пока тебя не позовут.

Суан послушно отошла к камину. Но настоящая служанка никогда в жизни не встала бы, как она: выпрямившись и сложив руки на груди, — и не стала бы хмуриться, как она. Однако Изелле

больше не обращала на нее внимания.

— Присаживайтесь, Морейн, — продолжила девушка с улыбкой. — И я скажу, что мне от вас нужно. Если, разумеется, вы — Айз Седай.

Морейн изумленно смотрела на Изелле. Предлагать сесть в ее собственной гостиной! Эта глупая девчонка высокомерием не уступит Лану. Вот уж два сапога пара! Ее карнейра? На древнем языке это означает «первый» или «первая», а здесь, несомненно, есть и еще какой-то смысл. Или она имеет в виду?.. Быть не может! Уж на что чудны эти малкири, но не это же!..

Усевшись на стул, Морейн сухо заметила:

— С выбором Айя лучше подождать. Мне нужно хотя бы проверить, есть ли вообще резон посылать тебя в Башню. Несколько минут, и будет ясно, способна ли ты научиться направлять Силу. Заодно узнаем, каков твой потен…

Девчонка беспечно перебила Морейн:

— Ой, да меня уже проверяли! Несколько лет назад. Айз Седай сказала, что я буду очень сильной. Я сказала, что мне пятнадцать лет, но она вызнала правду. Не понимаю, почему мне нельзя было отправиться в Башню в двенадцать лет, когда мне этого захотелось. Мать в ярость пришла. Вечно она твердит, что когда-нибудь я стану

королевой Малкир. Но ведь тогда я должна выйти замуж за Лана, а я не хочу. Пусть даже матушка и не была бы его карнейрой. Когда вы скажете ей, что забираете меня в Башню, ей придется уступить. Ведь всем известно, что Айз Седай могут забрать на обучение любую девушку, и никто не станет ее останавливать. — Она пожевала пухлыми губками. — Вы ведь Айз Седай, да?

Морейн выполнила мысленное упражнение с бутоном розы. Потом сказала:

— Если хочешь отправиться в Тар Валон, скатертью дорога. Лично у меня нет времени сопровождать тебя. В Тар Валоне ты наверняка встретишь сестер, которые, несомненно, будут Айз Седай. Зуки, будь добра, проводи леди Изелле. Она собралась в дорогу, и я уверена, что она не хочет медлить. А то как бы матушка ее не поймала.

Девчонка, разумеется, была возмущена до глубины души, но Морейн желала лишь одного — как можно скорее увидеть спину Изелле, и Суан чуть ли не вытолкала несносную девчонку в коридор, хотя та и протестовала на каждом шагу, пока шла до дверей. Морейн ощутила, как Суан обняла Источник, и поток возмущений оборвался коротким взвизгом боли.

— Эта девица, — заметила Суан, возвращаясь

и отряхивая руки, — не продержится и месяца, пусть даже она и ровня Кадсуане.

— Да пусть Сайрин самолично скинет ее с верхушки Башни, мне-то что? — огрызнулась Морейн. — Ты что-нибудь узнала?

— Ну, я узнала, что юный Кэл умеет целоваться, а помимо того, притащила ведро трюмной водички. — Суан вдруг сердито нахмурилась. — Чего это ты на меня так уставилась? Морейн, я с ним всего-навсего целовалась. Неужели после того вечера накануне отъезда из Башни ты ни с кем не целовалась? С каким-нибудь красавчиком? После юного Корманеса — ни с кем? Ну, для меня это срок слишком долгий, а Кэл — очень симпатичный.

— Легко тебе говорить, — вздохнула Морейн.

О Свет, как давно она не вспоминала о Корманесе? Он был так красив и мил.

Как ни удивительно, но Суан больше обеспокоило не появление во дворце Мериан, а то, что Морейн обратилась за помощью к Лану.

— Сдерите с меня шкуру и засолите, но что за идиотский риск, Морейн! Девять раз дурень тот, кто претендует на трон погибшей страны. Да он в эту минуту языком треплет направо-налево! Проклятье! Если Мериан узнает, что ты наладила

за ней слежку… Чтоб мне сгореть!

— Может, он и не девять раз дурень, Суан, но, по-моему, он не из тех, кто «языком треплет направо-налево». И кто, как не ты, вечно твердила мне присловье своего отца: «Ничего не выиграешь, коли хотя бы медяком не рискнешь»? Иного выбора нет, надо рисковать. А раз тут Мериан, то времени у нас почти не осталось. Ты должна добраться до леди Инес как можно скорее.

— Сделаю, что смогу, — пробурчала Суан и вышла за дверь, расправляя плечи, словно борец перед схваткой, и в то же время нервно разглаживая юбки на бедрах.

Морейн надеялась, что события не зайдут дальше поцелуев. А коли зайдут, то это дело Суан, но такие вещи — сейчас сущая глупость. Да и не с лакеем же!

Уже давно минули сумерки и настала ночь. Морейн пыталась читать при свете лампы, когда Суан вернулась. Морейн отложила книгу; она чуть ли не час смотрела на одну и ту же страницу. На сей раз Суан явилась с новостями, которыми не преминула тут же поделиться, копаясь в своих шерстяных платьях и сорочках.

Сначала Суан поведала, что на обратном пути в апартаменты Морейн ее поймал «какой-то

старый хрящеватый аист», который поинтересовался, не ее ли зовут Зуки, а потом рассказавший ей, что Мериан чуть ли не весь день провела с принцем Брисом, а вечером отправилась отдыхать в свои покои. Никакой ниточки ни к чему. Что более важно, Суан сумела как бы невзначай упомянуть имя Райхиена в разговоре с Кэлом. Когда родился мальчик, лакея при леди Инес не было, но он знал, в какой день это случилось, — на следующий день после того, как Айил начали отступление от Тар Валона. При этом известии Морейн и Суан обменялись долгими взглядами. На следующий день, как Гайтара Моросо Предсказала Возрождение Дракона и, потрясенная своими словами, упала замертво. Рассвет над горой, и срок вписывается в те десять дней до внезапной оттепели.

— Так или иначе, — продолжала Суан, принявшись укладывать в узел белье и чулки, — я убедила Кэла, что меня выгнали со службы. Мол, я пролила вино на твое платье. И он предложил мне переночевать вместе со слугами леди Инес. Он даже собирается добиться для меня места при своей госпоже. — Суан весело хмыкнула, потом, поймав взгляд Морейн, еще раз хмыкнула, но уже поигривее. — Морейн, он же мне не свою

растреклятую постель предлагал. А даже если и свою — хм, он очень обходительный, и у него премиленькие карие глаза. Ты таких в жизни не видела. Вот наступит скоро день, когда ты и сама решишься на что-то большее, чем всего лишь мечты о мужчине. Надеюсь, мимо меня это не пройдет!

— Не мели ерунды! — сказала ей Морейн.

Перед ними стоит такая важная задача, куда уж тут подружкам о мужчинах болтать. Тем паче о том, к чему клонит Суан. Значит, Мериан весь день провела с Брисом? И шагу не сделала к комнатам леди Инес? Для избранницы Тамры или Черной сестры это лишено смысла, но Морейн была твердо убеждена, что Мериан — либо та, либо другая. Морейн с тревогой чувствовала: что-то она упустила. Чего-то она не знает, и это незнание может погубить ее. И что страшнее всего, это незнание может погубить Дракона Возрожденного еще в колыбели.

Глава 26
Когда нельзя сдаваться

Лан скользил по коридорам Айздайшарского дворца, применяя все те умения, которым его научило Запустение, стараясь не сворачивать за угол, пока не будет абсолютной уверенности, что впереди никого нет. Погруженный в ко'ди, Лан был способен почти физически почувствовать, когда кто-то вот-вот появится в коридоре у него за спиной, мог в то самое первое мгновение ощутить поблизости чужое присутствие. И он всегда успевал скрыться из виду, нырнув в открытую дверь или в арочный проход раньше, чем его могли заметить. Он почти превратился в бесплотный призрак.

Отныне его служанки Ания и Эсне сначала выполняли распоряжения Эдейн и только потом слушались его. Видно, они считали это одним из обычаев малкири. Наверное, она им так и сказала. На Булена, как думал Лан, еще можно положиться, но Лан опасался, что в Айздайшарском дворце любой, кто носит ливрею, непременно сообщит Эдейн, где его найти. Ему показалось, что теперь

он сообразил, где очутился. Хотя Лан и прежде не раз бывал во дворце, но, покинув свои комнаты, без проводника он уже успел дважды заблудиться и лишь благодаря чувству направления сумел снова отыскать верную дорогу. С мечом на боку он чувствовал себя круглым дураком. В этой битве стальной клинок — не помощник. Но без меча Лан ощущал себя голым, а в подобном виде он не мог позволить себе предстать перед Эдейн.

Вдруг Лан уловил какое-то движение и тут же вжался в стену позади статуи — женщина, окутанная облаками, и в руках у нее охапка цветов. И вовремя. Из поперечного коридора впереди вышли две женщины и остановились, о чем-то тихонько разговаривая. Изелле и та Айз Седай, Мериан. Лан замер неподвижно, как камень, за которым он прятался. Только движение привлекает внимание.

Ему не очень-то нравилось прятаться, но до того, как Эдейн развязала узел на его даори, которым на два дня буквально посадила Лана под замок, она ясно дала понять, что намерена объявить о скором его бракосочетании с Изелле. Букама оказался прав. Эдейн воспользовалась даори Лана, точно уздой. Согласно обычаю, большая часть ее власти над ним сойдет на нет, когда

Изелле в числе своих свадебных подарков получит сплетенный из волос Лана шнурок. И значить этот шнурок будет не больше чем памятный сувенир, некая примета прошлого, однако Лан был уверен, что место Эдейн по ее наущению займет Изелле. Причем Изелле будет действовать с ней заодно. Он сомневался, что у Изелле достанет воли и силы вступить в открытое противостояние с матерью. Когда сталкиваешься с противником, одолеть которого тебе не под силу, единственный выход — бегство, если только твоя гибель не послужит достижению более важной цели. И Лану очень хотелось обратиться в бегство. Только Букама удерживал его здесь. Букама и мечта.

Мериан резко взмахнула рукой, Изелле энергично закивала и торопливо зашагала прочь, скрывшись в том коридоре, откуда они обе пришли. Какое-то время Мериан глядела ей вслед, спокойное лицо Айз Седай оставалось непроницаемым. Потом, как ни странно, она тоже направилась в ту же сторону, ступая по зеленым изразцовым плиткам пола с грациозностью, рядом с которой походка Изелле показалась бы неуклюжей.

Лан не стал терять время и размышлять, что у Мериан на уме, как не озадачивался тем, по-

чему за ней хотела следить Морейн. Простому человеку недолго и спятить, стараясь разгадать головоломки Айз Седай. В том, что Морейн — Айз Седай, нет сомнений, иначе Мериан уже давно гоняла бы ее, ревущую и причитающую, по дворцовым коридорам. Выждав достаточно, чтобы парочка ушла подальше и его бы не заметили, Лан бесшумно двинулся к пересечению коридоров и заглянул за угол. Ни Изелле, ни Мериан он не увидел, поэтому поспешно двинулся дальше. Сегодня Айз Седай — не его забота. Ему нужно поговорить с Букамой. О мечтах.

Бегство из дворца означало бы конец всей затеи Эдейн с женитьбой. Если удастся подольше не попадаться Эдейн, со временем она подыщет для Изелле другого мужа. Бегство означало бы конец всем мечтаниям Эдейн о восстановлении Малкир: когда узнают, что Лана нет, ее никто не станет поддерживать, все исчезнет, точно туман под полуденным солнцем. Бегство из дворца означало бы конец очень многим мечтаниям. Но у человека, который вывез на своей спине ребенка, есть право на мечту. Долг — как гора, но Лан должен нести эту ношу.

Впереди тянулся длинный широкий пролет лестницы, огражденной каменными перилами.

Лан повернулся, чтобы спуститься, и вдруг понял, что падает. Он едва успел выставить вперед руку, как кубарем покатился по ступеням и в конце концов растянулся у подножия лестницы на мозаичном полу. От удара из легких выбило весь воздух. Перед глазами плыли круги. Лан силился вздохнуть, силился привстать.

Отовсюду появились слуги, с охами и ахами помогли Лану подняться на ноги; раздавались удивленные восклицания, как ему повезло не убиться насмерть при таком падении, спрашивали, не послать ли за Айз Седай для Исцеления. Лана шатало, перед глазами все плыло; нахмурившись, он смотрел на лестницу, бормотал что-то в ответ — лишь бы окружившие его доброхоты убрались восвояси. Он подумал, что синяков и ссадин насажал, как никогда в жизни, но царапины и ушибы заживут, а сейчас ему менее всего хотелось встречаться с Айз Седай. Большинство людей после такого падения могли бы назвать себя счастливчиками, если бы им повезло не свернуть себе шею, а лишь переломать все кости. Что-то дернуло Лана за лодыжки. Что-то толкнуло в спину. Это могло быть лишь одно, сколь бы невероятным ни казалось. Он бы наверняка узнал, если бы кто-то сумел подкрасться к нему

настолько близко, чтобы дотянуться руками. Значит, дело не обошлось без Силы. Его пыталась убить Айз Седай.

— Лорд Мандрагоран! — Подбежавший коренастый мужчина в зеленом мундире дворцовой стражи едва не упал, пытаясь разом и остановиться, и поклониться. — Мы вас повсюду ищем, милорд! — тяжело дыша, произнес он. — Там ваш человек, Букама! Идемте скорей, милорд! Может, он еще жив!

Выругавшись, Лан побежал следом за стражником, поторапливая его. Но было уже слишком поздно. Слишком поздно для того, кто вывез на своей спине младенца. Слишком поздно для мечтаний.

Узкий проход вел на небольшой дворик, где обычно занимались солдаты. Сгрудившиеся у входа стражники расступились, пропуская Лана. Букама лежал ничком, хлынувшая изо рта кровь растеклась лужицей, а из спины торчала простая деревянная рукоять кинжала. Ткань вокруг кинжала потемнела от крови. В невидящих глазах застыло удивление. Лан опустился на колени, закрыл старому другу глаза и пробормотал молитву. Пусть примет Букаму последнее объятие матери.

— Кто его нашел? — спросил Лан, но едва ли слышал нестройные ответы о том, кто, когда и где.

Он надеялся, что Букама возродится в мире, где реет в поднебесье Золотой журавль и несокрушимо высятся Семь Башен, а Тысяча Озер сверкает в лучах яркого солнца драгоценным ожерельем. Как Букама подпустил к себе кого-то так близко? Букама же чувствовал сталь рядом с собой, даже если она пряталась в ножнах. Но одно Лан знал наверняка: Букама погиб потому, что Лан впутал его в интриги Айз Седай.

Встав, Лан бросился бежать. Но не наугад, лишь бы уйти отсюда. Он знал, куда бежит. И Лана уже не волновало, кто его увидит.

Приглушенный стук распахнутой двери, ведущей из коридора в переднюю, и возмущенные крики служанок заставили Морейн встать — она в ожидании сидела в мягком кресле в гостиной. Ждала чего угодно, но не этого. Обняв саидар, Морейн двинулась к двери, но успела сделать лишь два шага. Дверь распахнулась настежь. Лан стряхнул с рук вцепившихся в него женщин в ливреях, захлопнул дверь у них перед носом и привалился к створке спиной, глядя на удивленную Морейн в упор, прямо в глаза. На его угловатом лице нали-

вались пурпуром кровоподтеки, и двигался Лан так, словно ему крепко досталось в драке. За дверью все затихло. Чтобы он ни задумал, служанки были уверены: Морейн с этим справится.

Как ни странно, Морейн поймала себя на том, что пальцы ее обхватили рукоять ножа на поясе. На ее стороне была Сила, и с Ланом, сколь бы рослым и мощным он ни был, она справится с той же легкостью, что и с ребенком, и все же… Его глаза больше не сверкали былым огнем. Морейн едва не отшатнулась от него. Не огонь, но смерть выжгла их мертвенным холодом. И в самый раз сейчас была ему эта черная куртка, с вышитыми на ней жестокими шипами и холодно-золотыми цветками.

— Букама мертв. Его убили ножом в сердце, — бесстрастно произнес Лан. — И не прошло еще и часа, как кто-то пытался убить меня Единой Силой. Сначала я решил, что это Мериан, но, когда я видел ее в последний раз, она шла следом за Изелле. Даже если она заметила меня и захотела проучить, у нее не хватило бы времени. Мало кто сумеет заметить меня, когда я этого не хочу, и вряд ли она меня видела. Значит, остаешься ты.

Морейн поморщилась, и причиной этого была не только звучавшая в его голосе убежденность.

Вот что она упустила: глупая девчонка и в самом деле отправилась прямиком к Мериан.

— Ты удивился бы, узнав, сколь мало можно скрыть от Айз Седай, — сказала Морейн Лану. Особенно от той сестры, которая преисполнена саидар. — Наверное, не стоило мне просить, чтобы Букама следил за Мериан. Она очень опасна.

Мериан из *Черной* Айя; теперь Морейн была убеждена в этом. Сестры могут очень сурово и безжалостно наказать тех, кто вздумает совать нос в их дела, но убивать… На такое не пошла бы ни одна из них. Ну и что теперь делать? Уверенность — не доказательство, тем более перед Престолом Амерлин. А если еще и сама Сайрин — Черная… Чего волноваться, все равно тут ничего не поделать. Но с чего бы это Мериан понапрасну теряет время с Изелле?

— Если ты тревожишься о девушке, мой тебе совет: отыщи ее поскорее и уведи подальше от Мериан.

Лан хмыкнул:

— Все Айз Седай опасны. А Изелле сейчас ничего не грозит. Я видел ее по пути сюда, она спешила куда-то вместе с Брисом и Дайриком. Почему погиб Букама? Ответь мне, Айз Седай. Во что я его впутал из-за тебя?

Морейн коротким взмахом руки велела ему помолчать и где-то в глубине души изумилась, когда он подчинился. Но мысли ее неслись яростным галопом. Мериан с Изелле. Изелле с Брисом и Дайриком. Мериан пыталась убить Лана. Внезапно кусочки головоломки сложились в цельную картину, в узор, совершенный во всех своих линиях. Хотя все это было немыслимо, невероятно, Морейн ничуть не сомневалась в верности своей догадки.

— Дайрик сказал мне, что ты — самый везучий человек в мире, — промолвила она, подавшись к Лану, — и ради самого Дайрика я надеюсь, что он прав. Куда обычно уходит Брис, чтобы побыть наедине с собой? Где его никто не побеспокоит, где ему никто не помешает?

Это должно быть такое место, где Брис мог бы в уединении спокойно предаваться размышлениям.

— На западной стороне дворца есть галерея, — медленно произнес Лан, потом заговорил быстрее: — Если Брису грозит опасность, я должен вызвать стражу.

Он уже повернулся, ладонь легла на ручку двери.

— Нет! — остановила его Морейн. Она по-преж-

нему не отпускала Силу и готова была удержать Лана при помощи плетения Воздуха. — Вдруг окажется, что Мериан просто разговаривает с принцем Брисом? Вряд ли ему понравится, если во время беседы к ним ворвутся стражники.

— А если окажется, что она не просто разговаривает? — спросил Лан.

— Тогда уже поздно бить тревогу и нет времени оповещать стражу. Лан, у нас нет против нее никаких доказательств. Подозрения — против слова Айз Седай. — Лан сердито вскинул голову и прорычал что-то об Айз Седай, что Морейн предпочла пропустить мимо ушей. Ей бы заставить его поплатиться за этакие слова, но и на это нет времени. — Проведи меня на ту галерею, Лан. Предоставь Айз Седай разобраться с Айз Седай. И лучше поторопиться.

Если Мериан и станет тратить время на слова, то разговор у нее, как подозревала Морейн, надолго не затянется.

Лан мешкать не стал, его длинные ноги так и мелькали. Морейн лишь оставалось подобрать юбки повыше, открыв всем взорам обтянутые чулками ноги, и припустить за Ланом, не обращая внимания на изумленные взгляды и ворчание слуг и прочего люда в коридорах и вознося хвалу

Свету, что Лан не обгоняет ее. На бегу Морейн открыла себя потоку Силы, пока затопившие ее сладость и удовольствие не подобрались вплотную к грани боли. Еще она старалась прикинуть, как поступит, что вообще она способна сделать против женщины, существенно превосходящей ее потенциалом, против женщины, которая стала Айз Седай за столетие до рождения прабабушки Морейн. Ей очень не хотелось чувствовать себя такой испуганной. И еще она пожалела, что рядом нет Суан.

Сумасшедшая погоня вела Морейн через сверкающие величественные покои, через высокие коридоры, мимо рядов мраморных статуй, и внезапно дворцовый шум стих позади, и Морейн, вслед за Ланом, оказалась на длинном просторном балконе двадцати шагов шириной, откуда открывался незабываемый вид на городские кварталы. За каменными перилами, далеко внизу виднелись крыши домов. Грозовыми порывами, дергая за юбки, налетал холодный ветер. И здесь была Мериан, ее окружало свечение саидар. Здесь же были Брис с Дайриком — они возились возле парапета, тщетно стараясь освободиться от пут и кляпов, сотканных из потоков Воздуха. Изелле, нахмурясь, смотрела на Бриса и его сына, и, как

ни странно, на галерее, поодаль от прочих, стоял Рин. Руки его были скрещены на груди, глаза зло посверкивали. Выходит, это он — приспешник Темного.

— …И как бы мне удалось привести к вам лорда Дайрика без отца, — капризным тоном говорила Изелле. — Конечно, больше никто не знает, но зачем?..

Сплетя щит из Духа, Морейн обрушила его на Мериан, вложив в бросок всю свою Силу, что сумела собрать, в отчаянной попытке отсечь ее от Истинного Источника. Щит ударил и… раскололся. Мериан оказалась слишком сильна, и Силы она зачерпнула почти до пределов своих возможностей.

Морейн знала, что застала Голубую — нет, Черную сестру врасплох, но Мериан и бровью не повела.

— Очень хорошо, Рин, что ты убил шпиона, — безмятежно промолвила она, одновременно заткнув Изелле рот сплетенным из Воздуха кляпом и стянув девушку невидимыми путами. Та даже пошевелиться не могла и лишь вращала выпученными глазами. — Посмотрим, справишься ли ты на этот раз с юнцом. Не ты ли говорил, что твой меч — лучший?

Все случилось будто в одно мгновение. Оощерившись, Рин кинулся вперед, колокольчики в его косицах тихонько тренькнули. Лан едва успел обнажить свой меч, встречая атаку. И еще сталь не зазвенела о сталь, как Мериан ударила Морейн тем же плетением, которое использовала та, но куда более мощным. С ужасом Морейн поняла, что у Мериан достаточно сил, чтобы отсечь ее, хотя девушка и зачерпнула столько саидар, сколько сумела. Лихорадочно она принялась рубить Воздухом и Огнем, и Мериан охнула, когда отбитые потоки, отлетев обратно, задели ее. Воспользовавшись кратким мгновением, Морейн попыталась рассечь потоки, которыми были связаны Дайрик, Брис и Изелле, но прежде, чем ее плетение коснулось плетения Мериан, Черная сестра сама резанула потоки противницы. И на сей раз край щита Мериан коснулся Морейн раньше, чем она успела отбить его. Желудок у Морейн сжался в комок.

— Что-то, Морейн, ты чересчур часто попадаешься на глаза, — промолвила Мериан, словно бы они вели пустую болтовню. Да и вид у Черной сестры был такой же, безмятежный и по-матерински спокойный, — казалось, она ничуть не взволнована. — Боюсь, придется спросить

тебя почему и зачем. — Морейн только-только исхитрилась рассечь плетение Огня, которое иначе спалило бы на ней одежду и наверняка обожгло бы все тело. Мериан же улыбнулась — так мать лукаво улыбается дочери, когда той случается влипнуть в какую-нибудь историю. — Не беспокойся, дитя мое. Я Исцелю тебя, чтобы ты ответила на мои вопросы. И ты ответишь, уверяю тебя. Отсюда твоих воплей никто не услышит.

Если у Морейн и оставались какие-то сомнения в том, что Мериан из Черной Айя, последнее плетение из Огня начисто уничтожило их. В следующие мгновения она получила и другие подтверждения — от новых плетений Мериан по платью Морейн забегали искры, а волосы ее встали дыбом; очередная атака Черной сестры заставила Морейн судорожно глотать вдруг исчезнувший воздух. Иных плетений Морейн не могла распознать, но эти жгуты потоков, доберись они до нее, наверняка переломали бы ей кости или пустили бы кровь, не сумей она рассечь их…

Когда удавалось, Морейн раз за разом пыталась перерезать узы на Дайрике и других, пыталась отсечь Мериан от Источника, даже старалась оглушить ее. Она ясно понимала, что сражается

за свою жизнь: если верх возьмет Мериан, то ее неминуемо ждет смерть — либо сейчас, либо после допроса Черной сестрой. И хотя Три Клятвы уже не ограничивали Морейн, она не могла действовать без оглядки. У нее самой найдется о чем спросить Мериан, и от ее ответов зависит судьба всего мира. К несчастью, Морейн могла лишь защищаться, да и то с превеликим трудом. Внутри у нее все скрутило еще больше. Удерживая связанными трех человек, Мериан тем не менее на равных боролась с ней, а может, даже была сильнее. Если бы только Лану удалось отвлечь ее…

Кинув быстрый взгляд в его сторону, Морейн поняла, насколько тщетны ее надежды. Лан и Рин танцевали один вокруг другого, стремительно и ловко сменяя одну боевую стойку на другую, вихрем кружились мечи, но если за кем и было на волосок преимущество, то у Рина. По щеке Лана струилась кровь.

С мрачной решимостью Морейн продолжала свои усилия, собрав всю свою волю до крупицы, всю себя в один кулак. Дрожа, она ударила Мериан, защитилась и вновь нанесла удар, парировала и снова ударила. Если получится измотать ее или…

— Что-то это затягивается. Как по-твоему, дитя

мое? — сказала Мериан.

Дайрик взмыл в воздух и медленно поплыл к парапету, напрасно стараясь вырваться из невидимых пут. Брис изогнул шею, следя взглядом за сыном; губы его яростно скривились за невидимым кляпом.

— Нет! — крикнула Морейн.

В отчаянном порыве она выбросила потоки Воздуха, чтобы подхватить мальчика. Мериан рубанула по ним в тот самый миг, как освободила его от своих пут. Дайрик упал с громким воплем, и в голове Морейн будто взорвалась ослепительная молния.

Она открыла глаза, стихающий крик мальчика эхом отдавался у нее в ушах, а сознание будто окутывал какой-то туман. Она лежала навзничь на каменном балконе, голова кружилась. Пока в голове не прояснится, у Морейн столько же шансов обнять саидар, сколько у кошки — запеть. Да теперь нет никакой разницы. Она видела тот щит, которым ее отгородила от Источника Мериан: такой щит, когда он поставлен, по силам удержать даже самой слабой женщине. Морейн попыталась встать, не смогла и упала, потом приподнялась на локте.

Прошли считаные мгновения. Лан и Рин все

так же двигались под звон стали в смертельном танце. Брис застыл в своих путах, глядя на Мериан с такой неукротимой ненавистью, что казалось, еще немного — и сила его ярости освободит его. Изелле била крупная дрожь, по щекам текли слезы, она шмыгала носом и круглыми от ужаса глазами смотрела, куда упал мальчик. Куда упал Дайрик. Морейн заставила себя вспомнить имя мальчика, вздрогнула при воспоминании, какая радостная была у него улыбка. Считаные мгновения.

— Думаю, с тобой мы закончим чуть позже, — заметила Мериан, отворачиваясь от Морейн.

Брис взмыл в воздух. На лице коренастого мужчины не дрогнул ни единый мускул, он не отрывал полыхающего ненавистью взора от Мериан.

Морейн, пошатываясь, встала на четвереньки. Направлять она не могла. У нее не осталось ни храбрости, ни сил. Только решимость. Брис поплыл над парапетом. Морейн сумела встать, хотя колени подгибались, и ее шатало. Решимость. Не издав ни звука, с лицом, горящим яростной ненавистью, Брис упал за парапет. Это нужно остановить. В воздух поднялась Изелле. Девушка судорожно извивалась, горло дергалось в

тщетной попытке протолкнуть крик через кляп. Нужно остановить! Спотыкаясь, Морейн проковыляла пару шагов и по рукоять вонзила свой поясной нож в спину Мериан. Горячая кровь брызнула на руки.

Они обе упали на каменные плиты. Мериан умерла, окружавшее ее сияние погасло, и щит, отсекший Источник от Морейн, пропал. Закричала Изелле — путы Мериан исчезли, и теперь девушка едва удерживала равновесие на каменном парапете, судорожно размахивая руками, чтобы не сорваться. Привстав и заставив себя двигаться, Морейн перелезла через труп Мериан и схватила Изелле за руку в тот момент, когда туфли девушки соскользнули с опоры.

От сильного рывка Морейн швырнуло животом на камень парапета. Девушка висела над темной бездной, а Морейн скользкими от крови пальцами вцепилась в ее запястье. Могла она одно — изо всех сил стараться не разжать руку. Если она попробует втащить девушку на балкон, то они обе свалятся в пропасть. Лицо Изелле исказилось, застыло в маске ужаса. Рука ее потихоньку выскальзывала из хватки Морейн. Заставив себя успокоиться, Морейн потянулась к Истинному Источнику, и… у нее ничего не вышло. При

взгляде на крыши домов далеко внизу вновь закружилась голова. Она еще раз потянулась к Источнику, но это было все равно что черпать воду растопыренной пятерней. Но надо спасти хотя бы одну из троих, пусть и толку от нее лишь капля. Борясь с дурнотой, Морейн упрямо потянулась к саидар. И тут рука Изелле выскользнула из окровавленных пальцев Морейн. Ей оставалось лишь смотреть, как падает девушка, и слушать ее долгий, затихающий крик. Рука Морейн оставалась вытянута, словно она надеялась, что кто-то все-таки спасет Изелле.

Чья-то рука оторвала Морейн от парапета.

— Не надо видеть чужую смерть, — сказал Лан, поставив Морейн на ноги.

Его правая рука висела плетью, разорванный рукав насквозь пропитался кровью. Не считая рассеченной руки, были и другие раны, к тому же по лицу стекала струйка крови — у Лана был глубокий порез на голове. Рин лежал навзничь в десяти шагах в стороне, с навеки застывшим в глазах удивлением уставясь в небо.

— Черный день, — пробормотал Лан. — Чернее я не видел.

— Подожди немного, — сказала ему Морейн. Голос ее прерывался. — Я далеко не уйду, очень

голова кружится.

На подламывающихся ногах она подошла к телу Мериан. Да, никаких ответов ей уже не дождаться. Черная Айя, как и прежде, останется под покровом тайны. Нагнувшись, Морейн выдернула свой нож и вытерла клинок юбками предательницы.

— Ты безжалостна, Айз Седай, — бесстрастно заметил Лан.

— Я безжалостна, насколько должна, — ответила она ему.

Крик Дайрика по-прежнему звучал у нее в ушах. А перед глазами падала Изелле, запрокинув к Морейн лицо. Как при испытании на шаль, все ее внешнее спокойствие и хладнокровие были показными, но она всем своим существом вцепилась в эту напускную невозмутимость. Поддайся хоть на миг — и она, рухнув на колени, разразится рыданиями, сраженная горем.

— Похоже, Рин, хоть и приспешник Темного, сильно ошибся. Ты оказался лучше его.

Лан слегка качнул головой:

— Нет, он был лучше. Но он думал, что со мной все кончено, раз я ранен и рукой двинуть не могу. Он никогда не понимал, что раньше смерти сдаваться нельзя.

Морейн кивнула. Раньше смерти сдаваться нельзя. Да, это верно.

Прошло немного времени, в голове у нее прояснилось, и она сумела вновь обнять Источник. Лана больше тревожило, что нужно сообщить шатайян о гибели Бриса и Дайрика, пока ее не известили о страшной находке на городских крышах. Судя по всему, Лану не слишком-то хотелось являться к леди Эдейн с черной вестью о гибели дочери. Что вполне понятно. Морейн тоже тревожило, что время летит очень быстро, хотя причина ее беспокойства была иной. Она обязана была каким-то образом спасти девушку. В этой смерти она повинна не меньше Мериан.

Как только Айз Седай сумела обнять саидар, она сразу же Исцелила Лана. Он потрясенно охнул, когда сложное плетение Духа, Воздуха и Воды соединило края его ран, срастило их, разгладив кожу и не оставив даже намека на шрам, однако Морейн даже не почувствовала удовлетворения оттого, что в нем наконец-то проявилось нечто от простого смертного. Он испытывал слабость — как и любой после подобной процедуры, к тому же силы у Лана отняло не только Исцеление, но и сама схватка; ему даже пришлось опереться на парапет и отдышаться. Пока ему будет не до бега,

да и какой уж из него сейчас гонец. А Морейн еще надо удостовериться, что он знает, какие нужно будет говорить слова. И у нее на Лана есть и другие планы.

Потоками Воздуха Морейн аккуратно приподняла тело Мериан, завела его за парапет, опустила поближе к голому горному склону. Потом сплела потоки Огня, и Черную сестру объяло пламя, столь жаркое, что горело оно без дыма, лишь слышалось тихое потрескивание и иногда приглушенно лопался от жара камень.

— Что ты?.. — промолвил было Лан, но потом спросил по-другому: — Почему?

Морейн заставила себя ощутить волны жаркого пламени — точно она стояла у разверстого горнила.

— Нет никаких доказательств, что она из Черной Айя. Только одно известно: она — Айз Седай. — Морейн поморщилась от своей обмолвки.

Белой Башне вновь понадобится покров тайны, куда более плотный, чем после гибели Малкир, но Морейн не имела права говорить об этом Лану. Пока еще рано. Но, услышав упоминание о Черной Айя, Лан даже не моргнул. Возможно, он не знает, о чем зашла речь, но об заклад Морейн биться не стала бы. Самообладание у этого муж-

чины не хуже, чем у любой из Айз Седай.

— Я не могу солгать о том, что здесь произошло, но я могу ничего не говорить. Ты будешь молчать или сделаешь за Тень ее работу?

— Ты очень жестокая женщина, — в конце концов произнес Лан. Больше в ответ он не сказал ни слова, но и этого было достаточно.

— Я жестока настолько, насколько должна, — сказала ему Морейн.

Крик Дайрика. Лицо Изелле. Еще надо избавиться от тела Рина и от кровавых пятен на плитах галереи и на их одежде. Жестока, насколько должна.

Эпилог

Следующее утро было в Айздайшаре утром скорби. На всех шпилях колыхались белые стяги, все слуги повязали на рукав выше локтя длинные белые ленты. По городу уже расползались слухи о дурных знамениях, возвещающих о смертях, о кометах в ночи, об огнях в небесах. Таково людское обыкновение — во всем они видят то, что им известно, то, во что они хотят поверить. Во всеобщем горе, когда в дворцовых коридорах плакали закаленные в сражениях мужчины, осталось незамеченным исчезновение Айз Седай, не говоря уже о пропавшем простом солдате.

Морейн возвращалась из покоев Мериан, где она уничтожила все ее имущество — после тщательного обыска, так и не давшего ни единой ниточки к другим Черным сестрам, — когда ей встретилась Эдейн Аррел. Айз Седай шагнула в сторону, пропуская медленно идущую по коридору женщину в длинном белом одеянии, с неровно обрезанными волосами. По слухам, леди Эдейн собиралась удалиться от мира, и Морейн решила, что это уже произошло. Глаза Эдейн ввалились,

взгляд казался разом потухшим и чем-то очень напомнил Морейн взгляд Изелле перед гибелью — он был также полон отчаяния и осознания приближающейся смерти.

Увидев вошедшую в гостиную Морейн, Суан вскочила со стула. Словно минула не одна неделя, как Морейн виделась с подругой.

— У тебя такой вид, будто ты сунула руку за наживкой, а тебя вдруг цапнула клык-рыба, — проворчала Суан. — Ничего удивительного. Мне и самой не нравятся дни траура. Впрочем, нам тут делать нечего. Мы можем уезжать, как только ты будешь готова. Райхиен родился на ферме, что почти в двух милях от Драконовой горы. До сегодняшнего утра Мериан рядом с ним и в помине не было. А имея лишь подозрения, она, будь даже и Черной, зла ему не причинит.

Не тот. Что ж, подобного Морейн ожидала.

— Мериан больше никому не причинит зла. А сейчас, Суан, давай-ка разберемся с другой головоломкой. — Усевшись на стул, Морейн начала рассказ с конца и по-быстрому изложила подруге события минувшей ночи, невзирая на ее удивленные восклицания и требования подробностей. Морейн будто заново пережила ту ночь. Немного легче ей стало, когда она заговорила о том, что

привело к ночному противостоянию. — Суан, больше всего она желала смерти Дайрика — и его она убила первым. И она пыталась убить Лана.

— Что за нелепость, — пробурчала Суан. — Какая связь между восьмилетним мальчиком и этакой бессердечной рыбой-львом, как Лан?

— Общее между ними — везение. Свалившись с балкона, Дайрик отделался ушибами и царапинами, хотя должен был разбиться насмерть. И все вокруг твердят, что Лан — самый везучий из ныне живущих людей, иначе Запустение за эти годы давно убило бы его. Все это складывается в некий узор, но я никак не могу его осознать. Просто мозги набекрень! Может, и тот твой кузнец — часть этого узора. И сдается мне, Джосеф Надзима из Канлуума — тоже. Он ведь тоже слыл везучим. Если сумеешь, Суан, разгадай эту задачку. Я чувствую, здесь кроется нечто важное, но мне не уловить.

Суан принялась расхаживать по комнате туда-сюда, подбивая ногами юбки, теребя подбородок, бормоча то «везунчики, значит», то «вдруг откуда-то кузнец», то еще что-то, чего Морейн не разобрала. Вдруг Суан застыла на месте как громом пораженная и промолвила:

— Морейн, она ни сном ни духом не знала о

Райхиене. Черной Айя известно, что Дракон Возродился, но, будь я проклята, им же не известно *когда*! Может, Тамра не выдала этого, может, они переусердствовали и она умерла раньше, чем они сумели все выпытать. Должно быть, именно так! — Внезапно ее горячность обернулась ужасом. — О Свет! Они решили убить всех мужчин и мальчиков, которые могут обладать способностью направлять Силу! Чтоб мне сгореть, Морейн, но ведь тогда погибнут тысячи. Десятки тысяч!

Каким бы жутким и ужасающим ни казался вывод Суан, но смысл в нем был. Мужчины, способные направлять Силу, редко понимали, что они делают, по крайней мере вначале. На первых порах им как будто просто везло. Благоприятно складывались события, и очень часто, как тот кузнец, они нежданно-негаданно обретали известность. Суан права. Черная Айя решила устроить бойню.

— Но им неизвестно, что искать надо младенца, — заметила Морейн. Твердо, как и должна. — В маленьких мальчиках этот дар ничем не проявляется. У нас больше времени, чем мы полагали. Но это не повод для беспечности. Любая сестра может оказаться Черной. Как Кадсуане, по-моему. Им известно, что поиски ведут и другие. Если

кто-то из выбранных Тамрой отыщет мальчика, а Черная Айя найдет их обоих, или если они решат сначала ее допросить, а не убить сразу, как подвернется случай… — (Суан молча смотрела на подругу.) — Нам нужно продолжать поиски, — заключила Морейн.

— Понимаю, — медленно сказала Суан. — Просто я никогда не задумывалась… Ладно, коли надо работать, так пора тянуть сети и потрошить рыбу. — Но словам ее недоставало прежней напористости. — До полудня мы уже будем на пути в Арафел.

— Ты возвращаешься в Тар Валон, — сказала Морейн.

Вдвоем они будут вести поиски не быстрее, чем Морейн в одиночку, а коли им нужно разделиться, то для Суан не придумать лучшего места, чем помощница при Сеталии Деларме, в чьи обязанности входит просматривать сообщения всех глаз-и-ушей Голубой Айя. Пока Морейн ищет мальчика, Суан будет в курсе происходящего во всех странах и, зная, что искать, сумеет обнаружить любые следы Черной Айя или Дракона Возрожденного. Обычно Суан вполне могла прислушаться к голосу разума, нужно было лишь представить неопровержимые доводы, однако на

сей раз Морейн пришлось потратить немало сил и времени, чтобы ее убедить, и с подругой Суан согласилась с весьма кислой миной.

— Сеталия мной вместо пакли начнет щели конопатить за то, что я убежала без спросу, — ворчала Суан. — Чтоб мне сгореть! Да она меня в Башне вывесит коптиться! Мне повезет, коли она не велит меня высечь как следует! Морейн, политика — эта такая штука, что с тебя в трескучий мороз семь потов сойдет! Как я ее ненавижу! — Но сама уже принялась рыться в сундуках, прикидывая, что возьмет с собой в дорогу до Тар Валона. — Думаю, ты не забыла предупредить того парня, Лана. Как-никак заслужил, по-моему. Предостеречь его не повредит, а уж поможет ли это ему… Слышала, он уехал с час назад, отправился в Запустение. Ну, коли он там не погибнет… Куда это ты?

— Мне с ним еще надо одно дельце закончить, — только и ответила ей Морейн на ходу.

В первый же день, едва познакомившись с ним, она приняла решение и теперь, раз выяснилось, что он не приспешник Темного, собиралась, не колеблясь, осуществить задуманное.

В конюшне, где оставалась Стрела, Морейн швыряла серебряные марки, точно пенни, и в

два счета кобыла была оседлана и взнуздана. Морейн вскочила в седло, ничуть не беспокоясь, что юбки задрались выше колен. Ударив лошадь каблуками, Айз Седай галопом вылетела из ворот Айздайшарского дворца и поскакала через город на север. Испуганные прохожие кидались врассыпную, а когда какой-то возница, замешкавшись, не успел убраться с дороги, Морейн послала Стрелу вперед, и та резво перескочила через пустую телегу. Позади раздавались суматошные вскрики, кое-кто грозил кулаком вслед лихой всаднице.

На дороге, ведущей на север, она, придержав лошадь, расспросила ехавших навстречу возчиков, не видели ли они мужчину, малкири, верхом на гнедом жеребце. Услышав первое «да», Морейн почувствовала нечто большее, чем облегчение. Миновав мост через ров, Лан мог отправиться куда угодно, в любую сторону. И обогнав ее на целый час… Она нагонит его во что бы то ни стало, даже если ей придется отправиться в Запустение!

— Малкири? — Костлявый купец в темно-синем плаще был явно озадачен. — Опасные парни эти малкири… Ну да, охранники говорили, что видели его вон там.

Повернувшись на козлах, он указал на травяни-

стый холм в сотне шагов от дороги. На самом виду, на гребне, стояли две лошади, одна — вьючная, и на утреннем ветерке вился дымок от костра.

Когда Морейн спешилась, Лан едва поднял на нее взгляд. Стоя на коленях, он длинной веткой ворошил пепел погасшего костерка. Странно, но в воздухе явственно ощущался запах сгоревших волос.

— Я надеялся, мы с тобой больше не увидимся, — сказал Лан.

— И напрасно, — ответила ему Морейн. — Сжигаешь свое будущее? Многие станут горевать, если ты сгинешь в Запустении.

— Сжигаю свое прошлое, — сказал он, вставая. — Сжигаю воспоминания. Страну. Золотой журавль больше не взлетит. — Лан принялся ногой засыпать пепел, потом помедлил, наклонился, сгреб полные горсти влажной земли и медленно, почти церемонно, высыпал ее на кострище. — Никто не станет горевать обо мне, когда я умру, потому что те, кто мог, уже мертвы. К тому же все люди смертны.

— Лишь глупцы хотят умереть раньше срока. Я хочу, чтобы ты, Лан Мандрагоран, стал моим Стражем.

Он, не мигая, уставился на нее, потом покачал

головой:

— Как я сам не догадался, что дойдет до этого. У меня своя война, Айз Седай, и у меня нет желания помогать тебе опутывать мир тенетами Белой Башни. Поищи кого другого.

— Я сражаюсь в той же войне, что и ты, — в войне с Тенью. Мериан принадлежала к Черной Айя.

И она рассказала ему все, начиная с Предсказания Гайтары Моросо, которое услышали Амерлин и две принятые, и заканчивая теми выводами, к каким пришли они вдвоем с Суан, о гибели сестер, отправленных Тамрой на поиски. Рассказала полностью, ничего не скрывая. Для кого другого Морейн многое бы оставила недоговоренным, но между Стражем и Айз Седай почти не бывает тайн. Для кого другого Морейн смягчила бы суровую правду, но она не верила, что его испугают скрывающиеся в неизвестности враги, пускай они даже и Айз Седай.

— Так говоришь, ты сжег свое прошлое. Оставим былому пепел прошлого. Это та же война, Лан. Даже самая важная битва в этой войне. И в ней ты можешь победить.

Несколько долгих минут он стоял и молча смотрел на север, в сторону Запустения. Морейн сама

не знала, как ей быть, если он откажется. Она рассказала ему слишком многое — столько она могла сказать только своему Стражу, связанному с нею неразрывными узами.

Вдруг Лан повернулся к ней, сверкнул меч, и на миг Морейн показалось, что он хочет напасть на нее. Вместо этого он, как подрубленный, пал перед ней на колени, обнаженный меч лежал у него на ладонях.

— Именем моей матери клянусь: я обнажу его, когда ты скажешь «обнажи», и спрячу в ножны, когда ты скажешь «спрячь». Именем моей матери клянусь: я приду, когда ты скажешь «приди», и уйду, когда ты скажешь «уходи».

Лан поцеловал клинок и выжидающе посмотрел на Морейн. Он стоял на коленях, но любой король на троне показался бы рядом с ним образчиком смирения. Ради его же блага ей придется обучить его покорности. Иначе обмелеет немало прудов.

— И кое-что еще, — сказала она, возлагая руки ему на голову.

Плетение Духа было одним из самых сложных из известных Айз Седай. Оно окружило Лана, опутало его, слилось с ним и исчезло. И она сразу почувствовала его — как чувствуют своих Ст-

ражей Айз Седай. Его эмоции будто свернулись маленьким клубочком где-то в глубине ее сознания — твердая как сталь решимость, отточенная, будто клинок меча. Она осознавала загнанную вглубь, притупившуюся боль его старых ран. Если понадобится, она может почерпнуть у него сил, может отыскать его, сколь бы далеко он ни находился. Отныне они связаны узами.

Лан медленно, плавным движением поднялся, вкладывая меч в ножны и рассматривая ее.

— Те, кого там не было, называют ее Битвой у Сияющих Стен, — неожиданно промолвил он. — Те же, кто был там, называют ее Кровавым Снегом. И все. Они знают, что это за битва. Утром первого дня я вел за собой почти пять сотен воинов. Кандорцев, салдэйцев, доманийцев. К вечеру третьего дня половина либо погибла, либо была ранена. Прими я какие-то другие решения, некоторые из погибших были бы живы. Но где-то в другом месте погибли бы другие. На войне ты молишься за погибших и скачешь дальше, потому что за горизонтом всегда ждет новое сражение. Помолись за погибших, Морейн Седай, и едем.

Ошеломленная, она чуть рот не раскрыла от изумления. У нее совсем вылетело из головы, что узы действуют в обе стороны. Он тоже чувствовал

ее состояние и, видимо, разобрался в ее чувствах гораздо лучше, чем она — в его. Мгновение спустя она кивнула, хотя и не ведала, сколько нужно молитв, чтобы забыть о прошлом.

Протянув Морейн уздечку Стрелы, Лан сказал:

— Куда мы отправимся сначала?

— Обратно в Чачин, — промолвила Морейн. — Потом в Арафел и… — Осталось так мало имен тех, кого легко разыскать. — А дальше, если надо, — по всему миру. Либо мы победим в этой битве, либо мир погибнет.

Бок о бок всадники спустились с холма и направились на юг. Позади них под рокот грома наливалось свинцовым мраком небо — еще одна поздняя гроза накатывалась из Великого Запустения.

Вклейка

